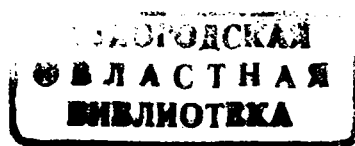

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 5 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · Ленинград

Редакционная коллегия:
Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 11. IX 1951 г. Формат бум. $70 \times 108 \frac{1}{16}$ Печ. л. 19,18+2 вклейки
Зак. 1199 Т-06855 Уч.-изд. листов л. 24,9 Бум. л. 7 Тираж 2450 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

С. П. ТОЛСТОВ

**ИТОГИ ПЕРЕСТРОЙКИ РАБОТЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ
АН СССР В СВЕТЕ ТРУДА И. В. СТАЛИНА «МАРКСИЗМ
И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» ***

I

Минул год со времени выхода в свет гениального труда величайшего корифея науки нашей эпохи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Этот год не только в языкознании, но и во всей нашей науке, в особенности в науке общественной, явился годом могучего творческого подъема, решительной перестройки работы, мощного движения вперед.

Члены нашего Ученого совета и все работники нашего Института имели уже возможность на объединенной сессии трех отделений общественных наук нашей Академии, на заседаниях сессии Отделения истории и философии убедиться в том, какую большую работу вызвало к жизни появление этого замечательного труда нашего вождя и учителя.

В жизни нашего Института истекший год явился периодом решительного пересмотра наших прошлых работ, широкого развертывания творческих дискуссий, значительных успехов в движении вперед.

Разоблачение товарищем Сталиным антинаучного «нового учения о языке» имеет непосредственное отношение к нашему Институту, к нашему этнографическому коллективу. Не только языковеды, но и археологи, и этнографы, и значительная часть историков испытали на себе влияние антимарксистских взглядов академика Марра. Марр, как известно, сам не был чужд археологии и этнографии, и возглавлявшая им Академия истории материальной культуры в течение долгих лет играла роль главного не только археологического, но и этнографического центра нашей страны. Под сильным влиянием Марра, сперва непосредственно, а затем через И. И. Мещанинова, оказался и наш Институт — Институт этнографии Академии Наук СССР, директором которого И. И. Мещанинов был в течение ряда лет.

В антинаучных концепциях Марра этнографический материал занимал далеко не последнее место. Этнографическими аргументами, если это можно назвать аргументами, подкреплялись основные положения пресловутого «нового учения о языке». К сфере этнографии имели непосредственное отношение отрицание Марром исторической роли родового общества как основной общественной формы первобытно-общинного строя, псевдонаучные рассуждения о классах в доклассовом обществе, о первобытном мышлении, о тотемизме и т. п. Этнографическими и археологическими аргументами Марр пытался обосновать свою «труд-

---

* Стенограмма доклада на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР 23 июня 1951 г., посвященном годовщине выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

магическую тарабарщину», рассуждения о магической или тотемической стадии в развитии мышления, этнографические и антропологические доводы привлекались им в пользу его «теории» первобытной «кинетической» или «линейной» речи.

Наконец, прямое отношение к этнографии имеет тот раздел «нового учения о языке», который связан с проблемой этногенеза и влияние которого на исторические науки, в частности на этнографию, оказалось наиболее стойким.

Справедливость требует отметить, что большинство своих антинаучных положений в области этнографии Марр не сам выдумал. Его этнографические взгляды — это хаос буржуазных теорий, в свое время всплывавших в этнографической, антропологической, фольклористической литературе и в подавляющем большинстве давно отвергнутых. Так, его «теория» первобытного мышления почти целиком представляет собой перепев идеалистических теорий Леви-Брюля¹; положение о классах в доклассовом обществе заимствовано от Богданова и, частично, от Эйльдермана²; многое в «труд-магических теориях» — перепев А. Н. Веселовского³; теория «линейной речи» восходит к буржуазным теориям середины XIX в., нашедшим свое отражение, в частности, и у Льюиса Генри Моргана⁴, и т. д. Марр только лишил все эти построения всякого подобия объективной аргументации, довел их до абсурда, до нелепости.

Прогрессивное, поступательное развитие советской этнографии за все годы ее истории шло помимо Марра и вопреки Марру. Одако нельзя не признать, что «аракчеевский режим», насаждавшийся учениками Марра отнюдь не только в языкознании, но и в археологии и в этнографии, где им также на долгое время удалось захватить в свои руки «командные высоты», затруднял это развитие, уводил нашу науку в сторону от прямого пути.

II

Еще при жизни Марра произошли два события в истории нашей науки, определившие на ряд лет направление ее развития: этнографическое совещание в Ленинграде в 1929 г. и археолого-этнографическое совещание в Ленинграде же в 1932 г.

Вызванные настоятельной потребностью для советских этнографов в пересмотре своих теоретических позиций под углом зрения новых задач, поставленных перед этнографией строительством социализма, под углом зрения необходимости теоретического осмысления места этнографии в марксистско-ленинской общественной науке, развертывания борьбы против отечественных и зарубежных буржуазных теорий, эти два совещания, особенно второе из них, прошло вместе с тем под тлетворным влиянием вульгаризаторских, псевдомарксистских теорий Покровского и Марра. Так, уже на этнографическом совещании 1929 г. именно учениками Марра была пущена крылатая фраза, что этнография это «буржуазный суррогат обществоведения», что в марксистской науке нет поэтому места для этнографии.

Если эта формулировка прозвучала в 1929 г. только в одном из докладов и не нашла поддержки среди собравшихся на совещании этнографов, то это отрицание за этнографией права на существование было еще более резко подчеркнуто на совещании 1932 г., происходившем под

¹ См. Предисловие Н. Я. Марра к переводу книги Леви-Брюля «Первобытное мышление», М., 1930, стр. XIV—XV.

² См. Р. Эйльдерман, Первобытный коммунизм и первобытная религия, М., 1923.

³ См. Н. Я. Марр, Яфетидология в Ленинградском университете, Избр. раб., I, 1927.

⁴ См. Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 24.

непосредственным руководством учеников Марра, в стенах возглавляемой им Академии истории материальной культуры. В резолюциях этого совещания прямо отрицалось право этнографии (как и археологии) на существование в качестве самостоятельной науки. Резолюция утверждала, что «поскольку в марксистско-ленинской системе наук не существует этнографии, как самостоятельной науки..., утверждение о существовании особой «марксистской» этнографии является не только теоретически несостоятельным, но и сугубо вредным». И в другом месте: «Марксистско-ленинское понимание истории исключает всякое противопоставление ей особой науки (даже как мнимой «части истории») в виде этнографии или этнологии».

Мы все знаем, к каким тяжелым результатам привело проведение в жизнь этой резолюции. Однако, несмотря на то, что этот акт вышел из возглавляемого Марром учреждения и был осуществлен непосредственными учениками Марра, в нашей историографической литературе эта сторона вопроса не нашла себе должного освещения. Мы связывали эти акции только с тлетворным влиянием «школы» Покровского⁵. Это влияние несомненно. Но лишь сейчас, лишь после выхода в свет гениальных трудов товарища Сталина для нас стало вполне ясным, что не только «школа» Покровского, но и тесно связанная с ней «школа» Марра сыграла эту вредную роль в развитии советской этнографической науки.

Самому Марру принадлежат многие формулировки в отношении этнографии, которые показывают, что нигилистические позиции учеников являются позициями самого учителя. Напомню знаменитую формулу о том, что этнографы — это «любители, ученые без определенной специальности», — фраза, пущенная в оборот не кем иным, как самим Марром⁶.

Однако, хотя порочная позиция, занятая Марром и марристами в ответственный период перестройки этнографии, позиция отрицания права этнографии на существование как науки, должна была бы, казалось, оттолкнуть этнографов от Марра и марристов, мы видим, что марристские взгляды распространяются среди части этнографов как раз в эти годы. Правда, влияние Марра на этнографию было значительно меньше, чем влияние его на археологию, но это никак нельзя считать заслугой этнографов. Это объясняется главным образом тем, что этнографические учреждения были в тот период гораздо менее мощными, число самостоятельных исследователей в области этнографии было значительно меньшим, чем в области археологии, научная продукция их — количественно незначительной.

Центр разработки того комплекса вопросов истории первобытного общества, который до этого был в основном занятием этнографов, переходит в этой обстановке преимущественно в руки археологов-марристов в стенах Академии истории материальной культуры. Ведущую роль в качестве «властителей умов» в области истории первобытно-общинного строя занимают в эти годы, помимо целого ряда уже давно канувших в лету «деятелей» ближайшего окружения Марра, не имевших к науке никакого отношения, главным образом археологи: И. И. Мещанинов (лишь впоследствии, как известно, выступивший претендентом на роль главы советской лингвистики), В. И. Равдоникас, Б. Л. Богаевский и другие.

Однако в эти годы, главным образом между 1930 и 1934 гг., и в собственно этнографической литературе, в частности в изданиях нашего Института, появляется целый ряд работ, в которых марризм выступает

⁵ См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 12—13.

⁶ Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, Избр. раб., I, стр. 278.

«в полном цвету». В частности, и идеалистические псевдонаучные домыслы Марра по вопросам магии, тотемизма и других первобытных форм религии и т. д. находят в те годы свой отклик в этнографической литературе.

Особенно резко идеалистические «магические» теории Марра выступают в некоторых работах по истории одежды, опубликованных в эти годы. Сюда стносится, например, статья А. К. Супинского «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде (К вопросу об их культовом происхождении)⁷, где в окружении всех марристских труд-магических аксессуаров эти основные части восточнославянского комплекса одежды возводятся к «магическому оберегу». Значительно позднее, в 1934 г., эту же линию развивает одна из наиболее заметных учениц Марра Н. П. Гринкова в своей работе «Очерки по истории развития русской одежды (поясные украшения)»⁸, а в 1935 г. она же публикует типично марристскую статью «Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике»⁹.

Труд-магические бредни Марра нашли свое отражение, хотя и в меньшей степени, в более поздних этнографических работах. Достаточно назвать вышедшую в «Трудах» нашего Института в 1936 г. солидную монографию Л. А. Динцеса «Русская глиняная игрушка (происхождение, путь исторического развития)», некоторые главы которой, особенно глава IX, представляют прямой пересказ «магико-космических» рассуждений Марра¹⁰.

III

В 1934—1936 гг. выход в свет замечательных документов партии по вопросам исторической науки, появление «Замечаний» товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников истории СССР и всеобщей истории сыграли колоссальную роль в развитии археологии и этнографии по марксистско-ленинскому пути. Этнографам, как и археологам, стало ясно, что в предшествующий период, между 1929 и 1934 гг., развитие их науки шло во многом по неправильному пути, что, вместо исследования исторического прошлого конкретных народов нашей страны и зарубежных стран, разрабатывались выполняемые в духе Покровского и Марра голые, безответственные социологические схемы, весьма далекие от марксизма.

Советские археологи и этнографы вступили на новый путь, определенный руководящими указаниями партии и ее вождя. Начиная с середины 30-х гг., и этнографами, и археологами была проделана огромная работа по сбору, исследованию и научному обобщению тех материалов, необходимость привлечения которых была подчеркнута «Замечаниями» товарищей Сталина, Кирова и Жданова, в частности, замечанием, фиксировавшим внимание историков на необходимости освещать историю русского народа в связи с историей других народов СССР, — той историей, которая без широкого использования и археологических, и этнографических материалов не может быть построена¹¹.

⁷ А. К. Супинский, «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде (К вопросу об их культовом происхождении), «Советская этнография», 1932, № 2, стр. 102 и сл.

⁸ Н. П. Гринкова, Очерки по истории развития русской одежды, «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 66 и сл.

⁹ Н. П. Гринкова, Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике, «Советская этнография», 1935, № 1, стр. 60 и сл.

¹⁰ Л. А. Динцес, Русская глиняная игрушка, Труды Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, т. XII, вып. 2, стр. 55—61.

¹¹ См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 14; С. А. Токарев, Этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии, «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 117.

Мы видим стихийный отход в эти годы этнографов и археологов от марристских взглядов. В сущности говоря, уже после этих дат сделалось невозможным появление таких работ, как упомянутые выше работы Гринковой, Супинского и других,— всех этих социологических бездоказательных схем, которыми была так богата первая половина 30-х годов.

Однако, несмотря на очевидную взаимосвязь между покровишной, против которой в первую очередь были направлены указания партии, и марризмом, этот отход археологов и этнографов от идеалистических позиций марризма носил, как мы указывали еще в нашей статье в № 4 «Советской этнографии» за 1950 г.¹², незаконченный, неполный характер. Несмотря на всю очевидность бьющей в глаза неприемлемости большинства этнографических и археологических построений Марра, отход от этих положений не сопровождался критикой самого Марра. Огонь критики направлялся против отдельных последователей Марра,— имя же первоисточника их ошибочных взглядов стыдливо замалчивалось. Это не могло не создавать почву для рецидивов наиболее отрицательных проявлений марризма, что, как мы увидим, и имело место в действительности. В этом бесспорно сказалось тяжелое влияние царившего в языкознании «аракчеевского режима».

Если «труд-магическая тарабарщина» после середины 30-х годов не находит отражения в собственно этнографической литературе, то в работах археологов — историков первобытного общества при трактовке этнографических сюжетов влияние марризма продолжает сказываться. Так, в вышедшем в 1939—1947 гг. двухтомном учебнике истории первобытного общества В. И. Равдоникаса¹³ взгляды Марра и Леви-Брюля полностью находят свое отражение. В интересной книге А. П. Окладникова «Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству»¹⁴ главы по истории религии и искусства представляют собой последовательную пропаганду взглядов Марра.

Марристские идеалистические взгляды на историю одежды еще в 1948 г. находили отражение в планах экспозиции Государственного музея этнографии (Ленинград), где, в соответствии с Марром, Супинским, Гринковой, основные элементы одежды трактовались в своем генезисе как «магический оберег».

Наконец, и в нашем Институте в имевшем место в 1949 г. докладе С. В. Иванова о происхождении искусства мы видим новый рецидив взглядов Марра,— попытку истолковать генезис первобытного искусства с позиций марристской теории «кинетической речи».

Однако наиболее тяжелым явлением в истории нашей науки, как мне пришлось докладывать в этой аудитории еще в июле прошлого года, было то, что целиком и полностью остались не только не подвергнутыми критике, но и непреодоленными марристские взгляды на этногенетический процесс — вопрос, занимающий в этнографии одно из центральных мест.

Мало кто из этнографов (то же надо сказать об археологах, антропологах и историках, писавших на эти темы) избежал в той или иной мере влияния этногенетических взглядов Марра. Аракчеевский режим в языкознании привел к тому, что разработка проблем этногенеза лингвистами практически полностью прекратилась. До смерти Марра эту работу монополизировал сам Марр, после его смерти ни марристы не смогли продолжать оракульские упражнения своего учителя, ни противники его — поднять голос против господствующей монополии взглядов Марра.

¹² См. С. П. Толстов, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии, «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 5—6.

¹³ В. И. Равдоникас, История первобытного общества, т. I, Л., 1939; т. II, Л., 1947.

¹⁴ «История Якутии», т. I, Якутск, 1949, стр. 201, сл. и др.

Вопросы этногенеза стали достоянием главным образом археологов, а также историков, этнографов и антропологов; а так как решение вопросов этногенеза невозможно без того или иного решения вопроса о происхождении языка народа, то языковедный материал привносился в эти работы в том виде, в каком его давал Марр. Это, как уже не раз отмечалось, в весьма сильной степени сказалось на работах археологов М. А. Артамонова, П. Н. Третьякова, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровского, К. В. Тревер и др., историков Н. С. Державина и А. Д. Удальцова, а в той или иной мере — в работах почти всех представителей исторической науки, затрагивавших вопросы этногенеза.

В работах по этногенезу сотрудников нашего Института влияние Марра также имело место. Это можно сказать о работах Г. Ф. Дебеца¹⁵, Н. Н. Чебоксарова¹⁶, Т. А. Трофимовой¹⁷ и других.

Как мне приходилось писать еще в своих статьях в «Правде»¹⁸ и в «Советской этнографии»¹⁹ в 1950 г., я также разделял со многими археологами и этнографами влияние антинаучных построений Марра, прежде всего в области теории этногенеза, особенно ярко отразившихся на таких моих работах, как «Проблема происхождения индоевропейцев», «Аральский узел этногонического процесса»; «Нарцы и волхи на Дунае» и некоторых других.

Было бы несправедливо не видеть в этих работах, как и в работах других, упомянутых выше, историков, этнографов и антропологов, также и попыток преодолеть влияние Марра. Многие положения этих работ не утратили своего значения и сейчас, и я продолжаю их разделять. Я должен целиком согласиться со словами П. Н. Третьякова, который, характеризуя мою работу «Проблемы происхождения индоевропейцев», пишет: «Здесь, в концепции С. П. Толстова, построенной на основании опять-таки не столько языкового, сколько археологического и общеполитического материала, от марровской стадийности, собственно говоря, уже ничего не оставалось, кроме терминологии и ссылок на Н. Я. Марра. По сути дела, перед нами отнюдь не стадии, а условные этапы эволюционного процесса, начавшегося в позднем палеолите и раннем неолите («яфетиды»), продолжающегося во II и I тысячелетиях до н. э. («палеоиндоевропейцы») и закончившегося в начале н. э. («неоиндоевропейцы»). Но «марризм» — стремление во что бы то ни стало изобразить эти этапы как стадии — и здесь затемняет существо дела, искажает и запутывает истинную картину исторического и этногонического процесса»²⁰. Идущая от Марра недопустимая переоценка фактора языкового скрещения и представление о «стадиальных взрывах» и глоттогоническом процессе, недопустимое смешение сталинского учения об образовании современных наций из «разных рас и племен» с марровской теорией скрещения языков — наложили на эти работы серьезный отпечаток и ставят передо мной задачу решительного пересмотра многих из их положений.

Следы влияния Марра есть не только в этих, специально этногенетических моих статьях. Влияние отдельных положений Марра, в частности, марровской терминологии, можно найти и в этногенетических разде-

¹⁵ Г. Ф. Дебес, Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии, Новая серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 17—18, 117, 187, 189, 191, 198.

¹⁶ Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 179, 184 и др.

¹⁷ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, Труды Института этнографии, Новая серия, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 118, 125, 235, 245—249.

¹⁸ «Правда» 1950, № 185 (4 июля).

¹⁹ С. П. Толстов, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии, «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 3.

²⁰ П. Н. Третьяков, Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании, «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 11.

лах моих книг «Древний Хорезм»²¹ и «По следам древнехорезмийской цивилизации»²². В ряде своих статей, посвященных истории советской археологии и этнографии, я, в соответствии с отмеченным, переоценивал роль Марра в разработке советской теории этногенеза²³.

Так обстояло дело в тот момент, когда появление в свет первой, а затем и последующих статей товарища Сталина в процессе лингвистической дискуссии внесло свежую струю в ту затхлую атмосферу, которая царилa в языкознании и находила свое отражение и в нашей науке.

IV

Как и другие научно-исследовательские учреждения нашей страны, наш Институт с первых же дней после появления в свет гениальных трудов товарища Сталина приступил к пересмотру своего теоретического вооружения. Уже в июле прошлого года состоялось заседание Ученого совета, на котором был заслушан доклад директора Института и проведено оживленное обсуждение вопроса о том, как мы должны изживать наши ошибки, по какому пути должно пойти развитие тех разделов нашей этнографической науки, на которые оказывал свое глетворное влияние марризм²⁴.

Очередной задачей, которая встала перед нами, была задача пересмотра всей нашей научной продукции, прежде всего той продукции, которая была подготовлена или готовилась к печати.

В соответствующих главах и разделах томов «Народы мира» — основного нашего научного предприятия, в наших теоретических работах, в подготовленных для журнала «Советская этнография» статьях нашли свое отражение те или иные стороны антинаучных взглядов Марра. Нам пришлось провести большую работу по критическому пересмотру всех этих материалов. Но мало было ограничиться этим. Надо было наметить новые пути в разработке, в первую очередь, проблем этногенеза, пути, которые соответствовали бы гениальному учению товарища Сталина о нации и языке.

Решающее место среди мероприятий, связанных с этой стороной нашей работы, занимает Всесоюзное этнографическое совещание, которое было проведено нашим Институтом в начале этого года²⁵. Это совещание явилось грандиозным смотром этнографических сил. Достаточно сказать, что на девяти пленарных заседаниях было представлено 40 научных учреждений Москвы; в них приняли участие 239 московских этнографов, антропологов, фольклористов, в том числе 144 из разных институтов Академии Наук СССР, 44 человека из Московского государственного университета, 137 иногородних делегатов, которые представляли собой все без исключения наши союзные республики, большую часть автономных республик и большую часть крупных научных центров, областных городов РСФСР. На 8 секциях было заслушано в общей сложности 103 доклада, в том числе 65 докладов делегатов с мест.

Не будет ошибкой сказать, что наше этнографическое совещание

²¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 308, 313.

²² С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 73, 79—90, 139.

²³ С. П. Толстов, Этнография и современность, «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 9; его же, Советская школа в этнографии, «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 22.

²⁴ С. П. Толстов, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии; см. также Т. А. Жданко, Работа Института этнографии Академии Наук СССР в 1950 г., «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 214 и сл.

²⁵ См. Т. А. Жданко, Этнографическое совещание 1951 г. «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 221 и сл.; Резолюция этнографического совещания при Институте этнографии АН СССР, там же, стр. 231 и сл.

прошло под знаком работ товарища Сталина по языкознанию. Эти работы звучали как лейтмотив совещания. И в докладе директора Института, посвященном итогам и перспективам развития советской этнографии, и в специальном докладе Н. Н. Чебоксарова «Современное состояние и очередные задачи изучения проблемы этногенеза в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания», вызвавшем оживленное обсуждение, и в докладе М. Г. Левина «Основные проблемы и очередные задачи советской антропологии», и в докладе В. И. Чичерова «Вопросы изучения советского народно-поэтического творчества», и в многочисленных выступлениях, и в докладах на секциях, в особенности на секции этногенеза, а также на секции истории первобытного общества, на антропологической секции — советские этнографы, собравшиеся в столице нашей Родины Москве, пересматривали свои позиции под углом зрения гениальных трудов товарища Сталина по языкознанию.

Уже до этого совещания и на самом совещании появился ряд попыток по-новому подойти к решению вопросов, которые были безнадежно запутаны Марром. Я позволю себе привести, пожалуй, два примера. Так, еще до совещания мной была выдвинута в моей статье о значении трудов товарища Сталина для советской этнографии гипотеза «первобытной лингвистической непрерывности», дающая попытку объяснения происхождения древнейших языковых общностей под углом зрения сталинского учения о языке. Она вызвала широкий отклик в печати. В «Советской этнографии» опубликованы отклики двух этнографов — Н. А. Бутинова²⁶ и М. О. Косвена²⁷ и одного лингвиста финно-угроведа В. В. Гудковой-Сенкевич²⁸, в «Известиях Отделения литературы и языка» — монголиста Г. Д. Санжеева²⁹, в недавно вышедшем сборнике Института языкознания — слависта В. Д. Левина³⁰. Мне известно, что в печати находятся также отклики других специалистов. Нет сомнения, что эта широкая дискуссия даст нам возможность внести ясность в этот вопрос, — один из наиболее трудных и важных как для этнографии, так и для языкознания.

Из докладов, заслушанных на самом совещании, надо особо отметить доклад проф. Бунака, посвященный вопросу о происхождении речи в свете данных антропологии. Этот доклад вызвал большой интерес как у этнографов и археологов, так и у лингвистов. Докладчик, исходя из антропологического материала, дал не только убедительное доказательство несостоятельности теории Марра о происхождении речи, но и попытку конкретного разрешения проблемы возникновения речи в истории первобытного человека еще на тех стадиях, от которых непосредственных речевых памятников у нас не осталось, — на стадии, предшествующей образованию *Homo sapiens*.

Большая работа была развернута нами после совещания по ряду вопросов, связанных с работами товарища Сталина по языкознанию. Я имею в виду в первую очередь опять-таки тот вопрос, на разработке которого влияние Марра сказалось всего сильнее, — вопрос этногенеза. Нами была включена в план работы нашего Института (затем, по нашей инициативе, в план работы также других институтов) специальная на-

²⁶ Н. А. Бутинов, О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии, «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 179 и сл.

²⁷ М. О. Косвен, Об историческом соотношении рода и племени, «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 182 и сл.

²⁸ В. В. Гудкова-Сенкевич, К проблеме происхождения родственных групп и семей языков, «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 187 и сл.

²⁹ Г. Д. Санжеев, К некоторым вопросам изучения исторического развития языков, «Известия Академии Наук СССР, Отд. литературы и языка», т. X, вып. I, 1951, стр. 70—71.

³⁰ В. Д. Левин, Взгляды Марра и его последователей на происхождение русского языка, «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», Сб. статей, I, М., 1951, стр. 274—276.

учная сессия, посвященная разработке вопросов методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке.

Начиная с первого квартала этого года, приступил к работе своего рода творческий коллектив по подготовке этой сессии, коллектив будущих докладчиков и выступающих, который должен был провести сложную подготовительную работу, выяснить существующие расхождения между археологами, этнографами, историками и лингвистами, обсудить в предварительном порядке ряд спорных вопросов.

Тот факт, что в течение долгих лет в условиях господства марковского аракчеевского режима археологи и этнографы оказались оторванными от основной массы лингвистов, не разделявших теорию Марра и не имевших возможности поэтому заниматься проблемами этногенеза, требовал очень серьезной предварительной совместной работы между лингвистами, с одной стороны, и представителями различных исторических дисциплин, — с другой, чтобы внести полную ясность в те вопросы, которые каждая из этих дисциплин ставит перед другими, в связи с общей для всех них проблемой этногенеза.

Надо сказать, что если в начале работы нашей группы было очень много расхождений между этнографами, антропологами и археологами, с одной стороны, и лингвистами, с другой, — то в процессе дальнейшей работы постепенно многие из этих расхождений ликвидируются. Сейчас подготовка дискуссии находится в таком состоянии, что можно не сомневаться в том, что она развернется вокруг центральных, решающих, действительно дискуссионных, действительно требующих исследовательского разрешения проблем. Уже просмотрены все тезисы докладов и выступлений. Тезисы лингвистов вышли из печати³¹. В ближайшее время выйдут и тезисы этнографов, антропологов и археологов, и в начале октября состоится эта сессия, которая должна подвести итоги всей проделанной большой предварительной работы.

В порядок дня этой сессии включен ряд докладов: С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова «Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания»; Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и Т. А. Трофимовой «Антропологический материал как источник для изучения вопросов этногенеза»; А. Д. Удальцова «Роль археологического материала в изучении вопросов этногенеза»; П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян» (предварительный вариант этого доклада был заслушан на недавно состоявшейся сессии Отделения истории и философии). Затем коллективные доклады П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского и Б. А. Серебренникова о методе установления языкового родства и Б. В. Горнунга, В. Д. Левина и В. Н. Сидорова «Проблема образования и развития языковых семей». Кроме этих докладов, дающих основной материал этого дискуссионного совещания, запланировано большое количество выступлений, тезисы которых также в большинстве своем были предварительно просмотрены на заседаниях нашей группы. В число выступающих входит очень широкий круг работников и нашего Института, и Института истории материальной культуры, и, что особенно ценно, Института языкознания, сотрудники которого также включились сейчас в конкретную работу над этногенетическими проблемами по отдельным группам народов.

Если, таким образом, вокруг вопросов этногенеза у нас развернулась основная работа, то, наряду с этим, ряд вопросов, связанных в прошлом с известными влияниями марнизма на нашу науку, также потребовал серьезного пересмотра. Я имею в видуготавливаемый нами сборник

³¹ Тезисы докладов научных сотрудников Института языкознания на объединенной сессии Института этнографии, Института истории материальной культуры, Института истории и Института языкознания АН СССР, Изд. АН СССР, М., 1951.

о происхождении искусства. Я уже говорил о том, что среди авторов этого сборника были товарищи, которые пытались привнести в трактовку вопроса о происхождении искусства те или иные марристские взгляды. Нами в конце мая было проведено совещание авторского коллектива этого сборника, который заново пересмотрел всю тематику, обсудил отдельные работы и подвел итоги подготовки этого сборника на данном этапе.

В сборнике будет представлено несколько статей, направленных прямо против марристских теорий в области вопроса о происхождении искусства. Я имею в виду, во-первых, статью Б. И. Шаревской против теории Леви-Брюля и, в связи с этим, против пропаганды теории Леви-Брюля Марром и его учениками; А. П. Окладникова «Критика концепции Марра о происхождении искусства». Последняя работа представляет особый интерес в связи с тем, что, как я говорил, еще сравнительно недавно этот автор отдал дань пропаганде взглядов Марра как раз в области происхождения искусства и пересмотр им этих позиций является особенно ценным. Коренным образом пересмотрел свои позиции и С. В. Иванов.

V

Мы знаем, что работа товарища Сталина по своему значению выходит далеко за пределы собственно языковедческих проблем. В этой работе с новой остротой ставится, в частности, вопрос, который уже не раз подчеркивался и заострялся товарищем Сталиным. Я имею в виду борьбу товарища Сталина против всяческого талмудизма, против всяческих попыток установить монополию в науке, против всяческого застоя в науке. В этом отношении особенно ярко звучат заключительные слова работы товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», связанные с анализом марксизма как науки. Я напому это место, хорошо известное, конечно, всем:

«Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые «никогда» не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкрявь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы, в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев в жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания».

И дальше:

«Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте,— он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями,— следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма»³².

Эти слова товарища Сталина ставят перед этнографией, как перед любой отраслью науки, целый ряд больших задач. Из них, пожалуй, самой главной и самой настоящей является задача пересмотра многих установившихся положений истории первобытного общества.

Уже на этнографическом совещании в докладе М. О. Косвена был

³² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 54, 55.

поставлен вопрос о необходимости пересмотра ряда общепризнанных положений, вошедших в нашу марксистскую литературу, в частности, отраженных в классическом труде Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Речь идет, прежде всего, о моргановской периодизации истории первобытного общества, принятой Энгельсом в этом труде. Мы знаем, что моргановская периодизация, нередко именуемая (вопреки самому Энгельсу) периодизацией Энгельса, сыграла исключительно большую положительную роль в развитии этнографической, и не только этнографической, науки. Но с тех пор прошло почти три четверти века, изменилось многое и в жизни, и в накопленных наукой данных. Между тем начетчики и талмудисты от археологии и этнографии объявили периодизацию Моргана, освященную именем Энгельса, неприкосновенной, не подлежащей какому бы то ни было сомнению, какой бы то ни было попытке критического пересмотра. Иначе, как известно, смотрел на этот вопрос Энгельс, который писал в начале своего изложения моргановской периодизации: «Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительно разросшийся материал не заставит внести изменения, предложенная им группировка несомненно останется в силе»³³.

Надо сказать, что фетишизация моргановской схемы надолго затормозила развитие нашей этнографической и археологической науки. Работа Моргана содержит ряд несомненно устаревших положений, вроде, например, теории «кровнородственной семьи», несостоятельность которой была давно и очень прочно и основательно показана, вроде характеристики Морганом первого этапа истории первобытного общества, так называемой «низшей ступени дикости», вроде самого деления на три ступени «дикости» и три ступени «варварства». Эти положения — прогрессивные и понятные в эпоху Моргана, когда доисторическая археология только начала развиваться, а этнографический материал еще не поддавался конкретно-исторической стратификации, — совершенно неприемлемы сейчас, когда мы имеем богатейшие материалы, освещающие действительное историческое развитие первобытного общества. Все это настоятельно требует серьезного пересмотра моргановской схемы.

В целях осуществления этой задачи наш Институт включил в свой производственный план этого года специальную научную сессию, посвященную обсуждению вопроса о периодизации истории первобытного общества. В этом начинании мы получили поддержку от Института истории материальной культуры.

Надо сказать, что непосредственно в работе товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» есть ряд существенных указаний по периодизации истории первобытного общества, которые требуют очень внимательного изучения и освещения нашими этнографами и археологами.

Мы предполагаем, что после проведения первой научной сессии — по этногенезу, очевидно, в конце года состоится вторая научная сессия, подготовка к которой сейчас также разворачивается в объединенной группе докладчиков и выступающих.

Таковы те основные мероприятия, которые были осуществлены и которые осуществляются нашим Институтом в связи с появлением в свет замечательного произведения товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

VI

Значит ли это, что то, что уже сделано и что намечено сделать, может нас в полной мере удовлетворить? Я думаю, что нет. Нам пред-

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 9. (Разрядка моя. — С. Т.).

стоит развернуть работу еще в целом ряде направлений. В частности, все еще очень недостаточной является наша работа по критике этнографических взглядов Марра и его «школы». Между тем не надо забывать того, что многие положения марризма, связанные с этнографией, вошли в довольно широкий обиход, нашли свое отражение в учебниках, в популярных книжках, и не исключено то положение, когда те или иные из молодых исследователей будут воспринимать эти взгляды, не зная их происхождения, за чистую монету. Поэтому нам предстоит еще больше усилить нашу критическую работу.

В нашем журнале, в наших «Кратких сообщениях» нужно найти достаточное место для углубленного критического разбора различных сторон этнографического аспекта так называемого «нового учения о языке», развивавшегося как самим Марром, так и его учениками. Это неотложная задача, которая требует от нас очень большой активности.

Мы еще очень мало сделали также в том ответственном разделе плана нашей работы, который связан с изучением процессов национальной консолидации ряда в недавнем прошлом отсталых народностей нашей страны, а также с развертывающимися процессами консолидации современных народностей колоний — проблема, при разработке которой труды товарища Сталина о марксизме и языкознании, как и его труды по национально-колониальному вопросу, неизменно должны играть руководящую роль.

Я остановился лишь на немногих задачах, которые стоят перед нами в связи с гениальным трудом товарища Сталина.

Нет такой проблемы в области общественной науки, и в частности в области этнографии, разработка которой была бы возможна сейчас без внимательного изучения, без всестороннего учета этого замечательного произведения марксистско-ленинской науки.

Я позволю себе выразить уверенность в том, что вся наша работа и в дальнейшем будет разворачиваться на базе глубокого творческого усвоения этого гениального произведения великого корифея марксистско-ленинской науки, что научная продукция нашего Института, допустившего в прошлом серьезные ошибки, сейчас, на новом этапе его развития, окажется на уровне, достойном нашей великой эпохи, которую народ не случайно назвал Сталинской.

М. Г. ЛЕВИН

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В СВЕТЕ ТРУДА И. В. СТАЛИНА «МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» *

Советская общественность и вместе с ней передовая общественность всего мира отмечают знаменательную дату — годовщину со дня выхода в свет работ И. В. Сталина по вопросам языкознания. Опубликование этих работ явилось событием исключительной важности не только в лингвистической науке. Это в полной мере относится и к другим областям науки, в том числе и к тем, которые по предмету своего исследования далеко отстоят от лингвистики.

И. В. Сталин не только с исчерпывающей ясностью показал несостоятельность так называемого «нового учения о языке», идеалистическую сущность марровских построений, не только заложил прочные основы для создания подлинно марксистского языкознания, но и поднял на новую ступень разработку важнейших проблем исторического материализма — проблемы взаимоотношения производства, базиса и надстройки, формы перехода от старого качества к новому и ряд других.

Работы И. В. Сталина открыли совершенно новые перспективы перед представителями разных дисциплин, и в первую очередь перед работниками исторической науки в широком значении этого термина. Антропология, которая, по определению Энгельса, является «переходом от морфологии и физиологии человека и его рас к истории», хотя и включается в круг биологических наук, но по своей тематике теснейшим образом связана с историческими дисциплинами, в особенности с археологией и этнографией.

Истекший год явился не только в языкознании, но и в соприкасающихся с языкознанием дисциплинах, периодом критического пересмотра прежних работ, преодоления старых ошибок, выкорчевывания тех сорняков, которыми засорили науку Марр и его последователи. Истекший год был годом творческих исканий и в советской антропологии. Влияние так называемого «нового учения о языке» сказалось в свое время и в области антропологии. В той или иной степени было воспринято порочное положение Марра о стадии кинетической речи, якобы предшествовавшей развитию звуковой речи, положение о стадийном развитии языков с переходом от одной стадии в другую путем взрывов; часть советских антропологов некритически восприняли концепцию о решающей роли скрещивания в развитии языков, не сумели критически отнестись к ложной трактовке вопроса о языковом родстве, пропагандировавшейся Марром и его последователями. В этом, несомненно, сказался и аракчеевский режим в языкознании, косвенно отразившийся и на антропологии.

Чтобы правильно охарактеризовать существовавшее в антропологии положение и вскрыть корни допущенных ошибок, следует хотя бы кратко коснуться истории вопроса.

* Доклад на заседании Ученого совета Института этнографии, посвященном годовщине выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, 23 июня 1951 года.

Проникновение марровского влияния в советскую антропологию легко проследить, просматривая антропологические работы начала 30-х годов. Предшествующий период, охватывающий первое десятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции, характеризуется, наряду с широким развитием конкретных исследований и накоплением ценных материалов, отставанием в области теории, некритическим усвоением многих положений зарубежных антропологов. К началу 30-х годов относится серьезный перелом в этом отношении. Этот перелом был тесно связан с теми коренными изменениями в экономике и той борьбой за построение бесклассового общества, которыми характеризуется этот период в истории нашей страны. Советские антропологи делают тогда решительные шаги по пути пересмотра методологии своей науки, по пути овладения марксизмом.

Но это были первые шаги, когда стремление перестроить антропологическую науку на новой основе упиралось в недостаточную марксистскую вооруженность советских антропологов. Это было причиной того, что на антропологических работах сказалось влияние вульгарного социологизма «школы» Покровского, с одной стороны, и так называемого «нового учения о языке», с другой. Антропологи (да и не одни антропологи) не сумели разглядеть того, что за декларациями Марра и его последователей, заявлявших о своей борьбе с расистскими концепциями, с построениями буржуазной лингвистики, скрывается упрощенчество и вульгаризация марксизма.

Мы исказили бы истинное положение вещей, если бы не отметили, что и в период господства так называемого нового учения о языке, еще в 30-х годах, в среде антропологов раздавались, пусть недостаточно громкие, но все же настойчивые голоса против «перегибов яфетического порядка»¹, в частности, против отрицания возможных миграций, признание которых объявлялось тогда марристами несовместимым с марксизмом. Но порочное влияние Марра и его «школы» на протяжении почти двух десятилетий сказывалось в различных областях антропологии. Здесь сыграло свою роль и то, что академик Марр и ближайший его сотрудник академик Мещанинов уделяли вопросам антропологии большое внимание и постоянно касались разных специальных антропологических проблем.

Плодотворная разработка основных проблем антропологической науки невозможна была поэтому без преодоления допущенных ошибок, без критического пересмотра многих утвердившихся в антропологии положений.

Тот огромный подъем исследовательской мысли, тот широкий размах научных дискуссий, которые были вызваны к жизни сталинским призывом к свободе критики, к борьбе мнений, явились стимулом большой силы и для творческой работы антропологов. Нет ни одной антропологической проблемы, которая сейчас, в свете гениальных сталинских работ по вопросам языкознания, не предстала бы перед нами в новом, более глубоком своем содержании.

Сейчас невозможно еще в полной мере оценить все огромное значение сталинских трудов по вопросам языкознания для развития антропологии. Остановлюсь поэтому лишь на некоторых наиболее важных вопросах.

Важнейшей проблемой антропологии всегда была и продолжает оставаться проблема антропогенеза. Вопросы антропогенеза имеют огромное методологическое значение, будучи связаны, с одной стороны, с вопросами истории первобытного общества, с другой стороны, с проблемами расогенеза, т. е. происхождения и развития человеческих рас.

Классики марксизма уделяли вопросам антропогенеза большое внима-

¹ А. Н. Ярхо, Ганджинские тюрки, «Антропол. журн.», 1932, № 2, стр. 81.

ние. Можно сказать, что в трудах Маркса и Энгельса проблема антропогенеза, и в первую очередь важнейший вопрос о факторах антропогенеза, о движущих силах процесса становления человека, впервые из области теологических домыслов и схоластических построений была перенесена на научную почву. Теория Энгельса о роли труда в процессе превращения обезьяны в человека была и продолжает оставаться единственной подлинно научной теорией антропогенеза.

Центральным в сложной и многогранной проблеме происхождения человека является вопрос о генезисе сознания, о возникновении мышления и речи. И ответ на этот вопрос мы снова находим в трудах классиков марксизма, с исчерпывающей ясностью раскрывших неразрывную связь языка и мышления, показавших, что язык возникает вместе со становлением человеческого общества, что «подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми»².

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» дана дальнейшая разработка, новое освещение этих важнейших положений марксистской философии. «Язык,— пишет И. В. Сталин,— относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества».

«Будучи непосредственно связан с мышлением,— продолжает И. В. Сталин,— язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»³.

И. В. Сталин особенно подчеркивает неразрывность языка и мышления. «Реальность мысли проявляется в языке,— пишет товарищ Сталин.— Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка»⁴.

В своем труде И. В. Сталин с предельной точностью вскрыл полную несостоятельность марровской теории об особой, стадии кинетической речи, показав, что, «отрывая мышление от языка и «освободив» его от языковой «природной материи», Н. Я. Марр попадает в болото идеализма»⁵.

«Звуковой язык или язык слов,— указывает И. В. Сталин,— был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей»⁶.

Эти положения имеют для нас, антропологов, огромное значение не только для правильного понимания общей философской стороны проблемы антропогенеза, но и для разработки конкретных вопросов, в том числе таких специальных, как развитие мозга, развитие речевого аппарата в процессе эволюции человека и ряд других.

Уже в своей ранней работе «Анархизм или социализм?» И. В. Сталин связывает развитие речи с возникновением прямохождения у предков человека. Напомню всем хорошо известную формулировку: «Если бы обезьяна,— пишет И. В. Сталин,— всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок ее — человек — не мог бы свободно пользоваться своими легкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания»⁷.

Антропологическая наука располагает сейчас значительными материалами, доказывающими безусловную правильность приведенного положе-

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20—21.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 46.

⁷ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 313.

ния о том, что прямохождение у обезьяньих предков человека предшествовало развитию других человеческих черт. Напомню хотя бы опять таки хорошо известные палеоантропологические открытия, особенно группы австралопитеков в Южной Африке. Австралопитеки, которые и хронологически, и морфологически предшествуют древним гоминидам, являясь уже, судя по многочисленным особенностям их скелета, двуногими наземными высокоразвитыми антропоидами.

Этой сложной и важной проблеме антропогенеза был посвящен специальный доклад В. П. Якимова на антропологической секции этнографического совещания в январе 1951 г. Доложенные им материалы составляют часть большого исследования, публикуемого в сборнике Института этнографии, посвященном происхождению человека и расселению древнего человечества.

Подчеркивая, что прямохождение предшествовало развитию других человеческих черт, мы вместе с тем должны категорически протестовать против попыток некоторых зарубежных антропологов и палеонтологов «очеловечить» австралопитека, приписывать ему костяные орудия, пользование огнем и т. д.

Я уже упоминал, что порочная фантастическая теория Марра о стадии кинетической речи проникла и в антропологию. Позволю себе и здесь остановиться на истории вопроса.

В буржуазной антропологии широко распространена теория, согласно которой неандертальцы представляют боковую ветвь, параллельную форму в родословной современного человека; по этой концепции, тип *Homo sapiens* возник независимо от неандертальского типа, на иной территории, и *Homo sapiens* вытеснил в дальнейшем неандертальца. Эта теория получила отражение и в нашей антропологической литературе 20-х годов. Но уже тогда раздавались голоса и против концепции независимого развития неандертальца и *Homo sapiens* и накапливались аргументы в пользу теории неандертальской стадии в эволюции современного человека. Эта теория встретила сочувствие Н. Я. Марра, связавшего ее с концепцией кинетической стадии в развитии речи. Высказывания Марра в этом направлении, и особенно более стройное изложение их в работах И. И. Мещанинова, нашли сочувственный отклик и в работах отдельных антропологов. Можно назвать статью Т. А. Трофимовой и Н. Н. Чебоксарова⁸, редакционную статью «Памяти Н. Я. Марра» опубликованную в «Антропологическом журнале»¹⁰.

Обращаясь теперь к работам Марра и Мещанинова, мы ясно видим, что в них отсутствует сколько-нибудь подробное изложение проблемы антропогенеза, что вся дававшаяся ими аргументация неандертальской стадии в эволюции человека сводится к «установлению» «генетической связи звуковой речи современного человека с кинетической (жестовой) речью неандертальца через посредство семантических рядов с «рукой в главе»¹¹. Но в свое время, к сожалению, положение о «стадии кинетической речи» многим казалось убедительным и ввело в заблуждение не только антропологов.

С Марром было принято связывать учение о роли руки в процессе антропогенеза. Действительно, Марр в разных своих палеонтологических построениях много писал о руке и неоднократно указывал на связь рук и мышления. Но если внимательно разобрать то, что написано Марром по этому вопросу, то нетрудно убедиться, что правильное положение

⁸ Критику этой концепции см. в статье М. Г. Левина и Я. Я. Рогинского «Советская антропология за 30 лет». «Советская этнография», 1947, № 4.

⁹ См. «Антропол. журн.», 1934, № 1—2.

¹⁰ «Антропол. журн.», 1935, № 1.

¹¹ Г. Ф. Дебед. Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы. «Антропол. журн.», 1936, № 3, стр. 310.

роли труда в процессе антропогенеза, гениальную разработку которого мы находим у Энгельса, облекается у Марра в путанные формулировки о «ручном мышлении» и лишается всякого смысла, когда увязывается им с фантастической «труд-магической» теорией.

Теперь для нас совершенно ясно, что все марровские рассуждения об этапах развития человечества, о «классовой борьбе» в процессе антропогенеза, о звуковом языке, возникающем якобы в процессе «труд-магического действия» первобытных жрецов ничего общего не имеет с научным освещением проблемы.

И. В. Сталин, освободив языкознание от фантастической, идеалистической, путаной теории происхождения языка, развивавшейся Марром и его последователями, указал и антропологам путь к правильному освещению основных этапов антропогенеза. На этом пути антропологи должны теснее связать свои исследования с работами И. П. Павлова и его школы, в первую очередь с его учением о второй сигнальной системе. Это учение, блестяще согласующееся со всеми данными по эволюции мозга, приоткрывает нам те физиологические «механизмы», по которым шло формирование человеческого мышления и речи.

В указанном направлении антропологами сделано пока очень немного, но некоторые результаты уже имеются. Укажем, например, последнюю работу В. В. Бунака, в которой автор, основываясь главным образом на морфологических и палеоантропологических исследованиях в увязке их с археологическими и психофизиологическими данными, намечает схему начальных этапов развития мышления и речи¹². Одним из существенных выводов этой работы является заключение о том, что понятия, как абстрагированная форма психической деятельности, не могли возникнуть без адекватного звука, что начальный этап развития речи неразрывно связан с формированием слов. Следует также подчеркнуть выдвинутое В. В. Бунаком в этой работе положение о качественном различии речи питекантропа, синантропа и неандертальца, с одной стороны, и *Homo sapiens*, с другой. Это положение вполне согласуется, по нашему мнению, и с данными палеоантропологии, и с периодизацией истории первобытного общества, которую можно наметить, исходя из археологического и этнографического материала. Такая периодизация была предложена С. П. Толстовым еще в 1946 г.¹³

Переход от эпохи мустье к верхнему палеолиту, от неандертальца к *Homo sapiens* должен расцениваться, по нашему мнению, как качественный поворот, как новый этап. В связи с раздающимися в среде археологов голосами за пересмотр этого положения нам следует организовать специальную дискуссию по данному вопросу, которая должна пройти в свете высказываний И. В. Сталина о формах перехода от старого качества к новому. Переход от неандертальца к *Homo sapiens*, конечно, не является взрывом в философском смысле, но знаменует собой появление нового качества. К сожалению, эта проблема в целом ряде устных выступлений наших исследователей трактуется явно неверно.

Как мы уже подчеркивали выше, антропологам предстоит серьезно взяться за изучение работ павловской школы. Это, несомненно, поможет нам продвинуть разрешение вопросов антропогенеза.

За последние годы вышел ряд работ советских авторов, посвященных высшей нервной деятельности и поведению антропоидов, — работ, непосредственно связанных с проблемой антропогенеза¹⁴.

¹² См. в настоящем номере журнала В. В. Бунака, Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии.

¹³ См. С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Советская этнография», 1946, № 1.

¹⁴ Укажем работу Н. Войтониса, Предистория интеллекта (1949), Э. Вадуро, Исследование высшей нервной деятельности антропоида (1948).

Работа в этой области, несомненно, должна быть углублена и расширена. До настоящего времени она развернута далеко не достаточно. Классический труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» дает нам, антропологам, руководящие указания для разрешения важнейших философских проблем в области антропогенеза.

* * *

Перейдем к рассмотрению проблем этнической антропологии. Из очень большого круга тем мы остановимся на некоторых общих методологических вопросах расо- и этногенеза.

Советские антропологи при разработке этих вопросов руководились и руководствуются гениальным сталинским учением о нации, сталинским положением о том, что «нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»¹⁵.

Для антропологов, которые используют данные по антропологическому составу современного населения для ретроспективного анализа древних антропологических компонентов, вошедших в состав того или другого народа, особенно важное значение приобретает положение И. В. Сталина о том, что «элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический»¹⁶. Это положение об известной языковой, территориальной и культурной преемственности современных и предшествовавших им народов является основополагающим для всякого исследования по этнической антропологии.

В работе «Марксизм и вопросы языкознания» мы находим дальнейшую разработку указанных сталинских положений. Язык, один из основных этнических определителей, является, как указывает И. В. Сталин, «продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется. Поэтому язык живет несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка»¹⁷.

Нельзя отрывать, учит И. В. Сталин, изучение языка от исследования истории народа в целом. «Язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹⁸.

И. В. Сталин показывает полную несостоятельность представлений согласно которым язык развивается путем революционных переворотов, взрывов; он подчеркивает большую устойчивость языка, медленное и постепенное изменение грамматического строя языка и его основного словарного фонда.

Разоблачая порочную концепцию Марра о «скрещивании языков» как ведущем факторе языкового развития, показав полную несостоятельность теории стадияльного изменения языков, И. В. Сталин освободил не только языкознание, но и смежные с ним дисциплины от тяжелого груза ложных представлений. Это относится и к этнической антропологии.

Эта область, где рассматриваются вопросы происхождения антропологических типов, сложения антропологического состава современного и древнего населения, где антропологические материалы используются

Г. З. Рогинского. Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (1948), докторскую диссертацию Н. А. Тих, Стадная жизнь у обезьян и средства общения в свете проблем антропогенеза (автореферат, 1950). Интересные работы в этом направлении ведутся в Сухумском обезьяньем питомнике. Из работ Института этнографии, включенных в пятилетний план, с проблемой антропогенеза связаны исследования В. В. Бунака об изменении мозгового и лицевого черепа в антропогенезе и В. П. Якимова о развитии руки в процессе эволюции человека.

¹⁵ И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 293.

¹⁶ И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 336.

¹⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9.

¹⁸ Там же, стр. 22.

качестве исторического источника для решения этногенетических проблем, наиболее тесно связана как с лингвистикой, так и с археологией, этнографией и историей. Влияние так называемого «нового учения о языке» проявилось здесь не только в заимствовании положений лингвистической «школы» Марра, но и в некритическом использовании выводов археологов, этнографов и историков, основанных на порочной марровской методологии.

Здесь нельзя не указать на вышедшие за последние годы крупные антропологические работы — книги Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» (1948), Т. А. Трофимовой «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии» (1949), авторы которых подходили к разрешению вопросов антропогенеза, некритически принимая некоторые положения Марра. Из этих положений наиболее прочно в свое время утвердились в антропологии и до выхода в свет работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» продолжали оказывать наибольшее влияние «учение» о стадильном развитии языков, о трансформации языков, их переходе из одного состояния в другое путем «взрывов» и концепция Марра о скрещении как основном факторе языкового развития, об образовании путем скрещивания новых языков.

Те антропологи, которые пытались связать данные антропологических исследований с этногенетической концепцией Марра, в частности, согласовать преемственность древних и современных антропологических типов на определенной территории с лингвистическими выводами, основанными на методологии марровской «школы», — закрывали себе путь к правильному разрешению многих вопросов этногенеза.

Более того, мы должны признать, что этногенетическая концепция Марра по существу означала отказ от использования антропологических данных при решении проблем этногенеза.

Действительно, если следовать Марру и признать, что «ни цвет кожи или волос, ни форма носа (т. е. антропологические признаки в целом, — М. Л.) не решают ничего в установлении лингвистического родства различных племен»¹⁹, если признать, что «возникновение зоологических типов, когда речь идет о человеке (этот термин «зоологический тип» Марр применял вместо термина «антропологический тип». — М. Л.), не требует вовсе единства происхождения»²⁰, если принять порочную марровскую формулу о том, что этногония, как и глоттогония, есть процесс мировой, т. е. протекает стадильно и повсеместно, если принять эти марровские положения, то антрополог должен быть отстранен от какого бы то ни было участия в разрешении этногенетических вопросов. Этого не случилось потому, что даже те из антропологов, которые заявляли о своей приверженности учению Марра, в своих конкретных работах шли не за Марром, а за фактами.

Все конкретные антропологические работы являются непосредственным опровержением тезиса Марра, согласно которому «нынешнее распределение так называемых рас, народов и племен по матери-земле не имеет никакого значения для установления доисторического расселения»²¹.

Несомненно, что под влиянием Марра в антропологии утвердился в свое время тезис об отсутствии связи между языком и культурой, с одной стороны, и антропологическими типами, — с другой. Тезис этот глубоко ошибочен. Советские антропологи исходили и исходят из бесспорного положения о том, что расовые особенности ни в какой степени не определяют культурное или социальное развитие, что не антропологические

¹⁹ Н. Я. Марр, Происхождение американского человека и яфетическое языкознание, «Восточный сборник», I, 1926, стр. 177.

²⁰ Там же, стр. 178.

²¹ Н. Я. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, Избранные работы, т. III, стр. 58.

признаки народа определяют его исторические судьбы. Но отсюда совершенно не следует вывод о том, что сложение антропологического состава народа не отражает в себе конкретной истории этого народа, не связано с его историческими судьбами. Напротив, сама возможность использования антропологических материалов в качестве исторического источника предполагает наличие такой связи.

Одной из важнейших задач этнической антропологии и является теоретическая разработка проблемы соотношения антропологических типов, с одной стороны, народов, языков и культур — с другой.

Порочное учение Марра о стадиальности в развитии речи оказало влияние не только на трактовку антропологами этногенетических вопросов, но и на понимание процессов расогенеза. Неправильно, как это иногда делали, связывать с Марром и его школой проникновение в антропологию понятия о стадиальности применительно к истории расовых типов. Представление о динамике расовых типов, о стадиальной (или, что то же, — эволютивной) оценке отдельных антропологических признаков возникло в антропологии совершенно независимо от взглядов Марра и было связано с критикой концепции о неизменности, статичности расовых категорий. Из зарубежных авторов, высказавшихся в этом направлении, можно назвать Джуфрида-Руджери, Вейденрейха. В советской антропологической литературе представление о стадиальных изменениях расовых типов было выдвинуто В. В. Бунаком еще в начале 20-х годов. Так, например, в одной из его старых работ мы находим следующую формулировку:

«Палеоевропейский ориньякский прототип был, вероятно, более близок к палеоафриканскому или протонегрскому типу, чем современные европейские и негрские народы, ибо, если ориньякский тип был менее европеоиден, чем современные европейцы, то и протонегрский тип был менее негроиден, чем современные негры»²².

Можно было бы указать и иные работы В. В. Бунака и других авторов, которых ни в какой степени нельзя заподозрить в заимствовании этой концепции у Марра.

Но если протест против метафизических представлений о неизменности, извечности расовых типов возник в антропологии независимо от работ Марра и его учеников, то эти работы все же имели влияние, сказавшееся в переоценке процесса стадиальной изменчивости в истории конкретных расовых типов. Основной порок был в том, что, увлекаясь оценкой различий между антропологическими типами, как различий стадиальных, антропологи в ряде случаев упрощали задачу, отказываясь а priori от других возможных решений вопроса.

Я должен указать в порядке самокритики и на свою работу по антропологии народов Амура и Сахалина, где сложная проблема генезиса антропологического типа айнов трактуется несколько упрощенно, именно в духе стадиального понимания расогенеза. Это сказалось в недооценке мной возможности монголоидной примеси в антропологическом типе айнов²³.

Перед советскими антропологами стоит важнейшая задача — работать в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания вопросов процесса сложения и трансформации антропологических типов на разных этапах человеческого общества. Эти процессы неодинаковы в условиях доклассового общества и в обществе классовом, неодинаковы в разных социально-экономических формациях. Антропологи должны изучить эти процессы в связи с различными типами языковой общности на разных этапах истории общества, в связи с развитием «от языков родо-

²² В. В. Бунак. К вопросу о происхождении северной расы. «Антропол. журн.» 1925, № 1—2, стр. 76.

²³ См. М. Г. Левин. Антропологические исследования на Амуре и Сахалине. «Краткие сообщения» Института этнографии, V, 1949.

вых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»²⁴.

В центре внимания нашего антропологического коллектива за последний год стояла разработка методологических вопросов этногенеза и расогенеза. Ряд докладов на этнографическом совещании был посвящен специально этим вопросам. Таков доклад Н. Н. Чебоксарова «Современное состояние и очередные задачи изучения проблем этногенеза в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания», в котором были затронуты и вопросы антропологии. Попытка наметить основной круг вопросов, встающих перед антропологами в связи с работой И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», была сделана в моем докладе «Основные проблемы и очередные задачи советской антропологии». Оживленные прения развернулись по докладу В. В. Бунака «Дальнейшее развитие и очередные задачи учения о расовых категориях в советской антропологии». В докладе была сделана попытка наметить стадии расогенеза в связи с основными этапами развития общества. Прения, которые развернулись по этому докладу, разногласия, которые обнаружились здесь, показывают, насколько настоятельна разработка именно этих вопросов расогенеза. Следует указать также доклад С. А. Семенова «Роль условий жизни в сложении защитного аппарата глаз монголоидного расового типа». Все эти работы не только по тематике, но и по содержанию отражают то новое, что в антропологии вызвано к жизни работами И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Особо следует отметить работу, проведенную нашим коллективом в связи с подготовкой совещания по методологии этногенетических исследований. На этом совещании нам предстоит обсудить, в числе других и ряд антропологических докладов и сообщений, в том числе коллективный доклад Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина и Т. А. Трофимовой «Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза»²⁵.

Доклад этот касается одной из центральных тем этнической антропологии — вопроса о соотношении языковых групп и антропологических типов. Кратко коснусь некоторых общих положений, связанных с этой проблемой.

Вопрос о соотношении языковых групп и антропологических типов должен решаться в разных случаях различно.

Это определяется уже тем, что сама языковая общность имеет для разных групп различное происхождение.

Теоретически возможно различать несколько типов языковой общности. Основной из них представляет общность, возникающая в результате распада языка-основы. Эта общность в свою очередь исторически складывается различно: либо в процессе языковой ассимиляции, когда при смешении языков один из них выходит победителем (примером могут служить романские языки, тюркские, самодийские и др.), либо в результате распада языка той или иной группы в процессе ее расселения на неосвоенной прежде территории. Так, группа эскимосских языков, несомненно, произошла в результате расселения предков эскимосов по огромным пространствам полярного бассейна. Другой пример — расселение полинезийцев по островам Тихого океана.

Второй тип лингвистической общности возникает в результате длительных древних связей различных групп на определенных территориях в условиях первобытно-общинного строя. Это тип языковой общности, который С. П. Толстов выводит из своей гипотезы «лингвистической непрерывности», тип, о котором говорит теория контакта Д. В. Бубриха.

²⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

²⁵ Академия Наук СССР, Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, Совещание по методологии этногенетических исследований, 1951 г., Тезисы докладов и выступлений.

Естественно, что современные языковые группы складывались в результате различных процессов. Но для нас, антропологов, очень важно подчеркнуть, что тот или иной тип формирования языковой общности выступает в каждом конкретном случае на первый план.

В какой форме исторические процессы, обусловившие складывание различных типов языковой общности, отражаются на формировании антропологических типов? Вот тот вопрос, который должен себе задать антрополог сейчас, в свете учения товарища Сталина о языке.

Мы намечаем, — пока, конечно, еще очень дискуссионно, — следующие положения: процесс возникновения языковой общности, возникающей в результате ассимиляции, может отражаться в антропологическом составе населения различно. Это зависит от того, каков был антропологический состав населения, воспринявшего новый язык. Так, тюркский язык был воспринят населением очень обширной территории, которое было весьма разнородным в антропологическом отношении. И современные народы, говорящие на тюркских языках, антропологически весьма различаются между собой.

Иное соотношение дают нам народы тунгусской группы языков. Для нас не представляет сомнений, что тунгусские языки распространились на весьма обширной территории в результате ассимиляции дотунгусского населения. Но современные тунгусоязычные группы в антропологическом отношении достаточно однородны. Объяснить это надо тем, что дотунгусское население Сибири было антропологически в значительной степени однородным.

Что касается той языковой общности, которая возникает в результате расселения групп на первоначально не занятой территории, то этому типу общности, как правило, соответствует близость антропологических типов. Положение здесь усложняется тем, что именно в этих условиях особенно сказывается непосредственное влияние среды, необходимость приспособления к внешним условиям. Так, например, различие в антропологическом типе между гренландскими эскимосами, с одной стороны, и эскимосами Аляски, с другой, — является, как мне кажется, в значительной степени результатом этих внешних влияний, приспособлений к различным условиям географической среды.

Сформулированные нами положения о соотношении антропологических типов и языковых групп представляют для нас интерес не только потому, что данные лингвистики могут быть использованы при решении вопросов антропологии, но и потому, что можно попытаться использовать некоторые антропологические материалы для решения вопроса о характере языковой общности. Так, языковая общность при большой антропологической разнородности свидетельствует скорее о формировании этой общности в результате языковой ассимиляции²⁶. Наоборот, антропологическая общность при большой языковой разнородности свидетельствует о существовании в прошлом тех или иных форм исторической общности.

Антропологи столкнулись с интересным и, казалось бы, трудно объяснимым фактом — с близостью антропологических типов различных этнических групп Дагестана. У антропологов возникло предположение о существовании в прошлом между группами глубоких исторических связей, что и должно объяснить их антропологическую близость. И сейчас мы удовлетворением узнаем из новейших исследований советских лингвистов о том, что между языками различных групп Дагестана можно отметить древнюю общность, проследить древний общий пласт. В этом вопросе данные антропологии и лингвистики явно совпадают. Это является еш

²⁶ Не надо, однако, забывать о том, что сама по себе антропологическая однородность не дает еще оснований отрицать процесс ассимиляции (см., например, сказанное выше о тунгусских народностях).

одной иллюстрацией к положению о том, что правильное разрешение вопросов этногенеза требует содружества представителей разных дисциплин.

Я имел возможность остановиться лишь на некоторых вопросах антропологии в свете гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Этот труд является для нас источником дальнейших творческих исканий и вдохновений, мощным оружием в борьбе со всякими идеалистическими, антимарксистскими теориями в антропологии и зовет к новым успехам во славу советской науки.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. И. ПОТЕХИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ КОЛОНИАЛЬНЫХ СТРАН *

Народы колониальных и полуколониальных стран всегда привлекали к себе пристальное внимание этнографов. Этнографическая наука в таких странах, как Англия и Франция, владеющих большим числом колоний, возникла на базе изучения этих народов, изучением этих народов в основном и ограничивается.

Народы колониальных и полуколониальных стран и в наши дни являются отсталыми народами; они отстали не только от передовых стран социализма, но и от стран капиталистических. Ко времени порабощения их капиталистическими державами они переживали период докапиталистических формаций, а многие из них находились на разных стадиях первобытно-общинного строя. Они являлись живым примером тех ранних этапов развития человеческого общества, которые передовые народы Европы уже прошли и которые стали объектом изучения археологов, историков древности.

Изучение отсталых народов колоний, их материального производства, духовной культуры и общественного устройства давало науке обильный конкретный материал для реконструкции начальных этапов жизни человечества, для разрешения сложных проблем истории первобытно-общинного строя. Это являлось большим вкладом в науку о законах развития общества.

Этнографические исследования по народам колоний всегда широко использовались правящими классами империалистических держав для обоснования колониального господства, для изыскания наиболее надежных, с точки зрения колонизаторов, методов управления угнетенными народами. Этнографы выполняли по заданию колониальных властей и специальные исследования в этом направлении. По мере обострения противоречий между империалистическими державами и народами колоний, по мере общего загнивания, упадка буржуазной культуры и науки, буржуазные этнографы все дальше отходили от научных задач изучения народов колоний и все больше подчиняли свою деятельность непосредственным задачам колониального управления.

Советская этнография, выросшая на гранитном основании пролетарского интернационализма, всегда относилась к угнетенным народам колоний принципиально иначе, чем буржуазная этнография. Советская этнография всегда исходила из сталинских указаний о том, что «раз-

* Переработанная стенограмма доклада на этнографическом совещании 1951 г.

ница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или уровне государственного развития, равно как другая какая-либо разница между нациями и расами — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие»¹, что «каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций», что эти особенности «являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»².

Но до недавнего времени советские этнографы подходили к изучению культуры и быта народов колониальных стран однобоко, ограничивая себя традиционным кругом вопросов, связанных с проблемами первобытно-общинного строя. Экзогамия, начальные формы семьи, тотемизм, материнский род, патриархат и другие близкие им явления, а также соответствующая им материальная культура — вот тот круг вопросов, которым обычно ограничивалось этнографическое изучение народов колониальных стран. Внимание этнографов концентрировалось на старом, уходящем из жизни, и это внимание к старому заслоняло собой современную культуру, современный быт народов колониальных стран. Советские этнографы не дали до сих пор ни одной книги, посвященной современной жизни этих народов.

Проблемы истории первобытно-общинного строя еще далеки от их окончательного разрешения, и требуется еще немало труда, чтобы разобраться в запутанных узлах этой истории. Изучение народов колоний, даже в их современном состоянии, может дать очень многое для решения этих проблем. Поэтому советская этнография и впредь будет заниматься народами колоний с точки зрения этих задач. Но она не может дальше ограничивать себя этими задачами. Больше того, она не может затрачивать на это свои главные силы.

Колониальная система империализма переживает глубокий и непреодолимый кризис, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция, разорвавшая мировую цепь империализма. Вторая мировая война, закончившаяся блестящей, всемирно-историческою значимостью победой Советского Союза и всех демократических сил мира над темными силами империалистической реакции, привела к резкому обострению кризиса колониальной системы.

«Обострение в итоге второй мировой войны кризиса колониальной системы выразилось в мощном подъеме национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах. Тем самым были поставлены под угрозу тылы капиталистической системы. Народы колоний не желают больше жить по-старому. Господствующие классы метрополий не могут больше по-старому управлять колониями»³.

Национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран является органической частью общего антиимпериалистического, демократического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Угнетенные народы колоний плечом к плечу со всеми сторонниками мира и демократии борются против американско-английских поджигателей войны, за мир во всем мире, против колониального рабства, за национальную свободу и независимость. Габриэль д'Арбусье, вице-президент Демократического Объединения Африки, выступая на 2-м Всемирном конгрессе сторонников мира, говорил: «политическое освобождение, расцвет наших культурных возможностей и общественное и экономиче-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 516.

² «Правда» от 13 апреля 1948 г.

³ А. А. Жданов, О международном положении. Доклад на Информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., Сборн. «Информационное сообщение представителей некоторых компартий», 1948, стр. 17.

ское развитие, к которым мы так стремимся, могут быть осуществлены лишь в мирных условиях. Мы прекрасно понимаем, что борьба, которую мы ведем за сохранение мира во всем мире, сливается воедино с нашей борьбой за освобождение от колониального рабства»⁴.

Основной задачей советской этнографии в этих условиях является задача всемерного содействия своими этнографическими исследованиями разработке проблем национально-освободительного движения народов колониальных и полуколониальных стран.

1

Одной из задач этнографического изучения народов колониальных и полуколониальных стран является изучение характера и причин отсталости этих народов. Это имеет большое теоретическое и актуальное политическое значение.

Экономическая, политическая и культурная отсталость народов колониальных и полуколониальных стран является очевидным и непреложным фактом. Империалисты используют эту отсталость для оправдания колониального режима. Империалисты утверждают, что народы колоний вследствие своей отсталости нуждаются в руководстве, что они не «созрели» для самостоятельной политической жизни. Колониальную эксплуатацию и колониальное порабощение отсталых народов империалисты выдают за «бремя белого человека», за выполнение цивилизаторской миссии.

В самый разгар второй мировой войны, в 1943 г., когда народы колоний вместе со всеми свободолюбивыми народами мира сражались против фашизма, бельгийский министр колоний Флишвер заявлял с присущим всем колонизаторам лицемерием: «Колонизация — это труд, тяжелый труд на службе и в интересах отсталых народов... Колонизировать — это значит нести цивилизацию отсталым народам, которые в течение веков стоят на стадии варварства и не могут своими силами выбраться из этого состояния»⁵. Лейбористский член английского парламента Эйден Кроули, выступая в 1948 г. на конференции Союза западноафриканских студентов, пытался убедить их, что «для туземцев было бы ошибкой брать в свои руки управление страной, пока они еще не готовы к этой большой ответственности».

Буржуазная этнография в своих псевдонаучных исследованиях по народам колоний акцентирует внимание на старом, на том, что сохраняется от старого, родового общества, замалчивает то новое, что уже есть и развивается, и поэтому преувеличивает отсталость этих народов. Причины отсталости народов колоний современная буржуазная этнография видит в их расовых особенностях: они отстали потому, что являются особой породой людей, отличной от людей европеоидной расы. Это расистское истолкование причин отсталости дополняется иногда ссылкой на географическую среду. Английский историк Кулленд, например утверждает, что буйная тропическая растительность «держит в оковах дух африканца и лишает его изобретательности, энергии и подвижности»⁶. Советская этнография отмечает все эти объяснения как несостоятельные и не имеющие к науке никакого отношения.

Чтобы правильно решить вопрос о причинах отсталости, необходимо строго разграничивать отсталость этих народов до эпохи капитализма и отсталость их в наши дни. Это два совершенно разных явления, обусловленных совершенно различными причинами. Буржуазные ученые, говоря об отсталости народов колоний, намеренно смешивают эти два

⁴ «Правда» от 26 ноября 1950 г.

⁵ A. Vleeschauwer, *Belgian colonial policy*, New York, 1943, стр. 4.

⁶ R. Coupland, *East Africa and its invaders*, Oxford, 1938, стр. 12.

явления, чтобы общими рассуждениями об отсталости, ссылками на расовые особенности и географию прикрыть тот величайший ущерб, который нанесен развитию этих народов европейским, а затем американским капитализмом.

К началу капиталистической эпохи народы, населяющие современные колонии, отставали в своем развитии от народов Европы, что и позволило передовым капиталистическим странам превратить их в объект жесточайшей эксплуатации и колониального порабощения. Степень этой отсталости была различной: одни отставали очень далеко, другие шли следом за народами Европы. Некоторые из этих народов не всегда были отсталыми по сравнению с народами Европы. Напротив, они шли впереди европейских народов, являлись носителями прогресса, творцами древних цивилизаций (Китай, Индия, Египет и др.).

Первое деление общества на классы рабовладельцев и рабов возникло на Востоке, а вместе с классами возникли и рабовладельческие государства — возникновение государства в Китае относится к XVIII—XII вв. до н. э., а в Месопотамии даже к началу III тысячелетия до н. э. Раскопки в Мохенджо-Даро (Индия) показывают, что еще в IV—III тысячелетиях до н. э. существовала высокая материальная культура: монументальные постройки, храмы с алтарями из глазированных кирпичей, терракотовые статуэтки, кольца из голубой стеклянной пасты и т. п. Европейская же цивилизация едва насчитывает две-три тысячи лет. Древние цивилизации народов Востока оказали огромное благотворное влияние на развитие европейской культуры, а сами эти народы в силу ряда причин отстали.

И народы Африки, на отсталости которых спекулирует расистская пропаганда, к началу капиталистической эпохи далеко не все были отсталыми по сравнению с некоторыми народами Европы. Возникновение государства Гана (Западный Судан) относится к III в. н. э. «Мы можем с полной уверенностью сказать, — писал американский ученый, противник расистских измышлений Ф. Боас, — что в то время, когда наши собственные предки все еще обходились каменными орудиями труда или, в лучшем случае, когда они только переходили к бронзе, негры имели уже развитое искусство плавки железа»⁷.

Проблема отсталости является по существу проблемой неравномерности развития народов в ранние докапиталистические эпохи. И было бы напрасным занятием искать какую-то общую причину отсталости для всех народов, задержавшихся в своем развитии. На темпах развития одних народов неблагоприятно отразилась географическая среда. Влияние географической среды не является определяющим, но поскольку она является одним из постоянных и необходимых условий развития общества, она «влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества»⁸. Другие народы в течение длительного времени страдали от опустошительных набегов соседей: третьи, наоборот, испытывали благотворное влияние передовых соседей и т. д. и т. п.

С. А. Токарев, объясняя отсталость коренного населения Америки до встречи его с европейцами, выдвигает, наряду с другими, следующую причину этой отсталости. Заселение американского континента начиналось с севера и продолжалось в течение тысячелетий. Люди осваивали сначала зону северной канадской тайги, затем проникали в лесостепь и безлесные степные пространства юга Северной Америки и так дальше. «Переход из одной географической зоны в другую, — пишет С. А. Токарев, — освоение новых природных областей... требовало от переселенцев длительных усилий, а во многих случаях порождало коренную перестройку всего хозяйственного и культурного уклада. На такую перестройку уходил труд целых поколений. Производительные силы не

⁷ J. Boas, *Race and democratic society*, New York, 1946, стр. 55.

⁸ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 113.

столько росли и развивались, сколько видоизменялись, прилаживаясь к новым условиям»⁹. С этим положением нельзя не согласиться. Все народы развиваются по общим законам развития человеческого общества, но одни шли быстрее и уходили вперед, другие задерживались и отставали.

Причины отставания отдельных народов были самые разнообразные, факторы социального порядка дополнялись и перекрещивались с факторами географическими. Выяснение этих причин — дело истории конкретных народов.

Совсем иначе стоит вопрос о причинах отставания народов колоний в эпоху капитализма и особенно в период империализма, в условиях колониального режима.

Здесь необходимо, прежде всего, выяснить вопрос о характере отсталости: в чем заключается сейчас эта отсталость? В колониях и полуколониальных странах, особенно в таких передовых, как Индия, Индонезия и др., существует и развивается национальная буржуазия и национальная интеллигенция, созданы многочисленные национальные организации и периодическая пресса. Во всех колониях существует рабочий класс, организованный в профсоюзы; забастовки рабочих являются сейчас обычным явлением в жизни колоний. Во многих колониях созданы коммунистические партии, вооруженные самым передовым мировоззрением и самой передовой наукой об обществе — марксизмом-ленинизмом. Народы колоний участвуют во всемирном движении сторонников борьбы за мир и демократию во всем мире.

Но вместе с тем во всех колониальных и полуколониальных странах сохраняются феодальные или полуфеодальные, феодально-патриархальные отношения, многие из народов этих стран находятся до сих пор на стадии разложения первобытно-общинного строя, сохраняются родоплеменная форма организации, матриархат в модифицированном виде, тайные союзы и т. п. Как правило, эти народы на 90—99 % неграмотны. В обработке земли и в уходе за скотом сохраняются древние и весьма несовершенные приемы и орудия труда. В огромном большинстве африканских колоний, например, крестьяне до сих пор не применяют плуга и не заготавливают корма для скота. Потрясающая бедность, антисанитарные жилищные условия, опустошающие эпидемические заболевания, господство суеверных обычаев, поклонение духам предков, знахарство и т. п. — все это является массовым и характерным для современных народов колоний.

Вопрос о причинах отсталости современных народов колоний принимает в связи с этим другую форму и становится вопросом о причинах разрыва между ростом мировоззрения, политической сознательности этих народов, с одной стороны, отставанием материальной культуры, быта и форм социальной организации, с другой стороны. При этом становится очевидным, что единственной причиной отставания в развитии народов колоний является колониальный режим.

Колониальный режим означает, что огромная масса ценностей, создаваемых трудом народов колоний, систематически вывозится из колоний и бесследно пропадает для этих народов. Подсчитано, например, что 92 % стоимости минерального сырья, добываемого в Африке, вывозится из Африки и только 8 % остается в ней. Накануне второй мировой войны Голландия выкачивала из Индонезии около 150 млн. долларов в год, Англия из Индии — 750 млн. долларов в год и т. д. Империалистические державы намеренно не допускают развития промышленности в колониях, за исключением горной, добывающей, удерживая колонии на положении аграрно-сырьевых придатков метрополий. Колониальный режим — режим грабежа, расхищения производительных сил колоний.

⁹ С. А. Токарев, Австралия и Океания. Рукопись.

В интересах поддержания такого порядка колониальные власти намеренно держат народы колоний в темноте, лишают их возможности получить образование, консервируют все старое и отжившее свой век (феодалы, княжества, родо-племенная форма организации и др.). И есть только один путь ликвидации этой отсталости — ликвидация колониального режима, предоставление национальной независимости ныне порабощенным народам.

2

Этнографическое изучение народов колониальных стран, как и всех других народов, является органической частью изучения истории этих народов. Советская этнография отбросила утвердившееся в буржуазной науке деление народов на исторические и неисторические: каждый народ имеет свою историю, уходит корнями в глубь веков, является творческим субъектом истории. Основным объектом этнографического исследования, говорит проф. С. П. Толстов, является «конкретный народ... рассматриваемый как творец и носитель своей исторически сложившейся культуры»¹⁰.

История угнетенных народов колониальных и полуколониальных стран, особенно народов, не имевших своей письменности, еще не разработана и не написана. В буржуазной науке есть история колоний, но нет истории народов этих колоний. В советской исторической науке в той или иной мере разработана история борьбы народов колоний против империалистического порабощения, но нет истории культуры этих народов. Написание такой истории — дело этнографов; эту задачу они могут и должны перед собой поставить.

Задача состоит в том, чтобы, опираясь на археологические, лингвистические, этнографические и, там где они есть, письменные памятники, создать историю развития конкретных народов в эпоху, предшествующую империалистическому их порабощению. Исследования, включающие в себя формирование отдельных народов, миграции, внешние условия развития, успехи в развитии материальной и духовной культуры, развитие форм социальной организации, явились бы не только крупным вкладом в историю, в науку о развитии общества, но и вместе с тем имели бы первостепенное значение для решения проблем национально-освободительного движения на современном его этапе.

Задача состоит дальше в том, чтобы проследить изменение всех сторон жизни этих народов в условиях колониального режима, показать особенности развития под влиянием этих условий и на конкретном материале разоблачить империалистические басни о «цивилизаторской» роли колонизаторов. Особое внимание должно быть уделено показу народов колониальных и полуколониальных стран, их общественного устройства, их духовной и материальной культуры такими, какие они есть сейчас в условиях кризиса колониальной системы.

Современное положение народов колоний весьма противоречиво: с одной стороны, наличие институтов, явлений, характерных для первобытно-общинного строя, а с другой — наличие форм классовой борьбы, характерных для развитого буржуазного общества. Исследователь стоит перед двойной опасностью: не заметив ростков нового, показать народы крайне отсталыми, примитивными или переоценить действительно достигнутую ступень развития.

Особенно велика опасность первого рода, это главная опасность. Советские этнографы в своих исследованиях культуры народов колониальных стран опираются не на собственные полевые материалы, а на литературные источники, принадлежащие в большинстве своем реакци-

¹⁰ С. П. Толстов, Советская школа в этнографии. «Советская этнография». 1947, № 4, стр. 22.

онным буржуазным этнографам. Наиболее характерной чертой всей современной буржуазной этнографической литературы по народам колоний является архаизация культуры и быта этих народов. Буржуазные этнографы намеренно принижают уровень духовного развития колониальных народов. Они обходят молчанием не только тенденции, но и реальные жизненные факты, если они свидетельствуют о росте мировоззрения, политической сознательности и активности. Описания родового устройства, тотемизма, брачных или похоронных обрядов и т. п. все еще заполняют их многочисленные «исследования». Таков заказ колонизаторов. Использование этих материалов при недостаточно критическом к ним отношении, забвение принципа партийности науки неизбежно приведут к грубым ошибкам, к искажению, принижению современного уровня развития народов колоний. Эта опасность велика еще потому, что этнографы привыкли к описанию явлений, характерных для первобытного общества, а традиции преодолеваются с трудом.

Не следует упускать из виду и вторую опасность: переоценку уровня развития. Почти во всех колониях наблюдается резкое различие в уровне развития районов крупного плантационного хозяйства, горнопромышленных центров, не говоря уже о городах, с одной стороны, и районов, где сохраняется отсталое мелкое крестьянское хозяйство, с другой стороны.

Опыт социалистического переустройства культуры и быта ранее отсталых народов СССР, освобожденных Октябрьской революцией от колониального гнета, показывает, как быстро исчезают отжившие свой век остатки прошлого (родовые отношения, первобытная религия и пр.) и как быстро развиваются новые элементы культуры и быта. Исходя из этого опыта, при этнографическом изучении современных народов колоний следует акцентировать не на том, чем были эти народы, а на том, что они есть и чем станут, если их освободить от колониального гнета, смотреть не в прошлое, а в будущее этих народов.

3

Из всего многообразного комплекса вопросов, связанных с этнографическим изучением народов колониальных и полуколониальных стран, следует особо выделить два вопроса: 1) разложение родо-племенной организации, пережитков рабовладения, феодальных отношений и 2) формирование буржуазных наций. Эти два вопроса представляют собой в сущности две стороны одного процесса — процесса развития капиталистических отношений.

Родо-племенная организация в ее классических формах у большинства колониальных народов исчезла давно, еще до империалистического их порабощения. Установление колониального режима застало некоторые из этих народов на стадии более или менее развитого феодализма (Индия, Индонезия и др.). Большинство же их — народы Африки, Австралии, Океании, Америки — находилось к тому времени на стадии перехода от общества доклассового к обществу классовому, когда сохранялись еще в той или иной мере старые формы социальной организации, характерные для доклассового общества, но когда в этих старых формах уже зародились и кое-где достигли значительного развития новые классовые отношения. Одни из этих народов еще не знали даже зачатков государственной организации, у других уже сложились государства феодального или дофеодального типа. Для большинства этих народов наиболее характерной политической надстройкой являлась так называемая военная демократия. Изучение путей развития и разложения всех этих институтов в новых условиях, условиях колониального режима представляет большой интерес для науки.

Историю родо-племенной организации в условиях колониального

режима можно разделить, с точки зрения ее роли в жизни поработенных народов, на два этапа. На первом этапе родовая и племенная община являлась основным оплотом сопротивления империалистическому грабежу. Тогда не было еще ни классовых, ни национальных организаций, родовые старшины и вожди племен выступали в роли организаторов борьбы против колониального режима. Эта борьба цементировала единство родо-племенной общины и временно сдерживала начавшийся ранее ее распад. Колониальные власти проводили в это время политику разрушения родо-племенной организации.

Второй этап начался после первой мировой войны и победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, с началом кризиса колониальной системы, а в некоторых более развитых колониях, вероятно, и раньше. К этому времени закончился в основном процесс экспроприации земли у коренного населения колоний, четко определились основные черты колониального режима. Процесс классовой дифференциации внутри родо-племенной общины продвинулся значительно вперед, вскрылись острые классовые противоречия между рядовой крестьянской массой и аристократической верхушкой родо-племенной общины, эксплуатирующей в союзе с колонизаторами эту крестьянскую массу в более или менее своеобразных феодальных формах. Появляются классовые, в частности рабочие, и национальные организации, поднимающие угнетенные массы на борьбу против империализма. Вожди племен и родовые старшины, в первую очередь наиболее богатые и влиятельные, идут на соглашение с империализмом, изменяя интересам своего народа.

Колониальные власти меняют теперь свое отношение к родо-племенной организации и включают ее в систему так называемого косвенного управления: они восстанавливают разрушенную ранее или даже искусственно создают вновь родо-племенную структуру со всеми ее атрибутами и институтами, признают власть вождей и старшин, берут их на свое содержание, превращают в послушных исполнителей своей воли. Родо-племенная организация превратилась теперь в препятствие на пути национально-освободительного движения.

Политика колониальных властей по отношению к местному населению колоний, так называемая туземная политика, является глубоко противоречивой. С одной стороны, они административными, полицейскими мерами пытаются сохранить родо-племенную организацию, а с другой стороны, — принуждают крестьян выращивать товарные, экспортные культуры, уходить на заработки и т. п., что разрушает эту организацию.

Племя и родовая община являются сейчас искусственно сохраняемой старой формой, не соответствующей новому содержанию. Родовая община уступила место соседской, сельской общине, состоящей у одних народов из разлагающихся больших семей, у других из малых, индивидуальных семей. Процесс разложения сельской общины, развития капитализма происходит в быстро нарастающих темпах. Исследование этого процесса представляет не только большой научный интерес. Такое исследование сыграет большую роль в разоблачении реакционной политики консервации родо-племенной организации и демагогической концепции «самобытной» демократии колониальных народов, осуществляемой через вождей племен и родовых старшин.

Исследование этого процесса особенно важно для выяснения путей формирования рабочего класса и национальной буржуазии. В колониях, особенно в отсталых, эти пути очень своеобразны и вместе с тем мучительно для населения. В некоторых африканских, например, колониях империалисты лишают крестьян земли и в то же время не допускают превращения их в кадровых рабочих. Поскольку горная промышленность, плантационное хозяйство и дорожное строительство — основные или даже почти единственные сферы применения наемного труда коренного населения колоний — позволяют обходиться неквалифицированным

трудом, колониальные власти и европейские (или американские) компании предпочитают нанимать крестьян-отходников, работающих по срочному контракту. Основная масса рабочих — это кочующие полурабочие-полукрестьяне: семья живет в деревне, а глава семьи и взрослые сыновья уходят на заработки, возвращаются на некоторое время домой, снова уходят и т. д.

В колониях и полуколониальных странах развивается своя, национальная буржуазия. В одних, передовых, странах (Индия, Индонезия и некоторые другие) национальная буржуазия существует уже давно, сложилась и политически оформилась как класс, в других же, отсталых, колониях (большинство колоний Африки) только сейчас происходит первоначальное накопление капитала. Часть буржуазии выходит из феодальной или полуфеодальной родо-племенной верхушки, для которой феодальная эксплуатация является основным каналом первоначального накопления капитала. Другая часть выходит из крестьянской массы, раскалывающейся на бедняков и кулаков. Этот процесс протекает в недрах сельской или еще родовой общины, в условиях деградации крестьянского хозяйства, характерной для современного состояния колониальной деревни. Проникнуть аналитическим скальпелем в сельскую или родовую общину, раскрыть процессы классового расслоения, специфические формы эксплуатации и рост классовых противоречий — к этому в сущности сводится сейчас задача изучения общины.

В более развитых колониях родо-племенная организация или уже исчезла, или не играет сейчас сколько-либо существенной роли, как, например, в некоторых областях Индии, некоторых арабских странах, на о. Яве и др. Здесь типичными докапиталистическими отношениями являются феодальные отношения. Империалистические державы опираются в этих колониях на помещиков и феодальных князей и ради этого сохраняют, консервируют все остатки феодализма. Кумар Гошал в книге «Народ в колониях» приводит крайне характерное заявление английского советника делегации индийских княжеств в Лондоне в 1930 г.: «Положение феодальных княжеств, расположенных наподобие шахматной доски по всей Индии, является прекрасной мерой предосторожности. Они представляют собой как бы обширную сеть дружественных крепостей, разбросанных на оспариваемой территории. Если бы в Индии вспыхнуло всеобщее восстание против англичан, оно не могло бы охватить всю страну, благодаря существованию этой сети сильных и преданных нам туземных княжеств»¹¹.

События в Марокко в начале 1951 г. вскрыли яркие образцы роли крупных феодалов как надежных псов империализма. Как признают авторы опубликованной во французской газете «Monde» (6 января 1951 г.) статьи «Марокканские перспективы», борзописцы французского империализма Пьер и Ренэ Госсе, колониальные власти намеренно сохранили «феодальную иерархию пашей и кайдов», потому что «эти крупные вассалы были для нас удобны, так как они были постоянной скрытой угрозой своему сюзерену», т. е. султану Марокко. Когда в городах началось массовое народное движение в связи с требованием султана о пересмотре франко-марокканского соглашения 1912 г. о протекторате, французские колониальные власти спустили с цепи пашу Марокеша, крупнейшего феодала Эль-Глауи. Его вооруженные банды были направлены в города Фес и Рабат, основные центры движения.

Перед этнографами, изучающими народы таких стран, на первый план выдвигается задача изучения не пережитков родового строя, а сохраняющихся институтов феодального общества, таких, например, как система кастового строя в Индии и т. п.

¹¹ Kumar Goshal, *People in colonies*, New York, 1948. Цитируется по русскому изданию: Кумар Гошал, *Народ в колониях*, 1949, стр. 176—177.

4

Сохраняя искусственно феодальную раздробленность, родо-племенную форму организации, поддерживая племенные перегородки, разжигая межплеменную рознь, колониальные власти препятствуют слиянию племен и народностей в нации. Но неудержимо развивающийся процесс классовой дифференциации и рост капиталистических отношений, с одной стороны, общность интересов и совместная борьба против империалистического угнетения, с другой — создают предпосылки для формирования наций. Условия колониального режима задерживают и осложняют этот закономерный процесс, придают ему специфические черты, но не могут отменить его.

Некоторые народы колониальных и полуколониальных стран сложились в нации (египтяне, алжирцы в Африке, бенгальцы, маратхи и другие в Индии), у некоторых этот процесс подходит к концу, другие же находятся лишь в начальных стадиях формирования национальной общности.

Исследование этого процесса явится серьезным вкладом в ленинско-сталинское учение о нации. Мы располагаем классической разработкой вопроса о путях и факторах формирования наций, содержащейся в трудах крупнейшего ученого нашей эпохи И. В. Сталина. Товарищ Сталин исследовал процесс формирования наций в его, так сказать, чистом виде, в нормальных условиях, не осложненных колониальным режимом. Задача состоит в том, чтобы, руководствуясь сталинскими указаниями, исследовать специфические формы этого процесса в колониях.

Поскольку уровень экономического и политического развития колониальных и полуколониальных стран различен, постольку и подход к решению этой проблемы должен быть различным. Шаблон более всего опасен в этом исследовании. В Индии, например, где имеется многочисленная, развитая буржуазия, проблема формирования наций стоит иначе, чем, например, в Восточной Африке, где национальная буржуазия делает еще только первые шаги.

В каждой из колониальных или полуколониальных стран исследователь столкнется со специфическими условиями и с особыми трудностями. Но при всем этом разнообразии условий процесс формирования наций в колониях имеет много общего, поскольку колониальный режим при всем разнообразии внешних форм аналогичен по своему внутреннему содержанию. Поэтому процесс формирования наций в условиях колониального режима представляет собой особую, самостоятельную проблему.

Здесь перед исследователем встает немало новых и нелегких вопросов. Можно выделить для примера два таких вопроса и пока только в порядке постановки.

Приступая к исследованию процесса формирования наций в колониальных странах и особенно в тех колониях, где сохраняются еще более или менее значительные пережитки племенного строя, надо твердо помнить указания В. И. Ленина и И. В. Сталина, что нация — это общность не расовая и не племенная. И. В. Сталин, критикуя бауэровскую концепцию нации, указывал, что он, Бауэр, «смешивает **нацию**, являющуюся исторической категорией, с **племенем**, являющимся категорией этнографической»¹². В. И. Ленин в своем классическом труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» подверг уничтожающей критике «ребяческий вздор» Михайловского, утверждавшего, что «национальные связи, это — продолжение и обобщение связей родовых!».

Ссылаясь на историю образования русской нации, на слияние всех областей, земель и княжеств в одно целое, В. И. Ленин писал: «Слия-

¹² И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 301.

ние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»¹³.

Это указание классиков марксизма-ленинизма необходимо всегда помнить потому, что сторонники племенного партикуляризма (в Африке, например) любят выдавать свое племя за нацию. Кикуйец Джомо Кеньята, например, рассматривает племя как «расширенную семью, образовавшуюся путем естественного роста и деления», и отождествляет его с нацией¹⁴.

В основе формирования буржуазной нации (в колониях речь идет именно о буржуазной нации) лежит процесс создания экономической общности, национального рынка, а руководителями и организаторами этого процесса являются капиталисты. Без внутреннего товарооборота связывающего отдельные районы страны экономически, без развития капиталистических отношений, не может быть нации. В этом и состоит главное отличие нации от всех предшествующих этнических формирований и, в частности, от народности. И. В. Сталин говорит: «не было и не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные доселе части этого народа в одно национальное целое»¹⁵.

В колониях создание экономической общности осложняется и задерживается низким уровнем развития производительных сил, а также тем, что отдельные экономические районы территории формирующейся нации связаны главным образом или даже исключительно с метрополией, и слабо связаны или совсем не связаны между собой. Империалистическое господство придает экономике колониальных стран уродливый, однобокий характер аграрно-сырьевых придатков метрополии. Многие колонии и зависимые страны превращены в страны монокультурного хозяйства: Куба — сахар, Гондурас — бананы, Гватемала — кофе, Сенегал и Гамбия — земляные орехи, Золотой Берег — какао и т. д. Единственным предметом экспорта Либерии, превращенной теперь в фактическую колонию США, является каучук. Но даже и в тех странах, где экономика не так резко изуродована, развитие внутреннего рынка задерживается империалистическим господством.

Исследование путей, своеобразных форм складывания экономической общности, развития внутреннего товарного обращения является центральной задачей в решении проблемы формирования наций в колониальных странах. Но здесь мы сталкиваемся с весьма характерным явлением: во многих из этих стран или даже в большинстве их руководителями и организаторами экономической связи выступают главным образом или преимущественно иностранные капиталисты, иностранные монополистические компании.

Наиболее ярко эта специфика выступает, пожалуй, в Южно-Африканском Союзе, являющемся доминионом колониального типа. Три четверти его одиннадцатимиллионного населения составляют народы говорящие на нескольких диалектах единого языка группы банту. Складывание этих народов в единую нацию банту не вызывает сомнения.

Экономика Южно-Африканского Союза представляет собой единый

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137—138.

¹⁴ J. Kenyatta, Facing Mount Kenya. The tribal life of the kikuyu, London 1938, стр. 30.

¹⁵ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

буржуазный хозяйственный комплекс с единым национальным рынком. Отдельные районы, населенные банту, прочно экономически связаны между собой.

Юго-западный угол Союза поставляет на внутренний рынок фрукты, виноград, цитрусовые; сахарные плантации и сахарные заводы Натала — сахар; пшеничные фермы северных районов Трансвааля — пшеницу; Оранжевое Свободное государство — кукурузу и мясо-молочные продукты и т. д. Имеется своя обрабатывающая промышленность, работающая на местном сырье и на местный рынок. Вся территория Союза густо переплетена сетью железных и шоссейных дорог. С этой стороны, т. е. с точки зрения экономической связанности районов, Южно-Африканский Союз представляет собой более или менее типичную буржуазную страну.

Непосредственными производителями товарной массы, через которую осуществляется экономическая связь районов, являются рабочие и крестьяне банту, но организаторами и собственниками производства являются европейцы. Фермы и плантации, фабрики и заводы, производящие эту товарную массу, принадлежат европейцам, а работают на них банту. В сельскохозяйственных и промышленных предприятиях работают европейцы — рабочие и батраки, но основными поставщиками рабочей силы являются все же банту. В горной промышленности рабочие неевропейцы составляют около 90 %, в обрабатывающей промышленности — около 80 %. На фермах европейцев рабочие банту составляют еще больший процент общего числа рабочих. Крестьянское хозяйство банту поставляет на рынки Союза кукурузу, овечью шерсть и кожи, но удельный вес товарной продукции крестьянского хозяйства банту в общей массе товарной продукции страны совершенно незначителен.

Внутренняя торговля, не говоря уже о внешней, находится в руках европейцев и индийцев (в Натале). Буржуазия банту развита крайне слабо, она немногочисленна и экономически слаба. Промышленной буржуазии, исключая владельцев ремесленных мастерских, нет. Торговая буржуазия занята исключительно, или почти исключительно, в сфере местного районного оборота.

Подобная ситуация наблюдается во многих африканских, да и не только африканских, колониях. Можно ли созданную таким образом экономическую связанность районов считать экономической общностью формирующейся нации? Скорее всего, нельзя. Буржуазная нация состоит из двух антагонистических классов — буржуазии и пролетариата, причем руководящая роль принадлежит буржуазии и ее националистической партии. Если народ, поработенный империализмом, еще не раскололся на антагонистические классы буржуазного общества, если буржуазия еще не противостоит основной массе народа как особый класс эксплуататоров, он образует не нацию, а народность.

Очевидно, что при подобной ситуации нация не создается, но создаются все предпосылки для становления нации сразу же после ликвидации колониального режима, когда не только производителем товарной массы, но и организатором, руководителем экономической связи становится сам народ или раскрепощенная от засилья иностранных монополий и быстро растущая национальная буржуазия. Общая историческая обстановка сейчас такова, что политической формой освобождения колониальных народов становится народная демократия, которая обеспечивает руководящую роль пролетариата и открывает стране путь к социализму. А это значит, что с ликвидацией колониального режима в подобного рода странах будет формироваться не буржуазная, а социалистическая нация. Темпы формирования социалистической нации будут определяться темпами перерастания демократической революции в революцию социалистическую.

Что касается Южно-Африканского Союза, то он представляет собой

особый и, пожалуй, уникальный случай. Там имеется компактная масса европейцев, составляющая одну четвертую часть всего населения. Невозможно предположить, что с ликвидацией империализма и установлением народной демократии произойдет слияние банту и европейского населения в одной нации. Скорее всего, в течение довольно длительного времени будут сосуществовать две дружеские социалистические нации при более или менее полном территориальном размежевании.

По-иному стоит в колониях также вопрос о роли экономического и идеологического факторов в процессе формирования нации. В обычных условиях национальное самосознание складывается значительно позднее образования экономической общности. В. И. Ленин указывал, имея в виду Европу, что национальная идеология порождена эпохой 1789—1871 гг., эпохой «массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государств на национальной основе»¹⁶. В колониях, по крайней мере во многих из них, эта борьба за свержение национального гнета и создание национальных государств разворачивается в условиях, когда национальная буржуазия развита еще слабо или находится еще в зародыше, когда экономическая общность как основа формирования нации еще не сложилась.

Не может быть нации без экономической общности, но в отсталых колониях в период кризиса колониальной системы формирование национального самосознания опережает формирование экономической общности. Национально-освободительное движение, в котором участвуют сейчас самые широкие народные массы, является могучим фактором ликвидации феодальной, племенной разобщенности и складывания людей в нации. Эта специфическая особенность формирования наций в условиях колониального режима требует серьезного исследования. Сама постановка этого вопроса требует еще дополнительной проверки на конкретном материале.

Приведенные здесь примеры показывают, во-первых, наличие серьезных трудностей в исследовании этой проблемы и, во-вторых, что такое исследование может дать науке много интересного.

Проблема формирования наций в условиях колониального режима имеет не только теоретический интерес, она имеет и большое политическое значение. Империалисты намеренно преувеличивают этническую раздробленность населения колоний и затем используют ее как аргумент против предоставления колониям независимости. Исследования по этой проблеме покажут, что за бесконечным множеством названий племен и народов скрываются крупные этнические общности, формирующиеся народности и нации. Эти исследования могут оказать серьезную помощь в практическом решении национального вопроса.

Совершенно другую, принципиально особую проблему представляет собой вопрос о путях формирования и развития национальных общностей населения таких стран, как Китай, Корея, Вьетнам, уже освободившихся от гнета империализма. Изучение этого вопроса представляет самостоятельную, крайне интересную и актуальную задачу, в разрешении которой этнографы также должны занять видное место.

Этнографическое изучение современных народов колониальных и полуколониальных стран неразрывно связано с непримиримой принципиальной борьбой против тех течений современной буржуазной этнографии, которые поставили себя на службу реакционной политике импе-

¹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 138.

риализма. Борьба с реакционной буржуазной этнографией является общей задачей всех этнографов, но на этнографов «колониальников» здесь ложится особая ответственность, ибо им больше всего приходится иметь дело с буржуазной этнографической литературой.

Особое внимание должно быть уделено разоблачению антинаучной, реакционной сущности английской функциональной школы и американской психологической школы в этнографии.

Функциональная школа является сейчас самой модной и наиболее распространенной школой в английской и отчасти в американской этнографии. Она выдает себя за последнее слово в этнографической науке, хотя на самом деле она представляет собой в теоретическом отношении отвратительный синтез всего отсталого, реакционного и антинаучного из всей предшествующей буржуазной этнографии и социологии. Она порождена кризисом колониальной системы и рассматривается колонизаторами как одно из средств преодоления этого кризиса.

Как уже указывалось выше, колониальные державы после первой мировой войны и победы Октябрьской революции в России, подорвавшей морально-политические устои империалистического господства в колониях, перешли к косвенному управлению, включив в систему колониальной администрации родо-племенную организацию со всеми ее институтами. Использование институтов родового общества в целях управления требует от колониальных чиновников знания этих институтов и тех функций, которые они выполняют в родовом обществе. Из этой потребности колониального управления и родилась функциональная школа в этнографии.

Наиболее яркой характерной особенностью функциональной школы является намеренное, открыто признаваемое подчинение этнографической работы задачам колониальной политики. Основоположник функциональной школы Малиновский, выступая на семинаре этнографов при лондонской Экономической школе в 1929 г., говорил, что «косвенное управление неизмеримо лучше прямого» управления, что применение косвенного управления требует тщательного изучения «туземных институтов», что «научная этнография» должна обслуживать нужды колониальной администрации.

Другой характерной чертой функциональной школы является ее полный отказ от исторического подхода к изучению явлений общественной жизни. Горячий приверженец этой школы, лектор колониальной администрации в той же лондонской Экономической школе Л. Майр заявляла, например, следующее: «Функциональная теория этнографии вообще, подчеркивает важность изучения туземной жизни, как она есть в действительности, и отрицает обращение к историческим корням, чтобы понять особенности социальной конфигурации»¹⁷.

Третьей характерной чертой функциональной школы является биологизация явлений общественной жизни, рассмотрение общества как биологического организма. «Функциональная этнография... — писал Редклифф-Браун, президент Королевского Антропологического общества Великобритании, — это изучение биологической функции культуры или институтов... Очевидно, что в человеческом роде общественная жизнь или культура имеет такую же биологическую функцию»¹⁸.

Функциональная школа означает по существу конец буржуазной этнографии как науки, превращение ее в простую служанку реакционной империалистической политики.

Господствующей школой в американской этнографии является психологическая или, как ее называют в нашей советской литературе, психорасистская школа. Если функциональная школа в английской этногра-

¹⁷ L. Mair, The place of History in the study of culture contact. Статья в сборн. «Methods of study of culture contact in Africa», London, 1938, стр. 3.

¹⁸ «Man», март-апрель, 1946, стр. 40.

фии служит реакционным целям укрепления английской колониальной империи, то психологическая школа в американской этнографии является оружием борьбы американского империализма за мировое господство. Как и функциональная школа, она не имеет ничего общего с этнографией, как наукой.

Психологическая школа пропагандирует расизм в наиболее изощренной, замаскированной форме. Представители этой школы говорят, что внешние, физические расовые различия не имеют никакого значения, они даже критикуют прежние биологические концепции расизма. Они утверждают, что дело, дескать, не во внешних расовых различиях, а в психологии. У каждого народа, говорят они, есть свой психологический профиль или своя «модель культур», своя психологическая «конфигурация». В переводе на общедоступный, т. е. человеческий, язык это означает, что у каждого народа есть свой национальный характер, свой национальный склад жизни.

Они утверждают далее, что одни народы обладают совершенным психическим профилем, а другие — несовершенным психическим профилем. И это является причиной всех бед современного общества: экономические кризисы, войны и пр. — все это объясняется отсутствием единой мировой «модели культуры». Нужно, оказывается, сдать в архив древностей разные «психологические профили», национальные «модели культуры» и создать единую мировую космополитическую «модель культуры». Прообразом этой космополитической «модели культуры» должна быть американская модель, так как «американский тип» объясняется прообразом будущего «высшего существа»¹⁹.

Этой реакционной космополитической концепции подчинена вся этнографическая, в том числе и полевая, деятельность представителей этой школы. Американская этнография после второй мировой войны, в полном соответствии с «доктриной Трумэна», значительно расширила сферу своих полевых исследований. Если раньше американская этнография ограничивалась по преимуществу американским континентом, то теперь американские этнографы посылаются в Индию и в Японию, в Африку и в Европу. Но вся их полевая деятельность сводится по существу к составлению «цветнических психорасистских характеристик «изучаемых» народов и к политической, военной разведке.

С этими реакционными, лженаучными направлениями в буржуазной этнографии надо вести систематическую и беспощадную борьбу. Эта борьба является одним из непреходящих условий правильного этнографического описания современных народов колоний.

Среди новейшей этнографической литературы по народам колоний встречается уже не мало трудов, принадлежащих перу этнографов, вышедших из среды национальной интеллигенции этих народов. Эти труды показывают наличие своеобразного «народнического» направления. Характерной чертой этого направления является идеализация прошлого родо-племенного быта, оплакивание уходящей в прошлое примитивности. Можно указать на книгу маорийца по матери Те Ранги Хироа (П. Бах) «Море-плаватели солнечного восхода». Как правильно отметил С. Токарев в предисловии к русскому изданию, автор рисует «тропическую идиллию счастливых островитян». Еще более резко проявляется эта идеализация в указанной выше книге Джомо Кеньята.

Объективно эти этнографы помогают империалистам, прикрывая проводимую ими реакционную политику консервации всего старого и отжившего. С их теориями необходимо также вести борьбу, а к использованию их фактического материала подходить сугубо критически.

¹⁹ Всесторонняя критика этих реакционных школ этнографии дана в ряде статей, опубликованных в журнале «Советская этнография» (№ 3 за 1948 г., № 2 за 1949 г. и др.).

В. В. БУНАК

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ *

Опубликованная в 1950 г. работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» стала прочным фундаментом дальнейшего развития обществоведческих наук, особенно науки о языке и истории первобытного общества. Важнейшие методологические вопросы исторического материализма, разрешенные товарищем Сталиным, установление им внеклассовой природы языка, глубокой древности многих признаков языка и других фактов, выяснение ошибочности господствовавшей языковедческой концепции акад. Марра — ставят на очередь и проблему происхождения речи в новом ее освещении.

Возникновение речи и начальные этапы ее развития могут быть поняты лишь в сопоставлении с развитием мышления, так как речь и мышление — две неразрывно связанные стороны единого процесса в становлении человека.

В таком понимании проблема происхождения речи выходит за пределы языковедения и может быть разрешена лишь на основе совместного учета данных ряда наук (психологии, физиологии, морфологии, антропологии, археологии и др.).

Развитие интеллекта происходило в неразрывной связи с изменением условий жизни зоологического предка человека, с изобретением и усовершенствованием орудий, с расширением власти человека над природой, укрупнением первобытных коллективов, преобразованием общественного строя. Эти факты, засвидетельствованные археологией, и должны быть положены в основу выделения этапов мышления и речи. Психологические и физиологические исследования позволяют вскрыть последовательность формирования усложняющихся видов умственной деятельности. Намечающаяся в увязке этих данных периодизация получает уточнение и проверку в антропологических материалах — в особенностях строения мозга ископаемого человека, о которых можно судить по следам в внутренней полости черепа, в относительных размерах и рельефе нижней челюсти, в положении и строении гортани, выясняемых сравнительно-анатомическим путем.

Схема начальных этапов развития мышления и речи, намечаемая в этом сообщении, основывается главным образом на морфологических и палеоантропологических исследованиях в их увязке с археологическими и психофизиологическими данными. Исходный антропологический материал рассмотрен в особой работе. В этом сообщении излагается в краткой форме итоговая характеристика главнейших начальных этапов развития мышления и речи¹.

* Печатается в порядке обсуждения. Доложено на заседании секций антропологии и истории первобытного общества этнографического совещания. 27 января 1951 г. Доклад представляет собой дополнительно разработанную главу исследования «Происхождение речи по антропологическим данным», публикуемого в сборнике Института этнографии.

¹ Исследований, охватывающих в целом проблему ранних этапов развития мышления и речи, в литературе, насколько известно, не имеется. Литература по отдель-

Доречевая стадия

Некоторое представление о доречевой стадии можно составить по данным о высших обезьянах, хотя, конечно, три группы современных крупных антропоидов занимают боковое положение в родословной человека и ни одну из них нельзя считать его непосредственной предковой формой.

Зарубежные зоопсихологи, используя различные эксперименты, сделали вывод о том, что шимпанзе и оранг почти достигли умения использовать внешние предметы в качестве орудий. Исследования И. П. Павлова и его школы (Войтонис², Вацуро³) справедливо отвергли это заключение.

Действительно, используя палки, камни и другие предметы (в том числе монеты), шимпанзе применяет их всегда в одной определенной или мало изменяющейся ситуации и не охватывает без особых стимулов других сходных обстоятельств, в которых освоенный предмет с успехом может быть использован.

В представлении о предмете не выделяются наиболее существенные его свойства; шимпанзе, например, делает попытки протянуть палку через решетку поперек. Представление о целевом значении того или иного действия или предмета, даже для высших обезьян, остается недоступным. Так, шимпанзе хорошо научается подметать сор метлой, но собрав сор, часто начинает его разбрасывать руками⁴.

В целом совершенно ясно, что абстрагирующая функция ума шимпанзе очень далека от самых элементарных форм анализа и обобщения, свойственных человеку.

Конечно, физиологический механизм умственной деятельности человека и животных один и тот же (И. П. Павлов⁵); в зачаточном виде процессы абстрагирования осуществляются и животными, особенно высшими обезьянами; по словам Энгельса⁶, «Только по степени (по развитию соответственного метода) они различны». Но количественное различие оказывается столь значительным, что становится качественным.

Если умственную деятельность высших обезьян назвать мышлением, то это мышление имеет в основе конкретные навыки и, таким образом, существенно отличается от человеческого, и по своему типу стоит ближе к умственной деятельности других млекопитающих, хотя и превосходит ее по количественному уровню.

Звуковые сигналы обезьян при всем их разнообразии и при наличии большого числа неэмотивных или слабо эмотивных звуков, сопровождающих различные акты поведения (так называемых «жизненных шумов»), совершенно не имеют общего содержания за пределами субъективного состояния индивидуума, а способность обезьян к восприятию и дифференциации звуков, не связанных с непосредственным опытом, крайне мала. Обезьяны никогда не подражают звукам речи. В нескольких случаях путем чрезвычайных и продолжительных усилий экспериментаторам удавалось научить оранга и шимпанзе воспроизводить один-два простейших слога, но установить какую-либо связь этих звуков с актами поведения оказалось невозможным⁷.

ним затронутым в статье вопросам антропологии, археологии, физиологии и другим очень обширна. В настоящей статье библиографическая документация не приводится. сделаны ссылки лишь на главные работы по узловым вопросам.

² Н. Войтонис, Предистория интеллекта, 1949.

³ Э. Вацуро, Исследование высшей нервной деятельности антропоида, 1948.

⁴ Г. З. Рогинский, Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов, 1948.

⁵ И. П. Павлов, Полное собрание трудов, т. III, 1947.

⁶ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1948, стр. 178.

⁷ Н. Ладыгина-Котс, Дитя шимпанзе и дитя человека... Труды Дарвиновского музея, т. 3, 1935.

Если тем не менее высшие обезьяны превосходят всех других животных по пластичности навыков, способности перестройки их, дифференцированности и широте внимания, необычайной подвижности и другим свойствам, то все они составляют не качественно новый этап в развитии интеллекта, а лишь дальнейшее обогащение общих для обезьян актов поведения, коренящихся в условиях существования наполовину двуруких животных. Из этих особенностей нужно упомянуть: большое развитие моторики руки, используемой для собирания пищи и ее подготовки, связанное с этим развитие поисковой деятельности, а также игровых инстинктов и, наконец, неограниченность периода половой деятельности одним сезоном и поддержание умственной и физической активности на постоянном уровне в течение всего года.

Несомненно, что эти условия имели огромное значение как предварительный этап в развитии интеллекта человека.

Непосредственные предшественники древнейших людей из группы высших антропоидов находились приблизительно на том же уровне развития, но следует думать, что, в отличие от современных обезьян, — голосодвигательная и звукоаналитическая функция играла у них значительно большую роль.

Предречевая стадия

Период, отделяющий плиоценовых, а вернее миоценовых, предков человека из группы высших антропоидов от древнейших людей раннего плейстоцена — питекантропов и синантропов, — остается наименее ясным морфологически и палеоантропологически.

Можно лишь отметить, что это был период перехода от случайного использования природных предметов — камня и палок, как у высших обезьян, к систематическому их применению. Непосредственный предок человека, в отличие от обезьян, уже не мог обходиться без камней и палок для того, чтобы сбить плод с ветки высокого дерева, раскопать съедобный корень, вскрыть раковину, защититься от нападения и т. д. Шимпанзе или оранг охотно пользуются камнем, чтобы разбить твердую скорлупу или раковину, но если им эта операция не удается или подходящего предмета нет, они бросают свою находку. У плиоценового прегоминида такая ситуация требовала иного разрешения, он был вынужден так или иначе применять внешнюю силу, использовать палки и камни систематически, хотя первоначально делал это, не сознавая преимуществ того или иного вида используемых внешних предметов и, конечно, не владея искусством изготовления орудий. Полудвуногие лесостепные приматы, лишенные специальных защитных приспособлений, не обладавшие большой силой и особым вооружением челюстей, могли отстоять свое существование лишь путем всестороннего использования ресурсов питания ограниченной территории, на которой они обитали. Камни, палки, включаясь в круг жизненно необходимых предметов, увеличивали силу рук, крепость челюстей, быстроту ног.

Потребовался ряд тысячелетий для того, чтобы предки человека познакомились с преимуществами заостренной или загнутой на конце палки и острого края раковин, научились различать породы камня, выделять из них кремь или обсидиан, распознавать значение и приемы изготовления сколов камня, использовать отщепы. Возникнув на основе поисковой и игровой деятельности, двигательные координации, отвечающие потребностям, постепенно фиксировались и стимулировали развитие премоторной, зрительной, осязательной — проприоцептивной зон коры мозга и соответствующих вторичных областей.

Одновременно с увеличивающимся выпрямлением тела и следствиями этого процесса — увеличением изгиба основания черепа, ослаблением челюстей — происходило опускание гортани, увеличивалась роль ротового

дыхания, редуцировались внегортанные мешки, перемещался щито-черпаловидный мускул и происходили другие изменения периферических звуковых органов (о чем сказано ниже).

Само собой разумеется, что все эти преобразования получили значение лишь постольку, поскольку они сопровождались разрастанием и дифференциацией голосодвигательной и звуковоспринимающей области коры в их специфической части.

В целом к промежуточному, предречевому, периоду нужно отнести значительную часть преобразований, приведших к человеческому типу. Нехватало лишь одного звена, но звена решающего — развития абстрагирующей функции интеллекта.

Начальная стадия развития речи и мышления.

Первые этапы

Решающий сдвиг, положивший грань между дочеловеческой и человеческой стадиями, связан с установлением преобладающей роли в познавательной деятельности элементов анализа и синтеза, иначе говоря, с возникновением общих понятий, хотя бы в их самой элементарной форме. Первобытный человек мог уже выделять из разнообразных видов камня один или несколько, наиболее удовлетворяющих определенным требованиям; производить над ними ряд манипуляций, соответствующих осознанной цели; устанавливать между различными действиями соотношения причины и следствия. Общие понятия возникали и сохранялись независимо от потребностей данной ситуации. Овладение ими выделяло человека из окружающего мира и открывало путь для подчинения природы, познания закономерности связи явлений. Непосредственная цепь реакций, как основа физиологического механизма головного мозга, в актах поведения осложнялась неограниченно разнообразными их сочетаниями и целесообразно направляемыми действиями.

Способность формировать общие понятия развивалась на протяжении долгого времени. Можно, однако, указать существенный признак того момента, когда процесс в первичном виде был завершен. Этот признак — намеренное изготовление каменных орудий. Изготовление даже наиболее примитивного отбитого скола или ядрища могло быть выполнено лишь тогда, когда первобытный человек осознал значение этих действий. Развитие интеллекта, подготовленное систематическим использованием внешних предметов, в сочетании с насущной потребностью в придании используемым палкам и камням целесообразной формы, неизбежно привело к возникновению общих понятий и начальных слов. Практика изготовления и применения орудий определяла познавательное значение общих понятий, а коллективная жизнь первобытного человека фиксировала их содержание и способствовала дальнейшему развитию.

Если грань между человеческой и предшествовавшей стадией — изготовление орудий⁸, то вместе с тем этой гранью было и овладение общими понятиями. В самом существе общих понятий заключается условие, обеспечивающее их дальнейшее развитие и усовершенствование, т. е. наиболее специфическое для человека условие умственной деятельности.

Необходимой предпосылкой развития общих понятий было развитие моторики руки и соответствующих зон коры мозга — премоторной, зрительной, тактильной — проприоцептивной. Известно, что сочетание двигательных, проприоцептивных и зрительных восприятий создает восприятие глубины. Разносторонняя ручная моторика не только обогащала интеллект новыми восприятиями, но вместе с тем была главным условием развития общих понятий, потому что в познании внешнего мира

⁸ См. Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1948, стр. 139.

решающее значение имеет установление взаимосвязи явлений на практике, результаты которой и отражают наше мышление. Эта сторона проблемы получила всестороннее обоснование в философских трудах Ленина, в учении о соотношении истины и действительности, и роли практики в познании⁹.

Но все же двигательная, зрительная, осязательная и проприоцептивная области высшей нервной деятельности не исчерпывают всех элементов, необходимых для абстрагирующей функции интеллекта. Ближайшей предпосылкой формирования общих понятий было включение в одновременно воспроизводимый комплекс разнородных представлений — акустических восприятий и голосодвигательных возбуждений, разрастание и дифференцировка соответствующих зон коры и связанных с ней вторичных областей, главным образом в нижней теменной доле. Возникающие в них очаги возбуждения приобрели значение узловых пунктов в формировании общих понятий и речевых звуков.

Ведущее значение речевой деятельности получило физиологическое истолкование в учении И. П. Павлова о второй сигнальной системе. «Кинэстетические раздражения, идущие к коре от речевых органов,— говорит И. П. Павлов,— есть вторичные сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет наше мышление, специально человеческое высшее мышление»¹⁰.

В этой связи становятся понятными данные современной клинической нейрофизиологии, устанавливающие, что смысловое содержание речи локализуется по преимуществу в пограничной теменно-височно-затылочной области. Поражение этой зоны влечет за собой нарушение смыслового содержания речи даже при сохранении звуковоспринимающей и речедвигательной функции — так называемая семантическая афазия¹¹.

Высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина о связи речи и мышления вполне точно отражают результаты современных морфо-физиологических исследований. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин написал: «Всякое слово (речь) уже *обобщает*. Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее»¹². По словам И. В. Сталина: «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время»¹³.

Понятия, как абстрагированная форма психической деятельности, не могли возникнуть без адекватного звука не только по физиологическому механизму, но и по биологическим и антропологическим условиям. Первоначальные понятия — слова — выражали наиболее существенные потребности первобытного коллектива и фиксировались как средства общения людей, не стеснявшие их деятельности. Этим требованиям удовлетворяли лишь звуки, воспроизводимые человеческим голосом. «Сознание с самого начала есть общественный продукт»¹⁴.

В свете этих данных окончательно теряет почву теория ручного языка и «ручного разума», защищавшаяся акад. Марром. Совершенно понятно, что движения руки по своему участию в деятельности человека и малой дифференцированности непригодны для того, чтобы стать основ-

⁹ См. В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 156, 161, 191.

¹⁰ И. П. Павлов, Полное собрание трудов, т. III, стр. 317. Высказывания И. П. Павлова о второй сигнальной системе подробно изложены в книге С. Доброгова «Речевые рефлексы», 1947.

¹¹ А. Лурия, Травматическая афазия, 1947, стр. 152.

¹² В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 256.

¹³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 46.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 21.

ным ядром общих понятий. Что же касается жестов вообще, то они требуют специального анализа. Необходимо различать жесты мимические, драматико-пантомимические, подражательные, игровые и пр. Последнего рода жесты существуют и у человека, например, движения при беспокойстве или нетерпении, поворот головы в ту сторону, в которую смотрят другие (бессознательное любопытство). Отличие человека состоит в том, что он производит такие жесты не только непроизвольно но и сознательно. Совершенно ясно, что для общих понятий имеют значение только эти сознательные жесты или вторичная пантомима. Ясно также, что такого рода жесты могут производиться лишь тогда, когда акты поведения человека становятся достаточно произвольными. В еще большей мере это условие относится к жестам символическим, указательным и другим. То, что известно о языке жестов у современных людей, с несомненностью указывает, что указательные и особенно символические жесты — сравнительно позднее приобретение человеческой культуры.

Я не имею возможности останавливаться на разборе теорий, разъясняющих пути, которые привели к прочной связи между общими понятиями и определенными звуками, т. е. к возникновению начальных слов. Отмечу только, что смысловая и звуковая стороны речи развивались в неразрывной связи, взаимно обуславливая одна другую, и что теория выразительных движений Дарвина¹⁵ нуждается в существенном дополнении, предусматривающем большую роль в развитии первоначальных фонем немотивных звуковых сигналов животных, названных мной «жизненными шумами».

Первые этапы формирования общих понятий, соответствующие ранним фазам намеренного изготовления орудий, археологически датируются нижним палеолитом. Первичные орудия, не имевшие еще закрепленной формы, в шелльскую эпоху сменяются орудиями определенного вида. Древнейшие палеоантропологически известные гоминиды, питекантропы и отчасти синантропы, поскольку их каменная индустрия не приобрела законченных форм, находились на самом начальном этапе развития мышления и речи. Более поздние шелльско-ашельские гоминиды, палеоантропологически мало известные, представляют второй этап.

Общие понятия на этом этапе развития были, конечно, очень немногочисленны и выражали основные потребности собирательской и охотничьей деятельности первобытного человека. Конкретные по содержанию, они были в то же время очень многозначны и выражали одновременно объект действия, его цель и средство. Только при этом условии первичные понятия могли выполнять свое назначение. Некоторое сходство с первичными словами можно отметить в речи ребенка на ранних стадиях развития. Известно, что фонемы детской речи в возрасте около одного года, например «ки» (киска), означают одновременно и название животного и констатацию его присутствия и желание видеть или погладить животное, а иногда испуг и пр. А в более старшем возрасте слово «ашка» (чашка) знаменует целый класс полых предметов — ведро, чайник, и т. д.¹⁶ Позднее эти наименования утрачивают характер сочетанного рефлекса на вид предметов¹⁷ и постепенно превращаются в звуковые образы разностороннего комплекса представлений о предметах внешнего мира, независимого от органических влечений индивидуума. Начальные звуковые обозначения предметов и явлений у первобытных людей также были речью, но, конечно, самой начальной ее стадией,

¹⁵ Ч. Дарвин, О выражении ощущений у человека и животных, перевод А. Ковалевского, 1896.

¹⁶ Г. Розенгарт-Пупко, Речь и развитие восприятия в раннем возрасте, 1948.

¹⁷ М. Кольцова, О возникновении и развитии второй сигнальной системы у ребенка, Труды Физиологического института им. Павлова, т. 10, 1949.

для которой характерны односложные, неизменяющиеся, не связанные одно с другим многозначные слова.

Существенный элемент в этой характеристике — изолированность отдельных понятий. Связь между ними еще не осознана, каждое существует независимо и приобретает смысл лишь в силу многозначности.

В фонетическом отношении начальные слова могли быть лишь односложными. Вполне понятно, что диффузные, однообразно повторяемые звуковые сигналы предков человека не могли непосредственно смениться разнообразным сочетанием звуков в одном речении. Быстрая последовательная смена одних артикуляций другими становится возможной лишь при значительном развитии координирующей функции премоторной коры и при ее заболеваниях часто нарушается и у современного человека (моторная афазия). С другой стороны, на протяжении фонационного акта, если не прилагать усилия к удержанию речевых органов в одном положении, они несколько перемещаются и создают различие между начальным и конечным звуком, т. е. порождают слог.

Учитывая сравнительно-морфологические и физиологические данные, следует вместе с тем сделать вывод, что в начальных словах, так же как в звуковых сигналах обезьян, преобладали гортанные и заднеротовые звуки, не дифференцированные по звонкости и по способу произношения.

Морфологические особенности внутренней полости черепа и скелета древнейших людей вполне подтверждают приведенную характеристику начальной речевой стадии. В слепках внутренней полости черепа питекантропа и синантропа при сравнении с типом антропоморфных обезьян устанавливается значительное укрупнение височной доли, премоторной области и несколько меньшее, но все же заметное, возрастание теменной доли, т. е. как раз тех участков коры, которые имеют наибольшее непосредственное значение для речевой деятельности человека¹⁸. Нижняя челюсть менее массивна по сравнению с антропоморфными, положение головы более выпрямленное, а вместе с тем основание черепа образует заметный изгиб. Все эти особенности указывают на значительное преобразование в положении гортани, в строении ее хрящей, мускулов и связок. В целом морфологические факты делают вполне вероятным, что питекантропы овладели уже несколькими произвольно произносимыми звуками с многозначным смысловым содержанием, т. е. находились на начальном этапе развития мышления и речи.

Начальная стадия развития речи и мышления.

Заключительный этап

В заключительной фазе нижнего палеолита (эпоха мустье) орудия получают более совершенную отделку, заостренные края, размеры их уменьшаются. Совершенствовалась и хозяйственная деятельность первобытного коллектива. Наиболее существенный сдвиг в этом периоде связан с широким использованием огня. Хотя первоначальное знакомство с огнем относится к предшествующей эпохе, а овладение способами добывания огня произошло много позже, остатки кострищ впервые становятся необходимым признаком стоянок первобытного человека именно в эпоху мустье. Широкое использование огня предполагает осознание таких явлений природы, как смена дня и ночи, тепла и холода, свойства твердых и жидких тел и т. д. Формирование понятий о внешних предметах, непосредственно не доступных для воздействия на них человека, следует рассматривать как новый этап в развитии мышления.

Все же каменная индустрия эпохи мустье свидетельствует скорее о количественном обогащении древнего типа, чем о кардинальном сдвиге

¹⁸ В. Буняк, Эндокранная полость палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш (Узбекистан), печатается в Сборнике МАЭ, т. XIII.

в типе хозяйства и культуры. Поэтому соответствующий этап развития мышления правильнее всего охарактеризовать как этап дифференцировки первоначальных понятий, увеличения их числа, без существенного изменения общего строя мышления.

Число используемых фонем соответственно возрастало, вероятнее всего путем освоения (вслед за гортанными и заднеротовыми) среднеротовых артикуляций и, может быть, некоторой дифференцировки звуков по звонкости и другим особенностям произношения, однако в пределах того же односложного типа, который характеризует предшествующий этап. Поэтому первый и второй этапы развития речи-мышления объединяются в одну стадию, которую можно наименовать стадией не связанных слов-предложений. Освоенные в этот период понятия и слова использовались изолированно в виде отдельных выкриков и дополнялись первичными и начинавшимися уже вторичными указательными жестами.

О постепенном расширении круга общих понятий и соответствующим им фонем на протяжении конечного отрезка нижнего палеолита свидетельствует и морфология наиболее известных представителей гоминид этого периода — неандертальцев. Для неандертальского типа характерно увеличение размеров мозга, особенно нижней и средней лобной извилины (премоторной зоны), но высота внутренней полости, передвижение медиальных концов борозд во фронтальном направлении, указывающее на увеличение теменной доли у неандертальца, далеко не достигает степени, свойственной позднейшим формам гоминид¹⁹. Все это говорит лишь о количественном сдвиге в умственной деятельности неандертальца по сравнению с таковой питекантропа, но не о существенной перестройке абстрагирующих функций интеллекта.

В преобразовании нижней челюсти, характерном для неандертальского типа, особое значение имеют уменьшение относительных размеров и возникновение сложного рельефа.

Известно, что современный человек может произнести в одну минуту много сотен разных звуков. Совершенно понятно, что соответствующие такому темпу изменений артикуляции перемещения нижней челюсти не осуществимы при очень крупных ее размерах и массивности жевательных мышц. Речевая функция становится возможной только тогда, когда относительная величина нижней челюсти уменьшается, а жевательная мускулатура утрачивает мощное развитие, о чем можно судить по появлению на челюсти элементов отрицательного рельефа, т. е. углублений, соответствующих облегчению костной массы в участках, испытывающих наименьшее напряжение при работе. Существенно также положение мило-гнойной (подбородочно-подъязычной) линии, указывающей на уровень расположения верхнего края гортани. Развитие наружного подбородочного выступа, хотя и не может быть поставлено в непосредственную зависимость от работы челюсти при произнесении звуков, но косвенным путем служит немаловажным показателем сдвигов в строении, приведших к овладению речевой функцией.

Неандертальский человек во всех этих признаках представляет определенный сдвиг по сравнению с группой питекантропов, но вместе с тем отличается от современного человека настолько, что его речевую функцию следует признать крайне ограниченной, едва ли выходящей за пределы односложных фонем, т. е. принципиально однотипной с древнейшей гоминидной, хотя и превосходящей ее по количественному уровню.

Продолжавшийся у неандертальца, но далеко не законченный, процесс выпрямления головы, о котором свидетельствуют строение основания черепа и положение остистых отростков шейных позвонков, несомненно, вызывал дальнейшее перемещение гортани и связанный с ним цикл преобразования периферических речевых органов. Однако этот

¹⁹ В. В. Бунак, Указ. работа.

процесс далеко еще не получил законченного выражения, свойственного позднейшим гоминидам.

В пояснение этой мысли уместно привести несколько фактов из области сравнительной анатомии.

У млекопитающих мягкое нёбо имеет большую длину, опускается в спокойном состоянии почти до корня языка, гортань сдвинута дальше в направлении к позвоночнику, верхний край надгортанного хряща лежит сравнительно высоко, иногда на уровне ротовой полости, как, например, у копытных²⁰. Животное с таким строением носоглотки имеет возможность принимать пищу, не прерывая дыхания, т. е. не закрывая гортань надгортанным хрящом. У обезьян, в том числе и высших, описанный тип строения в основном сохраняется: надгортанник отделен от корня языка ложбинкой, верхний край его стоит значительно выше, чем у человека, и занимает место позади мягкого нёба²¹.

Выпрямление тела, образование выступа шейных позвонков, укорочение челюстей влекли за собой повышение уровня хоан, удлинение задней части языка, опущение гиодной кости и, стало быть, гортани в целом. Возникшая в результате менее тесная связь гортани и носовых ходов вызвала усиление роли ротового дыхания и затрудняла при приеме пищи дыхание через нос. Все эти преобразования структуры становятся возможными лишь после того, как в распознавании пищи зрительные и осязательные восприятия приобретают преобладающее значение и заменяют восприятия обонятельные. Начало процесса перестройки связано с условиями древесной жизни, окончание его характеризует стадии очеловечения группы приматов.

Опущение гортани не могло не оказать влияния на структуру хрящей, мускулов и связок гортани²². В непосредственную или косвенную связь с опущением гортани нужно поставить более горизонтальное расположение голосовой складки, уплотнение и округление ее свободного края, а возможно и обособление голосового мускула, более тонкую дифференцировку отдельных мускулов, укрупнение и выпрямление медиального края черпаловидного хряща, редукцию внегортанных полостей и другие структурные особенности, отличающие гортань человека.

Результатом преобразования строения было возникновение человеческого голосового аппарата. Установление тесной связи гортани и ротовой полости сделало возможным возникновение ротовой фонации, опущение гортани и утолщение голосовой складки — появление сильного грудного голоса без участия голосовых мешков. Округление свободных концов складки привело к образованию (при напряжении складки) обертонов, близких к основному, т. е. к замене пронзительных криков мелодическим голосом. Обособление голосового мускула обеспечило тонкую регуляцию силы и высоты звука, а плотное смыкание голосовой щели требовало волевых усилий для фонации и создавало предпосылки для определенной смысловой нагрузки издаваемых звуков.

Исходный пункт преобразования речевого аппарата и механизм его перестройки заключаются в выпрямлении тела и установке продольной оси черепа в горизонтальной плоскости. Результаты сравнительно-анатомического изучения доставили полное подтверждение общего вывода, сформулированного И. В. Сталиным в одной из ранних его работ. В книге «Анархизм или социализм?»²³ товарищ Сталин писал: «Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок ее — человек — не мог бы свободно пользоваться своими

²⁰ А. Климов, *Анатомия домашних животных*, т. II, 1940.

²¹ J. N e m a i, *Das Stirnorgan d. Primaten*, Ztschr. Anat. Entwicklungsgesch., Bd. 81, 1926.

²² V. N e g u s, *Observations on the Evolution of Man from the Evidence of the Larynx*, Acta Oto-Laryngologica, 12, 1930.

²³ И. В. Сталин, *Соч.*, т. I, стр. 313.

легкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания».

Выясняемая сравнительной морфологией связь положения головы и развития органов речи позволяет восстановить по остаткам скелета ископаемого человека свойственные ему особенности строения речевого аппарата и его функции. Все, что известно о неандертальском человеке, с определенностью устанавливает, что люди нижнего палеолита, независимо от других причин, лишь по строению голосовых органов, располагали ограниченными возможностями ротовой фонации и нюансировки издаваемых звуков. У более древних гоминид, питекантропов и синантропов речевая деятельность могла находиться лишь в самой начальной фазе.

Вывод из морфологических и палеоантропологических фактов полностью подтверждает данную выше характеристику развития мышления-речи, основанную на анализе условий среды и данных археологии.

Вторая стадия развития мышления и речи. Стадия связанных речений

Овладение искусством изготовления орудий и начальными понятиями неизбежно убыстряло темп развития хозяйственной деятельности и культуры первобытного человека и вело к усовершенствованию его интеллекта. Не связанные между собой многозначные понятия-слова, дополняемые вторичной пантомимой, перестают удовлетворять потребностям коллектива.

Дальнейшее развитие приводит к овладению способностью образовывать разнообразные связи между понятиями, так называемые «синтагмы»²⁴, сперва наиболее простые, между двумя понятиями, а потом и более сложные. Главный вид парной связи понятий, лежащий в основе всех других и составляющий условие их появления, — связь выделяемого явления с присущим ему действием или состоянием, или связь субъекта и предиката (подлежащего и сказуемого), хотя первоначальные слова конечно, не имели формальных грамматических признаков этих частей предложения.

В предшествующий период два основных элемента логического процесса еще не выделяются в качестве самостоятельных понятий, они заключаются в едином слове-предложении, выкрике — призыве, выражающем действие и его цель и средство. Несвязанные слова выражали соотношение явлений крайне неопределенно. Законченная мысль становится возможной лишь тогда, когда субъект и его действия обособляются в сознании и между ними устанавливается каждый раз одно определенное соотношение, в разных случаях неодинаковое, — например олень бежит, олень пасется, олень убит и т. д. С освоением соотношения понятий, хотя бы в элементарном виде парного синтагма, преодолевает последний рубеж, отделяющий мышление человека от более примитивных форм умственной деятельности, открывается путь для дальнейшего неограниченного развития человеческого интеллекта.

Осознание связи понятий есть в то же время освоение способности сочетать в одном речевом акте различные слова и, конечно, сочетать и каждый раз по-разному.

Освоение синтагмов или связанной речи, в отличие от предшествующих этапов, для которых характерны изолированные слова и понятия означает кардинальный сдвиг в развитии мышления и речи, не меньший по значению, чем освоение первичных общих понятий и фонем. С овладением способностью формировать синтагмы начинается вторая стадия развития речи и мышления, стадия «связанных речений». Было бы при-

²⁴ А. Лурья, Указ. раб.

вильно присвоить ей наименование «членораздельная речь», и не только по формальному признаку — наличию отдельных частей в предложении, — но и по основному отличию — расчлененности основных логических элементов.

К сожалению, в языковедческой литературе наименование «членораздельная речь» не получило еще определенного содержания. Иногда к этому речевому типу относят и речь, не достигшую стадии синтагмов. В таком понимании термины «речь» и «членораздельная» речь становятся синонимами, потому что звуковые сигналы, не связанные с общими понятиями, свойственные пещерному предку человека, а тем более антропоморфным формам, не могут быть названы речью. Разумеется, значение всякого термина всегда всегда условно, но условия, определяющие термин, целесообразно устанавливать по ведущему признаку. Таким признаком является одновременно содержание мыслительной деятельности, форма и фонетика отдельных предложений. Тот факт, что в современных языках, а равно и в древних их формах, восстанавливаемых сравнительным изучением, не имеется определенных следов ранней, несвязанной речи, не может служить основанием для игнорирования этого этапа развития мыслительно-речевой деятельности. Одна из причин неясности в применении терминов «членораздельная» и «нечленораздельная» речь заключается в противоречивых и ошибочных утверждениях акад. Марра относительно «языка жестов» и «ручной речи». В настоящее время совершенно ясно, что основная линия развития мыслительно-речевой деятельности связана с усовершенствованием звуковоспринимающей и звукодвижительной сферы головного мозга. Ясно также, что сочетание понятий и сочетание слов могло возникнуть лишь на основе продолжительного пользования только изолированными многозначными понятиями и односложными словами, не изменяемыми по форме и звучанию. Все эти признаки очень четко выражаются в наименовании «нечленораздельная» речь. Поэтому мне представляется, что употребление терминов «членораздельная» и «нечленораздельная» речь и в указанном их значении могло бы способствовать дальнейшему плодотворному исследованию проблемы.

Возникновение связанной речи явным образом обусловлено ростом количественного состава первобытной орды, усовершенствованием приемов охоты, освоением техники изготовления тонких орудий, изобретением метательного орудия — гарпуна, расширением хозяйственного инвентаря, а в общественной организации — переходом к зачаткам родовой организации.

В целом этот комплекс преобразований общественной среды означает переход к культуре верхнего палеолита.

Палеоантропологические материалы верхнего палеолита устанавливают, что люди этого периода полностью принадлежали к современному типу (*Homo sapiens*). Сохраняя некоторые второстепенные отличия, человек верхнего палеолита имеет уже все основные признаки современных групп человечества в строении мозга, нижней челюсти, скелета и, стало быть, периферического речевого аппарата. Морфологические данные в согласии со всеми другими устанавливают, что последующее, несомненно очень значительное развитие речевой и мыслительной деятельности было лишь усовершенствованием элементов, освоенных в верхнем палеолите, и не сопровождалось столь существенными изменениями, которые характеризуют переход от нижнего палеолита к верхнему. Как было уже отмечено, овладение способностью образовывать начальные синтагмы потенциально заключало в себе условия дальнейшего неограниченного развития интеллекта на основе опыта и научения. Освоение связанной речи, таким образом, заканчивает начальные стадии развития мышления-речи, вскрываемые антропологически.

Параллельно со смысловой стороной речи развивалась и звуковая.

Для характеристики начальных стадий развития фонетики необходимо учесть: 1) звуковые сигналы антропоморфных; 2) начальные звуки речи младенца; 3) физиологические данные, устанавливающие большую возбудимость (хронаксию) задних отделов надгортанной трубки; 4) необходимость более тонкой корковой координации движения речевых органов для точных артикуляций, смычных, щелевых и определенных по звонкости.

Учитывая все эти факты, следует сделать вывод, что в начальной речи преобладали гортанные, язычковые и заднеротовые звуки, мало дифференцированные по способу произношения, т. е. преимущественно смычно-щелевые звуки. (аффрикаты) различных степеней звонкости. В дальнейшем развитии постепенно возрастало участие в фонетическом акте средних и передних отделов языка, губ, а также дифференциация звонкости и способа произношения. Увеличение активности средней части языка приводило к дифференциации, конечно, не окончательной, зато точных гласных звуков и разнообразных вибрантов, дрожащих движений языка, нёба и губ, производящих некоторые виды плавных «р» и «л». Гласные звуки, по мнению многих лингвистов, принадлежат к числу поздних фонетических формирований²⁵. Действительно, в жизненных шумах обезьян этот вид звука выражен крайне неопределенно, а в многих языках огласовка составляет менее определенный признак, чем согласные звуки. Начало дифференциации гласных, полугласных и плавных следует выделить как второй этап (первой стадии) развития речи. Овладение произношением переднеязычных, губно-зубных и зубных звуков характеризует третью фазу, хотя не только на этом этапе, но и в последующих передние ротовые звуки не занимают еще большого места в составе фонем и, наверное, сохранили диффузный характер по артикуляции, не имея четкого разграничения переднеязычных апикальных дорзальных звуков — «т», «д» и пр.

Овладение работой отдельных частей речевого аппарата открыло возможность дальнейшей дифференциации первоначально нейтральных звуков по звонкости и по способу произношения. Этот процесс следует считать характерным для второй стадии развития речи, несомненно очень длительной, продолжавшейся, как показывает изучение современных языков, на протяжении значительного периода.

Намечаемая последовательность в освоении различных фонем получает солидное обоснование в данных физиологии. Электрофизиологические исследования устанавливают, что хронаксия речевых мышц, имея наибольшую величину в гортанном отделе, постепенно убывает при переходе от гортани к языку и губам²⁶.

В пределах настоящей работы нет надобности рассматривать сложные пути преобразования фонем, их соответствие и расхождение в разных языках, но необходимо отметить, что древние формы некоторых языков характеризуются не меньшим, а скорее большим разнообразием фонетических элементов, и лишь постепенно число их сокращается в результате отпадения мало дифференцированных (в этом смысле) сложных артикуляций и сохранения наиболее четких. В качестве примера сложной архаической фонемы можно привести такое речение, «тьфу». Способ его произношения Л. В. Щерба²⁷ описывает следующим образом. «Кончик языка смыкается с верхней губой, потом струя воздуха порождает губное «т» и губно-зубное «в» и некоторый тон, напоминающий русское «у». Само собой понятно, что произношение тако-

²⁵ J. van Gineken, La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité, Verh. Nederl. Akad. Wetenschappen, 44, 1939.

²⁶ L. Kaiser, Some properties of the speech muscles, Arch. Phonet. Exper. 1934.

²⁷ Л. Щерба, О диффузных звуках, Сборник Н. Я. Марра, 1935.

звука требует гораздо большей затраты энергии и времени, чем артикуляция четких и кратких фонетических элементов «т» и «ф».

Труды лингвистов установили, что на протяжении истории языка не которые фонетические особенности постепенно испытывают изменения, например в позднейшем русском языке исчезли носовые звуки, имевшиеся в древней русской речи²⁸. В истории других языков отмечается уменьшение числа смычно-щелевых звуков (аффрикатов) и замена их чисто смычными или чисто щелевыми, а также убывание градаций звонкости.

Такого рода тенденции констатируются и в пределах современного языка. Подсчет звуков, используемых в письменной речи, произведенный В. В. Воробьевым²⁹, показал, что в трудах лучших русских писателей число трудно произносимых звуков значительно меньше, чем в обычной письменной речи.

Изучение развития фонетики в детском возрасте не может доставить решающих данных для понимания истории речи, но дает частичные иллюстрации этого процесса. Первые звуки младенческого лепета исключительно гортанные и заднеязычные³⁰. На пятом месяце появляются губные и губно-зубные звуки, что, наверное, связано с подражанием движению губ разговаривающих с ребенком взрослых. На восьмом месяце появляются зубные и зубно-губные звуки. К концу года младенец, хотя неполно, произносит протяжные «в, л, с» и лишь на втором году шипящие и свистящие звуки, «р» и другие. В целом последовательность в овладении частями речевого аппарата у младенца имеет много общего с изложенной выше схемой.

Заклячая краткую характеристику начальных этапов развития мышления и речи, необходимо отметить, что статья, в качестве первого опыта комплексного исследования, не претендует на исчерпывающую и законченную формулировку отдельных выводов. Вполне доказательными представляются лишь основные факты: неразрывная связь развития мышления и звуковой стороны речи; ведущее значение изменяющихся условий природной и общественной среды; решительные сдвиги в развитии интеллекта, приуроченные, во-первых, к овладению искусством изготовления орудий, во-вторых, к переходу от нижнего палеолита к верхнему; процесс выпрямления тела как движущая сила в перестройке периферических органов речи; выводы, следующие из изучения скелета ископаемого человека относительно эндокрана, положения гортани, работы нижней челюсти.

Во всяком случае в настоящее время вопрос о начальных этапах развития мышления и речи не является уже чисто умозрительным, лишенным конкретной научной основы.

Проблема происхождения мышления и ранних этапов ее развития — основная проблема в учении о происхождении человека. В советской антропологии и в теории антропогенеза она должна занять подобающее ей место.

²⁸ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Энциклопедия славянской филологии, вып. 11, Петроград, Ак. Наук, 1915.

²⁹ В. Воробьев, К физиологии речи, «Неврологический вестник», 1896.

³⁰ Д. Фигурин и А. Денисова, Этапы развития поведения детей в возрасте от рождения до года, 1949.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ

КАНГЮЙСКАЯ ЭТНО-ТОПОНИМИКА В ОРХОНСКИХ ТЕКСТАХ

И. КАНГҮ-ТАРБАН

1. Западная граница Восточно-тюркского каганата

Конец VII — начало VIII в. н. э. были эпохой расцвета политической мощи Восточно-тюркского каганата. Выражениями, полными эпического пафоса, рисуют Кошо-Цайдамские стеллы военное могущество тюркских каганов: «По милости Неба он (Ильгерес-каган. — С. К.) отнял племенные союзы у имевших племенные союзы... и отнял каганов у имевших [своих] каганов... врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить [колени], а имевших головы он заставил склонить [головы]»¹.

В период победоносных войн первого пятнадцатилетия VIII в. границы тюркского каганата, пределы власти тюркских каганов, пределы их далеких походов оказались в новой сложной связи между собой. В связи с этим вопрос о западной границе Восточно-тюркского каганата отнюдь нельзя считать разрешенным, несмотря на прямое указание текста надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана. Ввиду важности всего контекста для понимания нужного нам места приведем полностью отрывок, посвященный походам времени правления Мочжо-кагана (692—716).

«Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я (Бильге-каган. — С. К.) сам был шадом над народом Тардуш. С моим дядей-каганом мы ходили войной вперед (т. е. на восток), вплоть до Шантунгской равнины, орошаемой Яшиль-үгүз'ом; назад (т. е. на запад) мы ходили войной вплоть до Темир-Капыг'а; мы ходили войной на Көгменскую чернь, до страны кыргызов. Всего мы ходили в поход 25 раз, дали 13 сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших [во главе у себя] каганов, имевших колени заставили преклонить [колени], имевших головы заставили склонить [головы]. Тюркешский каган был нашим же тюрком [из] нашего же народа. Так как он не понимал [своего блага] и провинился перед нами, то [сам] каган умер (т. е. был убит), его «приказные» и правители были также убиты, народ «десятистрел» подвергся притеснению. Говоря: «Пусть не будет без хозяина страна (буквально: земля и вода), принадлежавшие нашим предкам, мы, устроив немногочисленный (или: азский) народ». (неразборчиво 13 знаков)... был Барс-бег; мы в то время (или: при тех обстоятельствах)

¹ Памятник в честь Кюль-тегина, большая надпись, перевод С. Е. Малова, строка 15 (в дальнейшем цит. КТб).

даровали [ему] титул кагана и дали [ему] в супружество [мою] младшую сестру-княжну. [Но] сам он провинился, [а потому] каган умер (т. е. был убит), а народ его стал рабнями и рабами. Говоря: «Пусть не останется без хозяина страна Кёгменская», мы завели порядок в немногочисленном (т. е. пришедшем тогда в упадок) народе кыргызов; мы пришли, сразились и снова дали страну для управления кыргызу... воротились. Вперед, (т. е. на восток), за Кадырканской чернью мы поселили таким образом народ и завели в нем порядок; назад (т. е. на запад), вплоть до Кянгү-Тармана памятник в честь Бильге-кагана: Кянгү-Тарбан². — С. К.) мы поселили (таким образом тюркский народ и завели в нем порядок³. В то время [наши] рабы стали рабовладельцами, а [наши] рабыни — рабовладелицами; младшие братья не знали своих старших братьев, а сыновья не знали своих отцов (по благосостоянию, обширности и дальности кочевий). Таков был приобретенный нами племенной союз и такова проявлявшаяся нами власть! [О, вы], тюркские [и?] огузские беки и народ, слушайте!»⁴.

Двадцать первая строка надписи называет в качестве западной границы тюркского каганата в период его наибольшего могущества до сих пор оставшуюся неотожествленной в специальной литературе местность Кянгү-Тарбан.

Первая локализация Кянгү-Тарбана принадлежит Э. Паркеру, поставившему Тарман в связь с «Тянь-мань» китайских источников — хребтом, ограничивающим с юга страну кыргызов⁵. Уже Ф. Хирт указал на несостоятельность этой точки зрения как в лингвистическом, так и в историко-географическом отношении⁶. Однако, предположение Хирта⁷ о том, что Тарбан (~ Дербенд) есть лишь второе название Темир-Капыг'а (Железных Ворот), сделанное без учета контекста надписей, не может быть принято, на что указывал в свое время П. М. Мелиоранский⁸. К возражениям Мелиоранского надо добавить, что в то время как Железные Ворота трактуются в надписях для данного периода как граница отдаленных походов Бильге-кагана и Кюль-тегина, Кянгү-Тарбан — это граница расселения тюркских племен, входивших в политическую организацию тюркского каганата. «Кянгү-Тарбан» так же не может быть синонимом «Железных Ворот», как «Кадырканская чернь»⁹ не может быть синонимом «Шантунгской равнины»¹⁰. Таким образом, обе попытки локализации Кянгү-Тарбана нельзя признать удовлетворительными.

2. Ворота в Согд

Надписи прямо противопоставляют Кянгү-Тарбан как западную границу каганата его восточной границе — Кадырканской черни. Отмечая высокую точность передачи надписями тех исторических, хронологических и географических данных, с которыми связана деятельность

² V. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, Хельсинки, 1896, стр. 105. В сводном тексте Томсен принял написание «Кянгү-Тарбан», которого мы и будем придерживаться.

³ Ильгяру Кадыркан јашыу аша, будунуу анча контуртымыз, анча итдимиз; курыгару Кянгү Тарманка таги түрк будунуу анча контуртымыз, анча итдимиз, КТб, 21 (Разрядка наша. — С. К.).

⁴ КТб, 17—22.

⁵ E. H. Parker, *Реч. на: V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon*, *Journal of the China branch of the RAS*, т. XXXI, 1896—1897, стр. 21.

⁶ F. Hirth, *Nachworte zur Inschriften des Tonjukuks*, *ATIM*, 2-я серия, стр. 84—90.

⁷ Там же.

⁸ П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-тегина*, *Записки восточного отдела Русского археол. об-ва*, т. XII, СПб., 1898, стр. 113.

⁹ Большой Хинганский хребет (П. М. Мелиоранский, *Указ. соч.*, стр. 98).

¹⁰ Долина Хуан-хэ (там же, стр. 85).

Бильге-кагана и Кюль-тегина, мы вправе сделать вывод, что Кянгү-Тарбан никоим образом не мог быть расположен западнее Сыр-Дарьи, так как для указанного периода область между Сыр-Дарьей (Йенчү-үгүз) и Железными Воротами, населенная «согдийским народом» («согдак будун»),¹¹ представляла собой для автора надписи единое территориально-этническое образование, не входившее в пределы границ каганата, что и соответствует конкретной исторической действительности. В то же время отнюдь нельзя полагать, что автор текста из скромности поместил границу каганата восточнее ее действительного местоположения. Каковы были в тот момент пределы каганата, показывает контекст предыдущих строк, оказавшийся вне поля зрения авторов, занимавшихся данным вопросом. В 18—19-й строках (и параллельно в 38—39-й строках) памятника в честь Кюль-тегина рассказывается о тех событиях, результатом которых явилось распространение пределов расселения тюркского народа вплоть до Кянгү-Тарбана — речь идет о завоевании и включении в состав владений Восточно-тюркского каганата территории Семиречья, включая бассейны рек Чу и Талас, заселенной тюркешами и «народом десяти стрел» («он ок будун»)¹². Более подробно излагают те же события китайские источники¹³, данные которых полностью совпадают с данными надписей.

Таким образом, Кянгү-Тарбан надлежит локализовать западнее бассейна рек Чу и Талас (территория «народа десяти стрел») и восточнее Сыр-Дарьи (граница Согда).

Прямых указаний на содержание термина «Кянгү-Тарбан» в надписях нет. Мало вероятно, что под этим названием выступает обозначение какого-либо естественно-географического пункта, так как названия таких пунктов сопровождаются в надписях соответствующим географическим термином (Йенчү-үгүз, Отүкяң-йыш, Темир-капы, Шангтун-йазы, Чугай-йыш, Түрги-яргун-көль, Артис-үгүз, Чуш-башы и т. д.). Фиксирование именем Кянгү-Тарбан западной границы каганата в тексте, предназначенном для всей политически активной части тюркского народа (ср. обращение: «О, вы, тюркские и огузские беки и народ, слушайте!»), показывает, что имя это хорошо известно «слушателям».

Указанные обстоятельства заставляют полагать, что речь идет о названии области¹⁴ или города, известном прежде всего в связи с окончательным подчинением «десятистрельного народа» и походом в Согд (712—713). Так как в тексте памятника граница, установленная или достигнутая в результате похода, всегда связывается с непосредственным направлением похода, то естественно полагать, что Кянгү-Тарбан — последний пункт, до которого тюркские отряды в походах 712—713 гг. доходили по территории, включенной в пределы каганата, и за которыми они вступали на чужую территорию; вслед за этим происходила переправа через Сыр-Дарью, означавшая вступление в Согд. Местоположение Кянгү-Тарбана между восточной границей Согда (Сыр-Дарья) и западными областями тюркского каганата указывает, что территория, обозначенная в надписях именем Кянгү-Тарбан, рассматривалась Бильге-каганом, от имени которого ведется повествование, как независимое территориально-политическое целое.

Что же скрывалось за этим названием в историко-географической реальности?

¹¹ КТб, 39.

¹² V. Thomsen, *Turcica, Etudes concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie*, Mémoires de la Société finno-ougrienne, т. XXXVII, Хельсинки, 1916, стр. 4—17; E. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*, Сборн. трудов Орхонской экспедиции, т. VI, АН, СПб., 1903, стр. 270—273.

¹³ E. Chavannes, *Указ. соч.*, стр. 283—284.

¹⁴ Ср. «Түпүт» — Тибет (КТм, 3) «Табгач» — Китай (КТм, 12).

3. Столица Шаша

В то время, когда Бильге-каган и Кюль-тегин занимались подчинением развалившихся частей Западно-тюркского каганата, за Сыр-Дарьей решалась судьба Согдианы. В 712 г. арабские войска осаждают Самарканд, и Гурек молит о помощи соседних владетелей: «...и окружил Кутейба население Самарканда, и несколько раз встречались они и сражались и написал царь Согда царю Шаша (ملك الشاش)¹⁵, а тот жил в Тарбанде (طابند). И пришел он во главе множества воинов. И встретили их мусульмане и сразились жестокой битвой. Затем Кутейба напал на них и обратил их в бегство. И заключил с ним мир Гурек за дань в 2.200 000 дирхемов ежегодно...»¹⁶. В этом описании особый интерес для нашей темы представляет упоминание города Тарбанд — резиденции владетеля Шаша в указанный период. Тождество его с Тарбаном надписей представляется несомненным ввиду совпадения места (район средней Сыр-Дарьи, соседний с Согдом), времени (711—712) и содержания обоих понятий. Отпадение неслогового «д» в двусогласном исходе (Тарбанд ~ Тарбан) — явление, вполне закономерное для тюркских языков. Слово «Кāнгү» в унитарно оформленной дательно-направительным падежом конструкции «Кāнгү-Тарбанка тāги» имеет атрибутивное значение, отражающее для данного района обобщенное территориально-административное представление автора текста.

Прямых указаний на точную локализацию города Тарбанд не имеется, и потому первостепенное значение приобретает указание В. В. Бартольда, что «часто встречающееся у историков название древней столицы Шаша Тарбанд у географов не упоминается»¹⁷. Учитывая невозможность пропуска этого города в весьма многочисленных и подробнейших описаниях данного района в арабо- и персоязычной географической литературе IX—X вв.; учитывая малую допустимость полного и внезапного исчезновения города с того времени, к которому восходят ранние источники ат-Табари и ал-Белазури (начало IX в.), ко времени первых описаний этого района в дошедших до нас географических сочинениях (середина IX—X вв.), частью основанных на столь же и более ранних источниках; учитывая, что ни одно из городищ средней Сыр-Дарьи, существовавших в период арабского завоевания, в результате их археологического обследования не дало картины упадка для VIII—X вв.¹⁸, — остается предположить, что название города выступает в географической литературе под иным написанием, отражающим другое произношение того же названия или же другое имя. В этом смысле предположение Д. Х. Мюллера¹⁹, поддержанное и развитое И. Марвкартом, согласно которому «Тарбанд» есть стяженная форма из согдийского «Трарбанд»²⁰, является наиболее убедительным. Позднее это имя выступает в протезированной, вероятно, на тюркской языковой почве, форме «Турарбанд», «Отрарбанде», «Турар» или «Отрар». Наиболее полную сводку названий Отрара, отражающую постоянные орфоэпические колебания, дает Якут: «Турарбанд

¹⁵ Титул царя Шаша у Бируни — *قَدْن* (см. С. Salemann, Zur Handschriftenkunde al-Biruni's al-Atar al-baqiah, ИАН, 1912, № 14, стр. 867).

¹⁶ Ал-Белазури, изд. М. de Goeje, стр. 421; ср. ат-Табари, Annales..., II, 1518, 1521.

¹⁷ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, СПб., 1900, стр. 171, прим. 10.

¹⁸ А. Н. Бернштам, Отчет о работах 1948 г. в Южном Казахстане, Известия КазАН, серия археол., вып. 3; А. И. Тереножкин, Холм Ак-тепе близ Ташкента. Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1948.

¹⁹ Encycl. Isl. стр. 723.

²⁰ J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen, Берлин, 1914, стр. 92: (в дальнейшем цит. Komanen): «Der Name... Trar bedeutete im Sogdischen «Uebergang» *طار بند طارند* «Uebergangspere».

(طَارَازْبَنْد)... — город за Сейхуном, из самых отдаленных городов Шаша, примыкает к Туркестану, а это последняя из областей ислама, примыкающих к Мавераннахру. Народ этой страны произносит по-разному это имя, и они говорят «Турар» (طَارَاز) и «Отрар» (اُتْرَار)²¹.

Исследования Южноказахстанской археологической экспедиции под руководством А. Н. Бернштама показали, что как поселение городского типа Отрар непрерывно существует, начиная с V—IV вв. до н. э. и вплоть до его угасания в послетимуридскую эпоху²². До проведения систематических раскопок²³ нельзя установить характера раннесредневековых слоев городища, однако уже теперь можно констатировать, что в VIII—XIII вв. Отрар был одним из крупнейших, если не самым крупным городом средней Сыр-Дарьи, наиболее значительным на Сыр-Дарье центром торговли с кочевниками, куда сходились далекие торговые трассы, ведущие в кочевую степь и по левому берегу Сыр-Дарьи в Самаркандский Согд²⁴. Поэтому вполне естественно движение отряда Бильге-кагана и Кюль-тегина по хорошо известному кочевникам и используемому ими пути через Отрар²⁵.

Если для географической литературы X—XIII вв. Отрар (Фараб) — форпост мусульманского мира на границе с тюрками, то у историков, описывающих события VIII—IX вв., Фараб и Шаш — наиболее беспокойные для арабов, связанные между собой, полусамостоятельные владения, готовые поддержать любое движение, направленное к свержению власти халифа²⁶. Военно-политической и экономической основой подобных действий являлся блок с присырдарьинскими тюрками, выливающийся в верховный сюзеренитет последних над указанным районом²⁷.

4. Маршрут Зур-Риясатайна

В изданном Ф. Вюстенфельдом сочинении Абуль-Валида Мухаммеда-ибн-Абдаллаха ал-Азраки كتب اخبار مكة содержится небольшой отрывок²⁸, имеющий значительный интерес для истории Средней Азии в первые десятилетия IX в. Отрывок этот воспроизводит надпись на плите, хранящейся в сокровищнице Ка'абы вместе с тронном шахов Кабула²⁹, доставленным в Мекку как военная добыча в 200 г. х. (816). Надпись, представляющая собой своего рода «пояснительную записку» к трону, составлена в том же году Хасаном-ибн-Сахлем, братом знаменитого сподвижника халифа Абдаллаха аль-Мамуна, Фадла-ибн-Сахля Зур-Риясатайна, и является кратким резюме военно-административной деятельности последнего. После рассказа о завоевании Кабула и о «посылке зеленых знамен руками Зур-Риясатайна» в области Каш-

²¹ Якут, III, 524, изд. F. Wüstenfeld.

²² А. Н. Бернштам, Указ. соч.

²³ Проводившиеся деятелями Туркестанского кружка любителей археологии обследования Отрара носили весьма поверхностный характер и имеют значение только для истории вопроса (см. «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент, 1897, 1898, 1900, 1903, 1904 гг.).

²⁴ J. Maqrûqat, Comanien, стр. 91; Якут, IV, 334.

²⁵ Ср. с маршрутом Чингиз-хана, во всех остальных частях совпадающим с маршрутом тюркских походов конца VII—VIII вв.

²⁶ В. В. Бартольд, Encycl. Isl., Farab; А. Ю. Якубовский, Об одном раннесаманидском фельсе, «Краткие сообщения ИИМК», XII, 1946, стр. 106.

²⁷ В. В. Бартольд, Encycl. Isl., Farab; его же, Очерк истории туркменского народа, Л., 1929, стр. 17; ат-Табари, III, 712.

²⁸ F. Wüstenfeld, Geschichte... der Stadt Mekka..., Лейпциг, 1858, стр. 153—159. Свой перевод отрывка из труда ал-Азраки любезно предоставила нам лаборантка Института востоковедения АН СССР А. Михайлова.

²⁹ Из текста неясно, идет ли речь об отдельной плите или о пластинке, прикрепленной к трону.

мира и Тибета следует прославление деяний полководца на северо-восточных рубежах халифата: «Послали... из области Тарбад то, что было потребовано от Фараба и Шавгара; и он (Зур-Риястайн. — С. К.) постарался овладеть областью Отрар; и был убит предводитель пограничной местности и взяты в плен дети карлукского джабгу с его жёнами, после того как сам он бежал в страну Кимак»³⁰.

Из приведенного отрывка следует:

1. Фараб и Шавгар, образующие один оазис, в совокупности составляли область Тарбад.

2. Так как Фараб есть лишь другое название города и области Отрара, то область Тарбад тождественна здесь области Отрар, что видно и из контекста.

В имени «Тарбад» приведенного текста явственно выступает Тарбанд (Отрарбанд, Турарбанд) ат-Табари, ал-Белазури и Якута, Тарбан-рунических текстов.

Таким образом, Кӑнгӱ-Тарбан орхонских текстов, Тарбанд ат-Табари и ал-Белазури, Тарбад ал-Азраки, Турарбанд географической литературы — различные варианты названия оазиса и города Отрар (герс. Трарбанд). В период раннего средневековья Отрар выступает как крупнейший центр Сыр-Дарьи, находящийся в тесной военно-политической и экономической связи с кочевой степью и остальными оазисами-государствами того же района.

II. КЕНГЕРЕСЫ

1. Путь Кюль-тегина

В 712 г., вслед за подчинением западнотюркских племен, отряды Бильге-кагана и Кюль-тегина вступили в Согд. «...Их (тюркшей. — С. К.) кагана мы там убили, его племенной союз покорили. Масса тюркешского народа вся откочевала вглубь [страны] (т. е. подчинилась). Тот народ при Табаре(?) мы поселили. Вернувшись с целью устроить согдийский народ, мы, переправясь через реку Йенчӱ, прошли с войском вплоть до Темир-Капыга. После этого масса тюркешского народа пошла на ставших [ей] врагами кенгересов³¹, кони нашего войска были тощи, провианта для них не было; плохие люди... мужественные люди [воины] на нас напали. В такое время (т. е. при таких обстоятельствах), мы, раскаявшись [в своем предприятии], отослали Кюль-тегина в сопровождении немногих мужей. Как мы после узнали, он дал большое сражение... убил [многих] из народной массы тюркешей и покорил [оставшихся]. Снова двинувшись..., он сразился с Кушу-тутуком, его мужей он всех перебил, его дома и имущество без остатка все доставил [себе]»³². Далее следует описание сражения Кюль-тегина с восставшими карлуками.

Из приведенного текста явствует:

1. Вступление тюрков в Согд произошло после того, как побежденные тюркешы должны были «отойти вглубь страны и подчиниться»³³, т. е. отойти на восток, в район, где они были поселены Бильге-каганом.

³⁰ В рассказе ат-Табари (III, 815, 816) о событиях 195 г. х. (810—811) в перечне враждебных Мамуну владений упомянут «царь Отрарбанде». Рассказ Хасана-ибн-Сахля является как бы прямым продолжением прерванного здесь повествования ат-Табари.

³¹ Анта кырӑй кара-тӱргис будун йаны болмыс кӑнгӑрӑс тапа барды.

³² КТ6, 38—41. Реконструкция 38-й строки в транскрипции и переводе С. Е. Малова (ср. A. Gabain, *Altürkische Grammatik*, Лейпциг, 1941, стр. 252) позволяет более точно установить последовательность событий.

³³ Значение глагола «ичик-» в подобном контексте; ср. в надписи Тонъюкука, строки 2—3 (КТ6 10).

2. Первой причиной своего раскаяния и последующего отступления из Согды после первоначально успешных действий Бильге-каган называет движение тюргешей на «ставших [им] врагами кенгересов».

3. Первым мероприятием Бильге-кагана для обеспечения отступления основных сил явилась посылка отряда Кюль-тегина в качестве авангардного прикрытия³⁴. Вслед за успешными действиями против тюргешей, по мере своего продвижения на восток среди восставших племен, Кюль-тегин «сразился» с Кушу-тутуком — мелким князьком одного из двух племен Кушу³⁵, входивших в конфедерацию Нушиби.

Изложенная реконструкция событий позволяет поставить вопрос о локализации кенгересов. Совершенно очевидно, что движение тюргешей, поставившее под угрозу растянутые коммуникации Бильге-кагана и вынудившее последнего отступить под прикрытием отряда Кюль-тегина, не могло быть направлено к Аральскому морю, за 700 км на северо-запад от путей отступления тюрков, как это по недоразумению предположил Маркварт³⁶.

Район обитания кенгересов, куда двинулись тюргешы, столкнувшиеся там с Кюль-тегином, мог лежать только на путях движения тюркских отрядов, непосредственно примыкая к Согду — району деятельности Бильге-кагана. Последовавшее вслед за столкновением с тюргешами движение Кюль-тегина в Чу-Таласское междуречье (места обитания племен конфедерации Нушиби) позволяет локализовать кенгересов в районе средней Сыр-Дарьи, т. е. там же, где расположен Кянгү-Тарбан.

2. „Люди Канга“

Вопросу о кенгересах более всего места в своих работах уделит Маркварт³⁷, пришедший к следующим выводам:

1. Этноним «Kāngārās» есть вариант имени «Kangar» (𐰽𐰆𐰪𐰸𐰸𐰽), встречающегося у Константина Багрянородного для обозначения трех важнейших печенежских племен «как храбрейших и благороднейших из других»³⁸.

2. Кангары — кенгересы в начале VIII в. жили в низовьях Сыр-Дарьи и в Приаралье, о чем свидетельствуют: а) название Сыр-Дарьи вниз от Шаша «река Кангар» (نهر كنگر)³⁹ и б) указание ал-Масуди на жестокую борьбу четырех тюркских племен — Баджнук, Банджане, Баджгард и Наукерде — с гузами, кимаками и карлуками, имевшую место у Аральского моря⁴⁰. Как мы показали выше, локализация Марквартом кенгересов неверна.

³⁴ Ср. Barthold, Die alttürkischen Inschriften und arabischen Quellen, ATIN 2-я серия, стр. 12.

³⁵ E. Chavannes, Указ. соч., стр. 34, 35 прим. 169.

³⁶ J. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Лейпциг, 1893, стр. 10; его же, Komanen, стр. 35. Грубая ошибка Маркварта в определении расстояния между Фарабом и Янгикентом (Komanen, стр. 202) вызвала резкую критику В. В. Бартольда (Новый труд о половцах, «Русский исторический журнал», т. VII, 1921).

³⁷ J. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, стр. 3—10; его же Komanen, стр. 26, 35, 97, 168.

³⁸ Константин Порфиригенет, De administrando imperio, М., 1899, гл. 38. Анализ этой главы посвящена работа G. Czebe «Turcobyzantinische Miscellen. I. Konstantin Porphyrogenet, Kapitel ueber die Petschenegen, «Körösi Csoma Archivum, I, 1922, стр. 209—219. В 38-й главе содержится намек, что некогда имя «кангар» было почетным наименованием всех печенежских племен. Подробный перечень византийских известий о печенегах см. G. Moravcsik, Byzantinoturcica, I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker, Bucharest, 1942; О Константине Порфиригенете, стр. 205—229.

³⁹ J. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, стр. 10.

⁴⁰ J. Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Лейпциг, 190, стр. 60—61; его же, Komanen, стр. 26; С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 77; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 246.

3. Этноним «Кангар» разъясняется как «Leute von Kang»⁴¹. Первые два вывода были признаны Бартольд⁴²; в настоящее время концепцию Маркварта целиком принял С. П. Толстов⁴³.

Возражение П. М. Мелиоранского, поддержанное В. В. Бартольдом и Х. Шедером⁴⁴, о необъяснимости конечного «s» в имени «kāngārās» ютпается — вопрос о s || z как о показателе множественного числа в тюркских языках уже перестал быть предметом дискуссии⁴⁵.

Прочно утвердившееся в историографии представление о междуречье Эмба — Яик — Волга как о древнейшей прародине печенегов⁴⁶, чему немало способствовала сбивчивость и неустойчивость мнений Маркварта⁴⁷, повисает в воздухе при попытке объяснить факты ранней истории этого народа. Рассказ ал-Масуди, отмечавший борьбу печенегов с гузами, кимаками и карлуками, поставленный под сомнение в этой своей части А. Ю. Якубовским⁴⁸, указавшим на отсутствие кимаков и карлуков у Аральского моря в IX в., становится понятным, если учесть, что места обитания печенегов (кенгересов) в VIII—IX вв. вплотную примыкали к владениям указанных народов. Проникновение карлуков в район средней Сыр-Дарьи в VIII—IX вв.⁴⁹, стремление кимацких племен к богатым Сыр-Дарьинским оазисам, вызвавшее весьма раннее их появление здесь⁵⁰, консолидация огузских племен, сопровождавшаяся активной агрессией против своих соседей⁵¹, объясняют тяжелое положение печенегов, известная часть которых после ряда неудачных для них столкновений должна была откочевать на запад⁵².

Однако огромная связывающая сила столь характерного для печенегов примитивного полуседлого скотоводчески-рыболовно-земледельческого хозяйства, связанного с постоянными поселениями у воды, объясняет сравнительно малую подвижность значительных масс печенежских «ятуков», оставшихся на прежних местах обитания⁵³. Процесс ассимиляции этих масс в системе огузского племенного союза, повсеместно заверченный в начале XI в.⁵⁴, вероятно, произошел на Сыр-

⁴¹ J. Marquart, *Komanen*, стр. 26.

⁴² W. Barthold, *ATIM*, 2-я серия, стр. 17. Там же В. В. Бартольд обратил внимание на богатую кангуйскую топонимику средней Сыр-Дарьи.

⁴³ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 23—24; его же, К вопросу о происхождении кара-калпакского народа, «Краткие сообщения Института этнографии», II, 1947, стр. 72.

⁴⁴ П. М. Мелиоранский, *Указ. соч.*, стр. 126, В. В. Бартольд, *Новый труд о половцах*; J. Marquart, *Wehrot und Arang*, Лейден, 1938, изд. Н. Н. Schaefer, стр. 44—48.

⁴⁵ W. Kotwicz, *Les pronoms dans les langues altaïques*, Краков, 1936, стр. 23—30; L. Ligeti, *Die Herkunft des Volksnamens «kirgis»*, *Körösi Csoma Archivum*, I, 1921, стр. 381—382; T. Kowalski, *Zur Erklärung des Namens Kirgis*, *Körösi Csoma Archivum*, II, 1—2, 1926; P. Pelliot, *L'origine de Tou-kiue, nom chinois des Turcs*, *T'oung Pao*, 1915, стр. 1—3.

⁴⁶ А. З. Валидов, *Мешхедская рукопись ибн-уль-Факиха*, «Известия Академии Наук», 1924, стр. 249; В. В. Бартольд, *Orta Asya türk tarihi hakkinda dersler*, Истанбул, 1928, стр. 98; J. Németh, *Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos*, Будапешт, 1932, стр. 45—46; см. рецензию С. Е. Малова, «Библиография Востока», т. X.

⁴⁷ J. Marquart, *Wehrot und Arang*, стр. 47—48.

⁴⁸ А. Ю. Якубовский, *Вопросы этногенеза туркмен в VIII—IX вв.*, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 51, прим. 24.

⁴⁹ См. ибн-Хордадбех, *BGA*, VI, 31; ибн-Хаукаль, *МИТТ*, I, 1892; В. В. Бартольд, *О христианстве в Туркестане в до-монгольский период*, СПб., 1893, стр. 7.

⁵⁰ V. Minorsky, *Hudud-al-Alam*, Лондон, 1937, стр. 306.

⁵¹ С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, стр. 247; А. Ю. Якубовский, *Об одном раннесаманидском фельсе*, «Краткие сообщения ИИМК», XII, стр. 109.

⁵² В. В. Бартольд, *Orta Asya türk tarihi...*, стр. 92—93; А. Ю. Якубовский, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.*, «Известия Академии Наук, серия истории и философии», III, 5, 1946, стр. 462.

⁵³ С. П. Толстов, *Города гузов*, стр. 87—90.

⁵⁴ Mahmud Kaşgari, *Divanü-lügat-it-türk*, Анкара, 1943, I, 56—57; С. П. Толстов, *Города гузов*, стр. 84—85.

Дарье значительно ранее, судя по отсутствию упоминаний в источниках о сыр-дарьинских печенегах с конца IX в., в то время как печенеги, живущие в бассейне Эмбы — Яика, еще в X в. не смешиваются с огузами⁵⁵. Исключительный интерес для характеристики печенегов представляет сообщение ал-Идриси, до сих пор в литературе не использованное: «Это очень большое озеро (озеро Горгуз. — С. К.)... в нем много рыбы — главной пищи того народа... на нем много пастбищ и плодородных мест, принадлежащих хангакишам (الخَنَّاكِشِي). Это вид

гузов, которые постоянно носят оружие, у них чрезмерные осторожность и мужество по отношению к соседним с ними видам тюрок»⁵⁶.

В свете последних работ С. П. Толстова достоверность сведений ал-Идриси относительно «страны гузов» не вызывает более сомнений⁵⁷. Полное совпадение характеристики хангакишей и района их обитания с характеристиками печенегов у ибн-Фадлана, Абу-Дулафа и Константина Порфирогенета⁵⁸ дает возможность утверждать: 1) кенгересы орхонских надписей, кангары Константина Порфирогенета и хангакиши⁵⁹ ал-Идриси — разные варианты одного этнонима с общим для всех, них значением; 2) гипотетический анализ Марквартом этнонима «кангар» в свете сообщения Идриси перестает быть предположением⁶⁰.

«Река Кангар» ибн-Хордадбеха⁶¹ расшифровывается как «река людей Канга». Отметим, что в «Шах-Намэ» среднее течение Сыр-Дарьи выступает под именем «река Канга»⁶², а область Канг располагается на границах Исфиджаба.⁶³ Учитывая, что название «река Канга» образовано по типу известных названий «река Шаша», «река Ходжента»⁶⁴, учитывая, что «география „Шах-намэ“, во всяком случае, в пределах того среднеазиатского и восточноиранского комплекса, к которому принадлежал Фердоуси, не фантастическая, а вполне реальная»⁶⁵, мы должны сделать вывод, что под «Кангом» Фердоуси понимал область, лежащую по течению Сыр-Дарьи к северу от Исфиджаба, т. е. область, Отрара (Фараба), под этими названиями в поэме не выступающую. Таким образом, представление Фердоуси (или его источников) о местоположении Канга (~ Kāngū) полностью соответствует сведениям тюркских рунических текстов VIII в.

В этой же связи следует остановиться на этнониме «Канглы», возникновение которого тесно связано с завоеванием кимакско-кыпчакскими племенами древних печенежско-огузских земель по Сыр-Дарье и в Приаралье⁶⁶. С. П. Толстов⁶⁷ склонен рассматривать этот этноним как переоформление имени «кангар» (кенгерес) в результате ассими-

⁵⁵ «Путешествие ибн-Фадлана на Волгу», под ред. И. Ю. Крачковского, М. — Л., 1939, стр. 109; В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, СПб., 1897, стр. 119.

⁵⁶ Ал-Идриси, МИТТ, т. I, стр. 222.

⁵⁷ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 71.

⁵⁸ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, стр. 65—66; А. Д. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб., 1870, стр. 185; Константин Порфирогенет, Указ. соч., гл. III, XXXVII, XXXVIII.

⁵⁹ Передача начального *k* в тюркских этнонимах через *خ* обычна для арабо-персидской литературы.

⁶⁰ «Киши», «кши» в языках тюркской системы имеет значение «человек», «люди». Скорее всего, здесь тюркское переосмысление тохарского этнонимического суффикса «*ar*».

⁶¹ См. ибн-Хордадбех, BGA, VI, 168.

⁶² Justi, Grundriss der iranischen Philologie, т. II, стр. 445; В. В. Бартольд, Epsyicl. Isl., Sir-Darja; Г. В. Птицын, К вопросу о географии «Шах-Намэ», ТОВЭ, IV, стр. 303.

⁶³ Г. В. Птицын, Указ. соч., стр. 307.

⁶⁴ Там же, стр. 303.

⁶⁵ Там же, стр. 309.

⁶⁶ J. Marquart, Komapan, стр. 168.

⁶⁷ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 101.

ляции части печенежских племен кыпчакской конфедерацией⁶⁸. Еще Н. А. Аристов⁶⁹ обратил внимание на имя «кӑнгӱ-оглы» или «кангар-оглы» (قنغر أوغلی или قنغر اوغلی), фигурирующее в списке одиннадцати кыпчакских племен в энциклопедии ан-Нувеири, со ссылкой на Рукн-ад-дина Бейбарса⁷⁰; отметим, что имя «канглы» в этом перечне отсутствует. В списке ибн-Хальдуна, также перечисляющем в том же порядке, что и ан-Нувеири, одиннадцать кыпчакских племен, пятым названо племя «канаарлы», представляющее, несомненно, вариант «кангар-оглы»⁷¹. Эти два свидетельства позволяют считать оправданной гипотезу С. П. Толстова⁷² о происхождении «канглы» из «кангу-оглы» (или «кангар-оглы») в результате стяжения, и, добавим, в результате контаминации конечного «лы» <«оглы» с показателем локально-родовой принадлежности в тюркских языках на основе народной этимологии, зафиксированной у Рашид-ад-дина.

Таким образом, принятие этого имени первоначально верхушкой кыпчакских родов⁷³ выражало стремление последних связать себя с древней генеалогической традицией завоеванных районов, прежде всего района Сыр-Дарьи, и таким путем легитимизировать свои права на обладание указанными областями.

Выводы, сделанные выше, позволяют утверждать:

1) В начале VIII в. оазисы средней Сыр-Дарьи, именовавшейся тогда «рекой Канга», входили в единую политическую конфедерацию, объединенную под названием Кӑнгӱ (~ Канг) общим сюзеренитетом полукочевых печенежских племен.

2) Политический центр конфедерации находился в Отраре (resp. Трарбанд), именуемом в рунических текстах «Кангюйским Отраром».

3) Печенежские племена Средней Сыр-Дарьи, выступающие под именем кенгересов («люди Канга» «мужи Канга»), трактуются надписями как единый для указанного района этнический массив, противопоставленный, с одной стороны, согдийцам, с другой — западнотюркским племенам.

4) Военно-политический блок печенежского союза племен с оазисами средней Сыр-Дарьи, где правили династии тюркского происхождения, в значительной мере объясняет успех более чем столетней борьбы Шаша, Исфиджаба и Фараба с арабскими завоевателями.

⁶⁸ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 93.

⁶⁹ Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая старина», III—IV, СПб., 1896, стр. 367.

⁷⁰ В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1894, стр. 541.

⁷¹ Там же.

⁷² С. П. Толстов, Города гузов, стр. 93.

⁷³ Махмуд Кашгарский, III, 290; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 23.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. Ю. КРУПЯНСКАЯ

НАРОДНОЕ ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

(По материалам русским, украинским и белорусским)

1

Постановка исследовательских проблем на сравнительном материале народного поэтического творчества восточных славян представляет большой научный интерес, так как позволяет глубже вскрыть те процессы, которые происходят в настоящее время в художественной культуре народа. Русский, украинский и белорусский народы связаны общностью происхождения, общностью их исторических судеб, определивших в прошлом их тесные культурные взаимосвязи, отчетливо выразившиеся и в области народного поэтического творчества. Принципиально новые взаимоотношения народов в советскую эпоху, объединившие их в единую братскую семью, углубили и расширили эти взаимосвязи. С особой силой взаимопроникновение культур, и в первую очередь влияние русской культуры и великого русского языка, сказалось в годы Великой отечественной войны. Не раз отмечалось массовое проникновение в этот период к украинцам и белоруссам русской советской массовой песни, которая бытует в настоящее время и на Украине и в Белоруссии как в оригиналах, так и в переработках. В свою очередь широко проникли в песенный репертуар русского народа произведения украинского и белорусского фольклора. Этот процесс взаимопроникновения культур приводит к взаимному обогащению поэтического творчества братских славянских народов.

Расцвет народного поэтического искусства в послевоенное время обусловлен огромным творческим подъемом народных масс. С каждым днем растет трудовой энтузиазм народа, растут его творческие силы, благосостояние, расцветает советская культура. Крупнейшие социальные преобразования в стране все более стирают грани между городом и деревней, приводят к постепенному уничтожению противоположности между умственным и физическим трудом. Зримые черты коммунизма, проявляющиеся во всех областях жизни, стали характерными для сознания советского человека. Все это находит выражение и в коллективном художественном творчестве, создаваемом советским народом.

Народное поэтическое творчество живет во всем многообразии своих форм и жанров. Широко развернулось поэтическое творчество колхоз-

ных и рабочих поэтов. Особенно полнокровно развиваются песенные жанры. Наметившаяся за последние 15—20 лет тенденция к развитию хоровой песни обозначилась в наши дни особенно четко. Непосредственно в колхозном быту возникают и устойчиво держатся хоровые коллективы, являющиеся творческими носителями народной песенной культуры¹. Песни и частушки широко звучат и на улицах, на гуляньях, на посиделках молодежи; они занимают большое место в домашнем быту народа. На этой подлинно творческой базе все более развивается и крепнет художественная самодеятельность, выросшая за последние годы в массовое движение².

Нам уже неоднократно приходилось указывать на те глубокие изменения, которые происходят в современном народном творчестве в связи с новыми формами труда и быта колхозной деревни, общим подъемом культуры, ростом социалистического сознания советских людей. Современное народное искусство стало неизмеримо выше, значительнее по тематике, глубже по идейному смыслу; оно осознается самими творцами и исполнителями как действенный фактор коммунистического воспитания. В современном творчестве отчетливо видны многие качественно новые явления, выразившиеся во все более укрепляющихся его взаимосвязях с литературой, в новом отношении народа к своему поэтическому наследию. Решающее значение в развитии передовых явлений в современном народном творчестве имеет руководящая роль партии в области искусства. Партия возглавила борьбу за подлинно народное искусство, органически связанное с народом, отвечающее его коренным запросам, его возросшим художественным требованиям. Особое внимание в связи с постановлением ЦК ВКП(б) по вопросам музыки (об опере «Великая дружба» Мурадели) уделяется в настоящее время развитию творческих процессов в области создания советской народной хоровой песни.

В русском фольклоре уже в предвоенные годы наблюдалось стремление к созданию советских народных песен, разносторонне отражающих социалистическое строительство, колхозную действительность, использующих широко и творчески передовые явления русской песенной культуры. Потребность иметь советский репертуар, свои местные песни остро ощущалась народом. В ряде старейших колхозных хоров — воронежском (А. Р. Лебедевой), архангельском (хор А. Я. Колотиловой), ленинградском (хор колхоза «Красный шум» Мгинского района), в хоре гдовского коллектива («Гдовская старина») и др. делались попытки создания своих песен. Так, хор Лебедевой имел своего песенника И. В. Ольховского, лучшего запевалу в селе. В конце 30-х гг. им были созданы две колхозные песни, мелодия к которым была сложена Лебедевой. Творческие начинания хоров значительно развились в период Великой отечественной войны в атмосфере общенародного патристического подъема. В эти годы, как известно, многие самодеятельные хоры активно включились в обслуживание фронта, выезжали на передовые позиции, выступали в госпиталях, перед отправкой на фронт воинских эшелонов, в освобожденных Советской Армией городах и селах. Хоры выступали не только с исполнением русских народных песен, но и с новым советским репертуаром — с песнями, сказами и частушками, сложенными главным образом на темы Великой отечественной войны отдельными участниками хоров. Особенно выдвинулись в военные годы

¹ См. статью В. Крулянской и Л. Старцевой «Фольклор колхозной станции», «Советская этнография», 1949, № 3.— То же явление отмечает Л. Кулаковский на Украине: на республиканскую олимпиаду приехали со всех концов Украины «хоры-ланки» (Праздник народного творчества, «Советская музыка», 1950, № 1).

² С этой точки зрения огромный интерес представляет Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности, проведенный в 1948 г.

Государственный русский народный хор Воронежской области под руководством К. С. Массалитинова, северный хор А. Я. Колотиловой (творчество Гладкобородовой и А. Суховерховой) и др.³

Широко развернулось в годы войны массовое песенное творчество, особенно интенсивно проявлявшееся в фронтовой и партизанской среде. Большое значение для развития художественной самодеятельности среди бойцов Советской Армии имела в эти годы и работа композиторов.

Все это оказало большое воздействие на развитие народно-поэтического творчества в послевоенное время. Характерным явлением именно этих последних лет является возникновение в хорах творческих групп создающихся одновременно в различных местностях СССР — на Украине, в Белоруссии, во многих русских областях (Воронежской, Ленинградской, Вологодской, на Дону, в Сибири и т. д.).

Создание советской народной песни вырастает, таким образом, в прочное движение, становится одним из значительнейших явлений художественной культуры народа.

Показателен ряд конкретных, проводимых за последнее время мероприятий, способствующих творческому подъему народного искусства. Так, организация Союзом советских композиторов специальных экспедиций в различные районы страны по обследованию музыкальной культуры народа, выявлению народных дарований, оказанию им творческой помощи. Большое значение имеют также творческие слеты авторов народных песен, проведенные в мае и августе 1950 г. в Воронежской области, а затем в сентябре в расширенном составе, с привлечением наиболее выдающихся мастеров из разных районов РСФСР, Украины и Белоруссии — в Москве. Последний слет был организован Всесоюзным Домом народного творчества им. Н. К. Крупской и Союзом советских композиторов и дал интереснейшие результаты. Огромна роль художественной самодеятельности, являющейся активным проводником в народные массы политики партии в области искусства.

Следует отметить, однако, что советской фольклористикой до последнего времени недостаточно учитывалась роль художественной самодеятельности и всей практики народных хоров в процессе формирования современного поэтического творчества, в силу чего многие новые явления художественной культуры народа оставались недостаточно учтенными⁴.

2

Советская народная песня, как правило, рождается в хоровом коллективе; она складывается в самой гуще народной жизни, в централизованного творческого труда — в колхозах и совхозах, на фабриках и заводах, на новостройках. Авторы песен — непосредственные участники социалистического строительства, колхозники и рабочие, представители сельской и городской интеллигенции, учащиеся техникумов и вузов — люди разных возрастов и профессий, разных степеней образования и культуры. Большинство авторов теснейшим образом связано с хоровыми коллективами. Многие из них являются руководителями самодеятельных колхозных и рабочих хоров. В хорах разучиваются и творчески разрабатываются созданные отдельными авторами песни

³ Аналогичные явления мы наблюдаем и на Украине и в Белоруссии, где процесс создания новой, советской народной хоровой песни также протекает в настоящее время значительно активнее, чем в предвоенные годы.

⁴ Одними из первых и плодотворных начинаний являются: Вологодская экспедиция, организованная в 1950 г. фольклорным отделом Ин-та литературы АН СССР (отчет об этой экспедиции был сделан А. Г. Кудышкиной на Всесоюзной конференции ВДНТ им. Н. К. Крупской 27.XI.1950 г.), а также фольклорная экспедиция Ин-та истории Белорусской Академии Наук, проведенная в 1950 г. в ряде районов Белорусской ССР.

В самом создании современной песни отчетливо выявляется процесс творческого взаимодействия личности и коллектива.

Принятая хором песня обычно видоизменяется, отрабатывается коллективом. В этом отношении характерен опыт воронежского молодежного хора. Ряд песенных мелодий создан его руководителем П. А. Макиенко. По сообщению автора, создавая мелодию, он выносил ее на широкое обсуждение коллектива. С каждым новым опытом участники хора все активнее включались в творческий процесс. По меткому выражению Макиенко, «авторство стало стираться». В хорах, как правило, шлифуется, значительно обогащаясь, большинство авторских песен.

На современном этапе все более укрепляется и развивается метод коллективного создания песни. Однако и при этом методе предполагается индивидуально выношенный песенный образ, сильное ядро, из которого в дальнейшем коллективными усилиями вырабатывается песня⁵.

Коллективный метод особенно широко практикуется Государственным народным хором Воронежской области под руководством К. С. Массалитина.

Современная советская народная песня многообразна по своему характеру, стилю. Она не замыкается в рамках одной художественной манеры. Как это правильно отмечено исследователями современного музыкального фольклора, советская хоровая народная песня развивает лучшие традиции народной многоголосной песни, а также песен революционного большевистского подполья. Она развивается в то же время в тесном взаимодействии с современной массовой песней советских поэтов и композиторов.

Эти сложные процессы не могут быть поняты вне связи с выдвинутыми партией положениями о культурном наследстве, его огромной прогрессивной роли в современности, ибо процесс созидания нового неизбежно включает и использование того положительного, что создано предшествующим развитием. Вполне закономерно, что и современное народное поэтическое творчество развивается на почве живой, исторически сложившейся традиции.

Характерен тот интенсивный процесс отбора произведений народного искусства, который наблюдается в настоящее время в самой народной среде. Этот отбор корректируется все возрастающими идейными запросами и художественными вкусами народа. Наряду с отмиранием некоторых жанров (заговоров, календарной поэзии, духовных стихов) отдельные виды старого фольклора органически вошли в репертуар советской деревни. Особенно стойко в народе держится и творчески обновляется песенная лирика с присущей ей глубиной чувств, с богатством и разнообразием поэтических образов и мелодий. Живет и творчески разви-

⁵ Об интересных опытах коллективного создания песен сообщает Г. И. Цитович. Такова, например, творческая история «Колхозной-урожайной», созданной коллективом Полесского хора Барановической обл. Участники хора были взволнованы услышанным ими рассказом о невиданном урожае в Бобруйской области — на месте бывших ранее непроходимых болот. «Так об этом ведь нужно песни слагать!» — воскликнул один из участников хора. Коллектив тут же приступил к работе над песней. Один из вариантов первой строфы, предложенный участником хора, послужил образцом для создания текста песни.

Колхозное поле,
Края не видно,

Зреет буйный колос,
Золото-зерно.

На первой же репетиции коллективными усилиями были созданы мелодии запева, припева, партия вторых голосов. На следующую репетицию участники хора принесли около 20 вариантов текста; из них были отобраны четыре, над которыми в дальнейшем и шла работа. В процессе музыкальной шлифовки припев стал звучать отлично от женских голосов, что дало в заключительных тактах трехголосие, обогатившее песню в целом (См. Г. Цитович, Рождение песни, газ. «Советское искусство» от 8 августа 1950 г., № 51).

вается сказка. С необычайной силой и в новом качестве развернулось частушечное творчество. Наблюдается процесс активного восприятия народом своего поэтического наследия, выражающегося в стремлении сохранить и по-новому осмыслить то лучшее, что в нем имеется. Этому процессу идейно-эстетического отбора в условиях социалистической действительности способствуют многие факторы: радио, эстрада, песенники огромное воздействие оказывает и художественная самодеятельность лучшие руководители которой не только серьезно и вдумчиво подходят к вопросу репертуара своих хоров, но и умело ориентируют народных мастеров на творческое использование того лучшего, что имеется в поэтическом достоянии народа.

Как показывает творческая практика, современные авторы советских песни развивают традиции народной хоровой многоголосной культуры в частности, в современной песне широко используется традиция протяжной народной песни, являющейся, по меткому определению известного знатока народной музыки Б. В. Асафьева, «одним из высших этапов мировой мелодической культуры, ибо в ней человеческое дыхание управляет интонацией глубоких душевных помыслов»⁶. Таковы многие созданные в наши дни песни большого патриотического звучания — песни о Родине, о Сталине.

Для творчества рабочих авторов особенно характерно использование интонаций рабочей революционной песни, а также того слоя песен, литературных по происхождению, в котором звучат мотивы шири, свободы, — типа «Утеса», «Ермака» и др. Наиболее отчетливо выражено в них и влияние советской массовой песни⁷. Большой интерес представляют песни рабочей молодежи; они бодрые, полны юношеского задора. Таково, например, творчество молодежной группы воронежского хорместроителя (руководитель — П. А. Макиенко). Хором создано около тридцати песен. Лучшие из них — «Каменщик» («Его позвал гудок звонкий»), «Встреча в Воронеже», «Застольная строителей» — подхваченная молодежью, поются ею на улице, в общежитиях.

Создатели новых советских песен большей частью вдумчиво, с большим критическим чутьем подходят к вопросу о традиции, отчетливо понимая неправомерность механического ее использования⁸.

При создании песен авторы либо используют готовые тексты профессиональных поэтов, чаще всего местных (широко используются и произведения самодеятельных поэтов), либо сами создают и текст и мелодию.

Широко используются создателями народных песен ритмы и образ частушки; воздействие частушки отчетливо выявляется в композиционном построении многих современных песен — логической завершенностью куплета и каждого в нем двустишия⁹.

⁶ Б. Асафьев. О русской песенности, «Советская музыка», 1947, № 3.

⁷ Таково творчество московского рабочего-пекаря И. Г. Мухина, создавшего песню о мире (на слова М. Рылского) и о Сталинграде (на слова Лебедева-Кумача). То же характерно и «Песня донецких шахтеров» Хархадинова (руководителя художественной самодеятельности в г. Ворошиловграде), своеобразно претворившая интонацию казачьей песни и советской массовой, и многие другие (Доклад композитора С. Аксика на слете авторов советской народной песни, организованном ВДНТ им. Н. К. Крупской 28.IX—4.X 1950 г.).

⁸ Характерный факт сообщен Г. И. Цитовичем: хор колхоза имени Сталина (дер. Василевичи Полесской обл.) использовал для созданной им песни «Калгасына» мотив старой народной песни о тяжелой доле молодежи в новой семье. Это встретило протест ряда участников хора, мотивировавших свое возражение тем, что новая песня, звучавшая на старый мотив, невольно ассоциировалась со старой тем же. Как правило, и в тех случаях, когда использовалась мелодия хорошо известной народной песни, она претерпевала изменения в связи с новым содержанием, — расширялся диапазон напева, добавлялись новые голоса, менялись темповые, ритмические и другие особенности (из доклада Г. И. Цитовича на слете мастеров новой советской песни 28.IX—4.X 1950 г.).

⁹ Примером может служить творчество воронежских певцов; такова, например, п

В подобном типе песни сказывается огромная любовь народа к частушечному творчеству. Многие авторы, по их собственному признанию, начинали свое поэтическое поприще именно с творчества частушек¹⁰.

В западных областях Украины (Галиция) и в Закарпатье новые современные песни широко используют традицию коломыйки, по складу и ритму которых они большей частью и создаются¹¹.

Отчетливо выявлена в современном песенном фольклоре и линия использования традиционной песенной образности. На русской почве это наиболее ярко выявляется в тех районах, где старинная протяжная народная песня живет полной творческой жизнью. Таково, например, творчество архангельской певицы О. В. Антроповой, сибирской певицы А. М. Оленичевой и др.

Особенно ярко эта линия выражена в творчестве белорусских слагателей народных песен. Наиболее одаренный и характерный из них — П. И. Шидловский¹². Знаток белорусской народной песни, усвоивший ее с детства (песельником был отец), он широко использует в своем творчестве богатство народной мелодики, образность народного поэтического языка. Его авторству принадлежит большое число песен, из которых многие пользуются большой популярностью.

Широко использует классическую песенную традицию и П. Н. Шевко — руководитель одного из старейших белорусских хоров (дер. Заполье Барановичской обл.)¹³.

Наряду с несомненными удачами в области использования народной традиции наблюдаются вместе с тем и слабые образцы, представляющие собой искусственные стилизации, ориентирующиеся в своих образах, стиливых приемах не на живую песенную традицию, а на фольклорные штампы¹⁴.

Современное народное песнетворчество развивается в теснейшем органическом взаимодействии с советской поэзией и литературой.

Широкие массы трудящихся хорошо знают и любят советскую литературу, лучшие произведения которой воспринимаются народом как выражение своих дум и чаяний. Особенно велико влияние советской массовой песни. Как и в предшествующие годы, она занимает ведущее место в современном песенном репертуаре. Характерно, однако, что из обширного репертуара советской массовой песни народом подхватываются и развиваются те произведения, которые наиболее близки народному творчеству. Так, поистине всенародным достоянием стали песни,

ня «Под горой растут цветочки», созданная в 1947 г. творческой группой Русского народного хора Воронежской обл. (опубликована в сборн. «Русские песни», М., 1949; см. также опубликованную в том же сборнике песню «Все сады мои садоочки», стр. 85). Того же типа и украинская «Песня про кок-сагыз», созданная колхозной молодежью в с. Червоня слобода Черкасского р-на Киевской обл. (Архив Ин-та искусствознания, фольклора и этнографии Украинской Академии Наук) и многие другие.

¹⁰ Характерно высказывание рязанской певицы М. И. Илюшкиной, рядовой колхозницы колхоза «Красная культура», дер. Аргамаково Спасского р-на, 1901 г. рождения. Свою поэтическую деятельность она, по ее собственному признанию, начала с первых лет организации колхоза, выступая в колхозном клубе с сочиненными ею антикулацкими частушками. Общественная действенность частушки (недаром кулаки грозилась убить ее) послужила главнейшим стимулом для ее дальнейшего творчества. Ею создан ряд песен на колхозные темы, подхваченных сельской молодежью. В песнях Илюшкиной отчетливо выступает их частушечная природа.

¹¹ См. сборн. «Українська радянська народна пісня», Л., 1950; см. также отчет В. Крупнянской о Закарпатской комплексной экспедиции 1946 г. (опубликован в «Кратких сообщениях» Института этнографии АН СССР, III, 1947, стр. 13—17).

¹² П. И. Шидловский, 1908 г. рождения, проживает в дер. Присынок Узеньского р-на Минской обл. В прошлом колхозник, он окончил в 1935 г. заочно рабфак и в настоящее время заведует избой-читальней, руководит колхозным хором.

¹³ См. сборн. «Песни счастья», Музгиз, 1950.

¹⁴ Таковы, например, некоторые произведения, опубликованные в сборн. «Современные народные песни и песни участников художественной самодеятельности» (Музгиз, 1950).

сложившиеся еще в годы довоенных сталинских пятилеток, такие, как «Кантата о Сталине» («От края до края по горным вершинам»), муз. А. Александрова, «Два сокола» (слова народные, в обработке М. Исаковского, мелодия воронежского хора), «Широка страна моя родная» (Лебедева-Кумача — Дунаевского), «Казачья дума о Сталине», «Каховка» (Светлова — Дунаевского), «Катюша» (Исаковского — Блантера), а также многие песни советских поэтов и композиторов, созданные уже в период Великой отечественной войны. Особенно популярны «Ой, туманы мои, растуманы», «Под звездами балканскими» (М. Исаковского) и ряд других, с огромной силой отразивших патриотизм советского народа, его преданность партии, Сталину, За последние годы музыкальный быт народа пополнился новыми песнями. Поистине всенародным стал «Гимн демократической молодежи мира» (Ошанина — Новикова). Всеобщей любовью страны пользуются многие лирические песни: «Одинокая гармонь», «Лучше нету того цветку» (Исаковского), «Хороши весной в саду цветочки» (Алымова) и др. Молодежь реагирует на любимые песни чрезвычайно живо и творчески. Как и в предшествующие годы, широко распространен тип песни — ответа на особо популярные литературные произведения. Так, столь понравившаяся молодежи песня Исаковского «Одинокая гармонь» не только прочно вошла в молодежный репертуар, но и породила новые песенные тексты, являющиеся как бы ее сюжетным продолжением. Чрезвычайно живо и творчески реагирует народ и на многие произведения художественной прозы¹⁵. Все это говорит о глубоком идейном воздействии литературы на фольклор. Советская литература помогает народным авторам (и в этом ее ведущая роль) обобщать жизненные явления, освещать их с позиций современного миропонимания.

На примере создания советской песни отчетливо выступает характерная для современного художественного творчества черта — отсутствие четких граней между искусством самодеятельным и профессиональным. Большинство самодеятельных авторов работает в тесном контакте с композиторами-профессионалами. В одних случаях эта творческая помощь выражается в критической оценке и консультации, в передаче мелодии на ноты (что не умеет делать большинство слагателей-мелодистов). Так работает, например, с белорусскими авторами Г. И. Цитович.

В других случаях это сотрудничество с профессионалами (композиторами и поэтами) идет значительно глубже, выражается в участии в самом творческом процессе. Такова творческая практика воронежских хоров, особенно ярко проявившаяся в проведенных хорами (в мае и августе этого года) слетах.

Ряд получивших в настоящее время широкую известность песен прошел через творческую разработку профессиональных хоров. Своеобразной творческой лабораторией, где разрабатываются песни, сложенные в других хорах, являются и многие самодеятельные хоры.

Большая работа по популяризации народной советской песни была проведена хором Радиокомитета под руководством А. В. Рудневой. Песни слагателей-мелодистов были получены Радиокомитетом большей частью в виде напевов, мелодий. Участники хора много потрудились над тем, чтобы полнее и ярче выявить то лучшее, что в них заложено.

Одним из образцов может служить архангельская песня «Река Вычегда». Распетая хором Рудневой (в обработке композитора С. Аксюка), песня эта вошла в репертуар многих хоровых коллективов. Характерно, что некоторыми самодеятельными хорами она поется и в своем первоначальном варианте.

Многие песни вышли за рамки художественной самодеятельности.

¹⁵ См., например, факты, отмеченные в статье В. Крупянской и Л. Старцевой «Фольклор колхозной станицы», «Советская этнография», 1949, № 3.

подхвачены народом. Так, песня вычугских ткачей «Родина» бытует в настоящее время в Ивановской области. Песня пензенской учительницы Медянцевой «Наша сторонущка» получила распространение в своем районе. То же произошло и со многими песнями белорусских авторов Шидловского и Головастика; творчески распеты в своих хорах, они получили широкую известность по всей Белоруссии, подхвачены колхозной молодежью. Как уже упоминалось выше, широкое распространение получили в среде рабочей молодежи песни воронежского хора строителей. Происходит, таким образом, освоение широкими массами лучших песен, созданных художественной самостоятельностью; эти песни получают коллективную шлифовку, через которую проходит всякое произведение фольклора¹⁶. Создание современной советской народной песни следует расценивать как новое передовое явление в современном поэтическом творчестве народных масс и, как таковое, нуждающееся в умелом и бережном руководстве. Отсюда те огромные задачи, которые стоят и перед советской наукой, и перед общественностью в развитии и укреплении этого важнейшего участка народного искусства.

Художественная самостоятельность оказывает значительное воздействие и на частушечное творчество — эту наиболее массовую, как указывалось выше, форму современной народной поэзии. Так, в районах с сильной традицией частушки (как, например, в русских областях — Брянской, Воронежской, в Поволжье) мы знаем частушечниц, творчески одаренных, с огромным репертуаром (500 и более частушек). Живость и непосредственность этого вида искусства, его отклик бурно на все стороны политической, общественной и личной жизни особенно ярко выступают при живом исполнении частушек на молодежных гуляньях, на посиделках и т. п. Частушка является неотъемлемой частью и хоровых коллективов, где она носит чаще всего более целеустремленный, чем в массовом репертуаре, характер и потому глубже затрагивает советскую тематику. Многие самостоятельные хоры, особенно молодежные, внимательно и настойчиво работают над созданием советской частушки.

Понимание современной художественной культуры народа невозможно без учета широко развернувшегося литературного творчества. Оно протекает в настоящее время главным образом в русле поэзии — по линии создания стихов и поэм. Таково художественное творчество целой армии колхозных и рабочих поэтов. Это боевая, действенная поэзия, разносторонне отражающая жизнь, проникнутая чувством патриотизма, призывающая к труду и к борьбе за коммунизм, играющая большую роль в общественной и производственной жизни заводов, колхозов. Многие произведения самостоятельных поэтов легли в основу современных народных песен, отсюда момент их фольклоризации, проникновения в широкую народную среду. За последние два-три года выявились и новые крупные народные дарования. Таково творчество талантливых украинских поэтесс Фросины Карпенко¹⁷ (Днепропетровская область), Параски Амбросий¹⁸ (Буковина), белорусской поэтессы Ганны Алянович¹⁹ (Несвижский район Барановической области), являющихся юдлинными певцами колхозного строя, агитаторами за новые, передовые формы жизни²⁰.

¹⁶ Любопытные факты приводит К. Массалитинов из творческой практики воронежских слетов. Ряд песен, созданных на первом, майском, слете и втором — августовском, исполнялись хорами уже в значительно обогащенном виде, добавились новые особенности в напеве, слегка лишь намеченные в первоначальном варианте.

¹⁷ См. сборн. Фросины Карпенко «Розцвітає Україна», Київ, 1950.

¹⁸ См. сборн. Параски Амбросий «Буковинські співанки», Київ, 1950.

¹⁹ Два ее стихотворения опубликованы в журн. «Полымя» Союза советских писателей Белоруссии, 1950, № 6.

²⁰ Ряд стихотворений этих выдающихся поэтесс был переложен советскими композиторами на музыку. Таковы стихотворения Ф. Карпенко: «Жнива» (музыку написал

Современное поэтическое творчество русского, украинского и белорусского народов характеризуется глубокой идейной общностью.

Ведущая тема советского фольклора довоенных сталинских пятилеток, тема советского патриотизма и вдохновенного созидательного труда, получает в послевоенные годы свое дальнейшее углубление и развитие. Этой глубокой идейной преемственностью обусловлена живая, действенная сила многих произведений, создававшихся еще в предшествующие периоды²¹.

Большое место в формировании советского фольклора послевоенных лет занимает поэтическое творчество, сложившееся в период Великой отечественной войны, обогатившее современную поэзию народа образами и идеями советского патриотизма.

Примечателен отбор песен, осевших в народе, получивших огромную популярность в среде и русских, и украинцев, и белоруссов. Таковы песни о герое партизане («На опушке леса старый дуб стоит»); «Бескозырка» («Я встретил его близ Одессы родной») — о герое, отдавшем жизнь за родной город; «Анюта», запечатлевшая героический образ девушки-санитарки; многие песни танкистов, отразившие героизм молодежи на фронте («По чисту полю серебристу гремят машины», «Машина шопором кружится») и др.

Большой любовью и по сие время пользуется песня «Ой, туманы мои, растуманы» (М. Исаковского). Самый образ героического защитника Родины близок к образу труженика-патриота, каким он раскрывается в современном фольклоре. Современное поэтическое творчество идейно близко фольклору периода войны. Мысль, что рожденная в боях за Отечество слава возрождается в подвиге труда, пронизывает собой современную поэзию народа.

На фронте труда мы славу рождали,
Нас Сталина гений на подвиги звал,
И мы свое слово, товарищ, сдержали,—
Мы плавим Отчизне металл,—

поется в «Песне запорожских металлургов»²².

Героика войны определила многие образы современного поэтического творчества, вызвала к жизни новые произведения²³.

Морально-политическое единство советского народа, с столь исключительной силой проявившееся в дни войны, определяет собой и современное народное поэтическое творчество.

Высокая тема патриотизма в современном поэтическом искусстве неизменно сочетается с темой созидательного творческого труда, и в этом его органическое родство с фольклором довоенных сталинских пятилеток.

лауреат Сталинской премии композитор А. Штогаренко), «Колгоспна засівна» и «Колгоспні частушки» (музыка композитора Е. Юцевича). Очень важно было бы проследить дальнейшие судьбы этих произведений.

²¹ К сожалению, вопрос последующих судеб тех или других произведений мало изучен, отсутствуют необходимые наблюдения; так, не выясненной до сих пор остается судьба многих украинских песен, созданных в период довоенных пятилеток и давших ряд превосходных образов стахановцев и ударников.

²² Из материалов М. П. Лиздой, собранных на заводе «Запорожсталь», 1950 г. (Архив фольклорного отдела Ин-та искусствознания, фольклора и этнографии Акад. Наук УССР).

²³ На первых порах песни, посвященные тематике Великой отечественной войны, носили большей частью характер песен-воспоминаний о пройденном боевом пути, и авторами их были большей частью фронтовики. В настоящее время преобладает тип песни-баллады, в которой дается в большинстве случаев обобщенный образ героического защитника Родины. Таковы, например, песня «Партизанская могила» Г. Головастика; «Песня о Максиме» — молодом рабочем, отдавшем жизнь за Родину, — А. В. Проценко и др.

Понятие Родины сливается в народном сознании с представлением о козидаемой миллионами масс счастливой жизни. Это прекрасно выражено в одной из песен архангельской певицы О. В. Антроповой:

Зацветут поля, поля колхозные,
Их недаром все мы берегли.
Нивы, нивы, нивушки широкие
Свой поклон отвесят до земли.
Закрома колхозные наполнятся
Первосортным налитым зерном,
Нет на свете краше нашей Родины,
С ней навек сроднились мы трудом²⁴.

Выражением по существу той же идеи является и песня белорусского автора Г. П. Головастика «Хороши вы, зори чистые», открывающаяся с экспозиции широкого колхозного пейзажа:

Зелены луга росистые...
Выйдешь в поле — легко дышится,
Будто море, рожь колышется...²⁵

Присущий художественному творчеству советского народа метод социалистического реализма, характеризующийся умением видеть действительность в ее революционном развитии, расширяет и углубляет отражение в поэтическом творчестве темы патриотизма. Все ярче и многограннее выступает в нем образ Родины, прокладывающей пути к светлым вершинам коммунизма. Это выражается и в том богатстве и разнообразии, с каким отражена в современном народном творчестве жизнь страны — ее великие преобразования, новый духовный облик советских людей. Отображение реальной действительности, не только как таковой, но и с точки зрения перспектив ее развития, — особенно характерно для рабочей поэзии. Каких бы тем ни касалось современное рабочее творчество — восстановления ли разрушенного города, родного завода, отображения ли жизни своего коллектива, — оно освещается с позиций дальнейших перспектив общественного развития. Таков характер заводских песен, являющихся своеобразными маршами.

Одним из ярких примеров может служить песня «Сталин нас к коммунизму ведет», сложенная в среде железнодорожников Донбасской железной дороги:

...Мы землю героев
По Ленину строим,
Советскую землю труда,
Под Сталинским стягом,
Уверенным шагом
Идем, обгоняя года²⁶.

Еще более яркий пример дает упоминавшаяся выше песня «Каменщик», созданная молодежной группой хора строителей Воронежа. Образ молодого рабочего каменщика, обрисованный чертами оптимизма, творческого отношения к труду, устремления вперед, перерастает в подлинный образ строителя нового мира:

Его позвал гудок знакомый,
И вот, поднявшись на помост,

²⁴ Песня сложена автором в 1949 г., распета у себя в хоре на три голоса, в настоящее время вошла в репертуар архангельских хоров.

²⁵ Опубликована в сборн. «Песни счастья», Музгиз, 1950, стр. 8.

²⁶ Песня записана в г. Кашире; см. статью А. П. Прусакова «Песни рабочих о И. В. Сталине», «Советская этнография», 1949, № 4, стр. 156.

Он встал с утра над кладкой новой
 Во весь свой богатырский рост.
 Пусть будет дом высок на диво
 И пусть красуется вовек,
 Чтобы богато и счастливо
 В нем жил советский человек.
 Ясна строителю задача,
 В руке горячей кельму сжав,
 Он с песней новой смену начал,
 Пошел к высоким этажам...

В колхозном, поэтическом творчестве особенно ярко раскрывается образ Родины, вновь возрожденной после нанесенных ей войною ран. Эмоциональная сила этих песен в пронизывающем их пафосе и неуемной энергии народа-строителя. Такова, например, песня вичугских ткачей «Родина», созданная, как указывалось выше, в музыкальном строе русской протяжной песни, глубоко лиричная по своим образам:

Занялася заря расписная,
 Выхожу за околицу я.
 С добрым утром, сторонка родная,
 Дорогая отчизна моя!
 Дружно двинулись в поле артели,
 Труд кипит от села до села,
 Топоры по лесам зазвенели,
 Тишина за курганы ушла...
 Льются песни потоком незримым
 К звездам счастья, к седому Кремлю.
 Я люблю тебя, край мой родимый,
 Неизменно, по-русски люблю²⁷.

Те же мотивы проходят и через творчество колхозных поэтов, где они достигают иногда большой идейной и художественной зрелости. Особенно примечательны в этом отношении произведения украинской поэтессы Фросины Карпенко. Такова, например, ее превосходное стихотворение «Україна». Раскрывая новый облик родной ей страны, поэтесса обогащает его мотивами братской дружбы народов, входящих в единую советскую семью:

Не та Україна,	І степ наш широкий
Що колись була,	Не знав таких жнив,
Ніколи тай буйно	Ніколи колоссям
Вона не цвіла.	Він так не шумів...
Ще так не палали	У дружній, великій
Вагранок вогні,	Радянській сім'ї
Як в наші радянські	Горять України
У Сталінські дні.	Яскраві вогні... ²⁸

Тем же чувством глубокого патриотизма согрето и частушечное творчество. Такова, например, повсеместно распространенная русская частушка:

Пойди, милый, посмотри,
 Посмотри какая рожь,
 Облетишь на самолете,
 А пешком не обойдешь²⁹.

²⁷ См. сборн. «Современные народные песни и песни участников художественной самостоятельности», М., 1950, стр. 9.

²⁸ Опубликовано в сборн. Фросины Карпенко «Розцвітає Україна», стр. 13.

²⁹ Зарегистрирована в Сталинградской и Воронежской областях, на Урале.

Или белорусская частушка:

Ой, як выйду я на поле
Калгаснае жыта жаць,
Густа сцелюцца снапocki,
І канца ім не відаць³⁰.

Особенно сильны в частушке мотивы патриотического отношения к родному колхозу, гордость за его достижения, за его лучших людей:

Я па полюшку хажу,
На ўсе стораны гляжу,
Лучше нашава пасева
Я нідзе не нахажу³¹.

Любовь к социалистической Отчизне органически сливается в народном поэтическом творчестве с образом ее великого преобразователя товарища Сталина.

Любовь и благодарность великому вождю выливаются в многочисленных песнях-здравницах, являющихся одним из наиболее распространенных в современном поэтическом творчестве видов песен.

В этих песнях находят свое отражение те величайшие события, какие имели и имеют место в жизни нашей страны и которые народ неизменно связывает со Сталиным, — гигантское послевоенное строительство, направленное на восстановление пострадавших от войны районов, грандиозный план преобразования природы, братская помощь в построении социализма воссоединенным с СССР западным областям Украины и Белоруссии и, наконец, великое движение народов за мир, в авангарде которого идет Советский Союз во главе со Сталиным.

С именем Сталина народ связывает свои труды и борьбу за построение нового, коммунистического общества.

Колоссями нивы шумят золотые
И хвалямі рэкі гамоняць між лоз,
Прими ж ты падзяку, наш бацька любимой,
Што я с Беларусі прывез.
Нам нмя твое дарогое заўсёгды,
Ў працы і ў песнях ты з намі живешь.
Вялікое шасце нясець ты народу,
Усіх к коммунизму вядешь...

— говорит белорусский певец П. И. Шидловский.

Сталин самый родной и близкий человек. Это особенно ярко отразилось в песнях, развивающих один из наиболее популярных мотивов современного поэтического творчества — приглашение вождя к себе в гости. В нем выражено заветное желание народа показать любимому вождю свои богатства, похвалиться своими успехами. Наиболее ярким образцом песен этого типа является «Казачья дума о Сталине», созданная еще до войны и получившая в настоящее время всенародную известность. В различных районах страны возникли такие же свои местные песни. Такова, например, белорусская песня, созданная в хоровом коллективе колхоза имени Сталина (Василевичи Полесской области), начинающаяся с характерных строк:

Гэту песню мы самі складалі
На шырокіх калгасных палях...

³⁰ Подзёрки Минского р-на; см. сборн. «Белорусский послевоенный фольклор», Рукопись, Архив Ин-та истории Акад. наук БССР.

³¹ Там же.

Песня рисует культурную зажиточную жизнь колхоза и заканчивается строфой:

І цяпер з года ў год сабіраем
Усе большы і лепшы ураджай.
Дарагі бацька, родны наш Сталін,
К нам у госці ў калгас прыязжай! ³²

В одном из колхозов Рязанской области аналогичная песня сложена местной певицей М. Илюшкиной, автором ряда новых колхозных песен:

Урожай мы свой богатый соберем,
В гости Сталина родного позовем.
Приезжай, отец великий, дорогой,
Выйдем, встретим всей колхозною семьей.
За колхозным, за богатым, за столом
Песню хором мы о Сталине споем.
Улыбнется родной Сталин нам в ответ.
Во всем мире лучше жизни нашей нет!

Все эти, исполненные живого чувства, произведения свидетельствуют об органическом единстве народа со своим вождем, как это образно сформулировано народной пословицей: «Видна из Кремля вся Советская земля» ³³.

В современном народном искусстве последовательно отражается славный путь послевоенной сталинской пятилетки, вносящей крупнейшие преобразования в жизнь нашей страны. В первые послевоенные годы, когда вся страна была охвачена грандиозным строительством по восстановлению народного хозяйства, естественно, центральной темой поэтического творчества явилась тема восстановления родных городов и сел, разрушенных заводов и фабрик. Вся народная поэзия этого периода пронизана темой возрождения страны, страстным призывом к труду во имя дальнейшего расцвета Родины.

С необычайным подъемом приступил народ к осуществлению грандиозного плана коммунистическихстроек. В произведениях, посвященных этой теме, с особой силой раскрывается патетика труда, тот пафос созидания, который присущ советскому народу.

Особенно примечательна та живость и активность, с которой народ реагирует в своем творчестве на великий сталинский план преобразования природы, воспринятый советскими людьми как свое кровное дело. Народному сознанию близка самая идея активного воздействия на природу, что ярко отражено в различных произведениях фольклора:

Вірно служыць нам прырода,
Шо не корыцца сама,
Бо для нашого народу
Неможліваго нема ³⁴.

Ждать подачек от природы
Не намерен наш народ,
Он природу в переделку
По-мичурински берет ³⁵.

³² Записала Е. А. Василевская 10.IX.1950 г. в дер. Василевичи Полесской обл. от участниц хора колхоза имени Сталина (Сборн. «Белорусский послевоенный фольклор»).

³³ Сборн. «Уральский фольклор», Свердловск, 1949, № 21, стр. 145.

³⁴ Сложил учитель Я. Пономаренко, бытует как безавторская (Архив Ин-та искусствознания, фольклора и этнографии Акад. Наук УССР).

³⁵ Из сборн. «Покорим природу», М., 1950, изд. ВДНТ им. Н. К. Крупской.

Особенно живо затронута народным творчеством тема защитных лесонасаждений, играющих решающую роль в переделке климата.

«Щоб природу перетворити — потрібно лісосмугі насадити», — говорит украинская поговорка. О том же поется и в песне:

Не гуляти більш стихіям,
Не палить хлібів огнем.
Чорним бурям — суховіям...
Шлях назавжди перетнем ³⁶

«Песню о лесонасаждении» создал один из хоровых коллективов Вологодской области. Песня воспеваает товарища Сталина, с именем которого сочетаются все великие достижения по преобразованию природы:

Не стена стоит зеленая в степи,
Это лес густой, насаженный шумит

Припев

Ай ли, ай ли,
Это лес густой, насаженный шумит.

Кто же этот лес зеленый заложил,
Еще кто же этот лес посадил?

Припев

Этот лес великий Сталин заложил,
Лес дубовый, сам народ насадил.

Припев

Чтоб в степи не летал лютый змей,
Чтобы степи не сжигал суховей ³⁷.

Припев

и т. д.

Со всей непосредственностью тема лесонасаждений отражена частушками:

На бригадном на участке
Насажаю тополию,
Чтобы снег ровней ложился
И не выюжил по полю.

Суховей ты, суховей,
Не видать тебе полей.
На пути преграда встанет
Из дубов и тополей ³⁸.

Новый облик родного края — цветущие поля на месте болот, обильные урожан в засушливых местах, новейшая техника, культурное строительство — источник поэтического вдохновения народных поэтов. Особенно отчетливо эти темы выступают в целостных фольклорных репертуарах отдельных колхозов, новостроек и т. д.

³⁶ Отрывок из песни «Про засуху», сложенной агрономом Олефиренко Велико-Багачанского р-на Полтавской обл., с. Устивица; музыка зоотехника Беспечного, руководителя колхозного хора (Архив Ин-та искусствознания, фольклора и этнографии Акад. Наук УССР).

³⁷ См. доклад А. Г. Кудышкиной «К вопросу изучения современной советской народной песни», Материалы Всесоюзной конференции ВДНТ им. Н. К. Крупской 27.XI.1950 г.

³⁸ Из сборн. «Покорим природу».

Ярким примером может служить поэтическое творчество одного из крупнейших колхозов Белоруссии — колхоза имени Сталина (дер. Василевичи Полесской обл.). В этом колхозе чрезвычайно активно и творчески работает самодеятельный колхозный хор, сумевший объединить вокруг себя лучших передовых людей колхоза. Характерно, что авторство многих частушек принадлежит участникам хора Героям Социалистического труда — Евдокии Кухаровой и Тамаре Шкурко. В хоре содалась целая серия частушек, с исключительной полнотой отразившая жизнь своего передового колхоза, ярко раскрывшая новый облик Полесья, изменившегося за годы пятилеток:

Няма старага Палесся
Трыякуцца і балот,
На Палессі ходзіць трактар
І лятае самалет.

На балотах на палесскіх
Будзе слаўны ураджай,
Хто не верыць нашай славе —
Падзівіцца прыязжай!

Живо и колоритно выступают в частушках непосредственные участники этого строительства — колхозники:

Старшына наш працавіты,
Ён не ходзіць, а ляціць.
Днем і ноччу ён ў калгасе,
Не вядома калі спіць.

У старшыны ўсе па плану
І жывёла, і пасеў.
Толькі жаль, што вельмі рана,
Не па плану пасівеў³⁹.

Темы механизации сельского хозяйства, внедрения в него науки, новых методом агротехники особенно ярко разработаны в творчестве украинских поэтов Ф. Карпенко и П. Амбросий. Особенно интересно одно из стихотворений Ф. Карпенко — «Колгоспна посівна»:

...Рости нам, пшенице,	Обсадимо лісом
В зерно і солону,	Лани золоті,
Щоб повні засіки	Аби не палили
Були у коморі.	Тебе суховії.
Мы землю розпушим,	Роди нам, пшенице,
Закриєм вологу.	Центнерів по сорок,
Роди нам, пшенице,	Радіють хай друзі
Верни врожай стогом.	І казяться ворог... ⁴⁰ .

Характерно, что сам народ осознает это внедрение новых, передовых форм хозяйства как движение по пути к коммунизму.

Огромное значение современного народного поэтического творчества заключается в том, что оно вскрывает глубочайшие процессы формирования нового сознания людей. Это особенно отчетливо выявляется в теме социалистического труда, являющейся в современном творче-

³⁹ Из сборн. «Белорусский послевоенный фольклор».

⁴⁰ Опубликована в цитированном выше сборнике Ф. Карпенко, стр. 20. Стихотворение это переложено на музыку. Интересно было бы проследить его дальнейшие судьбы.

стве основной, кардинальной. Характерно, что при разработке народным творчеством этой большой, общественно значимой темы акцентировка идет именно на выявление отношения человека к своему делу, работе, в силу чего ярко выступает та эмоциональность творческого труда, которая, несомненно, является одним из ярких выражений элементов нового, коммунистического сознания. Это особенно характерно для частушечного творчества. В фольклорных репертуарах отдельных колхозов, заводов, новостроек, наряду с отображением своих местных явлений, отчетливо выявляется и то общее, что стало типовым, определяющим современную, социалистическую действительность. В современном фольклоре особенно акцентируются моменты борьбы за производительность труда, за высокое качество.

Большое место в современном поэтическом творчестве занимает тема социалистического соревнования, что является отражением глубочайшего жизненного процесса — той всеобщности, которую приняло в настоящее время социалистическое соревнование, охватившее все звенья производства, все слои советского общества. Поэтическое творчество ярко отражает характерную, подлинно коммунистическую черту: отсутствие конкуренции и, наоборот, — товарищескую взаимопомощь соревнующихся, основанную на сознании общих задач и целей в труде.

Любопытнейший материал сообщен аспиранткой Московского государственного университета Л. Ерофеевой, обследовавшей творчество калининских льноводческих колхозов. Она приводит цикл частушек, представляющих собой перекличку двух соревнующихся звеньев. Интересен самый факт возникновения этого своеобразного словесного состязания. «Частушки созданы членами двух звеньев коллективно. Однажды звеньевая Р. Маслокова (ныне Герой Социалистического Труда) подошла к работающей подруге, чтобы узнать о результатах работы ее звена. Свой вопрос она выразила в форме частушки. Вторая звеньевая А. Угланова не обратила внимания на форму вопроса и собралась ответить подруге обычно, но члены звена заинтересовались, стали подсказывать Углановой мысли, рифмы. Так родился ответ Углановой. Участки I и II звеньев были смежными, что дало возможность, не прекращая работы, вступить звеньям в своеобразную перекличку. Р. Маслоковой помогло ответить звено... Обе стороны совещались, выбирали каждая вариант ответа. Возвращаясь с поля домой, девушки восстановили созданные ими частушки, а вечером на гулянье звеньевые исполняли их, получив одобрение присутствующих».

Дорога подруга Римма,
Мы решили уж давно:
Самым номером высоким
Пойдет наше волокно.

... Дорога подруга Тоня,
Не отстанем мы от вас,
Мы ленок ведь пропололи
Во второй, поди, уж раз.

Дорога подруга Римма,
Ты скажи своему звену:
Давайте договор заключим
В соревнование по льну.

... Дорога подруга Тоня,
Вызов принимаем,
В соревнование по льну
С радостью вступаем.

И, наконец, заключительная частушка:

Дорога подруга Тоня,
Пускай наши два звена
Дадут Родине Советской
С га по тонне вслокна.

Отношение к труду как к общественному долгу, вошедшее в сознание широких масс, определило и то особое развитие, какое получила в современном фольклоре сатирическая линия, направленная против всего того, что тормозит социалистическое строительство. Острые народной сатиры в первую очередь бьют по несоциалистическому отношению к общественной собственности и труду, по нарушителям трудовой дисциплины, — клеймятся расхитители колхозного имущества, высмеиваются лодыри, очковтиратели, оракоделы. «Бракороб и нероба — одна хвороба»⁴¹ — говорит украинская пословица, или: «Колхозное тащить — себя обворовывать», «Прогульные дни — воровству сродни»⁴² и т. п.; «Велик день для лодыря, а для стахановца мал»⁴³.

О том же говорит украинская частушка:

Все на сердце, та на сердце
Скаржитися Секлетка,
А в базарі то літає
Як мотоциклетка⁴⁴.

Сатирическая линия чрезвычайно ярко выражена и в рабочем творчестве, где она является острым оружием за выполнение плана, за сроки, за качество продукции. Это боевое, живое, действенное творчество: стихи-агитки на плакатах-щитах, листовки-молнии, в которых большей частью в форме куплетов отмечаются лучшие люди-ударники, зло высмеиваются лодыри, бракоделы, пустые болтуны. Многие наиболее удачные выражения подхватываются, входят в речевой оборот⁴⁵.

Народная сатира является одной из наиболее доходчивых в рабочем и колхозном быту форм массовой критики и самокритики. Разоблачая в ярких сатирических образах все то, что является пережитком частнособственнических тенденций, косности и рутины, народное творчество со всей силой противопоставляет ему жизнеутверждающий образ советского человека.

Особенно ярко выступает образ молодого героя Сталинской эпохи. В этом образе положительного героя синтезируются черты передовой советской молодежи — ее боевой горячий темперамент, воля к труду, вера в свои силы, в те неограниченные возможности, которые открывает перед молодежью Советская страна:

Мы усталости не знаем,
Ловкие да смелые,
Мы о счастье не гадаем —
Сами счастье делаем!⁴⁶

⁴¹ Записана в с. Лозоватка Шполянского р-на Киевской обл. (Архив фольклорного отдела Ин-та искусствознания, фольклора и этнографии Акад. Наук УССР).

⁴² Опубликовано в сборн. «Фольклор Воронежской области», Воронеж, 1949, стр. 246 и 444.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Из материалов Ин-та искусствознания, фольклора и этнографии Акад. Наук УССР.

⁴⁵ См., например, поговорки мастера воронежского завода П. К. Куприянова, опубликованные в сборн. «Фольклор Воронежской области», стр. 254, 255.

⁴⁶ Сборн. «Уральский фольклор», № 6, стр. 116.

бется в одной из русских частушек. В этом — пафос лучших молодежных песен, проникнутых чувством коллективизма, товарищеской спайки. Одним из ярких образов может служить песня, сложенная в молодежной бригаде механомонтажников на Днепрострое, посвященная своему бригадиру-орденоносцу:

Мы идем с тобою
Трудовым отрядом,
Мы творим с тобою
Славные дела.
Мы горды, что рядом
И другим бригадам
Наша молодежная
Свой задор внесла...

Особенно характерна заключительная строфа песни, живо отобразившая молодежный быт, заполненный трудом и учебой:

Учимся мы сами
И других мы учим.
Мы всегда мечтали
Только об одном,
Чтоб в труде кипучем
Был успех наш лучшим,
Чтобы все отстроить
В городе родном⁴⁷.

Тем же боевым задором проникнуты песни молодых строителей Ворожежа, многие песни колхозной молодежи, молодежные частушки. В них ярко встает образ молодых патриотов — стахановцев заводов и полей, борцов за первенство в работе, за высокие урожаи. Народное творчество отмечает передовую роль комсомола, являющегося застрельщиком в овладении новой агротехникой, квалифицированными профессиями трактористов, комбайнеров, агрономов.

Особенно охотно разрабатывается современным творчеством образ фронтовика, прошедшего славный боевой путь и ныне вернувшегося к мирному труду, где он также проявляет высокую трудовую доблесть. Это поистине герой современного молодежного творчества:

За войну ен, мне казалі,
Ордзены меў і медалі;
А цяпер каханы мой
У калгасе стаў герой!⁴⁸

Тот же образ вырисовывается и в песне, родившейся как ответ на известный текст А. Фатьянова «О друзьях-однополчане» (муз. Соловьева-Седого):

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Встретились опять друзья-однополчане
На полях родной своей земли.
И теперь с восхода до заката
Нам пустынной степи не узнать.

⁴⁷ Автор песни С. Ивакин, слесарь-монтажник, музыка написана руководителем художественной самодеятельности клуба Запорожстроя Т. Живовым. Песня популярна на Днепрострое (Архив Ин-та искусствознания, фольклора и этнографии Акад. Наук УССР).

⁴⁸ Записано в с. Каўма Добруженского р-на Гомельской обл. (из сборн. «Белорусский послевоенный фольклор»).

Вышли снова в бой служилые солдаты
 Засуху с полей родных прогнать.
 Мы такой канал теперь построим,
 Чтобы было видно по всему,—
 Здесь трудились мы, советские герои,
 С боем отстаившие страну⁴⁹.

Рисуя образ современного героя, народное творчество запечатлело вместе с тем факт огромной общественной значимости — передовую роль фронтовиков, составляющих в настоящее время основные культурные кадры в колхозах, на фабриках и заводах.

Многогранно и ярко запечатлен в современном фольклоре женский образ. В многочисленных песнях и частушках раскрывается образ женщины, инициативной и волевой. Очень полно разработан и девичий образ. Широко распространенные частушки и песни об ударницах-стахановках, о тяготении к учебе, об освоении новых для них профессий (трактористок, комбайнерок) запечатлели те серьезные сдвиги, которые произошли в жизни женской молодежи.

В современном поэтическом творчестве ярко выявлено и то новое, что стало характерным во взаимоотношениях молодежи друг к другу, — зарождение чувств любви и дружбы на почве общих интересов, общей работы. Отсюда то гармоническое сочетание личного с общественным, что определило собой характер современной народной лирики.

Примечательно, что в настоящее время сама молодежь пытается создать свою молодежную лирическую песню — песню здорового жизнеутверждающего человеческого чувства. К числу ее лучших образцов могут быть отнесены белорусские песни «Зацвіла каліна» П. И. Шидловского и «Канпелька» А. О. Монича. Песня «Зацвіла каліна» — большая творческая удача автора. По сообщению П. Шидловского, песня была сложена весной этого года в связи с укрупнением колхозов и отправкой молодежи в вузы и является попыткой обрисовать новый духовный облик советской молодежи. Песня особенно характерна, как пример беслинно творческого использования народной традиции. Тема расставания девушки с милым разработана Шидловским приемами народной поэтики. Однако при традиционности отдельно взятых образов принципиально отличен как самый их подбор, так и функция образов, что особенно ярко выявило качественно новую идейную направленность произведения. В народной традиции тема разлуки раскрывается обычно в образах увядания, опадения (цвета), сухоты (в смысле грусти, тоски по милому). В песне Шидловского использованы светлые жизнеутверждающие образы: «чырвоная каліна», «буйны вецер», «шырокая дарожанька», «сонна ясна», «заря ясна», «грушы-яблоні» и т. п. В своей совокупности эти образы дают картину простора, шири, общего цветения и как бы символически волизируют светлую, полную перспектив долю колхозной молодежи. Новый образ советской девушки-колхозницы раскрывается автором через ее патриотическое восприятие действительности. Не случайно в песне, сочетающая лиризм с высоким гражданским пафосом, особенно отчетливо выраженным в заключительном куплете:

Эй, зацвітайце, грушы-яблоні,
 Раннюю вясною над аконцам,
 Цвіці ж, наша доля,
 На калгасным полі
 Пад Сталінскім сонцам! —

подхвачена молодежью, прочно вошла в ее репертуар.

⁴⁹ Записано Е. Фроловой на строительстве Невинномысского канала Ставропольского края.

Та же трактовка молодежных взаимоотношений дана и в песне А. Монича «Канापелька». Девушка ценит в своем милом его моральные качества, что в свою очередь обязывает ее к честному передовому труду:

...Я маладзенька
Канапельку рвала,
Аб сваім міленькім
Весь дзень разважала.
Я аб міленькім
Весь дзень разважала.
Шчыра працавала,
Дзве нормы нарвала...⁵⁰

Велико влияние молодежной песни на музыкальный быт народа. Она содействует очищению его от низкопробных в идейном и художественном отношении песен типа мещанского романса, все еще встречающихся в песенном репертуаре молодежи.

В поэтическом творчестве русского, украинского и белорусского народов есть, разумеется, и свои особые темы, порожденные конкретной исторической действительностью. Значительным своеобразием отличается поэтическое творчество западных областей Украины, Белоруссии и Закарпатья. Разностороннее отражение получили в поэтическом искусстве этих областей темы вызволения, воссоединения с великим Советским Союзом. Темы эти особенно активизировались в 1949 г. в связи с 10-летием воссоединения. Так, в Белоруссии большую популярность получили песни благодарности товарищу Сталину за освобождение белорусского народа от польских панов. Такова, например, сложенная еще до Великой отечественной войны песня «Падзяка»: «С падзякой ложусь я, с падзякой ўстаю, Бо сонца ўже свеціць у нашым краю...» с припевом «Я дзякую сіле чырвоных бойцов І Сталіну бацьку, што ў пору прышоў»⁵¹. Песня «Падзяка Сталину» — на ту же тему, сложенная Полесским хором (Барановическая область), получила распространение и за пределами Белоруссии. Переведенная поэтом В. Сосюрой на украинский язык, она поется в настоящее время в некоторых районах Украины. Большую популярность в Белоруссии получила и песня «Успаміны» П. Н. Шевко, развивающая ту же тему противопоставления тяжелого прошлого светлому настоящему.

Живо разрабатывается поэтическим творчеством вновь присоединенных районов и тема колхозного строительства, протекающего в острой борьбе с кулачеством, развивающегося вместе с тем чрезвычайно плодотворно и интенсивно, использующего огромный социалистический опыт советского народа. На эти темы сложено много коломыек и коломыечного типа песен⁵².

В наше время, в дни, когда весь мир разделился на два лагеря — лагерь империалистический, поджигателей войны, и лагерь демократический, собравший воедино неисчислимые силы сторонников мира, народ в своем поэтическом искусстве властно поднял голос в защиту мира. В многочисленных произведениях народного творчества выражена вера народа в свои силы, твердая уверенность в мощи и непобедимости своей страны.

⁵⁰ Автор песни А. О. Монич, 1901 г. рождения, колхозник, лучший запевала в хоре (см. сборн. «Белорусский послевоенный фольклор»).

⁵¹ Песня эта, певшаяся до войны одноголосно, в настоящее время распета хором в с. Ганцевичи Пинской обл. и получила широкую популярность в Белоруссии.

⁵² См. сборн. «Українська радянська народна пісня», Львов, 1950 (раздел «Світять зорі з Кремля», стр. 113—133); см. также статью И. Симоненко «Колхозное строительство в Закарпатской области», «Советская этнография», 1949, № 4.

Об этом выразительно и сильно говорит украинская народная поэтесса Хр. Литвиненко в проникнутых гневом стихах «Геть войну»:

...Жменя ненажерів
Витрищила очі,
Заздрить нашій долі,
Вожувати хочуть.
Та даремна праця
Катам зазіхати,
Нашої вітчизны
Ім не подолати ⁵³.

Не случайно, что «Гимн демократической молодежи» поется молодежью всего мира. Как боевой призыв звучат и многие песни, слагающиеся в настоящее время среди советской молодежи. Одним из характерных примеров является «Песня молодых защитников мира», сложенная в Харькове молодежным хором машиностроительного техникума:

Встали мы грозной единой силой,
Наши сердца возмущенья полны.
Мы не забыли, еще не зажили
Раны недавней войны.
Все, кому дороги мир и свобода,
С нами вставайте на праведный бой.
Честные люди, вместе добудем
Мир неустанной борьбой ⁵⁴.

Тема мира органична для творчества народа-созидателя. Это нашло свое выражение в произведениях народного искусства, созданных в дни огромного патриотического подъема, вызванного Стокгольмским воззванием. Народ выразил в них свою готовность самоотверженным трудом отстаивать дело мира:

Мы воззвание подписали,
Подпись делом подкрепим —
Государству урожай наш
Своевременно сдадим.
Враг грозит из-за границы
И кричит, что он силен.
Надо, девушки, добиться,
Чтоб хороший вырос лен. —

говорится в сложенных в те дни частушках калининских льноводов ⁵⁵.

По свидетельству участников агитбригад, проводивших свою работу с населением (беседы, читка литературных произведений) в период подписания Стокгольмского воззвания, молодежь повсеместно живо откликнулась в своем творчестве на тему мира ⁵⁶.

Живой отклик в народном творчестве получили события в Корее. В частушках и песнях, в стихах народных поэтов на эту тему звучат презрение и ненависть к зачинщикам войны.

Говоря о своей готовности отстаивать дело защиты мира, народ неизменно обращается к тому, кто возглавляет борьбу за мир — товарищу Сталину:

⁵³ Архив фольклорного отдела Ин-та искусствознания, фольклора и этнографии Укр. Акад. Наук.

⁵⁴ Из доклада т. Айзенштадта «Народное творчество Харьковщины в борьбе за мир» (Материалы конференции ВДНТ им. Н. К. Крупской).

⁵⁵ См. цитированную выше статью Л. Ерофеевой «Колхозная деревня в народном творчестве Бежецкого р-на Калининской обл.»

⁵⁶ См. сообщения т. Ливагина и т. Фролова на Всесоюзной конференции ВДНТ им. Н. К. Крупской (ноябрь 1950 г.).

С нами Сталин родной и любимый,
Вахту мира несет он в Кремле,
Все мы тем и горды и счастливы,
Что живет он на нашей земле,—

поется в песне «О мире» воронежских певцов. Вдохновенно говорит о том же в своей песне, посвященной 70-летию товарища Сталина, белорусский певец Г. П. Головастик:

За дело мира, как твердыня,
Стоит на страже он всегда,
Священным стало его имя
Для всей земли людей труда⁵⁷.

Таково в общих чертах современное народное поэтическое творчество. С каждым днем оно пополняется все новыми произведениями, отражающими нашу современность. Это творчество самих непосредственных участников великого строительства, и в этом его огромная общественная сила. Являясь ценнейшим памятником сегодняшнего дня, оно является вместе с тем и могучим средством агитации за будущее. Оно служит благородным целям единения народов, воспитанию коммунистического сознания народных масс.

---

⁵⁷ Опубликовано в сборн. «Песни счастья», Музгиз, 1950, стр. 6, 7.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Б. А. АЛЕКСАНДРОВ
ТИБЕТ И ТИБЕТЦЫ

В результате дружественных переговоров между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета тибетский народ получил возможность вернуться в единую семью народов Китайской народной республики. Наступил конец вековым раздорам, разжигаемым в Тибете агентами империалистических разведок. Потерпели крах интриги империалистов и их гоминдановских агентов, пытавшихся оторвать район Тибета от народного Китая и превратить его в плацдарм военных авантур против Китайской республики.

Тибет является неотъемлемой частью китайской территории и связан с Китаем тесными узами в течение многих веков. Это вынуждены признать даже наиболее ревностные прислужники мирового империализма, выполнявшие в течение последних десятилетий задания англо-американских империалистов по отрыву Тибета от Китая.

Так, долголетний дипломатический представитель Англии в Тибете, Сиккиме и Бутане Чарлз Белл писал: «Можно прямо сказать, что современная тибетская цивилизация была заимствована главным образом у китайцев и лишь в незначительной степени у народов Индии... Основные приобретения цивилизации, помимо религии, а в значительной степени также и религии тибетцы получили от Китая». В другом месте своей книги Белл пишет: «Несомненно, по самой своей природе тибетцы родственны народам Китайского государства. Между ними очень много общего как по религии и нравственным устоям, так и по социальному быту и обычаям. Тесная связь между ними установилась с незапамятных времен»¹.

I

Тибетцы — один из древнейших народов Центральной Азии. Предисторический период Тибета, называемого самими тибетцами Бодю, отображен в богатых и красочных творениях тибетского народного эпоса, который сохранился в виде сказаний и саг, изустно передаваемых тибетцами из поколения в поколение.

О раннем периоде тибетской истории из китайских источников того времени известно, что страну тогда населяли кочевые племена, занимавшиеся охотой и первобытным скотоводством.

С V — VI вв., как говорят китайские источники, Тибет стал централизованным государством, достигшим значительного могущества

¹ Charles Bell, *Tibet past and present*, Oxford, 1924, стр. 25 и 269.

В 640 г. между Тибетом и Китаем был заключен мирный договор и установились близкие отношения. Тибетцы заимствовали многое из области материальной культуры Китая: они научились строить водяные мельницы, стали готовить масло, сыр, пиво из ячменя и т. д. У китайцев тибетцы научились гончарному делу; из Китая же в Тибет был ввезен ткацкий станок.

В главном городе Тибета Лхассе сохранился каменный обелиск, на котором высечен текст «Великого Договора», заключенного между Тибетом и Китаем в первой половине VIII в. Тибетский царь Тисонгдечен и китайский император — «племянник и дядя» — заявляют, что они «объединили свои государства, имея в виду взаимное благоденствие Тибета и Китая, великую пользу для обоих народов, их счастье и процветание на долгие времена».

К периоду царствования Тисонгдечена относится также распространение и укрепление буддизма в Тибете. Основоположителем тибетского буддизма и основателем ламайского ордена считается монах Падма Самбхава, который прибыл из Индии, где он принадлежал к так называемым тантристским буддистам, приверженцам крайне мистических учений и черной магии, почитателям бога зла Сивы и разных демонов. Самбхаве удалось распространить в Тибете буддизм и известить старую религию бон (шаманство) на второстепенное место. Тибетский буддизм (ламаизм) сохранил многие обряды старой веры и ввел ряд ее демонов в буддийский пантеон. Самбхава учредил ламайский орден «Нинигмаца», или «Старый толк», известный в настоящее время под названием «Красные шапки». В Тибете был построен ламайский монастырь в Самье, появилось ламство и возникли ламайские учреждения.

К концу XIII в., когда монгольский завоеватель Хубилай-хан, внук Чингис-хана, стал китайским императором и в дальнейшем принял буддизм, верховный жрец монастыря Сакья вблизи Лхассы отправился в Пекин, где был утвержден Хубилай-ханом в качестве главы тибетцев. Так в Тибете возникла политическая власть жрецов-царей.

В конце XV в. реформатор буддийской церкви Дзонхава, основатель монастырей в Гандене и Сера, учредил новую секту «Желтые шапки» («Гелукпа»), в дальнейшем завоевавшую ламайский мир. Этому основоположнику желтошапочной церкви наследовал в качестве главы буддийской церкви Ганден Друппа. Церковная организация при нем настолько укрепилась, что ламство нашло необходимым установить особый порядок наследования ее верховной власти. Наследственная династия для состоявших в монашестве и безбрачных ламайских жрецов была принята в форме духовного, «божественного» родства. Со смертью Гандена Друппы душа его, по буддийским верованиям, перешла в ребенка, родившегося два года спустя, и ребенок этот был провозглашен верховным жрецом. На время его малолетства власть осталась в руках наиболее влиятельных лам. Этот третий по счету верховный жрец получил звание «далай», которое сохраняется за его преемниками вплоть до наших дней.

При пятом далай-ламе Лобзанге Джацо желтошапочная церковь достигла особого могущества. В 1640 г. она оказалась в состоянии свергнуть монархию и установить ту теократическую форму власти в Тибете, которая существует поныне.

Далай-лама является одновременно высшим иерархом ламайской церкви и абсолютным правителем страны. До его совершеннолетия власть фактически находится в руках регента, на пост которого избираются высшие ламы нескольких определенных монастырей. По достижении далай-ламой 18 лет регент с особым торжеством вручает ему печати для церковных и светских дел, и он вступает в управление ламайской церковью и всей страной. Несколько далай-лам, начиная с восьмого, умирали, не достигнув совершеннолетия, и Тибет долгое время управ-

лялся регентами под руководством китайских амбаней (эmissаров). Лишь тринадцатый далай-лама, умерший в 1933 г., единовластно управлял Тибетом в течение почти полувека.

Далай-лама имеет особого заместителя по церковным делам, носящего звание «панчен-римпоче», или «панчен-лама», резиденцией которого является монастырь Ташилунпо вблизи Шигатзе.

Тибет является одной из очень отсталых стран Азии, сохранившей феодальный уклад. Для тибетского феодализма характерно господство как в экономике, так и в политической жизни, монастырей и князей, церкви.

Население Тибета исчисляется в 3—4 миллиона человек. По национальному составу оно довольно однородно. Подавляющую массу его составляют разные тибетские племена и лишь весьма незначительную часть — индийские, монгольские, тюрские и другие племена. В Лхассе и некоторых других городах имеются небольшие колонии кашмирцев, непальцев и бутанцев.

Иностранцы, как правило, в Тибет не допускаются. Попытки многих европейских путешественников проникнуть в эту «запрещенную страну» неизменно кончались неудачами. Однако в последнее время, в связи с происками англо-американских империалистов в Тибете, лхасская власть должна была открыть доступ в Тибет официальным представителям английского и американского империализма — дипломатам, промышленникам, всяким шпионам и диверсантам.

II

Основным занятием населения Тибета является скотоводство. Во многих районах скотоводы ведут кочевой образ жизни; на западе они перекочевывают на весьма ограниченных пространствах, и образ жизни их ближе к оседлому. Скотоводство наиболее развито в районе к северу от земельных округов провинций Цан и Уй. Разводят преимущественно яков, овец, длинношерстных коз, а также ослов и пони.

У крупных скотоводов много пастухов и слуг, которых они держат в кабальной зависимости.

Широко распространена сдача крупными феодалами скота на выпас в аренду. Сильно развита также и субаренда. Условия аренды и субаренды очень тяжелые. Так, в некоторых случаях по условиям аренды феодал доставляет пастухам содержание и отпускает им соль, идущую в корм овцам, а пастухи обязаны доставлять помещику по одному ягненку в год на каждые три овцы. Условие это очень тяжелое, так как падеж молодняка обычно высокий и пастухам приходится недостающий приплод отдавать из своего стада.

В других случаях владелец скота устанавливает твердое количество подлежащих сдаче ему ежегодно продуктов: шерсти яка, масла, сыра и пр. Кроме того, пастухи обязаны платить скотовладельцу определенную сумму за право удержания излишка шерсти. Весь прирост стада идет в пользу арендатора, но он обязан возмещать владельцу уменьшение поголовья. Аренда на таких условиях называется «без рождения и без смертей».

«Стада феодалов достигают громадных размеров. Примером может служить скотоводческое хозяйство крупного тибетского феодала Лхалу. Среди его пастухов выделено 50—60 старших, обязанных собирать причитающиеся платежи натурой. В среднем каждый старший пастух доставляет в год масла, сыра, шерсти и пр. на сумму примерно 60 фунтов стерлингов. В эту сумму не входят другие платежи и налоги как натурой, так и деньгами².

В ряде районов Тибета, где благоприятствуют природные условия, главным занятием населения являются земледелие и огородничество. Из сельскохозяйственных культур возделываются преимущественно ячмень, горох, пшеница и горчица; картофель распространен мало, главным образом в центральных районах; из овощей чаще всего встречаются репа и редька. Обычный севооборот: первый год — ячмень, второй — пар, третий — ячмень, четвертый — горох, пятый — пшеница.

Поля удобряют навозом, который вносится за месяц до посева. Как правило, озимые высевают в конце сентября на худших полях; на хороших землях сеют обычно яровые. Уборка урожая, и озимых и яровых, производится в сентябре.

Большое значение в сельском хозяйстве Тибета с его засушливым климатом имеет искусственное орошение. Ирригационные сооружения находятся в руках крупных помещиков, которые должны заботиться о содержании их в исправности и восстанавливать в случае надобности. Всю работу по содержанию и исправлению систем обязаны производить безвозмездно крестьяне.

Земледелие и по настоящий день ведется в Тибете самыми примитивными способами. Земледельческие орудия: соха (деревянный сошник с железным наконечником), лопата, грабли, серп и деревянная мотыга, встречающаяся по всему Тибету. В соху впрягают пару яков или дзо (помесь коровы с яком). Молотят обычно путем прогонки яков по разложенным снопам; в некоторых районах — цепями. Благодаря наличию обильных рек всюду распространены водяные мельницы.

Тибетские крестьяне обычно жили на помещичьей или монастырской земле на положении крепостных (мисеры). Тибетский помещик (так же как и монастыри) имел до самого недавнего времени неограниченную власть над живущими на его земле крестьянами. Он вправе был подвергнуть их любому наказанию, в том числе телесному, тюремному заключению и даже пыткам. Крестьяне не вправе были уйти от помещика без его разрешения; бежавшие крестьяне водворялись на прежнее место и подвергались суровому наказанию. До сих пор было довольно распространено рабство.

Монастыри владеют громадными земельными латифундиями, которые обрабатываются, помимо крепостных, арендаторами, отдающими монастырям от одной трети до половины полученного урожая. Помимо того, арендаторы обязаны платить монастырям налоги натурой и деньгами, выполнять ряд личных повинностей и поставлять тягловую силу для перевозки товаров, которыми торгуют монастыри.

Особенно тяжела для тибетского крестьянства транспортная повинность (ула). Каждое хозяйство, в зависимости от его состояния, обязано безвозмездно поставлять должностным лицам известное количество верховых и вьючных животных, а также фураж. Крестьяне должны сами сопровождать лошадей и мулов. В пути животные часто гибнут из-за дурного обращения, и крестьянам приходится с этим мириться.

Единицей земельного обложения в пользу помещика, монастырей и государства является так называемый ганг, т. е. площадь земли, для обсеменения которой требуются примерно 600 кг ячменя или гороха. Для плохих участков размер ганга повышается, для наиболее плодородных, наоборот, понижается. Колебания в этом отношении довольно значительны и часто зависят от произвола землевладельца или правительственных чиновников. Существовавшее в прежнее время в некоторых районах обложение по доходу или по едокам теперь не встречается. Размер обложения с каждого ганга один и тот же независимо от благосостояния отдельных крестьян. Такая система налогообложения способствовала классовой дифференциации крестьянства и выделению кулацких хозяйств, имеющих мулов, яков и разные побочные доходы.

О размерах крупных латифундий и существующих там способах эксплуатации крестьян говорят следующие примеры³. На земле крупного феодала Палха находится не менее 1400 крестьянских дворов. Доход помещика составляет примерно 5 тыс. фунтов стерлингов в год, что представляет в условиях Тибета огромную сумму. Другой феодал Лхалу имеет ежегодный доход в 10 тысяч фунтов стерлингов. Помимо уплаты сборов и налогов, крестьяне выполняют множество не поддающихся никакому учету работ по личному обслуживанию феодала.

Крупный помещик Палхезе, получивший от государства большую латифундию Серчок, сам не управляет поместьем и держит для этого управляющего. В свою очередь управляющий имеет штат из нескольких помощников, содержание которых лежит на обязанности крестьян. Управляющий и его помощники, помимо всевозможных поборов, вымогают у крестьян различные «приношения».

Поместье Серчок является ярким примером запутанности земельных отношений в Тибете. В этом поместье, принадлежащем государству, но находящемся во временном владении феодала, являющегося одновременно крупным государственным чиновником, многие крестьянские хозяйства продолжают выполнять все свои повинности непосредственно в пользу государственного казначейства. На территории этой же латифундии разбросано 16 крупных участков, принадлежащих роду Палхезе на правах собственности. На этих участках находится свыше ста крестьянских хозяйств, отдающих свой урожай помещику, сохраняя за собой лишь часть с выделенных им небольших участков. К этому же поместью принадлежат крупные земельные участки в нескольких других округах и Палхезе получает с них арендную плату и всякие другие сборы.

Тяжкое бремя непосильных налогов, малоземелье и частые неурожаи заставляют тибетского крестьянина и пастухов-скотоводов искать путей спасения в отходничестве и прибегать к услугам ростовщиков. Нередко доведенные до окончательного разорения, они еще недавно попадали в рабство. Выбор работы для отходников весьма ограничен. Они нанимаются в качестве носильщиков, погонщиков мулов, чернорабочих и пр.

В роли ростовщиков, грабящих крестьян и скотоводов, выступают помещики, монастыри, торговцы-скупщики, а до недавнего времени и само государство. Не брезгают торговыми операциями и князья церкви. Ростовщики обычно предоставляют крестьянам семена перед посевом, обязывая их вернуть ссуду после жатвы, с очень высокими процентами. Часто ростовщическая ссуда сопровождается залогом земли. В некоторых случаях крестьяне за предоставленную ссуду передают землю на определенное число лет целиком в распоряжение ростовщика. В других случаях крестьянин предоставляет свою землю кредитору на известное число лет в счет уплаты ему одних только процентов, а по истечении обусловленного срока он должен вернуть ростовщику всю сумму основного долга. Если ссуда не уплачена в срок, земля переходит в собственность ростовщика. Распространенной в Тибете формой ссуды является обработка земли крестьянином исполу (чеше), при чем главный арендатор вносит лишь арендную плату, а субарендатор доставляет семена, рабочую силу и сверх того определенную сумму денег.

Тибетская промышленность находится в зачаточном состоянии. Более развиты промыслы, среди которых на первом месте стоит ткацкий; и занимаются по преимуществу женщины в зимнее, свободное от тяжелых работ время. Тибетские ткачи вырабатывают грубые и тонкие ткани, одеяла, войлок, ковры. Ткацкий станок довольно примитивный. Большая часть тканей окрашивается в различные цвета, и в этом деле тибетцы проявляют большое искусство. В Тибете же изготавливаются и все необходимые для этого краски; ввозится только индиго.

³ Charles Bell, The people of Tibet, стр. 81—85, 302—304.

Из других промыслов более развиты: гончарное производство, плотничье и столярное дело, изготовление плетеных изделий и предметов буддийского культа. Большей частью кустарные промыслы неразрывно связаны с сельским хозяйством. Прослойка профессиональных кустарей в Тибете сравнительно невелика.

Тибетцы являются чрезвычайно искусными мастерами по серебру и ювелирам; они изготавливают тонкие серебряные и разные ювелирные изделия, которые пользуются заслуженной славой как в Тибете, так и за его пределами.

В последние десятилетия были сделаны значительные успехи в литейном и оружейном деле, что непосредственно связано с правительственными заказами для армии. Несколько небольших литейных заводов, арсенал, монетный двор и некоторые другие промышленные предприятия, работающие в Тибете, почти все принадлежат государству. В Лхассе имеется небольшая гидроэлектрическая станция, снабжающая энергией некоторые правительственные предприятия; электрическим светом снабжаются наиболее важные правительственные учреждения и дома крупных сановников.

Минеральные богатства Тибета далеко еще не исследованы. С давних времен известны крупные запасы золота, и примитивная промывка золота очень распространена. Имеются все указания на богатые залежи железа, цветных металлов, угля, а в последнее время англо-американскими экспедициями было установлено наличие в Тибете значительных запасов урана. Тибет, более чем какая-либо другая территория, представлял в последнее время притягательную силу для англо-американского капитала своими неразведанными минеральными богатствами.

В условиях отсталой экономики и господства в ней натуральных форм хозяйства внутренняя торговля носит в основном характер непосредственного товарообмена между скотоводческим и земледельческим населением, а также между этими группами и городскими ремесленниками. В торговых сделках, в особенности вне оседлой полосы, деньги фигурируют сравнительно редко, для расчетов применяются разнообразные продукты или товары в зависимости от местности: чайные плитки, или «кирпичи» (почти повсеместно), соль, цамба, сапоги, куски материи (було) и т. д. Все эти предметы часто принимают в уплату за другие товары охотнее, чем деньги. Но тем не менее оборот металлических и бумажных денег возрастает.

В каждом городе и большинстве крупных деревень происходят ежедневные базары, которые располагаются обычно на главной улице перед местным монастырем, причем ламы принимают деятельное участие в торговых операциях. Важнейшие торговые центры Тибета — Лхасса и Шигатзе.

Главными предметами тибетского вывоза во внутренние провинции Китая и в другие страны являются: шерсть, составляющая три четверти всего вывоза, кожи, пух для выделки кашмирских шалей, бура, соль, мускус и лекарственные травы. Главным предметом ввоза в Тибет из внутренних провинций Китая является чай, которого ввозится ежегодно в Тибет около 6,5 млн. кг. Из Китая ввозятся также хлопчатобумажные и шелковые (шарфы) изделия, а также парча, сушеные фрукты и предметы домашнего обихода.

В торговле Тибета с Индией крупную роль играл британский капитал. Торговля эта носила ярко выраженный ростовщический характер и была направлена на максимальную эксплуатацию тибетского пастуха и земледельца. Англо-индийский, а в последнее время и американский капитал выкачивал из Тибета за бесценно важнейшее сельскохозяйственное сырье. Крупные тибетские торговцы, получая под высокие проценты ссуды от иностранных капиталистов, перекладывали все тяготы этих кабальных сделок на тибетского пастуха и землероба. Получая

весной авансы и ссуды, крупные тибетские торговцы распределяли их летом среди скотоводов, которых они обязывали сдавать шерсть осенью и зимой, когда цены на нее значительно повышаются.

Вторжение британского, а затем и американского капитала в Тибет, увеличившиеся затраты лхасских властей на армию, начатое в некоторых районах дорожное строительство и другие формы приложения капитала стимулировали зарождение национальной тибетской буржуазии. На первое место выдвигалась торговая буржуазия из среды феодальной аристократии как светской, так и духовной, которая становилась проводником экономической агрессии англо-американского империализма и его агентурой в Тибете.

III

Высшим органом управления в Тибете вслед за далай-ламой являлся до сих пор совет министров, так называемый «кашак» (по имени здания, в котором он собирается), учрежденный при седьмом далай-ламе. Кашак состоит из четырех членов, называемых шапе (логос ног), из которых трое — светские чиновники, что является уступкой основному неламскому населению страны. Каждый шапе управляет одним или несколькими ведомствами — юстиции, земледелия, государственных доходов, полиции, монетного дела и т. д. Кашак издает законы, постановления, назначает и увольняет губернаторов провинций и других крупных чиновников. Члены кашака назначаются далай-ламой и ответственны только перед ним. Между кашаком и далай-ламой стоит силон, нечто вроде премьер-министра, который посредничает между властелином и его министрами и докладывает ему о каждом отдельном решении и постановлении кашака.

Имелось также известного рода представительное собрание, так называемое цонду, или национальное собрание, которое созывается в особых важных случаях. Цонду состоит из должностных лиц государства, начиная с четвертого разряда и выше, настоятелей крупных монастырей Лхассы и окрестностей, а также представителей от крупных землевладельцев. Силон и шапе могут присутствовать на заседаниях цонду, но не должны принимать участия в дебатах. Свои решения цонду представляет кашаку, который передает их далай-ламе. В национальном собрании, таким образом, преобладало влияние ламства, преимущественно столичного. Прочие классы и сословия Тибета — крестьянство, городские рабочие и ремесленники, торговое сословие, мелкопоместное дворянство и менее крупные провинциальные монастыри — к участию в цонду не допускались.

В административном отношении Тибет разделяется на четыре области, управляемые депонами. Области в свою очередь подразделяются на уезды, управляемые джонгпенами. Многие правители областей и уездов предпочитали оставаться в Лхассе или других местах, а вместо себя посылали в провинцию своего доверенного (хобдзо), который старался заработать и на себя и на хозяина. Свой основной доход представители власти на местах получали от взяток и всяких вымогательств. Власть депонов и джонгпенов почти ничем не была ограничена; они могли судить, подвергнуть пыткам и казнить любого проживающего в их округе тибетца, если только он не стоял по своему рангу выше самого правителя. Ниже джонгпенов стоят в местном управлении сельские старосты, которые ответственны за сбор налогов, поступающих в натуре, и за доставку их на соответствующие склады. Они же ответственны за предоставление населением транспортных средств чиновникам, разъезжающим по правительственным делам. Сельским старостам предоставлены также судебные функции по менее значительным делам. Кроме того, они производят раскладку и сбор налогов.

Главной статьей государственных расходов являлись до сих пор затраты на содержание монастырей. 300 тысяч монахов Тибета живут за счет выколачиваемых у трудящегося населения налогов и поборов. Другой важнейшей статьей государственных расходов являлись увеличивавшиеся с каждым годом расходы на содержание постоянной армии. Крупные затраты на армию производились под непосредственным давлением и подстрекательством американо-английских империалистов; довольно значительные суммы тратились на оплату американских и английских военных инструкторов.

Крупную роль в жизни Тибета играло до самого последнего времени чиновничество, как светское, так и духовное. Сравнительно немногочисленная чиновничья прослойка держала в своих руках громадную власть над широкими массами населения, и у нее была сосредоточена значительная часть богатств страны. Формально поступить на государственную службу мог всякий, получивший специальную подготовку. Однако на деле доходные государственные должности являлись монополией нескольких десятков семей, ревниво оберегавших эти свои вековые привилегии и не допускавших на государственную службу «чужих». Места высших чиновников занимали до сих пор представители определенных аристократических семей Лхассы.

Тибетские чиновники делятся по рангу на семь разрядов, причем в некоторых отдельных разрядах имеются разные степени. Первый разряд образуют оба верховных ламы Тибета — далай-лама и панчен-лама. Во втором разряде имеется всего один сановник (силон).

В дальнейших разрядах и степенях следуют: отец и другие родственники прежних далай-лам (гун); министры; крупные землевладельцы, являющиеся потомственными почетными чиновниками государства (тайджи); важнейшие чиновники центрального правительственного аппарата; градоначальники, джонгпены, начальники крепостей. Наконец, шестой и седьмой разряды представляют собой нисходящую лестницу более мелких, а также низших государственных чиновников.

Вся остальная масса низших служащих и весь обслуживающий персонал двора далай-ламы и правительственных учреждений остаются вне этих разрядов. Половина должностных лиц Тибета должна состоять из неламства; соблюдение этого порядка является обязательным для правительства. Таким образом, каждый округ управляется двумя правителями, из которых один монах, причем правитель-монах считается рангом выше.

Чиновничество имело огромную власть над населением, и путем взяток, вымогательств и разного рода штрафов каждый чиновник успевал нажить себе громадное состояние за время своего нахождения на государственной службе. Особенно же выделялись своими злоупотреблениями депоны и джонгпены, должности которых считались особенно доходными.

В тибетских судах существует множество видов сборов и пошлин, размер которых устанавливается в зависимости от положения заинтересованных лиц и самого предмета спора. Сборы эти должны быть оплачены до разбора дела. Из наложенных штрафов определенная часть взысканной суммы поступала в пользу судьи и судебных работников. Начальникам губерний и уездов вменяется в обязанность ежегодно высылать в Лхассу определенную сумму денег от поступлений по разным штрафам. Всякий излишек сверх зафиксированной суммы распределяется между начальником и подчиненными ему чиновниками, причем первый получает три четверти этого излишка, а подчиненные — остальную четверть. Сама власть была, таким образом, заинтересована в поощрении сутяжничества, тем более, что закон разрешал добиваться признания и показаний путем избияния и истязания допрашиваемых.

Точно так же фиксировалась заранее подлежащая поступлению в

казну сумма налогов, а излишек поступал в карманы соответствующих чиновников.

Законодательство Тибета содержится в «Шалце Чуксум», или «Кодекс 16 указов», которыми охватываются основные начала гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права, а также наиболее важные законы гражданские (в том числе и семейное право), уголовные и воинские (военная дисциплина, воинские преступления и т. д.)

Самым страшным наказанием у тибетцев считается смертная казнь с дополнительным приговором к непереселению души, что, по буддийским понятиям, считается гораздо хуже смерти. Смертная казнь обычно совершается путем утопления. Приговоренного завязывают в мешок и погружают в воду. После смерти труп разрезают на части, которые бросают обратно в воду. Если осужденный был приговорен к непереселению души, голову его сушат и выставляют в специальном здании под Лхассой. Непереселение души может быть присуждено далай-ламой в виде самостоятельного наказания, без соединения со смертной казнью и иным наказанием. Такой человек считается проклятым богами, его все в ужасе избегают, боясь навлечь на себя гнев демонов, и участь его нередко бывает хуже смерти.

Следующим по степени видом наказания является изуечение и изуродование, чаще всего путем отрубания руки или ноги, либо выжигания глаз. Меры эти применяются как в виде наказания за совершенное преступление, так и для того, чтобы добиться показаний от свидетелей и признания от подозреваемых в преступлении. В качестве меры наказания или меры пресечения применяется также тюремное заключение. Заключенные редко выходят живыми из тибетской тюрьмы. Осужденных к тюремному заключению дополнительно наказывают плетью и подвергают пыткам. Приговор обычно сопровождается конфискацией имущества или крупными штрафами.

Духовные лица (ламы) подлежат только суду своего монастырского начальства и лишь в случае совершения особенно тяжелых уголовных преступлений они могут подлежать общему суду. Ни один тибетский сановник, ни совет министров, ни даже далай-лама не рискнут пойти наперекор воле крупных монастырей, в которых сосредоточены десятки тысяч лам. История Тибета богата многочисленными восстаниями лам против правительства и их кровавыми расправами с неугодными министрами и сановниками.

Центром политической и культурной жизни Тибета является главный город Лхасса («Место бога»). Население города составляет около 12 тысяч постоянных жителей и 7—8 тысяч текущего населения, которое образуют паломники, посещающие город лама, торговцы и т. п. Лхасса является самым крупным и благоустроенным из тибетских городов, изобилующим прекрасными зданиями, получившими мировую известность.

Особенно выделяется дворец-крепость Потала, в котором живут тибетские далай-ламы. Дворец в 11 этажей расположен на невысоком холме и состоит из массы строений. Центральная группа домов, венчающая вершину холма, блестит пятью павильонами, золотые крыши которых видны за 15 км. Здания эти окрашены в красный цвет и носят название «Красный дворец». На другой стороне все строения ослепительно белы. Бесчисленные комнаты, коридоры и галлерей дворца украшены картинами, воспроизводящими тибетские исторические легенды и сказания о богах и святых. Большинство картин написано китайскими художниками и их тибетскими учениками. Картины украшены драгоценными камнями и являются предметом поклонения наравне с изображениями Будды. Кроме живописи, во дворце имеются статуи, изображающие буддийские божества, а в более темных и уединенных помещениях сохраняются фигуры старых тибетских богов и демонов, несмотря на господство сейчас в Тибете буддизма.

Внутри Поталы находится государственный монастырь Намджал Дадан, в котором живет 175 лам. В этом монастыре далай-лама совершает богослужение наравне с прочими ламами. Каждый далай-лама считает своим долгом сделать какую-либо пристройку к дворцу или украсить его изнутри чем-нибудь из ряда вон выходящим, дабы таким способом оставить потомству память о себе. Тринадцатый далай-лама воздвиг из себrea громадное изображение Будды Ченрези, перевоплощением которого считаются далай-ламы. Статуя имеет одиннадцать голов и тысячу рук, в каждой ладони вправлено по одному глазу из драгоценного камня.

Плоские крыши дворца являются местом прогулки и одновременно удобным пунктом, откуда далай-лама и его приближенные показываются народу. В особой сокровищнице Поталы, известной под названием Намсе Вандзо, хранятся собранные в течение многих веков драгоценности, подаренные далай-ламам китайскими императорами и набожными богомольцами.

Город Лхасса расположен на реке Куи и испещрен узенькими и темными переулками. Посередине города находится грандиозный храм Джокан, построенный в VII в. Здесь хранится знаменитое изображение Сакья-Муни, оправленное драгоценными камнями. Среди строений этого храма находится небольшая часовня в честь водяного дракона того озера, на котором, согласно преданию, стоит Лхасса.

Значительные города Тибета — также Шигатзе и Гиантзе. Шигатзе является главным городом провинции Цан, управляемой панчен-ламой. В нескольких километрах от города находится известный монастырь Ташилунпо, резиденция панчен-ламы, куда стекается множество богомольцев. Город Гиантзе лежит на перекрестке торговых путей. В самом городе находится известный монастырь Палхар-Чойд.

IV

Жилищем кочевого тибетца служит черная суконная палатка из шерсти яка, поддерживаемая двумя жердями, соединенными наверху перекладиной. От наружных верхних углов палатки и от середины ее сторон протянуты веревки, которые укреплены на некотором расстоянии от палатки в земле при помощи особых колышков. Такие палатки непромокаемы и непроницаемы для дождя и снега. Наверху палатки имеется широкий клапан, одновременно служащий окном и дымовым отверстием. Земляной пол в палатке ничем не покрывается, и люди спят либо прямо на земле, либо подостлав под себя войлоки. Кочевые тибетцы располагаются большими или меньшими стойбищами то в ущельях гор, то в долинах, ставя палатки непременно на покатоcти.

Основная масса тибетского крестьянства ютится в жалких холодных лачугах, где люди часто живут в одинаковых условиях со скотом. Более состоятельные оседлые тибетцы устраивают свои постоянные жилища из тонких, редко из толстых бревен или просто из жердей и ветвей (леса имеются только на юге Тибета), обмазывая стены толстым слоем глины. Нижний этаж дома служит исключительно для загона скота, а верхний — для жилья и склада домашнего скарба; тут же хранятся на подвешенных жердях необмолоченный хлеб и сено. Хлеб молотят на плоской кровле нижнего этажа, который для этой цели строится значительно шире верхних.

Резким контрастом с жилищами низших классов населения являются дома богатых тибетцев, просторные и удобные, разделенные на множество небольших комнат. Они обычно строятся из камня, стены их имеют толщину в 1—1,25 м. Там, где нет камня, дома строят из земли, спрессованной с хворостом и соломой (с производством кирпича тибетцы незнакомы). Такие дома в условиях чрезвычайно сухого климата Тибета могут держаться в течение нескольких десятилетий. Крыши в Тибете

плоские, дымоходных труб не делается, и дым выходит из комнат через окна или через оставленное для этого отверстие в крыше. В результате в типичных тибетских домах комнаты обычно покрыты внутри слоем сажи от сжигания в качестве топлива навоза (аргал).

Пища основной массы населения довольно однообразная. У кочевников она больше всего молочная (масло, кислое молоко и в особенности сушеный сыр), с довольно обильным добавлением сушеного мяса яка или сушеной баранины. Главное питание земледельческого и бедного городского населения составляют поджаренная ячменная мука (цамба) и чай с добавлением цамбы и масла, которое, таким образом, употребляется в большом количестве. Эти два неизменных блюда разнообразятся прибавлением сыра, кислого молока, в особенности сушеного мяса (баранье и яковое), а из овощей — репы, которую тибетцы употребляют в печеном виде. Цамбу обычно едят из деревянной чашки, которую тибетец всегда носит за пазухой. Насыпав цамбы в чашку, тибетец пальцами смешивает ее с чаем и добавляет туда масло, сыр, а иногда и мясо.

Главный напиток у тибетцев — чай, который готовится из привозного китайского кирпичного чая. Тибетец выпивает ежедневно 20–30 чашек чая в среднем, а некоторые выпивают его до 80 чашек. Другим национальным напитком тибетцев является пиво (чан), которое они варят из ячменя.

Тибетский крестьянин ест два раза в день — утром и вечером, гораздо реже три раза, причем вечерняя пища, принимаемая по окончании трудового дня, является основной и наиболее обильной.

Одежда тибетцев очень мало изменилась в течение многих веков. Контраст между одеждой высших и низших групп населения чрезвычайно большой, причем обычаем, даже законом регулируются как качество материала, так цвет и покрой одежды для отдельных групп населения. Нарушение этих правил и попытка рядиться в одежду другой социальной группы караются. Ламам предоставлено право носить одежду желтого цвета. Далай-лама и панчен-лама часто одеваются во все желтое. Из среды неламского населения право одеваться в желтую одежду предоставлено только высшим сановникам. Строго регулируется в ряде случаев также рисунок ткани. Так, рисунок дракона могут носить на своей одежде только высшие группы населения. Чиновникам высших разрядов вменяется в обязанность носить во всех официальных случаях шелковое платье, прочим слоям населения это запрещено.

Одежда тибетцев как мужчин, так и женщин состоит, как правило, из овчинной шубы зимой и халата из домотканной шерсти или саржи летом. Началом зимы в Тибете считается годовщина смерти Дзонхавы, а концом зимнего периода — восьмой день третьего месяца тибетского года. Зима, таким образом, продолжается с первой половины декабря до второй половины апреля. В этот период все официальные лица в Тибете, как светские, так и духовные, обязаны носить зимнюю одежду и меховые шапки установленного образца.

Одежда тибетцев отличается большой прочностью и может служить даже при тяжелой работе лет пять. Шубу или халат мужчины высоко подбирают и подпоясывают таким образом, что вокруг верхней части тела образуется нечто в роде большого мешка, куда они кладут чашку, запасы курительного или нюхательного табака и другие предметы. Женщины подбирают свои длинные шубы или халаты лишь настолько, чтобы они не затрудняли движения и не касались земли. Обычно шуба надевается на голое тело, но в последнее время тибетцы, в особенности городское население, все чаще стали носить под шубой рубашку.

И мужчины и женщины привязывают к поясному ремню «гирок» — связки ключей. Мужчины, кроме того, носят на поясе огниво и нож,

спереди затыкают за пояс саблю. Штаны носят немногие; обычно охотцы надевают овчинные наколенники или ноговицы. Сапоги делают из цветной шерстяной ткани, войлока или кожи с подошвой из сыро-зной кожи. Сапоги без каблучков, подошва ровная. На голову тибетцы надевают войлочную, реже суконную, шапку, зимой шапки окаймляют мехом. На шее мужчины и женщины носят ожерелье из цветных камней, к которому привешиваются амулеты и ладанки (гау). Женщины часто носят на руках серебряные кольца и браслеты, а в ушах — серьги; такие же серьги, но более массивные и тяжелые, носят и мужчины, обыкновенно в левом ухе.

И мужчины и женщины носят вокруг шеи или кисти руки четки, которые, помимо религиозного назначения, служат украшением, а вместе с тем используются для подсчета небольших сумм. Шариков всегда бывает 108, это число считается у тибетцев священным.

Положение женщины в Тибете несколько иное, чем в других восточных странах, хотя и здесь, согласно буддийскому вероучению и тибетским «правовым» понятиям, женщина продолжает считаться собственностью мужа.

Тибетские крестьянки работают в поле вместе с мужчинами, сплошь и рядом даже больше их. Одновременно с полевыми работами на женщины ложится также основная работа по домашнему хозяйству, шитью одежды, приготовлению пищи и пр. Обыкновенно мужчины пахут, женщины следуют за ними и разбрасывают семена. Все прочие работы — прополка, поливка, жатва, молотьба — производятся женщинами совместно с мужчинами. Доеением коров и приготовлением масла заняты всецело женщины. Тибетские женщины выполняют и прочие тяжелые работы наравне с мужчинами, в частности, они должны работать на одинаковых основаниях с мужчинами в качестве носильщиков и переносить большие тяжести на далекие расстояния. Тяжесть груза не соразмеряется с тем, кладут ли его на женщину или на мужчину. Носильщики, придя утром на работу, складывают в одну кучу свои разноцветные подвязки, которыми они подвязывают высокие сапоги. Тот, кто распределяет груз между носильщиками, бросает по подвязке на каждую кипу или другую ношу, и носильщики подбирают свои подвязки к грузом, на который они брошены. Совместно с мужчинами женщины выполняют разные повинности и принудительные работы для правительства и помещиков. При исполнении натуральной дорожной повинности (ула) муж обычно ведет вьючных животных, а жена несет на спинеovar и багаж тибетского чиновника или феодала.

В Тибете женщины открыто и бойко торгуют на базарах и в лавках, в особенности в таких городах, как Лхасса, Шигатзе и Гигантзе. Мужчины заняты главным образом в торговых делах, требующих разъездов, а торговля на месте чаще всего производится женщинами.

Тибетская женщина ограничена в выборе мужа. Браки совершаются в раннем возрасте. Выбор жениха производится родителями невесты, которые договариваются с женихом и его родителями. Невеста узнает об этом выборе незадолго до назначенного дня свадьбы. Девушка может догадаться о том, что ее ожидает, лишь по частым посещениям, под разными предлогами, родительского дома скрываемым от нее женихом. Перед свадьбой родители жениха делают подарки родственникам невесты, в частности, они уплачивают определенную сумму матери невесты — «цену груди» — за кормление будущей жены их сына.

Парни пользуются свободой выбора невесты, разумеется, поскольку родители считают, что выбор этот находится в соответствии с их социальным положением. Однако браки по взаимному желанию жениха и невесты допускаются беспрепятственно, если только у родителей нет особых оснований для возражения. Но и в случае таких возражений в ряде районов обычаем допускается «похищение» невесты. В последнее

время свободные браки становятся частым явлением среди крестьянства и низших слоев городского населения.

Тибетский закон допускает развод путем обращения в суд. Сторона, требующая развода, уплачивает другой стороне устанавливаемую судом денежную сумму, которая бывает значительно выше для добывающего развода мужчины, чем для женщины.

Не рассматривается в Тибете как серьезный проступок нарушение супружеской верности, которое, как известно, сурово карается законом в большинстве стран Востока. В случаях нарушения верности со стороны мужчины обычно допускается расправа оскорбленной жены (обычно вместе с другими женщинами) с «разлучницей».

Имеющиеся данные говорят о том, что в Тибете распространен полиандрия, при которой женщина, выходя замуж, одновременно становится женой и младших братьев своего мужа, живущих с ним одной семьей. При полиандрии женщина является основным стержнем всей семьи, что в тибетских условиях содействует увеличению ее влияния и авторитета. Полиандрия особенно развита среди крестьянства и кочевнического населения. Она, очевидно, основана на стремлении предохранить крестьянское хозяйство при малоземелье и очень длительных перекочевках от распада и распыления. Преимущественно среди богатых слоев населения, которые могут содержать многочисленную семью, встречается полигамия.

По сообщению государственного деятеля Тибета, в центральной провинции Уй из каждых 20 хозяйств примерно 15 являются моногамическими, 3 — полиандрическими и 2 — полигамическими. На севере из каждых 20 хозяйств 10 полиандрических, 7 моногамических и 3 полигамических⁴.

Социально-историческая основа сохранения в Тибете полиандрии до сих пор еще не исследована. До сих пор в этом вопросе сохраняет силу то, что писал Энгельс: «Такое же исключение представляет многомужество в Индии и Тибете; его, несомненно, небезинтересное происхождение из группового брака еще подлежит дальнейшему изучению. Впрочем в своей практике многомужество кажется гораздо более терпимым, чем ревнивый режим магометанских гаремов»⁵.

Тибетская семья малочисленна, и прирост населения весьма незначителен. Это обусловлено рядом социальных причин.

В Тибете чрезвычайно высока детская смертность. В значительнейшей степени это объясняется нищетой тибетской массы и невозможностью для тибетских матерей, отягченных работой, обеспечить надлежащий уход за ребенком. Роженица не получает никакой помощи. При тяжелых родах применяются разные знахарские средства.

Санитарное состояние тибетских городов и деревень очень тяжелое. Нечистоты совершенно не вывозятся и остаются лежать до тех пор, пока они не будут использованы в качестве удобрения для полей. В значительной степени спасает положение холодный и сухой климат страны. Опустошительные эпидемии представляют собой довольно частое явление в Тибете, в особенности же эпидемия оспы. Сильно распространены разные глазные болезни, против которых местная медицина не знает никаких средств. Болезни эти, в частности снежная слепота, значительно сократились с введением дешевых, прекрасно действующих наглазников. Бичом Тибета являются венерические болезни, которыми страдает, как определяют некоторые исследователи, свыше одной трети всего населения.

Медицинская помощь населению оказывается врачами-ламами, получающими специальную подготовку в особой школе Чакпори (в окрестностях Лхасы).

⁴ Ch Bell, The People of Tibet, стр. 194.

⁵ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 61.

стностях Лхассы), основанной 300 лет назад. Учащиеся набираются главным образом из лам различных монастырей. По окончании обучения, которое продолжается от 8 до 10 лет, ламы возвращаются в свои монастыри, где занимаются врачеванием. Доступ к медицине неламам крайне затруднен.

Чрезвычайно важным элементом тибетской медицины является «лечение» путем заклинаний и совершения разных молитв, которые заучиваются ламами наизусть, что удлиняет срок их обучения в Чакпори. Диагноз болезни устанавливается врачами-ламами почти исключительно по биению пульса. Тибетская медицина насчитывает семь пульсов, связанных с главными органами человеческого тела — сердцем, легкими, печенью и др. Помимо изгнания злых духов молитвой и заклинаниями, почти единственным способом лечения болезней является прием большими снадобий из разных трав, разнообразных пилюль и во всех почти случаях пускание крови. Хирургии ламы совершенно не знают.

Грамотность среди неламав доступна только привилегированным сословиям, имеющим возможность обучать детей у себя на дому. Ламы, обучающиеся в монастырях, умеют, как правило, читать, а большинство их также писать по-тибетски.

Существующие частные школы являются лишь побочным заработком для какого-либо мелкого чиновника или иного более или менее грамотного тибетца. Обучение в них проводится нерегулярно, вперемежку с основными занятиями учителя, притом очень плохо. После трехлетнего обучения ученики, главным образом мальчики, едва-едва научаются чтению и письму по-тибетски. Учительство в качестве профессии изредка встречается лишь в более крупных городах. В Лхассе имеются две школы, предназначенные для подготовки чиновников для правительственных учреждений. Англичанами была учреждена в Гиянтзе школа для мальчиков, где особое внимание уделялось преподаванию английского языка и военных предметов. По настоянию англичан лхассские власти направляли туда в принудительном порядке некоторое число учеников. Английское правительство подготовляло себе таким путем агентуру британского империализма в Тибете. В этих же целях англичанами практиковалась отправка молодых тибетцев для обучения в Англию.

С проникновением в Тибет буддизма и созданием в дальнейшем тибетского алфавита стала развиваться тибетская литература. Подавляющая часть имеющихся в Тибете книг, как рукописных, так и печатных, — религиозного содержания. Влияние китайской культуры, в частности китайской литературы, на тибетскую сказалось в увеличении числа книг светского характера и произведений тибетского фольклора.

Буддийские священные книги переписывались и печатались в Тибете в течение ряда веков во многих сотнях экземпляров. Наиболее известным среди этих книг является «Ганьчжур», или «Канон буддийского закона», переведенный с санскритского языка. Полный комплект этой книги, состоящей из 108 томов, имеется в наиболее крупных монастырях. Следующей по своему значению для буддийского духовенства книгой является «Даньчжур», которая представляет собой комментарии к «Канону буддийского закона» и состоит из 225 томов... Книги переписаны или напечатаны на больших листах бумаги, обычно только с одной стороны, и вставлены в тяжелые деревянные переплеты.

Книгопечатание, или, вернее, ксилография, началось в Тибете с очень давних времен и ведется по настоящий день примитивным способом. Тибетцы не пользуются типографским шрифтом; буквы вырезаются рельефом в обратном положении на дощечках из твердого дерева, которые покрываются краской и отпечатываются затем на бумаге. Чтобы напечатать «Даньчжур» с его 25 тысячами страниц, требуется громадный склад ксилографических дощечек; печатание таких больших книг производится только в двух-трех крупных монастырях. Книги свет-

ского характера печатаются почти исключительно в Лхассе. По содержанию своему эти книги являются преимущественно историческими биографиями, драматическими произведениями, сборниками правил морали и пр. За исключением небольших произведений или таких, на которые имеется постоянный спрос, книги печатаются только по особому заказу каждый раз. При этом заказчик должен сам озаботиться получением нужной бумаги на какой-нибудь из бумажных фабрик, которых в Тибете немало, главным образом при монастырях.

В Тибете распространены и пользуются повсеместным успехом театральные представления, которые в летнее время даются на открытом воздухе. Актерскую труппу чаще всего составляет одна семья, со всеми взрослыми, подростками и даже детьми, которые едва научились ходить. Актерская профессия является наследственной, и актеры заучивают свои роли наизусть с раннего детства. Театральный репертуар довольно ограниченный, обычно ставят пьесы религиозного или исторического содержания. Актерские труппы странствуют с места на место, и лишь лучшие актеры получают определенные приглашения, которые дают им возможность совершить заранее согласованное турне. Обычно труппу приглашает какой-либо богатый тибетец, который оплачивает все расходы. В случае отсутствия такого щедрого любителя театра актеров приглашает группа местных жителей, которые распределяют между собой расходы; менее состоятельное население может смотреть представление бесплатно.

Представления даются в закрытом саду или в какой-нибудь защищенной от ветра роше; для защиты от солнца и дождя натягивают громадные полотнища, оставляя открытыми бока. Каждая труппа имеет свой оркестр, состоящий из барабанов и цимбал; в оркестре играют по очереди актеры, не занятые на сцене. Труппа гостит несколько дней, в течение которых актеры находятся на содержании тех, кто их пригласил. Пригласившие должны также снабжать труппу соответствующими ролям костюмами. Декорации совершенно отсутствуют, а место и время действия указываются в особом диалоге. По окончании «гастролей» каждому актеру и каждой актрисе преподносится обычный церемониальный шарф (кадак) и выдается соответствующий подарок деньгами или натурой.

О теме и содержании тибетских пьес можно судить по следующим названиям наиболее популярных из них: «Фея», «Лучезарный свет», «Милостивый принц», «Юность сияющего лотоса», «Король», «Принцесса Китая и Непала». Театральные представления сопровождаются характерными танцами животных (дракона, льва, тигра и др.), исполняемыми актерами в соответствующих масках. Танцы эти в основном заимствованы у китайцев.

V

Ламайская религия изобилует множеством богов, святых, злых духов, демонов и т. д. и т. п. Многие из них были вместе с буддизмом ввезены из Индии основоположниками тибетского ламаизма, а другие непосредственно перешли в реформированную церковь (гелукпа) из древнетибетских верований — бон. К последним относятся все канонизированные ламайской церковью демоны и злые духи. Всех этих богов, святых и духов различных наименований у тибетцев целые легионы. Помимо главных богов — Будды, Амидабы и Ченрезеи, бодисатв (потенциальных Будд), главных святых и т. д. каждая местность имеет своих старших богов, богинь и злых духов, затем младших богов и т. д. Наконец, каждый отдельный дом, каждый отдельный тибетец имеют за своим очагом добрых и злых духов.

Буддийские храмы, монастыри, домашние и прочие церкви поражают множеством изображений божеств, фигур, картин, символов и разн

образных идолов, богато украшенных драгоценными, вышитыми золотом и серебром тканями, оправленных бриллиантами и другими драгоценностями. В тибетских кумирнях и церковных сокровищницах сосредоточены значительные богатства.

Всемогущество буддийской церкви в Тибете объясняется той громадной социальной силой, которую составляют имеющиеся в Тибете около 3000 буддийских монастырей и организованное вооруженное ламство, в частности, три крупнейших, расположенных в окрестностях Лхассы монастыря-крепости Дрепун, Сера и Ганден, которые все принадлежат к желтошапочной церкви, возглавляемой далай-ламой.

Дрепун является самым крупным монастырем в Тибете и, по всей вероятности, также во всем мире. Официальный его штат лам исчисляется в 7700 человек, на самом же деле число их намного превышает 10 000 человек. Настоятели этого монастыря имеют громаднейшее влияние на государственные дела Тибета. Штат лам в монастыре Сера исчисляется официально в 5000. Но и там их на несколько тысяч больше. Сера особенно известна хорошей военной тренировкой своих лам, которые сведены в несколько батальонов, проходящих регулярное военное обучение. Самый меньший из этих трех монастырей — Ганден — официально насчитывает 3300 лам, но фактически их там не менее 5000. Ганден считается самым крупным центром буддийской учености, и здесь находится такое обилие «святынь», что монастырь этот прославился во всем буддийском мире.

Для того чтобы иметь представление о том, каким способом буддийская церковь распространяет свое влияние среди широких масс Тибета, приведем следующую выдержку из книги Цыбикова, русского бурята, неоднократно посещавшего Тибет в качестве буддийского паломника:

«Сажаях в 200—300 от Сера находится большая каменная глыба, которая по преданию сама прилетела из Индии. На этом камне разрезают трупы для дачи их на съедение грифам и бороатым ягнятникам. Так как этот камень считается священным, то всякий стремится быть разрезанным на нем, но такая завидная доля достается лишь более зажиточным, так как она сопряжена со значительными расходами как по перенесению трупа, так и по плате, вносимой в виде вознаграждения местным монахам за чтение похоронных молитв. Кроме того, верят, что если живой человек нагой повалится на этом выпачканном трупами камне, то его жизнь продлится»⁶.

Три названных крупнейших монастыря фактически всегда держали в своих руках столицу и тибетское правительство в целом. По всей стране рассеяно множество провинциальных монастырей.

Монастырь Ташилунпо вблизи Шигатзе, являющийся резиденцией панчен-ламы, населяют около 5000 монахов. В монастыре находятся гробницы прежних панчен-лам, богато украшенные золотом. В Ташилунпо во время богослужения поет хор из нескольких тысяч лам, что производит огромное впечатление на тысячи присутствующих в храме богомольцев.

Древнейшим монастырем Тибета является Самье, расположенный в 50 км ниже Лхассы по течению Цанпо. Монастырь этот был основан еще Падмой Самбхавой, известным у тибетцев под названием «Драгоценного учителя» (Гуру Римпоче), и явился одним из главных рассадников буддизма в Тибете. На стенах одной из башен нарисованы фигуры 25 демонов, танцующих над искромсанными человеческими телами. Тибетское правительство устроило в этом «страшном месте» хранилище для золота.

В Южном Тибете, несколько севернее Эвереста, находится монастырь Сакья, главный опорный пункт когда-то всемогущественной секты Сакья.

⁶ Г. В. Цыбиков, Буддист паломник у святынь Тибета. 1919, стр. 350.

Настоятели этого монастыря, пришедшего сейчас окончательно в упадок, правили Тибетом в течение многих веков, вплоть до установления в середине XIV в. новой династии. Секта эта сыграла крупнейшую роль в развитии тибетского ламаизма и явилась переходным этапом между основанной Падма Самбхавой старой сектой «Красные шапки» и новой сектой «Желтые шапки». Монастырь славится своей богатейшей библиотекой, содержащей много сотен старинных и редких манускриптов а также редкой коллекцией старинных икон и реликвий.

Помимо всех этих крупных монастырей, в Тибете находится множество менее значительных монастырей, в которых живет какая-нибудь сотня или несколько десятков лам. Должность настоятеля является очень почетной в Тибете, и богатые семейства стараются устроить на нее младших сыновей, иногда учреждая для этого новые монастыри на свои средства.

Среди тибетских монастырей выделяются четыре находящиеся вблизи Лхассы государственных монастыря, так называемые «Линги» (Кууделинг, Тенгелинг, Цомдилинг и Чечолинг), из которых в прежние времена назначались регенты на время малолетства далай-ламы. Крупные тибетские монастыри в течение веков придерживались своей традиционной ориентации на родственный и близкий по религии Китай, в котором широко распространен буддизм. Ламаизм приобретал все большее влияние в Восточной Азии, и китайские власти отпускали крупные субсидии тибетским монастырям. Главное же, Китай служил опорой и защитой Тибета от иноземных завоевателей, благодаря чему сохранялась независимость и самобытность тибетского народа, его вековая связь с великим китайским народом. Монастыри нередко вступали в борьбу с далай-ламой и его правительством, пытавшимся ориентироваться на британский империализм. Так, на почве этой борьбы монастырь Тенгелинг был в 1900 г. распущен, а настоятель и многие монахи были подвергнуты пыткам и казнены. Во время бегства далай-ламы в Индию в 1910 г. монастырь поднялся и, благодаря поддержке китайских властей, пришел в цветущее состояние. С возвращением в 1912 г. далай-ламы в Тибет против этого монастыря опять начались репрессии, которые прекратились лишь по настоянию китайского правительства. Эти четыре «линга» имеют свыше 500 монахов каждый.

Крупные восстания тибетских монастырей против лхасских регентов проводивших политику сближения с англо-американским империализмом имели место и в послевоенные годы. Так, по сообщению английской печати в 1947 г. произошли крупные восстания монахов в монастырях Сера и Ретинг (в 100 км к северо-востоку от Лхассы). Монастырь Сера был взят правительственными войсками после кровопролитных сражений с ламскими отрядами, а Ретинг — после артиллерийской бомбардировки⁷.

Религия является основной и единственной профессией для большей части населения Тибета. Не менее чем один член в каждой семье отдается с самого раннего возраста в монашество, которое является почетным и материально обеспечивающим родом занятий, а более способным и преуспевающим оно открывает дорогу к блестящей карьере.

Предназначенный для религиозной жизни мальчик остается у родителей до семи- или восьмилетнего возраста, после чего его отсылают в один из монастырей, где тщательно проверяется социальное происхождение и родословная юного кандидата в монахи. В некоторые монастыри принимаются исключительно дети из аристократических семейств. Не допускаются в монахи лица со слабым здоровьем, имеющие физические недостатки или какой-нибудь недостаток речи. Не допускаются в монахи также ряд низших социальных групп (по ламаистским понятиям).

⁷ «Times» от 19 августа 1950 г.

иям), например, кузнецы и вообще металлисты, мясники, сапожники, раджапа (разрубающие трупы) и др. Религиозная карьера являлась делом высших аристократических слоев Тибета, призванных распоряжаться судьбами страны.

Удовлетворяющий требованиям ребенок стдается на воспитание старшему ламе — гегену, который получает от родителей ребенка богатые подарки. После известного периода обучения ученик предстает перед собранием лам, которое по рекомендации учителя производит его в послушники. Для мальчика открывается длинный период обучения грамоте и прохождения курса буддийских наук, с бесконечными экзаменами, публичными диспутами и переходами от одной степени учености к следующей, а также соответствующими переменами в образе жизни, одежде и пр. В течение всего этого времени ведется бдительное наблюдение за его нравственностью и поведением. Подавляющая часть послушников застревает уже на первых ступенях учебы, из них-то собственно и образуются многотысячные массы ламства, на которые опираются крупные монастыри и весь церковный и государственный строй Тибета.

Но и среди ламства имеется значительная социальная дифференциация. Множество лам работают в монастыре и для монастыря, выполняя самые разнообразные работы по сельскому хозяйству, занимаясь разными промыслами, ремеслами, живописью, перепиской и печатанием книг, врачеванием и т. д. Об образе жизни тибетских монахов английский путешественник Мак Говерн, ссылаясь на свои личные наблюдения, пишет: «Монахи зарабатывают на свое пропитание самыми разнообразными способами, некоторые из них плохо вяжутся с их духовным сном. Так, они выходят на большие дороги и грабят прохожих и купцов, совершают налеты даже на деревни. Доходы монастыря не делятся между братией, за исключением, впрочем, платы за погребальные обряды и подаяний, жертвуемых «святым» людям во время жатвы. Определенного жалованья монахи не получают. Более богатые получают пособие из своей семьи, которая платит и за их образование»⁸.

Ламы в большинстве своем безбрачны. Однако некоторые женятся и обзаводятся семьями, что не запрещается существующим порядком.

В крупных монастырях для лам существует строгая дисциплина, и члены монашеской общины обязаны подчиняться установленному режиму и распорядку.

Повседневная жизнь тибетских лам, начиная с высших князей ламайской церкви и до бродячего монаха, далеко не всегда являет собой пример «святой», «монашеской» жизни. Жизнь, которую ведет большинство ламства, — полная противоположность проповедуемому ламаизмом отрешению от мира, уходу от него к себе, наставлению «быть чистым, добрым и не переставать размышлять». Ламайская церковь стремится поэтому всеми силами продемонстрировать перед народом ушедших от жизни сподвижников-отшельников.

В Тибете имеется сравнительно небольшая группа отшельников, которые своим самоуничтожением и самоотрицанием создают громадную славу и материальные выгоды для монастырей, при которых находятся погребки и пещеры с этими заживо похороненными фанатиками.

Уже в ранние времена тибетского буддизма многие его последователи добровольно удалялись от людей в горные пещеры и в уединении стремились достигнуть «просветления». Строго говоря, каждый лама должен раз в жизни запереться отшельником на три года, три месяца и три дня для того, чтобы проводить это время в размышлении и созерцании. Однако правило это никогда не соблюдается, как тяжелое и невыполнимое для подавляющего большинства ламства.

⁸ W. M. McGovern, To Lhasa in disguise, London, 1924, стр. 193.

Тибетцы записывают в члены общины отшельников своих 10—12-летних детей, совершенно не сознающих, на что обрекают их родители. Но раз попав в когти этого монашеского ордена, они не могут из них вырваться и отказаться от своих обязанностей. Когда отшельника замуровывают в темную, грязную и никогда не отапливаемую клетушку, ему дают с собой ряд мрачных вещей: четки, сделанные из человеческих костей, трубу из человеческой берцовой кости и чашку из человеческого черепа для принятия пищи, которая просовывается отшельнику через узенькое отверстие один раз в день. Вдобавок ему оставляют гробовой гроб, в который он должен при приближении смерти усесться в позе Будды со скрещенными ногами и в таком состоянии встретить смерть. По рассказам лам, некоторые отшельники прожили в таких условиях в течение 50 и больше лет.

При многих крупных монастырях имеются оракулы, которые своим пророчеством привлекают толпы богомольцев и крупные средства к монастырям. Оракулы используются ламаистской верхушкой для того, чтобы под видом каких-то божественных, сверхъестественных откровений и самовольной интерпретацией бессвязных изречений оракула внушить народу свою волю, диктовать ему политическую линию жреческой касты. Особой славой в сравнительно недавнее время пользовался Тибете оракул в монастыре Тунка, в долине Чумби. Оракулом здесь являлся молодой крестьянин, произносивший в состоянии эпилептических припадков несвязные слова, которые записывались специальным ламой и передавались в виде осмысленных фраз. Оракул этот пользовался большим успехом, неоднократно его вызывали в Лхассу для дачи советов правительству по важнейшим политическим вопросам. На вершине славы карьера этого оракула внезапно оборвалась: он влюбился в местную крестьянскую девушку и женился на ней, что являлось несомненным с занимаемым им высоким положением и повело к его отставке.

В начале XX в. славился один оракул в Лхассе. Во время наступления англичан на Тибет в 1904 г. этот оракул предсказал, что победит за тибетцами и что они прогонят варваров. После поражения Тибета и бегства далай-ламы в Монголию оракул был обезглавлен — лжепророчество.

В Тибете чрезвычайно распространена вера в разного рода предзнаменования. О них судят преимущественно по полету птиц и движениям животных, а также по другим приметам. Против дурного предзнаменования тибетцы имеют разные заклинания. Например, на клочке бумаги пишут известное заклинание и вкладывают его в скорлупу птичьего яйца, на внешней стороне которого должно быть нарисовано кровью изображение верблюда. Яйцо это кладут на перепутье. На выступах скал в Тибете часто встречается высеченная огромными буквами длиной до 15 м наиболее краткая из распространенных в Тибете молитвенных формул: «Ом! мани падмэ хум!», что значит: «О ты, сокровище на лотосе». Заметить такую надпись при выступлении в путь считается счастливым предзнаменованием.

Каждодневная жизнь тибетца самым тесным образом переплетена с совершением ламами разного рода молитв, благословений, заклинаний и т. д.

Для защиты от коварных и злых духов тибетец украшает свое жилище и обвешивает себя самого самыми разнообразными талисманами, амулетами, освященными ламой. Отправляясь в дорогу или идя на встречу какой-либо опасности, тибетец обязательно надевает на себя коллекцию, примерно около дюжины, соответствующих талисманов, которые он развешивает вокруг своего тела, по бокам, на груди и спине.

Религиозных праздников в Тибете довольно много. Тибетцы празднуют дни новолуния и полнолуния, в которые население посещает

ближайшие монастыри и храмы, захватив с собой приношения для монастыря и его обитателей. Здесь они слушают богослужения и выполняют свои обычные обряды. Во время больших праздников в Лхассе совершается торжественный выход к народу далай-лама со свитой. В эти дни происходят разнообразные игры и состязания. В Лхассу на время праздников стекаются со всей страны десятки тысяч людей.

Самым важным и торжественным праздником является монлан (Великая молитва), который начинается сейчас же после тибетского нового года и празднуется три недели. На этот праздник в Лхассу прибывает несколько десятков тысяч монахов из ближайших монастырей. Для того чтобы держать в надлежащем повиновении эти экзальтированные монашеские массы, на время праздников вся власть в Лхассе передается представителю Ганденского монастыря, который организует на это время особую полицию и судебный аппарат. Прочие власти совершенно перестают функционировать. Ламы пользуются этим периодом для того, чтобы свести счеты с неугодными им лицами. Во время праздников ламы получают содержание за государственный счет и сверх того определенное денежное жалованье.

Следующий большой праздник падает на последнюю декаду второго тибетского месяца. На этот праздник в Лхассу также стекаются монахи близлежащих монастырей. Особенностью этого праздника является церемония изгнания из города «козла отпущения», т. е. человека, на которого возлагается ответственность за все грехи народа. Эту роль добровольной жертвы обыкновенно берет на себя какой-нибудь бедняк, который за высокую плату соглашается «принять» на себя грехи всего населения и навлечь на себя гнев тибетских демонов.

В наиболее торжественные ламайские богослужения и обряды входят танцы, иногда даже целые балеты на религиозные темы, в которых участвуют сотни лам. Некоторые танцы пользуются большой популярностью, как, например, танец дьяволов или танец черной шляпы. Темой последнего служит убийство буддийским жрецом в VIII в. царя Лангдарму, пытавшегося сломить буддийскую церковную организацию и восстановить старую веру бон. Танец черной шляпы исполняется в каждом монастыре, но особенно славится исполнением этого танца сравнительно небольшой монастырь Тенчолинг в 20 км от Гиантзе. В Тенчолинге костюмы и вся постановка возобновляются через каждые 12 лет, и первое представление обставляется с особенным блеском.

Вкратце остановимся на ламаистских обрядах, совершаемых при рождении и смерти человека.

На третий день после рождения над новорожденным совершается обряд, известный под названием «це-ванг», или «сила жизни», который должен обеспечить новорожденному долгую жизнь. Ламский прислужник приготовляет дающие жизнь пилюли, а сам лама совершает в течение недели или даже больше соответствующие молитвы. После такой предварительной подготовки над новорожденным совершается торжественная молитва с прикладыванием к его голове изображения бога «Безмерной жизни».

Многочисленными обрядами обставлены смерть тибетца и его похороны. По буддийским верованиям, смерть является лишь переходом к предстоящему новому перерождению. С момента смерти до нового перерождения душа блуждает, находясь в так называемом состоянии «бардо». Обряды преследуют цель облегчить душе прохождение этого периода блужданий путем соответствующих напутствий, напоминаний, молитв и т. д. Погребение умерших совершается у тибетцев одним из четырех способов: сжиганием, сбрасыванием трупа в реку и озеро, зарытием в землю или отдачей на съедение птицам (стервятникам). Самым почетным является сожжение трупа, которого удостоиваются лишь выдающиеся ламы. Сжигание трупов простых смертных, не лам, запрещено.

какой бы высокий ранг они ни занимали. Зарытие в землю практикуется только в отношении детей и умерших от заразных болезней. Погребение в глубине рек и озер — только для бедного населения. Наиболее распространенным способом похорон является разрезание трупа на части и кормление им птиц.

Разрезание трупа на части и разламывание костей производятся на специальной площадке за городом самой низкой в Тибете социальной группой — нищими «раджапа», которые занимаются этой профессией наследственно. Родственникам и знакомым покойника запрещено присутствовать при разрезывании трупа. Более состоятельные тибетцы нанимают специального ламу, который должен наблюдать за надлежащим выполнением раджапа своих обязанностей и читать полагающиеся на этот случай молитвы.

VI

Полуколониальный Китай, который сам являлся объектом закабаления и эксплуатации со стороны мирового империализма, задерживавшего экономическое развитие великого китайского народа, не был в силах способствовать экономическому развитию Тибета. Раскрепощение тибетского народа, освобождение его от оков империализма, пробуждение к новой, свободной и светлой жизни стали возможным лишь с победой революционного Китая и провозглашением Китайской Народной республики.

Тибет был представлен своими делегатами в Народном политическом консультативном совете Китая с самого начала его деятельности в Пекине в 1949 г. Они подписали декларацию об образовании Китайской Народной республики и активно участвовали в разработке Общей программы Народного политического консультативного совета⁹.

С первых же дней своего существования Китайская Народная республика провозгласила, что «все национальности в пределах Народной республики Китая равноправны» и что «в целях борьбы против империализма и врагов народа среди этих национальностей будет развиваться дух единства и взаимопомощи с тем, чтобы Китайская Народная республика стала оплотом братства и сотрудничества всех населяющих ее национальностей» (Статья 50 Общей программы).

Статья 51 Общей программы гласит, что «в районах, где преобладают национальные меньшинства, будет осуществлена местная автономия и созданы автономные органы различных национальностей в соответствии с численностью населения и размерами районов».

Таким образом, Тибету, как и всем национальным районам Китая, обеспечены в рамках Китайской народной республики все возможности для политического, экономического и культурного развития и процветания, с полной гарантией, что «народное правительство будет помогать народным массам всех национальных меньшинств вести творческую работу в области политики, экономики, культуры и просвещения» (ст. 53).

Среди тибетского населения началось движение за освобождение Тибета. Стремясь не допустить воссоединения Тибета с остальным Китаем, империалисты в 1949 г. принудили тибетское правительство провозгласить «независимость» Тибета. Эти маневры империалистов создали угрозу для тибетского народа. Многочисленные организации и представители тибетского населения обратились к Центральному народному правительству Китая с просьбой отправить в Тибет армию для его освобождения. С такой же просьбой к Мао Дзе-дуну и Чжу-Дэ обратился панчен-лама.

В октябре 1950 г. правительство Китайской народной республики идя навстречу воле тибетского и китайского народов, дало приказ Ки-

⁹ «People's China» от 1 декабря 1950 г.

тайской Народно-освободительной армии начать марш в Тибет для его освобождения. Перед Китайской Народно-освободительной армией были поставлены благородные задачи — освободить тибетский народ от империалистического гнета, завершить объединение всего Китая и укрепить его границы. В опубликованном в ноябре 1950 г. совместном заявлении Военно-административного совета Юго-Западного Китая и командования Народно-освободительной армией Юго-западного Китая тибетское население призывалось «оказывать всякую помощь Народно-освободительной армии в деле ликвидации империалистического влияния, обеспечения автономии тибетцам и установления братских, основанных на взаимопомощи отношений со всеми другими национальностями Китая в целях совместного строительства нового Тибета». В этом же заявлении намечались основные линии политики Центрального народного правительства в Тибете после вступления туда Народно-освободительной армии: защита жизни и имущества населения, в том числе и лам; свобода вероисповедания и охрана храмов; политическое, экономическое и культурное развитие Тибета.

Уже первые сведения об успешном продвижении Народно-освободительной армии в Тибет говорили о том, что многочисленное тибетское население Сикана, в том числе основная часть ламства, встретили Народно-освободительную армию, как свою освободительницу.

Провозглашенные основные положения общей программы по национальному вопросу стали немедленно претворяться в жизнь Центральным Народным правительством и вождем китайского народа Мао Цзедунем с освобождением первых же районов с компактным тибетским населением.

В апреле 1951 г. под давлением широкого общественного мнения лхасские власти, вопреки проiscaм американо-английских империалистов, вступили в непосредственные переговоры с Центральным народным правительством Китая, закончившиеся 23 мая 1951 г. подписанием соглашения между Центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета.

Соглашением предусмотрено, что тибетский народ объединится и изгонит империалистические агрессивные силы из Тибета и что местное правительство Тибета будет активно помогать Народно-освободительной армии продвигаться в Тибет и будет укреплять национальную оборону. Тибетские вооруженные силы будут постепенно реорганизованы и станут частью вооруженных сил Китая. В Тибете будут созданы военно-административный комитет и штаб военного округа, причем к участию в работе этих органов будут привлекаться патриотические элементы из местного правительства и тибетского населения. Тибетский народ получает право на осуществление под общим руководством Центрального народного правительства национальной областной автономии. Проявляя уважение к местным условиям Тибета, к его политической системе, к обычаям, религиозным верованиям и привычкам тибетского народа, соглашение создает условия для развития экономики, повышения жизненного и культурного уровня населения; сохраняются существующие статус, функции и полномочия далай-ламы и панчен-ламы. Внешние дела района Тибета будет вести Центральное правительство Китая.

Тибетский народ приступает к строительству своей новой, свободной жизни рука об руку со всеми другими народами Китая. Народные массы Тибета воодушевлены сознанием того, что строительство нового, демократического Тибета, освобождение Тибета от оков империализма и феодализма являются частью общей борьбы за свободу и процветание великой семьи народов Китайской Народной республики.

А. Д. НОВИЧЕВ

ТУРЕЦКИЕ КОЧЕВНИКИ И ПОЛУКОЧЕВНИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

В Турции до сих пор сохранились турецкие кочевые и полукочевые племена и роды. Однако изучены они плохо. Обычно проблема социально-экономических отношений среди кочевников или полукочевников в Турции затрагивалась лишь в связи с изучением курдского населения. Между тем изучение остатков родоплеменных отношений, сохранившихся среди турок, важно для всесторонней характеристики докапиталистических пережитков, играющих столь большую роль в современной Турции.

Исследование турецких кочевников и полукочевников имеет значение также для борьбы с национал-шовинистической, расистской идеологией турецкой реакции, оно должно содействовать разоблачению пропагандируемой этой реакцией бредовой идеи о «единстве турецкой нации».

Изучение поставленной проблемы из-за недостатка турецких первоисточников и дефектности имеющихся сведений, особенно по вопросу социальных отношений среди турецких кочевников и полукочевников наталкивается на большие трудности. По этой причине полное и всестороннее ее освещение и сейчас не представляется возможным.

Расселение юрюкских племен

Главными районами сосредоточения турецких племен являются юго-восточная и западная Анатолия. Это наглядно демонстрирует прилагаемая карта¹.

По карте видно, что на юге турецкие племена живут преимущественно в вилайетах (губерниях) Газиантеп, Мараш, Адана, Нигдэ, Мерсин, Анталя и даже в южной части вилайета Кайсери. Таким образом основными районами жительства племен на юге Анатолии являются горы Главного Тавра и Антитавра (летовки) и прибрежные районы (зимовки).

Племена, живущие на западе, расселены на большом пространстве ограниченном на востоке линией Эскишехир — Афьонкарахисар — Ыспарта и Анталя; на севере — линией Балыкесир — Кютахья — Эскишехир; на западе и юге — побережьем. Они живут в вилайетах Балыкесир, Кютахья, Маниса, Афьонкарахисар, Айдын, Денизли, Ыспарта, Бурдур и западной части вилайета Анталя. Однако карта

¹ Карта заимствована нами из работы турецкого антрополога и этнографа Кей Гюнгөр «Cenubi Anadolu yüruklerinin etnoantropolojik tetkiki» (Ankara, 1941, 132 стр., 83 фотографии, 10 схем и 3 карты). Работа появилась в результате поездки автора к племенам в 1939 г.

В этой работе турецкие племена названы юрюками. Этот термин в литературе широко распространен. Следует, однако, иметь в виду, что слово «юрюк», означающий по-турецки «кочевник», не является этническим термином. Этим словом оседлые турки называли и называют туркоязычных кочевников и полукочевников. Сами юрюки называют себя турками, а чаще — по названию племени. Сделав такую оговорку, мы для удобства при обозначении турецких племен в современной Турции будем пользоваться термином «юрюки».

дает полного представления о местожительстве всех племен. Они встречаются и в местах, не указанных на карте. Остатки племен имеются также в Сивасском вилайете, в центральной Анатолии и даже в южной части Зонгулдакского вилайета, на севере Анатолии.

Турецкий этнограф Ахмет Баха описал свадебные обряды юрюков, живущих в районе Сафранболу², а другой турецкий автор А. Авни Али Джандар дал краткие сведения об остатках племен, живущих в районе между Анкарой и Невшехиром³.

Турецкий эконом-географ Хамид Саади указывал на наличие кочующих турецких племен в степях центральной Анатолии. Но и он отмечал, что главным районом их жительства является юг Анатолии — вилайеты Ментеше, Анталья, Адана, а также некоторые места в Сивасском вилайете и на востоке Анатолии⁴.

Необходимо отметить, что турецкое происхождение некоторых племен оспаривается рядом европейских ученых. Так, еще в конце прошлого века антропологи Петерсен и Лушан утверждали, что турецких кочевников, живущих на востоке Анатолии, и кочевников, живущих в юго-западной части Анатолии, объединяют лишь данное им общее наименование «юрюки», быт и язык⁵. Говоря о населении юго-западной Анатолии в целом, они заявляли, что хотя это население и называют «турками», однако под последними следует понимать лишь говорящих по-турецки мусульман. «Это слово (турки.— А. Н.), — отмечали названные авторы, — действительно лишь с лингвистической, если угодно, религиозной, но отнюдь не с этнографической точки зрения»⁶.

В другом месте упомянутые исследователи сделали еще более категорическое заявление, указав, что при ближайшем рассмотрении они убедились в том, что «турки», проживающие во всей юго-западной Малой Азии, являются прямыми потомками дотурецкого населения, которые восприняли язык и религию османов, но сохранили свои физические особенности⁷.

В настоящее время мы не располагаем возможностью определить, какие племена являются турецкими по своему происхождению, а какие лишь туркоязычными. Поэтому применение нами по отношению ко всем племенам названия «турецкие» в ряде случаев будет условным.

Рис. 1. Тип юрюка

² Ahmet Baha, Safranbolu'da yürük düğünleri, İstanbul, 1932, 34 стр.

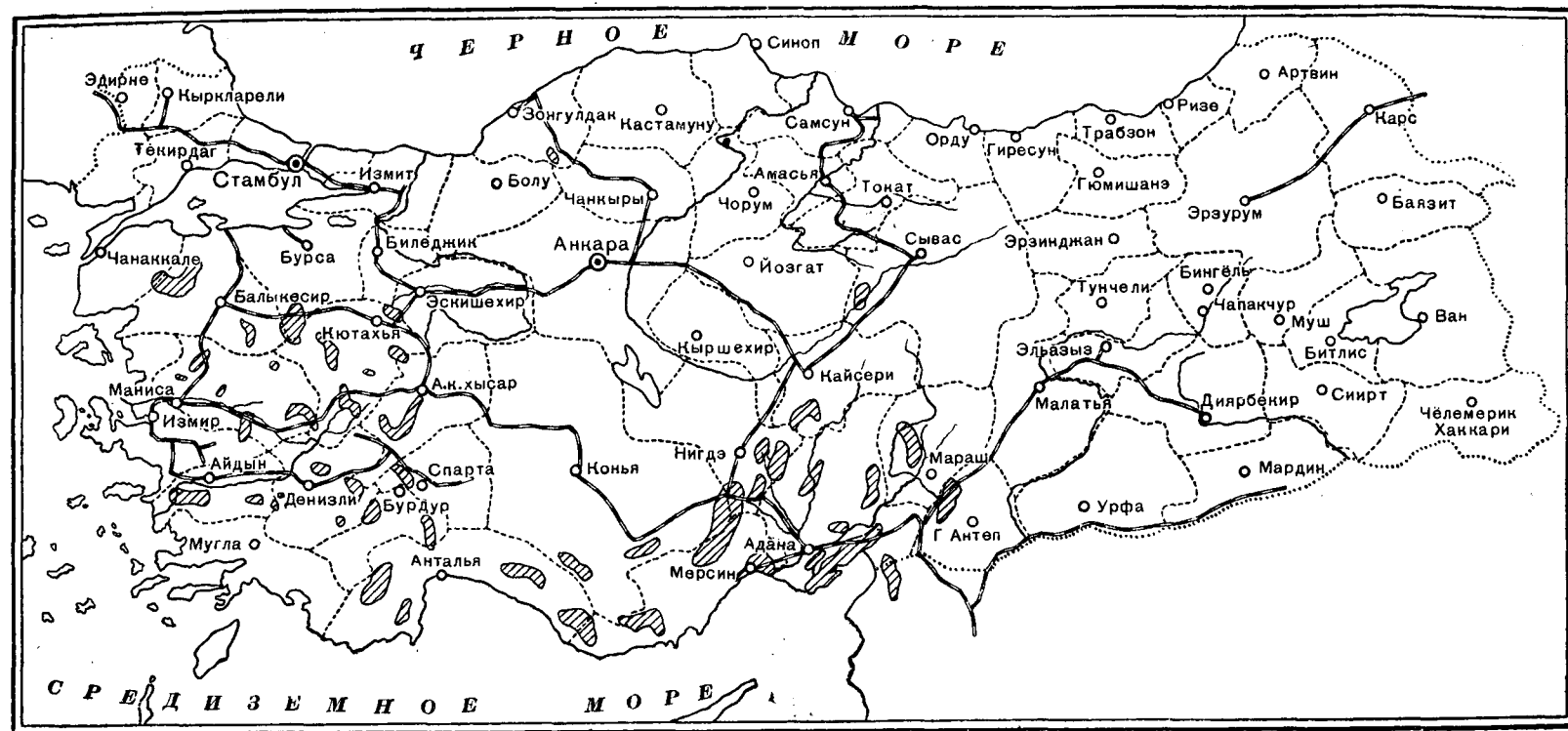
³ A. Avni Ali Candar, Ankaradan Nevsehire, Ankara, 1933, 61 стр.

⁴ Hamid Saadi, İktisadi Coğrafya Türkiye, İstanbul, 1928, стр. 89 (арабским кириллицей).

⁵ Eugen Petersen und Felix von Luschan, Reisen in Lykien, Milyas und Riberejtis, Wien, 1889, стр. 204.

⁶ Там же, стр. 198.

⁷ Там же.

Карта 1. Расселение юрюков в Анатолии

Какие же турецкие племена сохранились в виде остатков или групп в современной Турции, какова их общая численность?

Более столетия назад талантливый русский путешественник М. В. Вронченко, оставивший непревзойденное для своего времени описание Малой Азии (он путешествовал в 1834 и 1835 гг.), считал, что на той части Турции в то время (восточную границу Малой Азии он определял линией Самсун — Токат — Кайсери — Адана — до Средиземного моря) численность турецких племен составляла 600 тыс. Общую численность населения Малой Азии тех лет он определял в 4 млн., из которых турок — 3 млн., юрюков (он их называл туркменами) — 600 тыс. и прочих 400 тыс.⁸

По данным австро-венгерского генерального консула в Смирне Карла Шерцера, в начале 1870-х гг. в Смирнском (Измирском) районе насчитывалось до 200 тыс. юрюков⁹. Но не меньше юрюков жило на юго-востоке и востоке Анатолии, жили они и в центральной Анатолии. Повидимому, в последней четверти XIX в. юрюков было не намного меньше, чем во времена Вронченко (мы полагаем, что некоторая часть их осела).

Трудно с точностью ответить на вопрос, сколько юрюков осталось к настоящему времени. В 1934 г. в меджлисе, при обсуждении закона о поселении иммигрантов и наделении их земель, министр внутренних дел

Рис. 2. Тип юрючки

⁸ «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В. (Вронченко)», ч. 1, СПб., 1839, стр. 201. Называя свои цифры, Вронченко оговаривался, что ввиду плохого учета населения в Османской империи число кочевников менее известно, чем число оседлых жителей, и что ошибка может составить до 25% предполагаемой численности в ту или в другую сторону.

⁹ Carl Scherzer, Smutna, 1873, стр. 47 (книга написана совместно с инженером Хуманном и купцом Штеккелем). Шерцер включает в число 200 тыс. и цыган, но последних было немного.

Н. А. Аристов в своем труде «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» (СПб., 1897), ссылаясь на труд Вамбери «Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen» (Leipzig, 1885, стр. 605—606), пишет: «Кочевой образ жизни сохранили только так называемые юрюки около Айдына, в числе 200 тыс. душ, и туркмены, около Смирны, в числе до 300 тыс. душ.» (стр. 138). Таким образом, по Аристову, получается, что число юрюков в районе Смирны — Айдына равнялось 500 тыс. человек. Между тем у Вамбери сказано, что Шерцер исчисляет число юрюков в районе Айдына в 200 тыс. человек, в то время как Убичини, Баркер и др. определяли численность юрюков в районе Смирны в 300 тыс. человек. Но район Смирны включает рядом расположенный Айдын, и выражения «Смирнский район» или «Айдынский район» означают одно и то же. Следовательно, у упомянутых авторов речь идет лишь о различной оценке числа юрюков в одном и том же районе. Поэтому Аристов вдвое преувеличил численность последних в районе Смирны (Айдына).

заявил, что в восточных районах Турции, в Аданском вилайете, в Анатлийском и других юго-западных вилайетах проживает свыше миллиона кочевников и полукочевников¹⁰.

В восточной части Турции проживают главным образом курдские племена. Хотя многие из них осели, все же большая часть еще кочует. Кемалисты сознательно преуменьшают численность курдов в Турции. Поэтому мы полагаем, что турецкий министр преуменьшил численность кочевников в Турции в целом. Трудно сказать, какая часть названного министром количества приходится на турецкие племена. Предполагаем, что большая часть из названного миллиона приходится на курдов, судя по тому, что к выводу, что численность турецких кочевых племен сильно снизилась по сравнению с той, какую назвал Вронченко. Хамид Саади пишет, что полвека назад (считая с 1928 г.) было значительно больше племен, чем сейчас. Но, видимо, и сейчас турецкие племена в Турции насчитывают около 300 тыс. человек.

Остатки каких племен сохранились в современной Турции? По этому вопросу мы располагаем отрывочными данными. Хамид Саади указывает, что некоторые племена называются групповым именем, например, афшар, варсак, баят и др. Многие другие племена называются только своим собственным именем, например: сарыкечели, айдынлы, козани, кешефли, каракойунлу и др.¹¹

Турецкий этнограф Али Рыза указывает, что в юго-восточной Анатолии живет 49 племен¹². В их числе он называет племена бейдили, барабайандыр, эльбейли, берелли, шархеви, улачлы, тиркенли, челекторунлу, али идрисли, каракозаклы, зейнелли, карахасанлы, хармандалы, махмутлу и др.

Другой автор, Кемаль Гюнгёр, перечисляет следующие посещенные им племена в юго-восточной части Анатолии: карахаджылы, каракойунлу, бахишш, хайта, манавлы, кесерэли, карахайалы, гаджар, кешефчакал.

Что касается племен, живущих на западе Анатолии, то полного перечня мы также не имеем. Гюнгёр называет лишь некоторые племена в районе гор. Денизли, которые он сам изучил, а именно — кызылышылы, сачыгаралы, карахаджили, пюсели и др.

А. Авни Али Джандар в упомянутых выше путевых очерках заявляет, что в районе гор. Невшехир он встретил следующие племена: кочюк (оно же на востоке Турции — кочушагы), аджем, гюрманы, пехливанлы, саларлу, данишмендлы, бойунджели, туманлы, херекли, корсулу, калаклы, сарсылы, софулу, джебели, кюрт мехметли, кютюкюлу, хадлу, улуслу, карасакёрюлю, хаджы ахметли, апо или аба ушагы, афшарлы, иналлы, татлар, агуллу, юва, козлу, чуллу, орханлы, аранлы, чараклы, чавушлар, чат, девели, карахаджылы¹³.

Некоторые из названных племен упоминаются еще в султанских указах, относящихся к XVI—XVII вв., например, племена аджем, тюркманлы, пехливанлы, салурлу, данишменд, херекли и др.¹⁴

¹⁰ Ömer Celâl, Ziraat ve sanayi siyaseti, İstanbul, 1934, стр. 107.

¹¹ Hamid Saadi. Указанное соч., стр. 89.

¹² Ali Rıza, Cenupta türkmen oymakları, вып. I, İstanbul, 1931—1932, 95 стр.; вып. II, Ankara, 1933, 96 стр.; вып. III, Ankara, 1933, 102 стр.

Автор издал еще четыре выпуска, которых нет в нашем распоряжении. В названной работе изложены результаты десятилетнего изучения автором турецких племен в юго-восточной Анатолии с этнографической точки зрения. Али Рыза, как и другие авторы, часто для обозначения племени употребляет разные термины — оймак, арат, бой, оба. Такое смешение терминов весьма давнего происхождения. Оно объясняется уже в документах о кочевниках, относящихся к XVI в., и отражает разделение племен, которое привело к утрате былой стройности в отношениях между племенем и родом, к потере племенами своих былых особенностей. Так, племена, ныне называемые аширетами, давно потеряли свою военную организацию.

¹³ A. Avni Ali Candar, Указ. соч., стр. 30.

¹⁴ Ahmet Refik, Anadolu'da türkmen aşiretlert. См. указатель в конце книги.

Встречаются двойные названия племен. Так, племя хаджи ахметли называется также тэкэ¹⁵. Племя кулфалы называется еще кёссерели¹⁶.

Не все племена живут компактной массой в одном месте. Некоторые племена разбросаны по различным районам Турции. Так, племя саларлу живет в вилайетах Муш, Зиле, Чанкыры, Кайсери, Нигдэ, т. е. по всей Эдирне, Измит, Зонгулдак и многим другим. Племя хонамлы живет в районе Амасии и в районе Айдына. Большая часть племени сарыкечи живет в районе Коньи, но 150 палаток имеется в районе Мараша, около 30 палаток — в районе Аданы¹⁷.

Во многих местах Анатолии встречаются деревни, носящие название одного племени. Например, 49 деревень в Анатолии носят название Афшар; в 38 каза (районах) Анатолии имеются деревни с названием Данишменд. В некоторых районах встречаются даже по две-четыре деревни с таким названием¹⁸.

Некоторые племена разбросаны не только по всей Турции, но и по соседним восточным странам. Так, племя эльбейли имеет в Турции 9 деревень, а в Сирии — 20¹⁹.

Раздробленность родов и племен является результатом как экономических факторов (упадок скотоводства, недостаток пастбищ), так и политических (политика султанского и кемалистского правительств, направленная на дробление племен).

О численности племен можно получить представление по следующим данным:

Название племени	Число палаток	Число душ
Айаш	100	790
Каджар	85	310
Бахшиш	300	?
Кемихли	47	350
Бойунинджели	200—300	1500
Хайта	1000	?
Каракешли	45	358
Кулфалы или кесерели	250	2000
Карахаджылы	150	?
Коджа хасанлы	150	900

Приведенные данные говорят о том, что мы имеем дело уже с остатками или отдельными уцелевшими группами племен. Племя, насчитывающее 200—300 палаток, уже считается турецкими авторами большим. Действительно, чаще наблюдается значительно меньшая численность племен.

В ряде случаев в составе одного племени или рода совместно проживают представители разных родов и племен (в племенах козлу, карахаджылы и др.). Отдельные турецкие авторы указывают даже на совместное проживание юрюков с курдскими родами в одном селе. Так, Али Кемали, бывший вали (губернатор) Эрзинджанского вилайета (восточная Анатолия) в своей книге, посвященной описанию этого вилайета, приводит многочисленные случаи такого сожительства. Общую

¹⁵ Ali Rıza. Указ. соч., вып. 1, стр. 35.

¹⁶ Там же, стр. 39.

¹⁷ Там же, стр. 33—35.

¹⁸ A. Avni Ali Candar, Указ. соч., стр. 31—35.

¹⁹ Ali Rıza, Указ. соч., вып. I, стр. 16.

численность племен в этом вилайете он определил в 144 919 человек, из них курдов 66 635, турок 78 090²⁰. При свойственной турецким реакционерам националистическо-шовинистической манере превращения курдов в турок приведенные цифровые данные могут и не соответствовать действительности.

Али Кемали ничего не говорит о формах этого сожительства. Видимо, все же, как правило, курды и турки живут в разных кварталах одного и того же села.

Родо-племенная организация юрюков

Всем исследователям, которые непосредственно наблюдали жизнь юрюков, прежде всего бросалось в глаза, что у них сохранились родо-племенная (хотя она и потеряла свою былую стройность) и кровно-родственная связь. Каждый юрюк осознает себя прежде всего членом того или иного рода. Род, как и отдельные его части, состоит из лиц находящихся в кровном родстве или предполагающих такое родство.

Племена и роды возглавляются вождями, называемыми, как правило, ага, реже — бей. Эти вожди живут со своими племенами, но некоторые из них живут в городе²¹.

В ряде случаев роды и племена уже не имеют потомственных главно-либо вследствие того, что вымерла семья, дававшая племенным вождям наследство, либо потому, что сами потомки глав племен порывают с племенем (так, например, один из потомков вождя племен эльбейл став учителем, преподавал в городе в средней школе)²².

В настоящее время верхушка племен не имеет уже бывшего авторитета и не вольна над жизнью и смертью своих соплеменников. Как показал Вронченко, этой власти она не имела и сто с лишним лет назад. Уже тогда ага и вся племенная знать полуоседлых, а тем более оседлых юрюков сами в сильной степени зависели от пашей — управителей провинций и центральной султанской власти²³, племена в целом потеряли свою былую независимость. Однако власть глав родов и племен еще и сейчас значительна. Вместе с родо-племенной знатью они организуют коллективы и перекошевки. В такие ответственные периоды ага распределяет труд в роде, дает задания, и все его указания беспрекословно выполняются. Некоторые вожди полностью управляют племенем или родом и даже собирают с него налоги²⁴.

Проф. Рубэн, посетивший юрюкскую деревню Таахютлю, в районе г. Кочхисара, у озера Тузгёлю, в 1946 г., пишет, что он беседовал здесь со стариком Сюлейманом ага, который является «некоронованным властелином деревни»²⁵.

Родо-племенная знать во главе с вождем рассматривает и разрешает разные дела, возникающие среди соплеменников: споры, воровство, похищение девушек и т. п.²⁶

Таким образом, сохранилось примерно такое же положение, как и сто лет назад, которое Вронченко описывал в следующих словах:

«Старшие в роде, люди почитаемые мудрыми и опытными, составляют совет бея, не очень многочисленный, но имеющий сильное влияние на все решения, так что бей в сущности есть только председатель Совета»

²⁰ Ali Kemal, Erzincan, 1932, стр. 373—389.

²¹ В 1930 г. вождь племен байындыр Сант бей жил в Урфе (см. Ali Rıza Указ. соч., вып. I, стр. 7).

²² Ali Rıza, Указ. соч., вып. I, стр. 20.

²³ М. П. Вронченко, Указ. соч., ч. 2, стр. 202.

²⁴ Ali Rıza, Указ. соч., вып. I, стр. 16.

²⁵ W. Ruben, Köçhisarın Tuzgölü batısındaki step köylerinde 1946 eylülündeki bir araştırma gezinin sonuçları. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih — Coğrafya Fakültesi Dergisi, т. V, вып. 4, 1947, стр. 377.

²⁶ Kemal Güngör, Указ. соч., стр. 44.

во всем, что касается до целого племени, хотя власть его гораздо про-
страннее относительно лиц частных... Дел уголовных, касающихся до
жизни человека, беи теперь не могут решать сами, ни наказать убийцу
смертию, ни наложить на него, по прежнему, пеню — все это сделалось
принадлежностью власти верховной...»²⁷

Следует отметить как характерное явление ничтожную роль мусуль-
манской духовной знати среди юрюкских племен. Аналогичная черта
отмечена М. П. Вяткиным при характеристике общественного строя
казахов в XVIII в.²⁸

Представители мусульманского духовенства, как правило, отсутствуют
в юрюкских племенах. Имамы обычно имеются лишь в селах осевших
юрюков. Среди турок юрюки давно считаются «плохими» мусульманами.

До сих пор в ряде случаев наблюдается замкнутость родов. Как пра-
вило, прием женщин из другого рода или отдача своих женщин в чужой
род не допускаются.

Между некоторыми родами и племенами существуют враждебные от-
ношения, которые объясняются разными причинами — экономическими
(борьба за пастбища), религиозными, давней традицией. Например, к
племени хонамлы окружающие племена относятся враждебно и с пре-
зрением, так как оно считается кызылбашским. Однако принадлежащие
к этому племени ставят себя выше других (по их словам, их предки
вышли из Хорасана).

Род состоит из нескольких подродов — кабиле (*kabile*). Этим тер-
мином автор, данными которого мы пользуемся, обозначает объедине-
ние нескольких семей, принадлежащих к одному роду («*kabile-ayni
zöbekten(soy) ailerin toplulugudur*»)²⁹.

Кроме такого объединения, автор называет еще махалле (*mahalle*),
которое обозначает объединение близких родственников, принадлежащих
к какому-либо роду³⁰. Но наиболее распространенной формой объедине-
ния внутри рода является оба (*oba*), т. е. временное объединение не-
скольких палаток (10—20) для кочевки или совместного проживания на
зимовке. Оба носит имя своего главы, например, — оба Ахмета аги и т. п.

В жизни трудно отличить род от племени, оба нередко совпадают с
родом или подродом.

Первичной ячейкой является семья, т. е. совокупность лиц, живущих
в одной палатке. Такая совокупность, говорит Гюнгёр, называется у ко-
чевников хоранта (*horanta*). Семья, как правило, насчитывает 4, 5, 8 чле-
нов, но изредка встречаются еще крупные семьи — в 20 человек и больше.

Пожиловшиеся сыновья выделяются в собственную палатку. Палат-
ка старшего сына ставится рядом с отцовской.

Взаимоотношения в семье носят патриархальный характер. Семью
возглавляет отец, которого называют реис (*reis*), а часто и ага. Он поль-
зуется непререкаемым авторитетом и уважением среди членов семьи.
После отца наибольшим уважением пользуется мать. После смерти отца
главой семьи становится старший сын.

В качестве родо-племенного пережитка следует указать на формаль-
но коллективное владение пастбищем. Но на деле это — фикция, кото-
рая скрывает реальные поземельные отношения и дает возможность
знати эксплуатировать своих неимущих сородичей.

Отметим еще как сохранившийся племенной пережиток наличие об-
щего для всего рода клейма — тамги для метки скота (клеятся ухом).
В племени эльбейли эта тамга называется эн (*en*)³¹, в восточной рай-

²⁷ М. П. Вронченко, Указ. соч., ч. 2. СПб., 1840, стр. 202.

²⁸ М. П. Вяткин, Батыр Срым, Изд. АН СССР, М., 1947, стр. 135.

²⁹ Kemal Güngör, Указ. соч., стр. 44.

³⁰ Там же.

³¹ Ali Rıza, Указ. соч., вып. 1, стр. 18.

онах Турции она называется ин (in)³². Али Рыза указывает, что каждый из семи родов племени эльбейли (названия этих родов Гявурелли, Перенли или Чердюкю, Тырыклы, Тафлы, Шахвели, Феризли, Караташлы) имеет свою тамгу; он даже приводит рисунки этих тамг³³.

Во многих случаях сохранилась еще кровная месть. 11 июня 1937 г. турецкий меджлис принял специальный закон о запрещении кровной мести (kan gütme)³⁴. Этот закон, правда, распространяется не только на кочевников, притом специально турецких. Однако не только из сути вопроса, но и из текста закона вытекает, что имеются в виду главным образом слои населения с наличием родовых пережитков. Это видно из того, что закон предусматривает выселение всех родственников виновного в убийстве из чувства кровной мести, т. е. фактически всего его рода, в другое место на расстояние не ближе 500 км.

Мы не касаемся здесь многих других бытовых сторон жизни юрюков в частности обычаев, также свидетельствующих о живучести среди них родо-племенных пережитков. Эта живучесть объясняется господством хозяйства юрюков экстенсивного кочевого или полукочевого скотоводства.

Попытаемся хотя бы в общих чертах определить уровень социального экономического развития юрюков, для чего обратимся к изучению и внутренней социальной структуры и прежде всего их экономики.

Экономика юрюкских племен

За внешней оболочкой родо-племенной организации скрываются классовые отношения, эксплуатация родовой знатью широких масс своего сородичей.

Турецкие племена, живущие в современной Турции, уже давно делятся на кочевников, полукочевников и оседлых. Об этом писал М. В. Вронченко в 1830-х гг. и более поздние наблюдатели. Вронченко даже называл два города — Севрихисар и Кочхисар, выросшие из оседлых поселений юрюков³⁵. Однако оседлых юрюков он рассматривал как исключение. Гораздо больше было полуоседлых. О племенах живущих в западной береговой части Малой Азии, Вронченко говорил что «они почти все полуоседлы»³⁶.

Немецкий этнограф Бранденбург, обследовавший в 1890-х гг. юрюков проживавших в районе горы Туркмендага, к северу и юго-востоку от гор. Афьонкарахисар, писал, что в районах и деревнях, которые посетил, отчетливо можно различить три категории среди юрюков: кочевников, полукочевников и оседлых.

³² Турецкий этнограф Абдулькадир в своем отчете о поездке по северо-восточным районам Турции пишет, что термин «ин» для обозначения тамги он слышал в районах Гиресунда, Гюмюшанэ, Байбурта, Эрзурума, Эрзинджана и в самих этих городах (см. Abdülkadîr, Birinci ilmi seyahate dair rapor, İstanbul, 1930, стр. 17).

Как любезно указал нам член-корр. АН СССР С. Е. Малов, термины «эн», «ин» имеются в казахском, киргизском, уйгурском, ойротском языках (в ойротском — «ин» и означают метку, тавро, продольный разрез на конце уха домашнего животного, знак собственности).

Термин приводится в труде В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» (т. 1, стр. 728 и 1438), в словарях: К. Юдахин, Киргизско-русский словарь; Н. А. Баскаков и В. М. Насонов, Уйгуро-русский словарь; Н. А. Баскаков, Т. М. Тошаклова, Ойротско-русский словарь.

³³ Ali Rıza, Указ. соч., вып. 1, стр. 17—18.

³⁴ «La Législation Turque». Edition A. Rizzo, vol. X. Loi № 3236 du 15 Juin 1937. Votée le 11 Juin 1937. Fixant le traitement à appliquer aux parents de ceux qui mettent ou tentent de commettre un meurtre dans le dessein de se venger (vendu «Resmî Gazete» de 23.VI.1937, No 3638).

³⁵ «Севригиссарские мусульмане суть большею частью оседлые туркмены, перешедшие и в городском быту грубую простоту свою в полной силе» (М. В. Вронченко, Указ. соч., 2. стр. 55).

³⁶ Там же, стр. 208.

Кочевники, по его описанию, жили в палатках из темной козьей шерсти, занимались исключительно скотоводством, а женщины много внимания уделяли ковроткачеству, частично и для продажи.

Полукочевники знают уже земледелие, зимой живут в примитивных жилищах, а летом на летовках в легких палатках, перекочевывая с одного пастбища на другое со своими немногочисленными стадами.

Оседлые, по заявлению Бранденбурга, почти полностью ассимилировались с турками и на первый взгляд не отличались от них³⁷.

Племена, имеющие села, дали им свои имена, причем из-за разбросанности племен села с одним и тем же названием можно встретить в разных концах Турции. Как уже упоминалось, деревни, носящие имя племени данишменд, встречаются в 38 каза (районах) Турции, притом в разных концах — в Восточной Фракии и в районе Синопа, на севере Анатолии, в районе Эскишехира и Байбурта и т. д.³⁸

В процессе оседания между отдельными племенами иногда происходит острая борьба за села и земли. Так, в 1930 г. племя ширванлы было изгнано из своей деревни племенем, севшим на его место³⁹.

Приведем несколько примеров оседания кочевников на землю в центральной Анатолии.

Место поселения должно отвечать двум основным условиям: оно должно иметь пастбища и воду. В центральной Анатолии, страдающей от засухи, юрюки, как правило, старались поселиться в старых, но необитаемых селах, где сохранились колодцы. Так были заселены деревня Таахютлю-кей, где нашли 4 колодца, деревня Йычарлы, где обнаружили 5—6 колодцев, и др. Колодцы эти существовали с незапамятных времен⁴⁰.

Деревня Таахютлю была заселена юрюками в 1868 г. Сперва сюда пришли 4 семьи. В 1946 г. здесь было уже 40 домов. «Некоронованный властелин деревни» старый Сюлейман ага разъяснил, что они осели здесь потому, что только на этом куске земли была трава⁴¹.

Желательно также, чтобы заселяемая местность благоприятствовала охране стада от покушений извне. Деревня Таахютлю, например, имела то преимущество, что прикрывалась зарослями тростника. Но тем не менее юрюки охраняли свои стада, особенно ночью, с оружием в руках.

В первое время здесь было много свободной земли, сейчас же в ней уже чувствуется острый недостаток.

Деревня Чешмели Зебир основана в 1883 г. юрюками из племен сарыкечели, кара койун и кара текели, прибывшими из районов Аданы, Измира и Айдына. Сюда также сперва прибыло лишь 6—8 семей, а после потянулись и другие — родственники. Постепенно жители деревни начали заниматься земледелием, со временем увеличивалась земельная теснота, усиливалось классовое расслоение⁴².

Процесс оседания происходит и в настоящее время, но, как и раньше, чрезвычайно медленно. Бывает так, что часть племени осела, а другая продолжает кочевать, как это мы видим на примере племени карахаджылы, живущем в районе Аданы. Социальная структура каждой из этих частей разная, но родо-племенная связь, тем не менее, сохраняется.

Имеются случаи, когда в одной деревне живут части двух разных племен и даже, как мы говорили раньше, двух разных этнических групп — юрюки и курды.

³⁷ E. Brandenburg, *Kysilbasch- und Jürükendörfer an der Gegend des Turk-mendag*, Ztschr. für Ethnologie, 1905, стр. 190.

³⁸ A. Avni Ali Candar, Указ. соч., стр. 31.

³⁹ Ali Rıza, Указ. соч., вып. 1, стр. 11.

⁴⁰ W. Ruben, Указ. соч., стр. 384.

⁴¹ A. Avni Ali Candar, Указ. соч., стр. 31.

⁴² A. Avni Ali Candar, Указ. соч., стр. 31.

Образ жизни кочевых и полукочевых племен, не говоря уже о целом осевших, значительно разнится. Как сказано, кочевники живут летом и зимой в палатках, полuosедлые зимой живут в домах, а в палатках живут только на летовках⁴³. Во многих случаях дома скорее напоминают палатку, только сделанную не из шерсти, а из неотесанных камней, либо из глины, смешанной с соломой.

В некоторых случаях одна часть племени еще продолжает зимой жить в палатках, а другая часть уже живет под крышей (например племя айаш).

В зависимости от зажиточности хозяина дома бывают разной величины — от однокомнатных до трехкомнатных. В домах богатых справа и слева от двери прорезывается по окошку. Этого нет в домах бедных. Различаются между собой и палатки бедных и богатых юрюков. Палатки богатых ставятся на 6—9 столбах, а бедных — на 2—4.

Главным занятием юрюков до сих пор осталось экстенсивное, кочевое или полукочевое скотоводство.

Имущественное состояние юрюка определяется количеством имеющегося у него скота. Вся жизнь юрюков от мала до велика, мужчин и женщин связана со скотоводством — с выращиванием стада и переработкой продуктов скотоводства. Даже у оседлых юрюков главный подарок на свадьбе — скот⁴⁴.

С приближением весны юрюки — стар и млад — уже начинают думать о летовках (см. карту 2).

Глава рода — ага — устраивает совещание со знатью и намечает день начала кочевки (göç günü). Ага распределяет работу по подготовке к кочевке. В эти дни устраивается праздник. Наконец, раздаются давно ожидаемые слова — «настал кочевка» (göç var!), и начинается передвижение на яйла. Расстояние до летовок различное. Иногда они расположены всего в нескольких часах перехода, но чаще к ним надо добираться 1—3 дня, иногда 10—14 дней и даже месяц. В пути кочующая община ненадолго останавливается на попутных пастбищах.

Постепенный подъем на летние пастбища начинается с марта. Весной поднимаются на пастбища, расположенные на высоте 500—1000 м. С возрастанием жары, с июня или июля, юрюки перекочевывают на более высокие пастбища, расположенные на высоте 1500—4000 м, и остаются здесь до сентября.

Осенью, с наступлением холодов, начинается постепенный спуск с летовок на зимовки. Осенняя перекочевка так и называется — «гюзгечю» (güz göçü). Сперва спускаются на 500—1000 м, а затем постепенно все ниже, пока в ноябре не возвращаются в свои зимовки.

По степени важности в стаде юрюка следуют: овцы и козы, верблюды, крупный рогатый скот, лошади.

Овцы и козы обеспечивают юрюку необходимые предметы для собственного потребления, а затем и для продажи. Верблюды служат глав

⁴³ У юрюков преобладают палатки двух родов: карачадыр и алачык. Карачадыр (karaçadır — черная палатка) чаще всего встречается у кочевых юрюков. Палатка ткется из темной козьей шерсти. Ставится на столбах, которых бывает от двух до девяти. По внешнему виду палатка напоминает четырехстенный дом. Зимой вход в палатку открывается на восток, навстречу солнцу, а летом наоборот. Посреди палатки располагается очаг.

У племенной знати женская часть семьи имеет свою особую палатку, которая устанавливается рядом с палаткой мужской половины. Племена по-разному устанавливают свои палатки. Поэтому человек, знакомый с порядком расстановки, может издали сказать, какому племени принадлежат палатки. Например, племена карахал, жылы, хайта, чакал устанавливают палатки в направлении с севера на юг, а племена каракойунлу, бахшиш и хонамлы в направлении с востока на запад.

Алачык (Alaçık — пестрого цвета) отличается туннелеобразной формой.

Есть племена, которые живут в пещерах, выдолбленных в горах, где пасутся и стада.

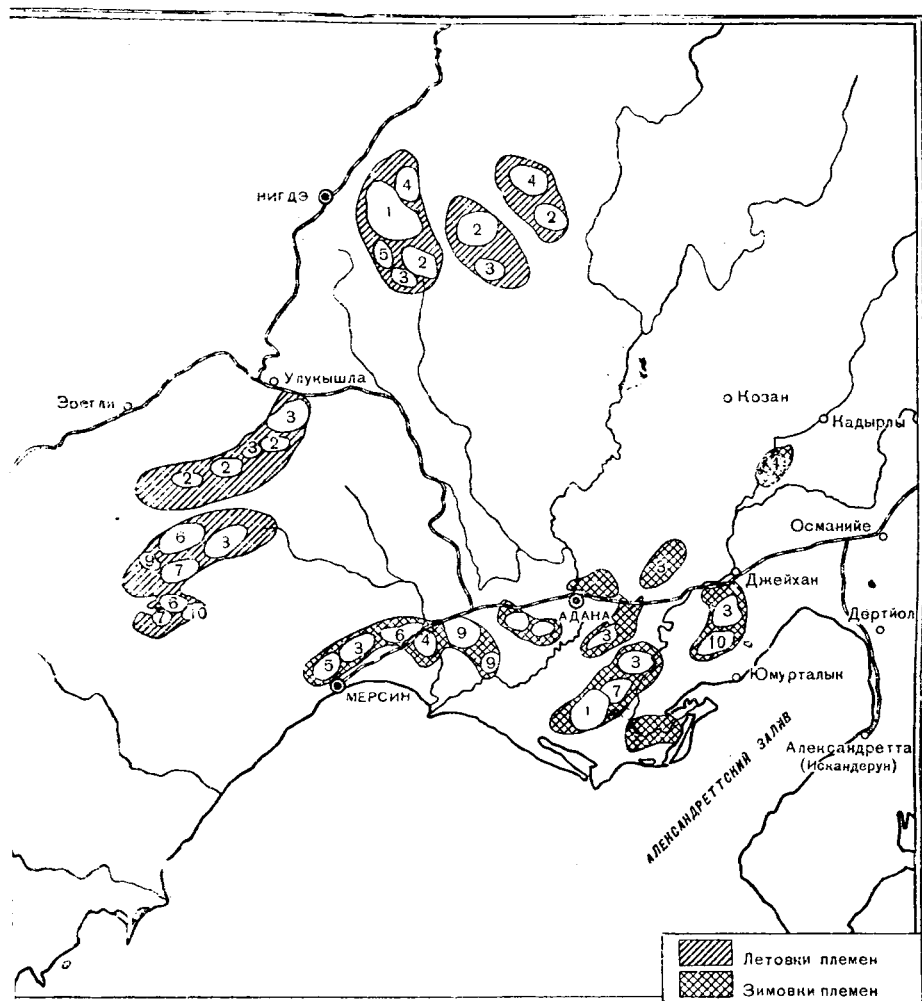
⁴⁴ Ahmet Baha, Указ. соч., стр. 12.

ным транспортным средством для перевозки тяжестей при перекочевках; кроме того, они используются юрюками для заработка — на перевозке рззов из деревни в город и обратно. Некоторые племена, вернее, их агилли беи, специально занимаются разведением верблюдов, например, племя хонамлы, а другие — разведением лошадей, например, племя каакапалы, но число таких племен незначительно.

Крупный рогатый скот имеет небольшое значение в экономике племен. Видимо, это объясняется тем, что, в отличие от овец и коз, крупный рогатый скот не в состоянии добывать себе зимой подножный корм из-под снега.

Что касается лошадей, то они не занимают большого места в стаде орюков. У большинства племен лошадьми располагает почти только нать.

Скотоводство носит преимущественно натуральный характер и служит главным образом для удовлетворения нужд самих производителей. Однако часть продукции, а у некоторых племен, живущих близ городов,

Карта 2. Летовки и зимовки юрюков в Южной Анатолии. Племена: 1 — карахаджылы, — каракоюнлу, 3 — бахшиш, 4 — хайта, 5 — манавлы, 6 — кёсерели, 7 — каракайлы, 8 — гаджар, 9 — кешефли, 10 — чакал

даже значительная часть, поступает на рынок. Юрюки сбывают овец, коз, верблюдов, лошадей; некоторые племена занимаются разведением верблюдов и лошадей специально для продажи, юрюки продают на рынке также шкуры, шерсть, сыр, йогурт и другие продукты скотоводства.

Так, например, одно племя юрюков, зимующее в районе гор. Агталия и насчитывающее около 500 палаток, по рассказам посетивших его в 1946 г. турецких исследователей, зимой продает свой скот скототорговцам из этого города⁴⁵. Иногда на летовках-яйлах устраиваются ярмарки, на которых специально прибывшие скупщики закупают у юрюков скот в больших количествах. Такая ярмарка ежегодно устраивалась, например, на яйле Ючкапылы еще в конце XIX в. в специальном месте, которое называлось Пазарери (Pazar yeri — базарное место)⁴⁶.

Таким образом, не меняя своего основного натурального характера, скотоводство юрюков частично носит и товарный характер, у одних племен в большей степени, у других в меньшей.

Для многих племен скотоводство является главным, но не исключительным занятием. Часть кочевых племен занимается в какой-то мере земледелием — сеют пшеницу и ячмень и даже хлопок (например, племена айаш, каракешлы, карахаджылы, каракойунлу, бахшиш, манав и другие).

Свыше ста лет назад М. П. Вронченко писал: «Наибольшая часть туркменов занимается земледелием и скотоводством, тем и другим вместе, одним или другим более, смотря по качеству земли и количеству воды в местах кочевания. Нередко племя имеет свое пребывание в время посева хлеба в одном месте, между тем как скот пасется в другом, удаленном от первого на десятки верст; в таком случае при стаде остается часть каждого семейства — особенно женщины с детьми и многими стариками; остальные же пахут и сеют; потом все соединяются или после уборки хлеба, или в промежутки между посевом и уборкою, оставляя для досмотра за целостию посева нескольких вооруженных мужчин. На зиму все собираются вместе в ущелия или на низменные равнины»⁴⁷.

Однако в конце 1880-х гг. упомянутый нами Лушан писал, что юрюки занимаются земледелием редко и нерегулярно⁴⁸.

Чем же объясняется такое расхождение между данными двух упомянутых непосредственных наблюдателей? По нашему мнению, оно объясняется тем, что за полстолетие, разделяющее данные Вронченко и Лушана, племена, которые, по свидетельству Вронченко, стали уделять свое основное внимание земледелию, настолько слились с местным населением, что Лушан их уже не считал юрюками-кочевниками и не обратил на них внимания.

Новейшие данные не позволяют сделать вывода о том, что среди юрюков произошел серьезный сдвиг в сторону земледелия за годы, прошедшие с конца XIX в. Да такого сдвига и не могло быть при социальных условиях, господствующих в Турции, когда основные и лучшие земли захвачены помещиками, а миллионные массы крестьянства страдают от недостатка земли. К тому же важно учесть, что в ряде районов, где кочуют или полукочуют многие турецкие племена, для земледелия нужна орошаемая земля, которой в Турции чрезвычайно мало, а турецкое правительство ничего не делает в области ирригации. Как правило, выделение земледелия в особую отрасль хозяйства юрюков, не завис-

⁴⁵ W. Ruben, Указ. соч., стр. 379.

⁴⁶ Ali Rıza, Указ. соч., вып. III, стр. 50.

⁴⁷ М. П. Вронченко, Указ. соч., ч. 2, стр. 208.

То же самое констатирует и исследователь юрюков в Македонии в начале XX в. Трепер (тогда Македония входила в состав Османской империи), см. P. Traeger, Die Jürüken und Konjaren in Makedonien, Ztschr. für Ethnologie, 1905, стр. 198—201.

мую от скотоводства, пока говорить не приходится, за исключением оседлых племен. У полуоседлых племен оно находится в процессе складывания в особую отрасль хозяйства.

Земледелие у юрюков носит натуральный характер, за немногими исключениями; так, отдельные племена или роды сеют хлопок, который в значительной части поступает на рынок.

Отсутствие необходимых материалов, к сожалению, лишает нас возможности осветить важный вопрос о том, какие по своему социальному положению хозяйства юрюков перешли к земледелию. Как известно из истории других кочевых обществ, первыми стали заниматься земледелием бедные скотом хозяйства, лишенные возможности продолжать вести кочевое скотоводство. По всей вероятности, у юрюков в Малой Азии наблюдается аналогичное явление.

Юрюки издавна занимаются домашними ремеслами, из них наиболее распространены ткацкие и кожевенные. Некоторые племена, живущие в лесных местностях, занимаются изготовлением ряда предметов домашнего обихода из дерева.

Ткацкое ремесло распространено у всех племен. Им заняты главным образом женщины, особенно девушки. Но нередко можно встретить и пожилых мужчин, вяжущих чулки⁴⁹. Орудия труда примитивны. Для прядения служит ручное веретено, так называемый кирмен (kırmén), а для тканья — громоздкий горизонтальный деревянный ткацкий станок, устанавливаемый в палатке.

Особенно широко распространено изготовление ковров. Выработкой ткани занимаются обычно на зимовках, так как перевозка тяжелых ткацких станков сопряжена с трудностями. Ковры, мешки, переметные сумки (heybe), попоны (yapıcı) и т. п. изготавливаются на вертикальных станках, так называемых ыстар (ıstar), устанавливаемых возле палаток. На станках, называемых чульха (çulha), ткнут жакеты, женское белье, кафтаны, штаны и т. п.

Краску для тканей покупают в городе, кроме красной, которую изготавливают сами юрюки из красильного корня (kök boyu).

Обработкой кож и изготовлением кожаных изделий для личного потребления и домашнего обихода (обувь, кожаные сумки для масла и сыра и пр.) в примитивной форме занимаются почти все юрюки.

О металлообрабатывающем ремесле непосредственные наблюдатели едва упоминают. У многих племен имеются кузнецы. Но юрюки, живущие недалеко от городов, пользуются готовыми товарами и услугами городских ремесленников.

Выделилось ли ремесло у юрюков в особую отрасль хозяйства? Материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, правда, скудные, заставляют ответить на этот вопрос в общем отрицательно. До сих пор ремесло, как правило, существует в рамках скотоводческого хозяйства, господствующего у юрюков. Таков, повторяем, общий ответ. Однако в некоторых случаях ремесла выделены в особую отрасль хозяйства. Как увидим дальше, при рассмотрении обмена, еще в первой половине XIX в. скупщики скупали у юрюков грубые сукна и даже продавали их на внешнем рынке. В новое и новейшее время юрюки были, и являются и сейчас, поставщиками ковров на внутренний и внешний рынок; они опутаны целой сетью скупщиков, которые в свою очередь являются агентами крупных внутренних и иностранных ковровых компаний. В таких случаях производство ковров носит частично товарный характер. Юрюки продают на рынке также и другие продукты своего ремесла — чулки, варежки, переметные сумки и т. д. Сказанное относится преиму-

⁴⁹ Покупка чулок в городе у многих племен рассматривается как постыдное явление, свидетельствующее о лени и жене (см. Eşberk Tervik, Türkiye'de köylü el sanatları: ının mahiyeti ve ehemmiyeti, Ankara, 1939, стр. 74).

щественно к тем племенам, которые зимуют вблизи городов, особенно крупных.

Рост населения, недостаток пастбищ, упадок скотоводства и обеднение массы юрюков уже в прошлом столетии породили среди них бродячество. Так, некоторые юрюки из числа осевших в районе Стамбула в ноябре, после посева, ежегодно направляются в Стамбул, где они работают главным образом в пекарнях. За месяц до начала жатвы они возвращаются в свои села. Некоторые юрюки еще в 1880-х гг. совсем обосновались в Стамбуле⁵⁰. Часть юрюков в период зимовки занята в городах перевозкой грузов на своих верблюдах. Например, отдельные юрюки из племени, зимующего в районе Анталы, летом, когда основная масса их соплеменников находится на летовках в горах Сутандага, занимаются перевозкой на своих верблюдах соли из озера Тегель. После продажи соли они возвращаются на зимовки своего племени⁵¹. Молодые юрюки, особенно девушки, часто отправляются на поденной работы в сельских хозяйствах, расположенных в долинах. Так, в одном из рассказов турецкого писателя Энвера Бехнана герой верхом направляется в высокие горы Тавра, чтобы нанять там девушек-поденщиц для уборки хлопка⁵².

Среди промыслов отметим еще охоту, которой юрюки занимаются главным образом во время нахождения на зимовках.

Рассмотренные нами данные о состоянии скотоводства, земледелия и ремесел у юрюков в современной Турции позволяют сделать вывод, что господствующей отраслью хозяйства остается скотоводство. Земледелие существует уже почти повсеместно. Но все же ни земледелие, ни ремесла, за некоторыми исключениями, еще не обособились в самостоятельные отрасли хозяйства.

Поставляя на рынок часть своих продуктов скотоводства и ремесел юрюки одновременно являются покупателями многих видов продукции как сельскохозяйственной, так и промышленной. На близких к ним рынках они покупают муку, фасоль, горох, овощи; некоторые племена закупают еще керосин и спички, хотя, как видно из турецких источников, не всем племенам известно употребление этих предметов. Вместе с тем некоторые племена употребляют шнур, пропитанный серой, и кремень.

Юрюки закупают также в городах посуду, кухонные принадлежности, ткацкие станки, а некоторые — обувь, головные уборы и иногда даже одежду.

Товарно-денежные отношения содействуют разрушению патриархально-родовых отношений в среде юрюков и зарождению нового слоя эксплуататоров. Они привели к перерождению части племенной знати в торговцев. Например, в деревне Гюзельюлук, населенной юрюками, занимающимися главным образом скотоводством и вместе с тем земледелием, на 56 домов имеется лавка и три торговца-скупщика молочных продуктов. Однако преимущественно скупщиками скота, продуктов скотоводства, ковров и др. до сих пор являются не юрюки, а жители близлежащих городов.

Социальные отношения среди юрюков

О существовании классового неравенства среди юрюков говорят и турецкие авторы, наблюдавшие жизнь этих племен. Так, Али Рыза рассказывает о посещении им домов богатого юрюка, бедного и среднего, как он выражается. Но кемалистский «ученый» интересовался лишь

⁵⁰ Ahmet Baha, Указ. соч., стр. 4.

⁵¹ W. Ruben, Указ. соч., стр. 379.

⁵² Enver Behnan. İnkılâp ötkünçleri, İst. 1934, рассказ «Bir kerecik görevimi».

ланом домов каждого из представителей названных социальных групп не проявил интереса к условиям их жизни.

Наличие имущественного неравенства среди юрюков свидетельствует о сильном разложении материальной основы их патриархально-родового уклада. Действительно, если обратиться к главной отрасли хозяйства — к скотоводству, то обнаруживается, что скот является частной собственностью отдельных юрюкских семей.

Классовая дифференциация внутри племени идет прежде всего по линии владения скотом. Есть владельцы крупных стад — это главным образом представители племенной знати; есть и бедняки, не обладающие даже стадом, достаточным для удовлетворения собственных нужд. Имущественное состояние юрюка измеряется количеством имеющегося у него скота.

Частной собственностью у юрюков является не только скот, но и дом на зимовках и участок при доме. Турецкие источники отмечают появление в последние десятилетия среди некоторых юрюков обычая огораживать свой двор, чего раньше не было.

Если современные наблюдатели жизни юрюков прямо говорят о частной собственности на скот и об имущественном неравенстве по линии владения скотом, то о поземельных отношениях они говорят иное. Они отмечают, что род или часть рода коллективно владеют пастбищем. Это так раз и есть та фикция в форме патриархально-родовых святей, которая прикрывает реальные классовые отношения между владельцами крупных стад, с одной стороны, и малоимущими и неимущими юрюками, с другой.

Как уже было сказано, кочевой единицей у юрюков является община, состоящая из 10—15—20 семейств и представляющая собой часть рода. Каждому общине отводится определенный район для кочевания. При наличии имущественного неравенства, определяемого количеством скота, реальные отношения складываются таким образом, что «родовое» пастбище фактически используется тем, кто владеет крупным стадом, т. е. родовой знатью, которая и распоряжается пастбищем. Чем больше ограничивается площадь пастбищ, тем хуже становится положение масс юрюкской бедноты. В последние годы раздаются массовые жалобы со стороны юрюков на недостаток пастбищ.

Каков характер социальных отношений, существующих между эксплуататором и эксплуатируемыми массами в среде юрюков?

Этот кардинальный вопрос турецкими источниками затрагивается очень слабо. В общих чертах на него можно ответить, лишь касаясь сферы скотоводства.

Этнограф К. Гюнгёр указывает, что пастухи, ухаживающие за стадами своих сородичей — крупных скотовладельцев, получают от них питание и определенную часть приплода. Встречается, по его словам, и оплата пастухов деньгами, помимо питания⁵³. Другой этнограф, Абдүлкадир, указывает, что у кочевых племен пастухи получают за свой труд животными, а не деньгами, как принято оплачивать пастухов у оседлых жителей⁵⁴. Преобладает натуральная оплата. Перед нами полупфеодальная, издольная система эксплуатации, которая, вероятно, выступает даже под видом «помощи», якобы оказываемой богатым своему бедному сородичу. Мы полагаем, что в последние десятилетия этот способ эксплуатации должен был принять все более широкие размеры в связи с прогрессирующим ухудшением положения масс кочевников-скотоводов. Так, в населенной юрюками-скотоводами деревне Чешмели Зебир число овец сократилось за 30 последних лет с 30 000 голов до 10 000, быков — с 1500—2000 до 300—500 голов. Резко сократилось

⁵³ Kemal Güngör, Указ. соч., стр. 44.

⁵⁴ Abdülkadir, Указ. соч., стр. 18.

число верблюдов, использовавшихся ранее для перевозок. Верблюдов даже стали резать на мясо. Как объясняют юрюки, главная причина столь резкого сокращения стада — недостаток пастбищ⁵⁵. Насколько плохо обеспечены широкие массы скотом, видно на примере племен айаш. На 100 палаток и 790 душ у них имелось всего 3800 голов мелкого рогатого скота, 150 верблюдов и 15 лошадей; другими словами, на каждую семью-палатку в среднем приходилось лишь по 38 голов мелкого рогатого скота. Если же учесть, что большее количество всего поголовья сосредоточено в руках племенной знати, то доля остальных окажется совсем ничтожной, что свидетельствует о наличии большой массы бедноты в названном племени.

Еще один характерный пример. В 1946 г. в районе гор. Акшехир группа юрюков в 10 палаток пасла скот, принадлежавший жителям деревни Текке, и собственных коз. Этих коз у них было всего 120 голов, т. е. в среднем по 12 голов на палатку. Такое ничтожное количество означает нищету.

Конечно, не у всех племен положение одинаковое. Так, в племенах бойунинджели на одну семью-палатку приходится примерно 93 головы мелкого рогатого скота. Но опять-таки если учесть, что племенная верхушка располагает крупными стадами, доля основной массы окажется совсем небольшой.

Наличие у скотовода-кочевника или полукочевника всего лишь 3—4 десятков овец означает, что этот скотовод бедствует и находится в кабале у племенной знати. Из материалов обследования курдских племен, предпринятого в России еще в конце прошлого века, видно, что даже наличие у семьи скотовода 100 овец позволяет ей лишь сводить концы с концами, да и то при условии приработка на стороне примерно в 25% от общей суммы дохода⁵⁶.

Следует отличать издольщика скотовода-кочевника от издольщика земледельца (оседлого). Кочевник не обладает той, хотя и относительной, свободой, какой располагает оседлый. Кочевник-скотовод опутан еще сетью родовых пережитков, которые на деле превращают его в жизненного раба богатого сородича — крупного скотовладельца.

Предполагая рост полуфеодально-издольного способа эксплуатации обедневших кочевников и полукочевников родовой знатью (с указанной выше поправкой), мы не можем, однако, из-за отсутствия фактического материала, сказать, является ли этот способ сейчас главным среди других форм эксплуатации.

Надо полагать, хотя турецкие источники об этом умалчивают, что у турецких племен, как и у других кочевников-скотоводов, существуют такие методы скрытой эксплуатации и использования родовых пережитков, как «взаимопомощь», совместный выпас стад богатых и бедных в пределах одного оба или родовой группы, причем, конечно, бедные сородичи обслуживают стада богатых и т. п.

Вполне вероятно, что сохранилась еще и феодальная эксплуатация главами родов и племен низов путем обложения их рядом повинностей, в частности, по выпасу скота и по обработке полей. (Выше мы отмечали факт сбора вождем одного племени налогов со своих соплеменников.) При всех этих методах эксплуатации знать использует родовые пережитки как своеобразную форму «внеэкономического принуждения».

Из-за отсутствия необходимых данных мы лишены возможности сказать что-либо о производственных отношениях в области земледелия. Мы полагаем, что родовая знать и здесь использует родо-племенные пережитки для эксплуатации своих соплеменников феодальными и полufeодальными методами.

⁵⁵ W. Ruben, Указ. соч., стр. 379.

⁵⁶ О. Л. Вильчевский, Экономика курдской кочевой общины во второй половине XIX века, «Советская этнография», 1936, № 4—5, стр. 152.

Проникновение товарно-денежных отношений в среду юрюков породило зачатки капиталистической эксплуатации, классовые отношения сложились, появились торговцы-агенты иностранных капиталистических и местных капиталистических компаний, с одной стороны, и бедняки, лишенные скота и какого-либо имущества, вынужденные наниматься в пастухи — с другой. Появилась и денежная форма оплаты таких пастухов.

Процесс классового развития юрюков еще не отстоялся, но они давно уже представляют собой сложившееся классовое общество, и классовая ткань этого общества уже отличается пестротой. На одном полюсе — родоплеменная знать, феодалы и полуфеодалы — владельцы крупных стад и фактически владельцы пастбищ и пахотной земли и немногочисленные пока торговцы, на другом полюсе — уже тоже неоднородная по своему социальному составу масса юрюков, среди которых имеются и середняки, обладающие стадом, достаточным для удовлетворения их примитивных потребностей, малоимущие и совсем лишенные имущества; из последних двух групп комплектуются пастухи, отходники, слуги родовой знати и т. п.

Указанные классовые отношения сочетаются и переплетаются с сохранившимися и живучими родо-племенными пережитками, используемыми и консервируемыми родо-племенной верхушкой в целях эксплуатации массы сородичей и соплеменников и идеологического воздействия на них. Главной причиной живучести этих пережитков является преобладание в экономике кочевого и полукочевого скотоводства и сохранение в основном натурального характера хозяйства. Марксизм учит: «Чем более самый способ производства соответствует старинным традициям... чем меньшим изменениям подвергается *действительный процесс* присвоения, тем устойчивее старые формы собственности, а следовательно, и коллектив вообще»⁵⁷.

В. И. Ленин в своем докладе о продовольственном налоге 9 апреля 1921 г. говорил о существовании тогда в Советской России пяти «различных систем или укладов, или экономических порядков»; первым из них, считая снизу, Ленин назвал патриархальное хозяйство и дал ему следующую четкую характеристику: «патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом, или полукочевом»⁵⁸.

В речи на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г., касаясь того же вопроса о пяти укладах и перечисляя «основные элементы хозяйственного строя России», Ленин, начав с характеристики патриархального хозяйства, сказал о нем: «патриархальная, т. е. наиболее примитивная форма сельского хозяйства»⁵⁹.

На связь родового быта с кочевым скотоводством указывал товарищ Сталин. На X съезде РКП(б) И. В. Сталин, характеризуя социально-экономические особенности некоторых народностей Советского Востока в тот период, отметил: «Затем, есть третья группа, обнимающая не более 6 миллионов, — это по преимуществу скотоводческие племена, где родовой быт еще жив и которые еще не перешли к земледельческому хозяйству. Это, главным образом, киргизы, северная часть Туркестана, башкиры, чеченцы, осетины, ингуши»⁶⁰. В тезисах к X съезду РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» товарищ Сталин также говорил об упомянутых народностях как о «сохранивших в боль-

⁵⁷ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Госполитиздат, 1940, стр. 28.

⁵⁸ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 32, 4-е изд., стр. 272—273.

⁵⁹ В. И. Ленин, *Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции*. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. *Соч.*, т. 33, стр. 381.

⁶⁰ И. В. Сталин, *Соч.*, т. 5, стр. 47.

шинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт»⁶¹.

Наряду с этим И. В. Сталин говорил о наличии окраин, «не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодалного быта (Азербайджан, Крым и др.)»⁶². Эти окраины товарищ Сталин относил ко второй группе⁶³, более высокой по уровню социально-экономического развития, чем третья группа.

Указания В. И. Ленина и И. В. Сталина имеют неоценимое методологическое значение при изучении кочевых и полукочевых обществ.

Следуя этим указаниям, базируясь на железном фундаменте марксистско-ленинской методологии, советские ученые сделали крупный вклад в изучение кочевых обществ.

Как мы показали, хозяйство юрюков представляет собой кочевое, полукочевое, «в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство» (Ленин); юрюки сохранили «в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт» (Сталин). Наряду с этим в социальных отношениях юрюкских родов и племен мы видим и полупатриархальные методы эксплуатации. Поэтому социально-экономические отношения, господствующие среди юрюков в настоящее время, мы определяем как полупатриархально-полупатриархальные. Эти отношения тесно переплетаются с пережитками родо-племенных отношений.

Возможно, что среди отдельных племен, сохранивших еще кочевой характер, не знающих или почти не знающих земледелия и очень мало связанных с рынком, отношения ближе к патриархально-родовым. Но таких племен, во всяком случае, немного, и они не меняют общей картины.

Маркс, отмечая особую живучесть «азиатской формы» общинного строя и указывая условия, вызывающие его разрушение, писал:

«Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежнем ладе, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее установленных объективных условиях. Само производство, род населения (а он тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-по-малу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить и т. д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан. Всего упорнее всего дольше неизбежно держится азиатская форма. Это заложено в ее предпосылке: в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине, что объем производства рассчитан только на обеспечение собственного существования, что земледелие и ремесла связаны воедино и т. д. Изменяя свое отношение к общине, отдельный человек изменяет тем самым общину и действует на нее разрушающе точно так же он действует и на ее экономическую предпосылку; с другой стороны, происходит изменение этой экономической предпосылки вызванное ее собственной диалектикой, обеднение и т. д.»⁶⁴.

Кочевая и полукочевая община юрюков, подвергаясь воздействию вскрытых марксистско-ленинской наукой законов развития общества также разрушается, но этот процесс протекает крайне медленно. В числе препятствий, мешающих этому процессу в настоящее время, мешающих отдельному юрюку изменить «свое отношение к общине» и тем самым «изменить саму общину», главным является господствующий в современной Турции реакционный режим.

⁶¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 25.

⁶² Там же.

⁶³ См. там же, стр. 47.

⁶⁴ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Гослитиздат, 1940, стр. 18.

Реакционная политика турецкого правительства в отношении племен

Первым неперенным условием прогресса юрюков является их оседание на землю. Однако крупнейшим и основным препятствием к этому является пропомещичья и прокулацкая аграрная политика самого турецкого правительства, вследствие которой турецкие помещики не только сохранили нетронутыми свои поместья, но и расширили, вместе с кулаками, свои земельные владения за счет крестьян.

14 июня 1934 г. был принят закон «О поселении и наделении земель иммигрантов и племен». По этому закону предполагалось раздать землю кочевникам и полукочевникам за выкуп. Стоимость земли должна была быть погашена в течение 20 лет, начиная с девятого года поселения. Закон предусматривал предоставление каждой семье надела размером от 3 до 9 га и больше в зависимости от качества земли и количества членов в семье⁶⁵.

Турецкое правительство заинтересовано в оседании кочевников, чтобы крепче прибрать их к рукам, привлечь к уплате налогов, к исполнению воинской повинности⁶⁶, сделать их более покорными и т. д. Но его собственная политика является крупнейшим препятствием к оседанию кочевников. Упомянутый закон, разрекламированный кемалистскими властями, остался на бумаге. Уже в ноябре 1934 г. министр внутренних дел признал в меджлисе, что правительство не располагает ни необходимым земельным фондом, ни денежными средствами для его реализации. Трогать крупных земельных собственников оно, конечно, не намеревалось. Сами же условия приобретения земли, предусмотренные законом, для основной массы юрюков совершенно неприемлемы.

Закон 1934 г., предусматривавший наделение за выкуп земель кочевников и полукочевников, имел в виду не только и даже не столько турок-кочевников, сколько курдов. Последние неоднократно восставали против кемалистского режима, проводящего по отношению к ним политику насильственной ассимиляции и даже физического уничтожения. В Турции насчитывается 2—2,5 млн. курдов, подавляющая часть которых ведет полукочевой, а частично и кочевой образ жизни.

За время с июля 1934 г. до мая 1938 г. по официальным турецким данным, получили землю за выкуп всего лишь 7 886 семейств кочевников, а полученная ими земля составила всего около 13 000 га⁶⁷. Если иметь в виду общую численность кочевников курдов и турок, то ясно, что приведенные данные свидетельствуют о полном провале кемалистской политики в отношении племен. Последние продолжали попрежнему подвергаться все большему ограблению со стороны владельцев пастбищ и полей.

Площадь пастбищ, издавна находившихся в распоряжении юрюков, непрерывно сокращается. Многие племена уже давно не имеют собственных пастбищ и арендуют их у крупных землевладельцев, либо у «советов старейшин» деревень.

Как указывает Али Рыза, юрюки постоянно жаловались ему на то, что советы старейшин (административный орган в турецких деревнях, возглавляемый ставленником властей — мухтаром, т. е. старостой) их грабят, взимают с них большие сборы за пастбища, а взамен даже не

⁶⁵ Ömer Celâl, Указ. соч., стр. 103.

⁶⁶ Принятый в 1938 г. закон о привлечении кочевников к несению воинской службы обещает прощение всем кочевникам, не явившимся на призыв, и дезертирам. Это говорит о том, что до сих пор кочевник питает отвращение к службе в турецкой армии.

⁶⁷ «Türkiye cümhuriyetin on beşinci yıl kitabı», стр. 402.

дают квитанции⁶⁸. Так как староста и советы старейшин в деревнях состоят из кулаков, то становится ясным, кто на деле грабит кочевников. Понятно, что страдает трудовая масса племен, а не знать, которая с лихвой возмещает отданные за пастбища деньги эксплуатацией своих соплеменников.

Сборы, взимаемые деревенскими кулаками, бывают иногда столь велики и непосильны для юрюков, что они вынуждены часто отказываться от летовок, к которым они привыкли в течение десятилетий, и искать другие.

Али Рыза рассказывает, что летом 1928 г. на описанной ранее летовке — Ючкапылы он обнаружил полное запустенье и безлюдье. Он шел лишь 3—4 оба со своими стадами. Причиной этого запустенья были высокие сборы с юрюков, которые потребовали советы старейшин окружающих деревень⁶⁹. Между тем юрюки издавна использовали эти янды как пастбища, но не обладали никакими документами, подтверждающими их права. Захват пастбищ, давно используемых юрюками, частое явление. Обычно перед наступлением лета на летовках захватывающей источник воды. Прикочевывавшие племена оказываются перед совершившимся фактом и вынуждены платить столько, сколько с них требует совет старейшин. Иногда условия бывали настолько невыносимыми, что юрюки были вынуждены распродавать свой скот, а сами искать работы.

Проф. Рубэн, посетивший юрюков на их летовках в районе г. Акшира, пишет: «В числе жалоб, с которыми к нам обращались юрюки была жалоба на то, что в последнее время сильно приблизились друг к другу границы кочевков; и по этой причине очень трудно найти пастбища для перекочевки и пастбища»⁷¹.

Все растущая нехватка пастбищ приводит к усилению эксплуатации юрюкских низов родовой знатью, фактически распоряжающейся «родовыми» пастбищами. Отсюда и сокращение стада, рост обнищания рядовых сородичей, отходничество и пр.

Годы кемалистского господства характеризуются общим ухудшением экономического положения племен в целом; на это жалуются в племена.

Действительно, непосредственные наблюдатели жизни юрюков второй половине XIX в. отмечали, что на фоне общего уровня жизни широких крестьянских масс в Османской империи юрюки жили в сравнительном достатке и не знали нищеты крестьянского населения⁷².

При кемалистском режиме положение юрюков ухудшилось. Они потеряли значительную часть своих пастбищ, им приходится теперь платить высокую арендную плату за зимовки и летовки, причем эта плата растет из года в год⁷³; поголовье стада у юрюков, как мы показали выше, сокращается, доходы от продажи продуктов скотоводства падают.

Для юрюков чрезвычайно обременителен налог на скот. Даже турские экономисты не могут скрыть того факта, что этот налог разорителен для скотоводов. По данным одного из них, Ахмеда Хамди, в 1930 налог на овцу составлял 50—60% рыночной стоимости самой овцы.

В «нормальные», не кризисные годы положение скотоводов было намного лучше. Один только налог забирал 28% чистого дохода⁷⁵. Ко

⁶⁸ Ali Rıza, Указ. соч., вып. III, стр. 18.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Ali Rıza, Указ. соч., вып. 3, стр. 18.

⁷¹ W. Ruben, Указ. соч., стр. 379.

⁷² Luschan, Wandervölker Kleinasien, стр. 170; A. D. Mordtmann, Anatolien, Skizzen und Reisenbriefe aus Anatolien, 1925, стр. 26.

⁷³ Seref Nuri Ilkmen, Türkiye vergi sisteminde hayvanlar vergisi, Ankara, 1943, стр. 68.

⁷⁴ Ahmet Hamdi, İktisadi devletcilik, Cilt I, Ist., 1931, стр. 147.

⁷⁵ Seref Nuri Ilkmen, Указ. соч., стр. 68.

е того, скотоводы терпят много лишений из-за низких цен на продукты скотоводства и высоких цен на промышленные товары.

От реакционной аграрной политики турецких правящих кругов страдает, понятно, не племенная знать, а массы юрюков, которые все больше пауперизируются и вынуждены все чаще прибегать к «помощи» своих богатых сородичей. Эта политика, направленная лишь на удовлетворение интересов помещиков и кулаков, лишает турецких крестьян возможности получить землю и орудия труда и избавиться от крепостнической эксплуатации. Эта же политика приводит к замедлению темпов изживания родо-племенных пережитков у юрюков, к задержке их социально-экономического прогресса; она развязывает руки кулакам и обеспечивает им возможность безнаказанно грабить трудовые массы юрюков; эта политика лишает юрюков пастбищ и земель для оседания и делает их зависимыми от крупных помещиков — владельцев пастбищ и от своей собственной племенной знати.

Таким образом, в современной Турции отсутствуют условия, необходимые для быстрой ликвидации сохранившихся среди юрюков родо-племенных пережитков и перехода от полуфеодальных-полупатриархальных отношений на более высокую ступень социально-экономического развития. Эти условия будут созданы лишь с освобождением всего турецкого народа от власти обанкротившейся турецкой реакции, когда турецкий народ возьмет свою судьбу в собственные руки.

Блестящий тому пример — исторический опыт Советского Союза.

Великие социальные преобразования, осуществленные коммунистической партией под руководством вождей революции В. И. Ленина и И. В. Сталина, реализация ленинско-сталинской национальной политики обеспечили отсталым в условиях царской России народам, при большой бескорыстной помощи великого русского народа, быстрый прогресс в чрезвычайно короткие сроки. Народы, быт которых товарищ Сталин еще в 1921 г. характеризовал как полупатриархальный-полуфеодальный или феодально-патриархальный и патриархально-родовой, в течение лишь нескольких лет, минуя капиталистический путь развития со всеми сопутствующими ему бедствиями и тяжелыми испытаниями для широких народных масс, добились поразительного экономического и культурного расцвета на путях социализма и вместе со всеми другими народами Советского Союза строят теперь коммунистическое общество.

Этот великий пример Советского Союза вдохновляет отстающие в своем развитии народные массы за рубежом, в том числе и турецкие, в борьбу с главным препятствием, стоящим у них на пути, — со своими и чужеземными эксплуататорами и указывает им путь, по которому следует пойти, чтобы добиться всестороннего расцвета.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. Е. ГУСЕВ

ГЕРЦЕН И НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

В истории науки о народном творчестве имя А. И. Герцена обычно упоминается. Единственная статья, стремящаяся осветить отношение Герцена к фольклору, — статья М. К. Азадовского «Русские просветители и народная песня»¹ ставит вопрос односторонне (она рассматривает лишь высказывания А. И. Герцена о песне) и содержит некоторые положения, с которыми согласиться нельзя (на них будет указано далее).

Настоящая статья является поэтому первой попыткой привести систему воззрения Герцена на народную поэзию и выяснить его роль в истории русской фольклористики, а отчасти, в истории русской этнографии.

* * *

С народной поэзией Герцен познакомился в детские годы. Сам Герцен говорит: «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа — были моей колыбельной песнью, детскими сказками»². В устах няни Герцена — старой крестьянки Веры Армоновны — эти рассказы приобретали именно народно-поэтическую, сказовую форму — это была подлинная народная поэзия, вырастающая из народной жизни. Думается, это и хотел сказать Герцен, называя их своей «колыбельной песнью», детскими сказками». Рассказы нравились вкусу Герцена к реалистической народной поэзии.

Трудно себе представить, чтобы Герцен в детстве и отрочестве слышал также увлекательных народных рассказов и песен и в девичьем доме, где он постоянно проводил время, сдружившись с дворовыми своего отца. В «Былом и думах» Герцен достаточно ясно рассказал о наблюдениях, какие он вынес уже из девичьей и передней «старого дома» в Москве.

Лето 1828 г. Герцен проводит в подмосковной отца с. Васильевском. Из писем к двоюродной сестре Т. П. Кучиной можно видеть, что эстетические взгляды Герцена складывались не только под влиянием прочитанных книг, но также и под впечатлением от родной природы, в

¹ Известия АН СССР. Отдел лит. и яз., т. IX, вып. 6, 1950. До этого некоторые положения, развитые М. К. Азадовским в названной статье, были в общей форме высказаны им в работе «Фольклоризм Лермонтова» (Литературное наследство, 43).

² А. И. Герцен, Былое и думы, Л., 1946, стр. 11. Ниже все цитаты из «Былого и дум» приводятся по этому изданию.

юрюю свободно и естественно вливалась русская песня: «...Я встаю рано, открываю окно и смотрю, и дышу или ухожу в лес... Иногда лежу с книгой на горé, и как привольно мне на ней! Передо мной бесконечное пространство, и мне кажется, что эта даль — продолжение меня... Мужик идет из дальней пустоши и громко стелется его заунывная песня, и издали слышны его шаги»³. Примечательно, что уже в этом письме Герцена сочетается упоминание о приволье русской природы и з а у н ы в н о й песне мужика.

Там же, в с. Васильевском, шестнадцатилетний Герцен слушает распространенные в народе легенды о курганах и кладях: «Версты полторы за оврагом есть старинные курганы, неизвестно кем и на чьих могилах насыпанные..., — пишет он Т. П. Кучиной. — В народе ходит слух, что там находятся ржавые вещи, которые принадлежали какому-то единственному народу»⁴. Показательно, что если о заунывной песне мужика Герцен пишет с лирическим воодушевлением, то в передаче тайнственных подробностей народных легенд слышится скептицизм. Приведенные письма содержат ценное свидетельство того, что интерес Герцена к народной поэзии развивается в реалистическом направлении.

В студенческие годы Герцен продолжает выезжать на лето в с. Васильевское (1830, 1831 и 1832 гг.); во время этих пребываний в деревне Герцен имел возможность ближе наблюдать жизнь крестьян, слушать их рассказы и «песни крестьянок, идущих с поля»⁵.

Арест и ссылка Герцена — новый важный этап в его жизни. Находясь в ссылке, томясь по Москве, по близким, Герцен пишет знаменательные строки своей невесте Н. А. Захарьиной: «...Я люблю Москву, в ней я вырос... Впрочем, ежели будет нужда, будет польза, я готов ехать хоть в Камчатку, хоть в Грузию, лишь бы в виду было принести какую-нибудь пользу родине»⁶. Это патриотическое желание Герцен стремится удовлетворить, будучи в ссылке. Он много сил, в частности, отдает изучению местного края, народного быта, народной поэзии.

Краеведческие и этнографические интересы молодого Герцена — естественное и закономерное следствие его свободолюбивых устремлений. Герцен глубоко осознал важность изучения народной жизни во всех ее проявлениях.

В письмах Герцена 1835—1841 гг. встречаются упоминания о песнях и сказках. Он цитирует песенный вариант незадолго до этого написанной «Тройки» Ф. Глинки («Ах люди, люди, люди злые, Вы их разрознили...») ⁷, с добродушным юмором описывает сторожа Терентьевича, запевавшего под хмельком песню «Сватался за девушку саратовский купец»⁸. В письме к Белинскому из Новгорода он характеризует свою жизнь, пользуясь словами солдатской песни: «О службе я ничего не могу сказать ни умнее, ни национальнее, как напомним два стиха из солдатской песни:

Нам ученье — ничего,
Впрочем, очень тяжело»⁹.

Эта цитата весьма характерна. Письма Герцена как бы пунктиром отмечают круг хорошо известных тогда Герцену песен — крестьянских, солдатских, ямщицких, как родившихся в народе, так и литературного происхождения. Особенно замечательно восприятие Герценом сказок в этот период — он ищет в них отражения свободолюбивых настроений

³ Полное собрание сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке, т. I, стр. 25. Все страницы в дальнейшем указываются по этому изданию.

⁴ Соч., т. I, стр. 26.

⁵ «Былое и думы», стр. 39.

⁶ Соч., т. I, стр. 106.

⁷ Соч., т. I, стр. 177.

⁸ Там же, стр. 182.

⁹ Соч., т. II, стр. 469—470.

народа, созвучных своему собственному состоянию. В письме Н. А. Захарьиной от 28 апреля 1837 г. Герцен пишет. «Часто, смотря на толпу мне приходит в голову та простонародная сказка, где царевич засмолев в бочку и брошен в Море - Окиян. Царевич стал расти — тесно ему в бочке, он и просит дозволения ноги протянуть. «Да, ведь, ты потянешь, добрый молодец!» — «Нужды нет, — отвечал он, — лишь бы потянуться: лучше тонуть в океане, нежели, скорчившись, жить в бочке». Я совершенно согласен с этим царевичем»¹⁰.

Интерес к народной поэзии органически сочетается у Герцена с этнографическими работами. Назначенный на работу в Вятский губернский статистический комитет, Герцен значительно расширяет официальную программу деятельности Комитета, предусмотренную правительственным постановлением от 20.XII.1834 г. Вместо сбора различных нелепых сведений, которые Герцен высмеял в «Былом и думам»¹¹, он предпринимает несколько поездок в конце 1836 г. и в начале 1837 г. по Вятской губернии для наблюдений над жизнью и нравами местного населения.

Результатом этих поездок явилась «Статистическая монография о Вятской губернии», состоявшая, по предположению М. К. Лемке, из двух тетрадей, впоследствии утерянных¹². Судя по опубликованным в «Прибавлениях к Вятским Губернским ведомостям» двум отрывкам из этой монографии¹³, она носила этнографический, а отнюдь не статистический характер.

Этнографические очерки Герцена, как предполагает М. К. Лемке, были написаны в мае 1837 г., но представлены в Статистический комитет в декабре 1837 г.¹⁴ Небольшая статья «Вотяки и черемисы», извлеченная из рукописи Герцена, была опубликована в январе 1838 г. Эта ранняя работа Герцена представляет несомненный интерес. Она явилась попыткой описать угнетенные царизмом народности, привлеченные к ним вниманием и сочувствием. Герцен касается истории племен и более подробно сообщает этнографические сведения о каждом племени отдельно. Он описывает тип построек у вотяков, религиозные верования и обряды, подчеркивая связь последних с производственной деятельностью (они «сообразны с началом и окончанием посева, жатвы и покоса»¹⁵), характеризует песни вотяков, отмечая в них «то же попечение об одном насущном хлебе» и указывая, что «большая часть их песен суть импровизации»¹⁶, дает краткое описание жертвоприношений, похоронных и свадебных обрядов у черемисов, описывает мужской и женский наряды обоих народов. Статья Герцена имела большое познавательное значение для своего времени.

Методологические принципы Герцена в корне противоположны методологии мифологической школы. Герцена интересует современное состояние культуры народа и ее зависимость от условий жизни, от производственной деятельности. Ту же зависимость быта народа от исторических, экономических и географических условий Герцен подчеркивает в другой статье «Русские крестьяне Вятской губернии», опубликованной без подписи в «Прибавлениях» № 7 за 1838 г. Здесь Герцен стремится выяснить своеобразие быта вятских крестьян, объясняя его специфическими местными условиями; в связи с этим он подробно останавливается на описании типа местных построек «архитектуры изб».

¹⁰ Соч., т. I, стр. 414—415. Впоследствии эту сказку Герцен вспомнит еще раз, процитирует в статье «Русский народ и социализм» (см. ниже).

¹¹ «Былое и думы», стр. 131—132.

¹² См. Соч., т. I, стр. 536.

¹³ Соч., т. I, стр. 422—426 и «Литературное наследство», № 39/40, стр. 182—183.

¹⁴ См. «Литературное наследство», № 39/40, стр. 182.

¹⁵ Соч., т. I, стр. 424.

¹⁶ Там же.

М. Лемке и И. Луппов опровергли предположение о том, что Герцену принадлежат и другие статьи этнографического характера, опубликованные в «Прибавлениях к Вятским Губернским ведомостям» в 1838 и 1839 гг.¹⁷ Однако вне всякого сомнения факт появления этих статей в «Прибавлениях» связан с деятельностью Герцена. Большую роль сыграла здесь организация Герценом этнографической выставки, которой Герцен посвятил много времени и энергии («...выставка вся на моей шее»¹⁸, — пишет он невесте). Выставка была открыта 18 мая 1837 г. Подготовка к выставке, разъезды Герцена по губернии пробудили среди местной интеллигенции краеведческие интересы. Очевидно, Герцен поощрял своих знакомых к написанию статей.

Появление статьи Герцена в № 1 и 3 «Прибавлений» за 1838 г. стимулировало корреспондентов, а возможно, что материалы поступили Герцену раньше и он передал их перед отъездом во Владимир вместе со своей «монографией» в «Губернские Ведомости» в декабре 1837 г. Так или иначе роль Герцена очевидна и подтверждается его собственным признанием: «Я уже в Вятке поставил на ноги неофициальную часть «Ведомостей»¹⁹.

На страницах «Прибавлений» после статьи Герцена «Вотяки и черемисы» появляется целая серия краеведческих статей: «Предание о Елибужском Чортовом городище» (1838, № 4), «О промышленности города Нолинска» (1838, № 5), «Вотяцкие молитвы» (1838, № 5 и 10), «Географическое описание Вятской губернии» (1838, № 10 и 11). «Статистическое описание г. Нолинска» (1838, № 13 и 15).

Герцен положил в Вятке начало изучению жизни и быта местного населения.

Опыт проведения этнографической работы в Вятской губернии чрезвычайно пригодился Герцену во Владимире, где он был официально назначен редактором «Владимирских Губернских Ведомостей». Здесь Герцен становится подлинным организатором широкой этнографической деятельности.

В № 16 и 17 «Прибавлений» за 1838 г. Герцен публикует специальную «Программу сообщений для составления общих заключений о губернии». Статья обращена к «членам-корреспондентам Статистического комитета», а также ко «всем, занимающимся статистикой и историей Владимирской губернии»²⁰. Однако ссылка на Статистический комитет явилась для Герцена удобным поводом для организации этнографической работы; «Программа» Герцена ничего не имеет общего с инструкцией для Статистического комитета, составленной самим Герценом на основании правительственных указаний еще в Вятке²¹; Герцен решается гласно отступить от требований правительственного постановления, что он делал негласно в Вятке. «Программа» Герцена является замечательным документом, свидетельствующим о том, как глубоко он понимал уже тогда задачи этнографической науки. В «Программе» несколько разделов: 1) «О быте народном», 2) «Исторические памятники»; 3) «Торговля» (включает вообще всю производственную деятельность местного населения); 4) «Сведения физические» (география, флора, фауна). В разделе «О быте народном» Герцен указывает на связь истории, быта и народной поэзии, на значение народной поэзии для изучения народного быта: «Самые праздники и обычаи ведут иногда к историческим открытиям, это — буквы, из которых складывается речь о народном быте, а в этой речи имеют место и песни, которую поет крестьянин, и преда-

¹⁷ Соч., т. I, стр. 536; «Литературное наследство», 39/40, стр. 182.

¹⁸ Соч., т. I, стр. 421.

¹⁹ «Былое и думы», стр. 162.

²⁰ Соч., т. II, стр. 183.

²¹ Инструкция опубликована в «Литературном наследстве» № 39/40, стр. 172—181.

ние, которое рассказывает старик внукам своим»²². Изучение народной поэзии, по мысли Герцена, должно проводиться в связи с этнографическими и историческими изысканиями.

Замечательно указание Герцена об изучении не только сельского, но и городского быта: «...среднее сословие имеет свои отличительные черты в каждом городе: повторяем, ничего не должно пропадать из быта народного»²³. Ту же мысль Герцен проводит и в разделе «Торговля»: «Все значительные заводы и фабрики имеют право на подробное описание: сверх того, чрезвычайно важны сведения о ремеслах». Эти требования выясняют широкий интерес Герцена к различным слоям населения, указывают на отсутствие у него той односторонности, которая характеризовала дореволюционную русскую этнографию, сосредоточившую внимание почти исключительно на сельской России.

«Программа» Герцена вызвала живой интерес у читателей, в газету поступают материалы, запросы. Герцен считает необходимым уточнить некоторые требования. Некоторые выражения в «Программе» могли быть поняты как советы изучать лишь исторические факты народной жизни. Однако, как это было видно, Герцена интересовало современное состояние быта. Поэтому он в № 6 «Прибавлений» за 1839 г. в статье «От редакции» комментирует свою «Программу», подчеркивает необходимость изучения современного живого быта народного, явно противопоставляя свое требование западноевропейской и отечественной мифологической науке: «Повторяем свои слова (№ 16 за 1838 г.), что все подробности о быте горожан или сельских обывателей суть драгоценные буквы, из которых слагается речь быта народного. Ныне во всей Европе с величайшим вниманием собираются малейшие частности быта простого народа, в котором преимущественно сохранились и поверья и предания древности... Г. Сахаров занял у нас почетное место в числе литераторов, рассказывая обычаи наших предков; но не одни обычаи былых времен важны, с ними рядом стоят и настоящие обряды, которыми сопровождает народ важнейшие события своей жизни, как свадьбы, похороны»²⁴ (подчеркнуто мной. — В. Г.).

Указанные статьи Герцена, намечавшие совершенно новые принципы этнографической деятельности и изучения народной жизни, имели большое методологическое значение; они интересны так же, как попытка придать этнографической работе широкий размах, привлечь к ней большое количество людей, как попытка превратить науку из занятий узкой касты ученых-специалистов в дело широких кругов интеллигенции, сделать науку достоянием публики, используя для этой цели газету. Герцен пишет в связи с этим: «И потому не только мы имеем право сообщить читателям подробности об обычаях нашей губернии, но это даже есть одна из существеннейших польз, одна из важнейших отраслей губернской газеты»²⁵. Ясно, что при этом Герцен исходил отнюдь не из академических соображений: подчеркивая, что «ничего не должно пропадать из быта народного», Герцен стремился, насколько это было возможно, дать широкую картину народной жизни, познакомиться ближе самому и познакомить других с народом; это был необходимый этап революционно-просветительской деятельности Герцена. Однако необходимо отделять эту положительную революционно-демократическую направленность этнографической деятельности Герцена от его идеалистического, ошибочного взгляда на русскую общину, приведшего Герцена

²² Соч., т. II, стр. 183.

²³ Там же.

²⁴ Соч., т. II, стр. 241.

²⁵ Там же. Материалы об этнографической деятельности Герцена см. также в «Прибавлениях к Владимирским Губернским Ведомостям», № 15, 33, 41—43, 50 за 1838 г. Любопытно отметить, что статья Герцена «Вотьяки и черемисы» была перепечатана в «Журнале Министерства Внутренних Дел» (1838, № 4).

к теории «русского», «мужицкого» социализма, блестяще охарактеризованного Лениным в статье «Памяти Герцена».

Свои наблюдения над народным бытом и народной поэзией Герцен продолжает и в Новгороде, о чем свидетельствует его запись в июньском дневнике 1842 г.: «Я часто смотрю из окон на бурлаков, особенно в праздничный день, когда, подгулявши, с бубнами и песнями, они едут на лодке — крик, свист, шум: немцу во сне не пригрезится такого гулянья»²⁶.

Герцена привлекала удаля русского человека. Не случайно Герцен в письме Белинскому от 26.XI.1841 г. одобрительно отзываясь о подобном же наблюдении великого критика в статье о «Древних российских стихотворениях» Кириши Данилова²⁷. Это письмо подтверждает, что Герцен читал в это время статьи Белинского о народной поэзии, которые, как известно, явились первым обобщением революционно-демократических взглядов на народное творчество и были направлены против реакционных взглядов на народную поэзию славянофилов. Отсутствие каких бы то ни было возражений в письмах Герцена свидетельствует о вполне естественной солидарности его со своим единомышленником.

Итак, в период ссылок Герцен имеет возможность близко познакомиться с народной жизнью, с народным бытом, с народной поэзией. Здесь уже у него складывается взгляд на народную поэзию как на один из элементов народной жизни, в котором проявляется народный характер, народная психология²⁸.

В следующие, ближайшие за ссылкой, годы мы не встречаем у Герцена никаких новых высказываний о народной поэзии. Интересы Герцена сосредоточились в это время на занятиях историей, философией, естественными науками, литературой, он принимает участие в общественно-политической борьбе против реакционеров и крепостников, против славянофилов и отчасти либералов, этих «друзей — врагов». Не подлежит сомнению, что наблюдения над народной жизнью и народной поэзией Герцен не прекращал и в эти годы, в особенности проживая продолжительное время в с. Покровском (12.VI—26.VIII.1843 г., 24.VI—10.IX.1844 г.) и в с. Соколово (июнь — сентябрь 1845 г., июнь — август 1846 г.).

Впоследствии, вспоминая эти годы и свою борьбу против славянофилов и либералов-западников, Герцен упрекал их именно в незнании народа. «...Панслависты просто не знали подлинного народа. Они... конструировали себе какой-то русский народ по данным, почерпнутым из Нестеровой летописи, не дав себе труда ознакомиться с той народностью, какая жила у их ног»²⁹. Герцен резко осудил схоластическое, книжное знакомство с народом, оторванное от современности, опрокинутое в прошлое. Такому «знакомству» он противопоставил изучение современного, живого быта народного. Аналогичное обвинение он обращает и против либералов: «Надо правду сказать, что либерализм нигде не отличался глубоким знанием народа... Он всегда довольствовался отвлеченным понятием о народе»³⁰. Отвлеченному понятию о народе Герцен мог противопоставить уже тогда конкретное знание народной жизни, которое и помогло ему потом ре-

²⁶ Соч., т. III, стр. 29.

²⁷ Соч., т. II, стр. 470.

²⁸ Подчеркивая материалистический и демократический характер взглядов Герцена на народную поэзию, нельзя обойти молчанием того факта, что под влиянием кратковременных и неглубоких религиозных настроений в этот период у Герцена в одной из дневниковых записей проскальзывает идеалистическое отношение к народной поэзии, противоречащее его основным убеждениям (см. Соч., т. III, стр. 32). Но оно не типично для Герцена. Возможно, что запись появилась под непосредственным впечатлением беседы с религиозно настроенной в это время Н. А. Захарьиной.

²⁹ Соч., т. IX, стр. 98.

³⁰ Соч., т. X, стр. 115.

шительно порвать с либералами. Изучение народа было для Герцена академическим занятием, а сознательным, практическим, революционным делом. Впоследствии он отчетливо формулировал свое убеждение: «Не зная народа, можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать его, но освободить нельзя»³¹.

Герцен мучительно переживал разрыв дворянской интеллигенции с народом, не раз подчеркивал, что отчужденность от народа была причиной поражения декабристов, что этим объясняются и все последующие неудачи и ошибки в революционной борьбе. Герцен, преодолевая свои либеральные заблуждения, понимал, что только народная революция может смести самодержавие и уничтожить ненавистный крепостнический строй. Герцен верил в неизбежность революции в России: «...антагонизм приведет к социальной революции и нет... такого бога, который мог бы отвести эту чашу от судьбы России»³². Поэтому «Герцен первый поднял великое знамя борьбы», «поднял знамя революции» (Ленин). Герцен отводил обвинения, направленные в его адрес, будто он терял веру в революцию; он утверждал, что в революцию играют, что революцию надо готовить, что революция рождается снизу и революционно настроенной интеллигенции надо быть готовой стать «штурманами будущей бури». «Оставьте революционную риторику и займитесь делом — обращался он к революционной молодежи. — Сплотитесь плотнее между собой, чтоб вы были сила, чтобы вы имели единство и организацию, соединяйтесь с народом»³³.

Исходя из революционной программы, Герцен и требует конкретного изучения подлинного народа. Одним из источников этого изучения и должна явиться, по мысли Герцена, народная поэзия. Поэтому главным, основополагающим тезисом во взглядах Герцена на народную поэзию надо считать тот, который содержится в его знаменитой работе «Развитии революционных идей в России»: «Стремления русского народа «не формулированы как теория, а существуют в народной жизни, в его песнях и легендах»³⁴ (подчеркнуто мной. — В. Г.). Герцен в народной поэзии ценил отражения «революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»³⁵.

* * *

В 1847 г. Герцен покинул Россию и вынужден был навсегда остаться за границей, чтобы служить делу революции в России, делу освобождения крестьян. Из любимой Москвы, «чтобы приносить... пользу Родине, пришлось выезжать не на Камчатку и не в Грузию, а на чужбину. «Заграничная жизнь для нас вовсе не *partie de plaisir*, а жертва огромная жертва, которую мы приносим нашему делу»³⁷, — писал Герцен. Он тяжело переживал разлуку с Родиной, с народом; Герцен писал о себе: «Я... заглушал на время мою кровную связь с народом, в которой находил так много отзывов, ... которого песнь и язык — моя песнь и мой язык»³⁸.

В годы эмиграции Герцен не раз уносится воспоминанием в родную страну; лирические задушевные признания любви к России, к русскому народу, к русской природе и русской песне врываются в его статьи

³¹ Соч., т. XV, стр. 181.

³² Соч., т. VI, стр. 325.

³³ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 15, 14.

³⁴ А. И. Герцен, Соч., т. XV, стр. 375.

³⁵ Соч., т. VI, стр. 305.

³⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 12.

³⁷ А. И. Герцен, Соч., т. XV, стр. 131.

³⁸ Соч., т. V, стр. 387.

памфлеты, письма. В своей известной статье «Крещеная собственность» Герцен признается: «С детских лет я бесконечно любил наши села и деревни... слушать заунывные песни, раздающиеся во всякое время дня, вблизи, вдаль»³⁹. В русской природе Герцен видит «что-то мирное, доверчивое, раскрытое, незащищенное и кротко грустное, что поется в русской песне, что кровно отзывается в русском сердце»⁴⁰. Как всегда у Герцена, русская природа, народ и песня неотделимы друг от друга.

Герцен рассказывал детям о незнакомой им России, рассказывал им сказки, пел с ними песни. В воспоминаниях современников сохранились свидетельства о любимых занятиях Герцена в свободное время. «Однажды после обеда Александр Иванович, особенно весело настроенный, вспомнил о своих московских развлечениях и предложил спеть хором русскую песню. Все мы, не исключая детей, уселись на ковре в два ряда, лицом одни к другим, изображая таким образом лодку и затанули как умели «Вниз по матушке по Волге»⁴¹. Описанное событие относится к 1856 г. Панаев рассказывал в своих воспоминаниях о посещении Герцена Кусаковым в 1859 г.: «Когда он (Кусаков.— В. Г.) запел русские песни, то Герцен и Огарев и жена его пришли в неописанный восторг. Вспомнилась им русская удаль, все родное, русский добродушный мужичек, и слезы появились на их глазах... Всякий раз, как приезжал Кусаков, вся компания собиралась около рояля и образовывался хор»⁴². Народная поэзия продолжала оставаться для Герцена не чем-то посторонним, но живым элементом его трудной жизни.

Ко времени заграничной жизни Герцена относятся и самые существенные и зрелые его высказывания о народной жизни и народной поэзии.

Большое внимание уделялось Герценом народной песне в работе «О развитии революционных идей в России» (1851). Здесь Герцен подчеркивает исключительное значение песни в жизни русского человека: «Все поэтические элементы, бродившие в душе русского народа, изливались в песнях, чрезвычайно мелодичных. Славянские народы — певцы по преимуществу... Русский мужик находил в своих песнях единственное излияние для своих страданий. Он поет постоянно: когда работает, когда ведет свою лошадь, когда отдыхает у порога своей двери»⁴³. Мысль о любви русского человека к песне и о роли ее в жизни русского человека высказывалась и Пушкиным и Гоголем, ее особенно подчеркивал Добролюбов, но, пожалуй, именно Герцен впервые попытался объяснить это особое внимание к песне: «Русский мужик находил в своих песнях единственное излияние для своих страданий». Герцен отмечает своеобразие многих русских народных песен: «Эти песни отличаются от песен других славян и даже малороссов глубокой грустью. Слова их — сплошная жалоба, которая теряется, как его (русского крестьянина.— В. Г.) горе, в беспредельных равнинах, в мрачных хвойных лесах, в бесконечных степях, не встречая дружеского отзвука»⁴⁴. Отмечая грустный характер русских песен, Герцен более отчетливо, чем Белинский, вскрывает глубокий социальный смысл этой грусти, так как, находясь в эмиграции, мог об этом говорить более открыто, чем Белинский или впоследствии Добролюбов. Герцен пишет: «Эта печаль — не страстное стремление к чему-нибудь идеальному; в ней нет ничего романтического, не слышится болезненных монашеских стремлений как в немецких песнях; это — горе задавленной роком личности, это — упрек «судьбе-мачехе, горькой судьбине», это — сдавленное желание, не осме-

³⁹ Соч., т. VII, стр. 266.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Миллюков, Литературные встречи и знакомства, стр. 132—136.

⁴² «Русская старина», V, 1902, стр. 323—327. Цитирую по Соч., т. IX.

⁴³ Соч., т. VI, стр. 339.

⁴⁴ Там же.

ливающаяся проявиться в иной форме (подчеркнутой.— В. Г.). Это — печаль женщины, угнетенной своим мужем, муж угнетенного своим отцом или старшим, всех, наконец, угнетенных помещиком [или царем]⁴⁵. Итак, грусть народных песен объясняется Герценом существовавшей в царской России действительностью: угнетенным положением народа, крепостным правом и самодержавным произволом. В царской России, фактически говорит Герцен, вся жизнь построена на системе угнетения сильными слабых; этот принцип проникает и в семью — таков социальный смысл грусти семейных песен.

Герцен отмечает, наряду с настроениями грусти, и другие чувства народной песни. «Среди этих меланхолических песен вы вдруг слышите звуки... безудержного веселья, страстные и безумные крики, слова лишённые смысла, но которые опьяняют, увлекают в бешеной пляске...» Подобные наблюдения и характеристики есть и у Пушкина, и у декабристов, и у Белинского. У Белинского же находим намек на смысл народных песен, когда он пишет, что в них нашло отражение чувство «которому тесно и на улице и на площади, которое просит для разгула дремучего леса, раздолья Волги-матушки, широкого поля»⁴⁷, но именно Герцену принадлежит заслуга четкого объяснения происхождения этих удалых песен с позиций революционного демократа: «...то был глухой народ, который вёл, что в рожденные силы не находили достаточного выхода, что они чувствовали себя не по себе в жизни, стесненной общественным строем»⁴⁸ (подчеркнутой.— В. Г.). Герцен особо выделяет песни крестьян, поднявшихся в борьбу против своих угнетателей, где чувства протеста и гнева и порыв к свободе выражены особенно отчетливо, а скрытая в рожденная сила русского народа прорывалась наружу. «Есть целый разрыв русских песен — разбойничьи песни. Это уже не жалобные элегии, это смелый крик, избыток веселья человека, чувствующего себя, наконец, свободным; это — крик угрожающий, гневный и вызывающий»⁴⁹. Сам Герцен, опровергая официальный взгляд на разбойничество, дает ему отчетливую социальную характеристику: «Развитие разбойничества объясняется глухой борьбой крестьян, протестовавших против закрепощения»⁵⁰. Герцен называет крестьянские войны под руководством Разина и Пугачева, где эта борьба получила широкий размах, и подчеркивает, что «память о Степане Разине сохранилась у народа во множестве песен, сочиненных в его честь»⁵¹.

Так Герцен раскрывает смысл противоречивого сочетания в народных песнях «разгуля удалого» и «сердешной тоски», отмеченного еще Пушкиным. Так в народных песнях Герцен ищет выражения «стремления» народа и обосновывает этими «стремлениями» свою деятельность. Так Герцен опровергает дважды промелькнувшее⁵² в его творчестве мнение иноземного «летописца времен Багрянородных» о том, что якобы русский народ «усыпляет себя собственной песней».

Значение высказываний Герцена о народной песне в статье «О развитии революционных идей в России» состоит в том, что он отчетливо сформулировал отношение всей русской революционной демократии к народным песням, которое в силу цензурных условий в России не могли высказать так прямо Белинский, Добролюбов и Чернышевский.

⁴⁵ Соч., т. VI, стр. 339. Пропуск в тексте.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ В. Г. Белинский, Соч., т. XII, стр. 274.

⁴⁸ А. И. Герцен, Соч., т. VI, стр. 340.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Соч., т. VIII, стр. 190; «Былое и думы».

В статье «Император Александр I и А. Н. Каразин», написанной десять лет спустя, Герцен, используя «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, проникновенно показывает революционизирующее воздействие народной песни на лучших, наиболее чутких, передовых людей России. Это место в статье Герцена настолько замечательно по глубине мысли и мастерству, что его невозможно не привести почти полностью. Герцен рассказывает о поражении Пугачевского восстания и провозглашает:

«Народ сломился, без бунта, без упования пошел он, стиснув зубы, юд следующую тысячу розог, изнуренный падал, умирал, нагибали его детей, и так одно поколение за другим. Тишина водворилась, оброки платились, барщина исполнялась, трубила псовая охота, играла крепостная музыка. Весело было материнскому сердцу императрицы. Упрочился петербургский трон... Казалось победа была совершенная...

В 1789 г. случился вот какой случай: один неважный молодой человек, отужинав с друзьями в Петербурге, поехал в почтовой кибитке в Москву. Первую станцию он проспал, на второй, в Софии, он долго спотоптал о лошадях, и, должно быть, оттого разгулялся так, что когда везшая тройка понесла его, звеня колокольчиками, он, вместо сна, стал слушать песни ямщика на свежем утреннем воздухе; странные мысли пришли в голову неважного человека. Вот его слова: «Извозчик мой занял песню по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто скорбь душевную значающую. Все почти голоса таких песен суть тону мягкого.— На этом музыкальном расположении народного уха умеи учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа...»

Ямщик все плачет свою песню; путник все думает свою думу и, не доехав до Чудова, он вдруг вспомнил, как он в Петербурге когда-то подарил своего Петрушку за то, что он был пьян, да и заплакал как ребенок, и, не краснея за дворянскую честь, имел бесстыдство написать: «О если бы он тогда, хотя пьяный, опомнился бы и тебе отвечал бы поразмерно твоему вопросу!»

От этой песни, от этих слез, от этих слов, потерянных на почтовом тракте, между двух станций, надобно считать одну из начальных точек обратного (самодержавию. — В. Г.) течения; зачатие делается всегда тихо, и след его обыкновенно сначала пропадает.

Императрица Екатерина поняла, в чем дело, и изволила «с жаром и чувствительностью» сказать Храповицкому: «Радищев — бунтовщик хуже Пугачева»⁵³.

Подавленное Пугачевское восстание и революционная деятельность Радищева с глубоким основанием были связаны Герценом воедино. Примечательно, что одной из связующих нитей Герцен считает народную поэзию. Герцен вслед за Радищевым говорит о народных песнях, как о произведениях, отражающих отношение народа к действительности. Подобно Радищеву, Герцен видел в песне «образование души нашего народа» и считал, что на «музыкальном расположении народного уха» должно «учреждать бразды правления». Мысли Радищева, первого русского революционера, укрепляли Герцена в его оценках и взглядах на культуру и творчество народа. Сопоставление взглядов Радищева с высказываниями самого Герцена в статье «О развитии революционных идей в России» должно было как бы объективизировать эти взгляды, подчеркнуть значение народной поэзии для познания народа и выработки программы действий для удовлетворения «стремлений» народных.

Под тем же углом зрения воспринимал Герцен и народные сказки. В народной сказке Герцен видел воплощение мировоззрения народа, его свободолобивых настроений, его отважного, решительного характера. В статье «Русский народ и социализм», написанной в 1852 г. в форме письма известному историку Мишле, Герцен вспоминает сказку, приведенную им пятнадцать лет назад в письме к Н. А. Захарьиной, еще более отчетливо толкуя смысл этой сказки, переключая ее из плана личного в план исторический, социальный:

«Очень распространенная в России сказка гласит, что царь, подозревая жену в неверности, запер ее с сыном в бочку, потом велел засмолить бочку и бросить в море. Много дней плавала бочка по морю. Между тем царевич рос, не по дням, а по часам, и уже стал упираться ногами и головой в донце бочки. С каждым днем становилось ему тяжелее. Однажды сказал он матери:

— Государыня-матушка, позволь протянуться в волюшку.

— Светик мой, царевич,— отвечала мать,— не протягивайся. Бочка лопнет, и ты утонешь в соленой воде.

Царевич смолк и, подумавши, сказал:

— Протянусь, матушка; лучше раз протянуться в волюшку, чем умереть.

В этой сказке, М. Г., вся наша история.

Горе России, если в ней переведутся смелые люди, рискующие всем, чтобы хоть раз протянуться в волюшку.

Но этого бояться нечего...»⁵⁴

Герцен пользуется здесь редким вариантом, безусловно прослушанным в детстве от какого-то сказочника, выразившего ту же мысль, что и Пугачев в своей «дикой сказке» в «Капитанской дочке» Пушкина. Н. Случайно Герцен эпиграфом к «Крещеной собственности» (1853) ставит другие легендарные слова Пугачева, приведенные Пушкиным в «Истории Пугачева»: «Я не ворон, а вороненок; настоящий ворон еще летает в поднебесье»⁵⁵.

Будучи убежденным атеистом, Герцен внимательно изучал степень религиозности народа. И здесь ему помогала народная поэзия, приведшая его к утешительному выводу о том, что религиозность эта, которую так превозносили славянофилы, не знавшие подлинного народа, на самом деле не глубока. Благодаря тому, что Герцен слушал народную поэзию в народе, не ограничиваясь знакомством с ней в книжным сборникам и не доверяя сборникам славянофилов, он мог вслаз за Белинским отметить антицерковный и антирелигиозный характер подлинной народной поэзии. В статье «Россия» (1849) Герцен писал: «Русский крестьянин суеверен, но безразличен в смысле религии... Он в то же время исполняет все обряды, всю внешнюю сторону культа, чтобы в этих отношениях совесть была чиста; в воскресенье он идет к обедне, чтобы остальные шесть дней не думать о церкви. Священников своих он презирает как лентяев и жадных людей, которые живут на его счет. Во всех непристойных народных рассказах и уличных песнях предметом насмешки и презрения случается всегда поп или диакон или их жены. Многие послловицы свидетельствуют о безразличном отношении русского к делу религии: «Гром не грянет, мужик не перекрестится», «на бога надейся, а сам не плошай»⁵⁶.

Помимо отражения в народной поэзии народной жизни и мировоззрения народа, Герцена интересовала также проблема взаимодействия народной поэзии и литературы. Правда, у Герцена отсутствуют так определенные высказывания, как у Белинского или Чернышевского,

⁵⁴ Соч., т. VI, стр. 403.

⁵⁵ Соч., т. VII, стр. 265.

⁵⁶ Соч., т. V, стр. 352.

не решал эту проблему с такой обстоятельностью и глубиной, как Белинский и особенно Добролюбов, но отдельные мысли Герцена заслуживают внимания и показывают, что эта проблема решалась им в том же направлении, что и другими революционными демократами.

Герцен разделял ошибочный взгляд современных ему ученых, что литературное развитие в России начиналось с XVIII в. До этого, как полагал Герцен, были только отдельные выдающиеся литературные памятники — летописи, «Слово о полку Игореве»; правда, при этом Герцен проникательно оговаривался, что язык их «отличался не только большой красотой, но еще носит очевидные следы долгого обращения и многовекового предшествовавшего развития»⁵⁷. В основном же литературой русского народа до XVIII в., по мысли Герцена, была именно народная поэзия. В статье «О развитии революционных идей в России» Герцен писал: «Не было никакого литературного движения до XVIII в. Несколько летописей, поэма XII в. (Поход Игоря), довольно большое количество сказок и народных песен, но большей частью устных — вот все, что произвели десять веков в области русской литературы»⁵⁸. Еще более категорически Герцен высказывает эту же мысль в статье «Новая фаза в русской литературе» (1864) «...До насаждения цивилизации (до эпохи Петра I.— В. Г.) были зародыши иной литературы; эта последняя не имела ничего общего с литературой цивилизованного периода... Это была простонародная, бедная литература, в которой слышались первые отзвуки настоящего лиризма и благочестивых размышлений беглых и преследуемых раскольников. Это были печальные, меланхолические песни, иногда, впрочем, впадавшие в тон безумного веселья»⁵⁹.

Несмотря на очевидные для нас ошибки Герцена, нельзя не отметить принципиального значения той мысли, что подлинной литературой русского народа в средние века была народная поэзия. В сущности ту же мысль подробно развивает Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы». Недооценивая в некоторых случаях древней русской литературы и литературы XVIII в., революционные демократы правильно отмечали различный характер литературы господствующих классов и народной поэзии, что было обусловлено социальными противоречиями между народными массами и господствующими классами. Однако, как видно из цитированной выше статьи «Император Александр I и А. Н. Каразин», Герцен подчеркивал глубокое понимание Радищевым народной поэзии. Герцен также подчеркивал органическую связь с народной поэзией великой передовой русской литературы XIX в., когда она в лице Пушкина становится подлинно народной литературой: «Народная поэзия вырастает из песен Кирши Данилова в Пушкина»⁶⁰ (подчеркнуто мной.— В. Г.).

Отмечая разрыв между дворянской интеллигенцией и народом, Герцен указывает на трудность проникновения народной поэзии в литературу и на каналы, по которым обыкновенно народная поэзия просачивалась в дворянскую среду: «Благодаря кормилицам, нянькам, разным престарелым крепостным, песни проникали иногда и в цивилизованное общество... лишь в последнее время стали записывать эти песни и эти мелодии из уст самих крестьян»⁶¹. Герцен, как и другие революционные демократы, дает отрицательную оценку многочисленным попыткам дворянских поэтов подражать народной поэзии, указывая, что только великие художники слова, используя творчество народа, создавали подлинно художественные произведения. Он писал: «В начале нашего века

⁵⁷ Соч., т. VI, стр. 338.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Соч., т. XVII, стр. 219.

⁶⁰ Соч., т. V, стр. 123.

⁶¹ Соч., т. XVII, стр. 220.

было несколько попыток, — и довольно удачных, — подражать старым народным песням, но этим искусственным творениям недоставало правды — то были потуги и причуды»⁶². Подобно другим революционным демократам Герцен указывает, что полное слияние народной поэзии и литературы могло произойти у поэта, вышедшего из народа и не порвавшего с ним связи. Таким поэтом Герцен, как и Белинский, считает, например, Кольцова: «Новые песни вышли из самых недр деревенской России... Он написал народные песни, немного их, но каждая из них настоящий шедевр. Это действительно песни русского народа. В них меланхолия, составляющая обличительное свойство, надрывающая душу грусть, удаль молодецкая. Кольцов показал, сколько поэзии скрыто в душе русского народа, показал, что после долгого и глубокого сна что-то зреет и волнуется в его груди» (подчеркнуто мной. — В. Г.). Герцен ценит поэзию Кольцова за то, что она выразила ту же скрытую силу, которая слышится в народной поэзии. В другом месте Герцен подчеркивает демократический характер поэзии Кольцова: «Россия забытая, Россия бедная, мужицкая — вот что подавал здесь свой голос»⁶⁴. Герцен развивает мысли Белинского о воплощении народности в литературе и об обусловленности этой народности, в частности, близостью к народной поэзии, он правильно вскрывает положительное содержание поэзии Кольцова, но он уступает Добролюбову, показавшему вскоре, в статье «О степени участия народности... и ограниченность поэзии Кольцова, которая не отразила всех сторон крестьянской жизни»⁶⁵, нашедших воплощение в народных песнях. Впрочем, сопоставление характеристики народных песен, данных самим Герценом, с его характеристикой содержания поэзии Кольцова, уже объективно подводило читателя к этому выводу, тем более, что и та и другая характеристики находились в одной статье («О развитии революционных идей в России»). В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что Герцен, как и Добролюбов, сравнивая Кольцова с Шевченко, отдавая предпочтение великому украинскому революционному поэту. Так, по свидетельству Е. Ф. Толстой (Юнге), Герцен в одном из разговоров в 1861 г. сказал: «Он (Шевченко. — В. Г.) так велик, что он совершенно народный писатель, как наш Кольцов, но он имеет гораздо большее значение, чем Кольцов»⁶⁶.

Значение, которое придавал Герцен народной поэзии как источнику познания народа, как средству агитации и как важному условию народности литературы, приводило его к мысли о необходимости публикации народной поэзии. Правда, здесь были огромные затруднения, почти непреодолимые: статью, повесть, прокламацию можно было писать, не общаясь, непосредственно с народом, но издавать народную поэзию, не записывая ее из уст народа, было трудно. Кроме того, Герцен понимал, что сборники народной поэзии не будут иметь спроса за границей⁶⁷. В России же в 50—60-х гг. появилось уже много сборников народной поэзии, а народ, в массе своей безграмотный, сам позаботился о распространении нужных ему произведений народной поэзии. В силу этих главных образом обстоятельств, Герцен не мог заниматься публикацией большого количества сборников. Но Герцен и Огарев все-таки издали то, что невозможно было опубликовать в России.

В 1861 г. в Лондоне, в Вольной русской типографии Герцена

⁶² Соч., т. VI, стр. 375.

⁶³ Соч., т. VI, стр. 375. В цитате учтены поправки, внесенные в Избр. соч., ГИХЛ, 1937.

⁶⁴ Соч., т. IX, стр. 38.

⁶⁵ Н. А. Добролюбов, Соч., т. I, стр. 237.

⁶⁶ А. И. Герцен, Соч., т. XXII, стр. 129.

⁶⁷ См. письмо Н. Ф. Шербине, Соч., т. XI, стр. 75.

Огарева выходит сборник революционной поэзии, подготовленный к печати Огаревым; возможно, что какое-то участие в составлении этого сборника принимал и Герцен. Сборник назывался «Русская потаенная литература XIX столетия» и содержал не только стихи, но и революционные песни.

В 1862 г. в Лондоне же выходит сборник «Солдатские песни», предназначенный для распространения среди солдат в России.

В 1863 г. в Берне, в типографии, основанной эмигрантом В. И. Бакстом, как показали исследования Б. П. Козьмина и Е. Кушевой⁶⁸, выходит сборник «Вольные русские песни», который, согласно указанию М. Лемке, ранее считался изданным Вольной русской типографией. Однако, даже если сборник и отпечатан в Берне, а не в Лондоне⁶⁹, то этим не снимается вопрос о роли Герцена и Огарева в издании сборника. Известно, что в то время происходили переговоры о слиянии обеих типографий и, что особенно важно, Герцен, имея в качестве своего представителя в Берне В. И. Касаткина, оказывал через него материальную поддержку Бернской типографии, а также посылал в Берн материалы для издания, чтобы загрузить испытывавшую затруднения новую русскую типографию⁷⁰. Вполне вероятно, что сборник был подготовлен Огаревым и Герценом в Лондоне и лишь отпечатан в Берне. Это предположение подтверждается составом сборника. Большая часть вошедших в сборник песен была уже опубликована в сборнике «Русская потаенная литература XIX в.», 7 песен взято из сборника «Солдатские песни», остальные — из «Колокола» и «Полярной звезды» (всего в сборнике 38 песен). Даже если Огарев и Герцен и не составляли бы сборник «Вольные русские песни», то и этого факта достаточно, чтобы оценить роль лондонских издателей. Думается, что другим доказательством непосредственного участия Огарева и Герцена является предисловие к сборнику, где, между прочим, издатели пишут «Память о тех часах, в которые мы сами вслушивались в эти песни и пели их в среде молодого и старого поколений, дружно настроенных одною заветною для всех мыслью, дает нам право надеяться на добрый прием этого первого на Руси свободного песенника»⁷¹. Ясно, что подчеркнутые мной слова могли быть сказаны именно Герценом и Огаревым, доказывавшими «молодой эмиграции», склонной противопоставлять себя «старому поколению», мысль о единстве интересов «молодого и старого поколения»; очевидно, в среде «старого поколения» могли петь только Герцен и Огарев.

Сборник «Вольные русские песни» был действительно «первым на Руси свободным песенником» (сборник «Солдатские песни» имел специфическое агитационное назначение и распространялся в армии). Он включал «песни, наиболее знакомые, наиболее любимые и чаще других раздающиеся в русских свободных кружках... Во всех них, более или менее, слышится один и тот же мотив наболевшего русского сердца и глубокой вражды к рабству»⁷². Значение песенника «Вольные русские песни» было огромно. Он получил распространение в кругах революционной молодежи, перепечатывался и после Октябрьской революции («Революционные мотивы в русской поэзии», 1921, «Красный декабрь», 1926).

В 1869 г. в Женевской типографии Герцена и Огарева выходит

⁶⁸ См. «Литературное наследство», № 41/42, стр. 14, 82—86.

⁶⁹ В том же томе «Литературного наследства» на стр. 578 в статье «Герцен издатель и его сотрудники» М. Клевенского сборник значится в числе вышедших в Лондоне.

⁷⁰ См. письма Герцена Касаткину, «Литературное наследство», № 41/42, стр. 13, а также Соч., т. XVI, стр. 149, 202.

⁷¹ «Литературное наследство», № 41/42, стр. 105.

⁷² Там же.

«Вольный песенник», составленный из материалов предыдущих трех сборников.

В 1869 г. в Лейпциге выходит в свет сборник «Лютня», куда также вошли многие песни из сборников Огарева и Герцена.

Характерной чертой всех песенных сборников является включение в них песен литературного происхождения, которые, отчасти благодаря настойчивой пропаганде издателей, стали народными.

Наиболее сложным и спорным вопросом остается факт издания знаменитого сборника сатирических и балагурных «Заветных сказок» А. Н. Афанасьева. В предисловии к советскому изданию «Народных русских сказок» Афанасьева Ю. М. Соколов высказал предположение, что рукопись «Заветных сказок» была передана Герцену самим Афанасьевым в 1860 г., при посещении последним Герцена в Лондоне.⁷³ Однако думается, что для такого предположения нет достаточных оснований — не столько потому, что у Афанасьева до поездки в Лондон вряд ли могло быть решение издавать за границей сказки, сколько потому, что рукопись, как указано в ее заглавии, закончена в 1862 г. («Народные русские сказки не для печати. 1857—1862 г. Собранные, приведены в порядок и сличены по многочисленным спискам А. Н. Афанасьевым»). Дата передачи рукописи устанавливается, кажется, следующим образом: она не могла быть передана раньше 1862 г., но вряд ли она была передана и позже, так как в 1862 г. Афанасьева производился обыск и Афанасьев был привлечен к ответственности по делу сношений с эмигрантом В. И. Кельсиевым, приезжавшим из Лондона нелегально в Россию. Думается, если бы сборник был у Афанасьева, он привлек бы внимание при обыске хотя бы своим названием («не для печати»); наконец, вряд ли Афанасьев, находящийся под следствием до 1864 г., стал бы рисковать после того, пересылая рукопись в Лондон. Кто же мог передать в 1862 г. рукопись Афанасьева Герцену? Это мог быть только В. И. Касаткин, выехавший в июне 1862 г. в Лондон и вынужденный остаться в эмиграции. Это предположение подтверждается тем, что Афанасьев находился в прочных дружеских отношениях с В. И. Касаткиным, часто встречался с ним, пересылая через него письма (например, Е. И. Якушкину, сыну декабриста); Касаткин же приводил на квартиру Афанасьева в мае 1862 г. В. И. Кельсиева. Возможно, что, действительно, разговор о сказках был у Афанасьева с Герценом в Лондоне, Кельсиев напомнил об этом Афанасьеву и тот воспользовался поездкой друга в Лондон для передачи с ним рукописи.

Сборник «Заветные сказки» издан в Женеве, где с 1865 г. находилась Вольная русская типография Герцена и Огарева. Год издания в сборнике не указан, однако в заглавии сборника, очень своеобразном, значится «Год мракобесия»; вероятнее всего, это 1866 год, когда после выстрела Каракозова Россию захлестнула волна реакции. Если это верно, то может возникнуть новое сомнение — издан ли сборник в Вольной русской типографии, так как в том же 1866 г. в Женеве эмигрантом Элпидиным основана другая русская типография, принадлежавшая «молодой эмиграции». Однако поскольку сборник Афанасьева вероятнее всего, был передан В. И. Касаткиным Герцену, а сам Касаткин в это время ведал всей материальной частью Вольной типографии в Женеве, то остается предположить, что сборник был издан в типографии Герцена и Огарева. Косвенным доказательством может служить также отмеченный выше интерес Герцена к антипоповским сказкам, что не могло не привлечь внимания Герцена к сборнику А. Н. Афанасьева.

⁷³ «Народные русские сказки», изд. «Academia», 1934, стр. IV.

⁷⁴ Русские заветные сказки, Валаам. Типарским художеством монашествующих братии. Год мракобесия. Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров. Женеве (sine anno).

* * *

Отношение Герцена к народной поэзии еще ярче обрисовывает его облик революционера-демократа, глубоко любящего народ и страстно желающего его освобождения, хорошо понимающего «стремления» народа.

Взгляды Герцена на народную поэзию характеризуют его как вдумчивого наблюдателя, чуткого ценителя и хорошего знатока народной поэзии, как подлинного ученого, исследующего народную поэзию не из увлеченного, академического интереса, а с точки зрения злободневных задач живой жизни, с позиций борца за народную волю, за народное счастье, использующего свои знания в борьбе с реакционерами, славянофилами и либералами. Отношение Герцена к народной поэзии обуславливалось русской действительностью, основывалось на собственных его наблюдениях. Большую роль в формировании взглядов Герцена на народную поэзию сыграли Радищев, декабристы, Пушкин, Белинский.

Герцен, наряду с Белинским, является зачинателем революционно-демократического направления в науке о народной поэзии, разрабатывает революционно-демократический, материалистический метод исследования народной поэзии, изучающий народную поэзию в связи с конкретной историей и прежде всего с современностью, с жизнью трудящихся масс⁷⁵. Герцену чужды идеалистические гадания мифологической школы, с ее уходом в старину; ему чужды космополитические блуждания теории заимствования сюжетов, с ее безразличным отношением к самобытности и своеобразию народной поэзии. Взгляды Герцена на народную поэзию своим острием направлены против всяческих идеалистических, реакционных теорий в фольклористике. Все это дает полное право видеть в Герцене ученого, опередившего развитие современной ему западноевропейской и отечественной буржуазной и либеральной вюрцбургской фольклористики, ученого, занимающего свое особое место в ряду деятелей русской революционно-демократической науки.

Проф. М. К. Азадовский в упомянутой выше работе неправомерно выносит за пределы революционно-демократической фольклористики Белинского и Герцена, обозначая их взгляды как «фольклоризм революционного просветительства 40 гг.» Ленин в работе «Что делать?» ставит Герцена, Белинского и Чернышевского в один ряд, называя их предшественниками русской социал-демократии». В статье «Памяти Герцена», характеризуя позицию Герцена в 40-х гг., Ленин пишет: «Он был тогда демократом, революционером, социалистом». Демократом же Ленин называет Белинского в статье «О «Вехах». Сказанное, разумеется, не означает, что в развитии революционно-демократической мысли не было отдельных этапов. Что касается Герцена, то нельзя забывать, что его деятельность не ограничивалась эпохой 40-х гг. (в хронологическом и идейном плане), более того, основные высказывания Герцена о народной поэзии относятся к 50—60-м гг.⁷⁶

Разделяя основные убеждения Белинского, Герцен избежал некоторых частных ошибок своего великого друга во взглядах на народную поэзию; Герцен предвосхитил и в какой-то мере подготовил некоторые взгляды на народную поэзию Добролюбова, несомненно, хорошо знав-

⁷⁵ Проф. М. К. Азадовский утверждает: «Герценовский фольклоризм в известной мере был связан с традицией романтизма. Это положение не может быть принято, сам М. К. Азадовский в своей статье не приводит ни одного доказательства в подтверждение этой мысли. Конкретные высказывания Герцена о народной поэзии не имеют оснований для такого утверждения.

⁷⁶ Когда Ленин в отношении Белинского, Герцена, Добролюбова и Чернышевского редко употребляет термин «просветители» (напр., Соч., т. II, стр. 315), то для него этот термин является синонимом терминов «революционер», «демократ» — в отличие от Плеханова, которого Ленин как раз критиковал за преувеличение «просветительства» революционных демократов (Ленинский сборник, т. XXV, стр. 231).

шего работы Герцена 50-х гг.; Герцен имел возможность затронуть такие проблемы, которые революционные демократы не могли открыто ставить в России (атеистическая и антицерковная направленность народной поэзии), и более отчетливо выразил социальное содержание народной поэзии и ее революционный дух, на что революционные демократы в России могли только намекать. Вместе с тем Герцен не ставил вовсе многих проблем, которые решали Белинский, Добролюбов, Чернышевский, не систематизировал своих взглядов на народную поэзию, как это сделали Белинский и Добролюбов, а отчасти Чернышевский; Герцен уступал другим революционным демократам в критическом отношении к народной поэзии, он не указал на противоречивую природу ее, на наличие в ней консервативных и чуждых народу настроений, явившихся результатом многовекового идеологического воздействия на народ со стороны господствующих классов и церкви. Существенным пробелом, как и у других революционных демократов, является отсутствие у Герцена характеристики рабочей поэзии, одностороннее представление о народной поэзии как только крестьянской, что находит объяснение в специфических условиях русской жизни.

Мировое значение взглядов Герцена на народную поэзию определяется не только их самобытностью, не только их революционно-демократическим характером и той ролью, которую они, в числе других элементов его мировоззрения, сыграли в подготовке русской революции, но и тем, что эти высказывания Герцена в большей степени, чем работы других русских ученых, в силу специфических условий деятельности Герцена, были знакомы и доступны не только русской публике, но и передовым людям Западной Европы, с сочувствием следившим за деятельностью русского революционера. Многие статьи Герцена, где встречались высказывания о народной поэзии, были опубликованы на французском языке («О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм» и др.). Свои взгляды Герцен мог высказывать в многочисленных беседах с самыми различными представителями передовой науки и культуры. Герцен не только знакомил Европу с Россией и русским народом, но и с народной русской поэзией, он также показывал образец научного комментария народной поэзии.

Выяснить и проследить это влияние Герцена — задача огромной важности, и она ждет еще своего исследователя.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. С. СОРОКИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

(В связи с новой гипотезой С. П. Толстова)

Тезисы доклада, прочитанного на заседании сектора бронзы и раннего железа ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР¹

1

Статьи товарища Сталина по вопросам языкознания затронули ряд научных проблем, далеко выходящих за пределы науки о языке. Тем самым они внесли в широкие круги научной общественности СССР огонь творческих исканий, вызвали оживленный обмен мыслями и дали основу для той борьбы мнений и свободы критики, без которых «никакая наука не может развиваться и преуспевать» (И. В. Сталин). Этим объясняется появление новой гипотезы С. П. Толстова.

2

Возникновение «первобытной лингвистической непрерывности», являющейся краеугольным камнем этой гипотезы, С. П. Толстов связывает с наличием родов на стадии их доплеменного существования, т. е., по представлению С. П. Толстова, с наличием замкнутых и самодовлеющих локальных человеческих групп, самостоятельных в хозяйственном отношении и несамостоятельных в силу их экзогамности.

3

Из поля зрения С. П. Толстова выпадает весь дородовой период, когда экзогамных родов не было, а языки уже существовали. Классики марксизма считают, что звуковой язык так же древен, как и человечество. «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира» (И. В. Сталин).

4

Из контекста гипотезы С. П. Толстова вытекает (прямо этого С. П. Толстов не говорит), что в дородовой период существовала практически бесконечная множественность языков, человечество было распячено на не понимающие друг друга группы. Так ли это?

¹ Ниже печатается протокол обсуждения доклада.

5

По вопросу об образе жизни человека на заре его истории в советской литературе имеются два мнения. Первое считает, что существовала «собираТЕЛЬская стадия» (П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас); вторая — что изначальной формой хозяйственной деятельности человека была охота на крупных животных (С. П. Толстов, П. И. Борисковский).

6

Диаметрально противоположная оценка древности стоянок первобытного человека (Чжоу-Коу-Тянь, Торральба, грот Обсерватории) сторонниками противоположных мнений не допускает решения вопроса на основе общепризнанных фактов. Поэтому спор переносится в область теории. Сторонники изначальности охоты неправильно понимают точку зрения Ф. Энгельса на хозяйственную деятельность древнейшего человека и ошибочно трактуют скачок в процессе антропогенеза.

7

Антропогенез был длительным процессом. Вся история развития хозяйственной деятельности человека в рамках палеолита есть история развития охоты. Но человек начал свой путь не охотником, а собирателем; охота на заре истории существовала лишь в зачаточном состоянии.

8

Первобытное человеческое стадо было непрочной организацией, его состав был непостоянен, междустадный антагонизм отсутствовал. Одновременно процессы постоянного взаимоперемешивания человеческих стад и появления языка, продолжавшиеся в течение весьма длительного времени в рамках данных территорий, привели к возникновению локальных лингвистических общностей — основ будущих семей языков.

9

Развитие охоты на крупных животных в связи с ростом производительных сил и изменением климатических условий (оледенение) привело к сплочению человеческих коллективов. Перемешивание стад сокращается. Борьба за охотничьи угодья и возникающее людоедство порождают междустадный антагонизм. Стадо, замыкаясь внутри себя, становится эндогамным и кровнородственным коллективом. Крепнет стабильное сознание.

10

До сих пор советские историки первобытности и советские этнографы представляли себе род как экзогамную общественную организацию, обязательно входящую в состав племени. Эта точка зрения возникла на основе неправильного представления о пути возникновения родового строя. Она является результатом некритического усвоения идеалистической теории Моргана о развитии присущих человеческому разуму «идей» («идея семьи», «идея управления» и т. п.).

11

Товарищ Сталин, указав, что развитие языков идет «от языков родовых к языкам племенным», тем самым указал и на существование родов до появления племенной организации первобытного общества.

12

Привычная аксиома — без экзогамии нет рода — заставила С. П. Толстова признать доплеменной род экзогамным, т. е. род, по С. П. Толстову, самостоятелен как производственный коллектив и несамостоятелен как семейно-брачный институт. Такое «противоречивое единство» практически существовать не может. Отказываясь объяснить происхождение экзогамии, С. П. Толстов считает экзогамию формой первобытной морали, и получается, что родовое устройство первобытного общества обусловлено моралью. Это не марксистская точка зрения.

13

С точки зрения базиса, первобытная община с кровнородственной семьей и матриархальный род не представляют различных общественных форм. Различие между ними лишь в нормах семейно-брачных отношений. Община с кровнородственной семьей есть род в своей начальной форме; ее лучше называть первичной эндогамной родовой общиной. Будучи замкнутой и самодовлеющей, она вырабатывает свой родовой язык на базе существовавшей раньше локальной лингвистической общности.

14

В истории первобытного общества нужно учитывать открытый К. Марксом и Ф. Энгельсом закон «давления избытка населения на производительные силы», приводящий к периодическому делению первобытных коллективов.

15

При существовании промискуитета и кровнородственной семьи, на этапе, когда собирательство еще играло ведущую роль, деление коллективов не встречало препятствий в семейно-брачной системе. Разделившиеся коллективы хозяйственно отрывались друг от друга, и в результате этого происходило расхождение их языков.

16

При возникновении замкнутых охотничьих общин и межгруппового антагонизма деление группы, ослабляющее ее, вызвало к жизни тенденцию сохранить бывшее единство между разделившимися коллективами в форме сохранения кровнородственной связи. Браки вне коллектива с членами отделившейся группы признаются общественно необходимыми, а внутригрупповые браки, как препятствующие осуществлению первых, — нежелательными и вредными. Борьба двух тенденций — прогрессивной и отсталой, традиционной — привела к победе первой в форме введения экзогамии для рода и эндогамии для появившегося таким образом племени. Язык в таком первичном племени еще общий с родом.

17

Сегментация первичного племени приводит к образованию новых, родственных по происхождению, но самостоятельных и разобщенных племен. Происходит расхождение первоначального языка и возникают языки племен.

18

С. П. Толстов предполагает существование языков союзов племен. Таких языков не было, и И. В. Сталин не упоминает о существовании

таких языков. Союз племен был союзом военно-политическим и не приводил к смешению племен.

19

Возникновение классов приводит к распадению родовой организации общества. Происходит перемешивание людей на единой территории ряд племен, входивших ранее в союз племен. Возникает народность со своим языком.

20

Развитие языков в классовом обществе проходит в соответствии с законом ассимиляции языков, открытым товарищем Сталиным.

**ПРОТОКОЛ ОБСУЖДЕНИЯ ДОКЛАДА В. С. СОРОКИНА
«НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА
(В СВЯЗИ С НОВОЙ ГИПОТЕЗОЙ С. П. ТОЛСТОВА)»
НА ЗАСЕДАНИИ СЕКТОРА БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР**

14 февраля 1951 г.

Н. А. Бутинов. Своей гипотезой о «первобытной лингвистической непрерывности» С. П. Толстов пытался разрешить основной вопрос языкознания. Докладчик не осветил значения этой гипотезы; «переворачивание пирамиды» еще не объясняет всего. С. П. Толстов не ставит своей задачей установить ни множество языков, ни единый праязык; языки вначале были похожи один на другой. Гипотеза С. П. Толстова неплохо объясняет появление родственности языков, она в основном правильна. Докладчик, не возражая по существу, хочет уточнить и дополнить эту гипотезу. Совершенно правильно, что С. П. Толстов не касается родового общества, он так делает потому, что хочет держаться ближе к фактам. Докладчик приписывает С. П. Толстову то, чего у него нет, например, бесконечную множественность языков в первобытном обществе. Докладчик прав, говоря, что языковая общность создается в первобытном стаде; но доказать этого нельзя, здесь у нас нет фактов. Что касается вопроса о роде, то мы можем доказать, например, на австралийском материале, существование рода без племени, рода экзогамного. Род без экзогамии невозможен. У С. П. Толстова нет утверждения, что экзогамия возникла из морали. Самое слабое место в докладе — об эндогамном роде, которого быть не может. Это подрывает всю концепцию докладчика, надумано и неоригинально. Род становится родом, когда он становится экзогамным.

П. И. Борисковский. Сектор бронзы хорошо сделал, поставив данный доклад, касающийся больших проблем первобытного общества. Однако основной недостаток доклада — его умозрительность, отсутствие в нем фактов. С. П. Толстов, разрабатывая свою гипотезу, опирается на наблюдения Миклухо-Маклая по папуасам на материалы Н. А. Бутинова по австралийцам и т. д. Этим фактам В. С. Сорокин ничего не противопоставляет, кроме умозрительных рассуждений. Очень хорошо, что исследователь, раньше проблемами палеолита не занимавшийся, занялся ранними этапами развития первобытного общества. Но в этой области, как и в любой другой, надо работать с фактами в руках. Хороший пример такого рода дают работы С. А. Семенова, не являющегося по специальности антропологом, но сумевшего из большого фактического материала разъяснить многие вопросы происхождения монголоидного расового типа.

Серьезной ошибкой будет ставить знак равенства между взрывом и скачком. Каждый скачок является взрывом, связанным с уничтожением всего предшествующего. Я рассматриваю переход от животного к человеку и переход от древнего палеолита к верхнему палеолиту, от неандертальца к современному физическому типу человека как скачки, но подготовленные всем длительным предшествующим развитием и имеющие ничего общего с конструированными Марром стадийными взрывами, которые критикует И. В. Сталин.

Из частных замечаний укажу, что, как доказано советскими исследователями, мускетские памятники частично датируются еще дорисским временем.

Антропологические материалы (Я. Я. Рогинского и др.) свидетельствуют о существовании межплеменных столкновений еще у обезьяно-людей.

А. М. Беленицкий. Докладчик поставил теоретические вопросы, и такая постановка не является умозрительной. Я думаю, что факты можно было бы подобрать. В докладе поставлена большая и принципиальная проблема. Правильна ли она? — вот по какой линии должна пойти критика. Выступавшие товарищи не сказали главного — верна ли гипотеза В. С. Сорокина с марксистской точки зрения.

Б. Б. Пиотровский. Доклад В. С. Сорокина вырос на основе наших теоретических собеседований и занятий и по существу выпадает из плана работы нашего сектора. Этим объясняется та «теоретичность», на которую указывали выступающие. Я также остановлюсь на вопросе «чисто теоретическом», а именно — что собой представлял первоначальный язык? Можно ли ставить вопрос о том, что вначале был один язык или же их было множество? Мне кажется, что такая постановка вопроса верна. Язык на начальной своей ступени развития был едкий по своему типу и множественен по своим формам. Вначале язык в высокой степени биологичен, даже элементарен. Отсюда и близость языков. Звуков, которые способны произвести человеческое горло, вообще существует только около сотни. Если мы считаем, что человеческое произошло от одного вида приматов, то и язык должен быть на ранних стадиях одного качества. На вопрос, был ли один язык или их было множество, я отвечаю так: как одинаковы были орудия человека, так однотипен был и язык. С развитием общества появляется все увеличивающаяся разница.

А. Н. Бернштам. Мне кажется, неправильно делать вывод, что товарищ Сталин, указывая на родовые языки, тем самым указывает на время, когда существовали отдельные роды без объединения их в племена. Невозможно понять род без жюгами, а экзогамию вне рода и племени. Экономическая общность выступает прежде всего в роде, а не в племени, но это не значит, что род был вне племени. Основной рост племени (уже в неолите), создание общности родов внутри племени — послужили основой для появления языков племенных. Прав Б. Б. Пиотровский, когда он указывает на звуковую ограниченность и тем самым многозначность древних языков (в палеолите) в связи с бедностью первобытного словарного запаса. Я не согласен, что языковые семьи складываются в палеолите. Это происходит позднее, хотя и в рамках первобытно-общинного строя. В палеолите не было еще общности этнографических групп. Этнографическое многообразие и этнографические общности возникают только в неолите, и с ними возникают семьи языков.

В. П. Якимов. Доклад затрагивает ряд острых и интересных вопросов. Одним из основных пунктов доклада является вопрос о собирательстве и охоте. Основные положения доклада как в его положительной, так в его критической части покоятся на утверждении, что древнейшие люди были собирателями. В связи с этим приведу такой факт. Современные обезьяны являются растительноядными формами. Отсюда многие историки первобытного общества делают вывод, что непосредственные предки человека вели такой же образ жизни и, следовательно, древнейший человек вначале был собирателем. Однако австралопитеки были животными стадными, прямоходящими и всеядными, почти хищными. Имеются данные, что австралопитеки поедали павианов. Об этом свидетельствуют остатки черепов павианов со следами проломов, трещин и тому подобных повреждений. Таким образом, есть основание считать, что ископаемые обезьяны, близкие к людям, также активно добывали животную пищу. Это подтверждает теорию охотничьего хозяйства у ранних гоминид. Вегетарианство в пропегенезе было оставлено еще на предчеловеческой стадии. В таком случае колышутся и теоретические соображения докладчика.

М. И. Артамонов. Я не согласен с П. И. Боряковским, что доклад является изобретением. Доклад представляет собой попытку пересмотра наших взглядов на первобытное общество. Трудно оценить доклад в полном объеме, восприняв его только на слух. Остановлюсь на выступлении Б. Б. Пиотровского. Конечно, в доисторический период выкрики были понятны всем, но когда звуки стали выражать не ощущения, а понятия, языки стали разными. Если придерживаться полигенеза, то мы должны признать множественность языков. Мне непонятна «лингвистическая непрерывность» С. П. Толстова. О ней не может быть и речи. Ссылка С. П. Толстова на австралийцев ничего не доказывает. В Австралии, может быть, случилось просто расхождение происхождения. В других местах мы этого не наблюдаем. У докладчика, когда он говорит об отношениях между первобытными стадами, получается идиллия. Предки человека отнюдь не были мирными травоядными, например, синантроп. Факты подтверждают построения докладчика о мирных отношениях между первобытными стадами. А. Н. Бернштам утверждает, что наличие родовых языков не отрицает существования племени. Это не верно. Не может быть племени без языка. С. П. Толстов употребляет термин «языковая концентрация». Я этого не понимаю, такого процесса я себе не представляю. Товарищ Сталин говорит об ассимиляции. В. С. Сорокин говорил, что ассимиляция была только в классовом обществе, — это не верно. Это идеализация первобытного общества. Звериное начало исчезает в человеке одновременно вместе с ростом общества. Закон ассимиляции будет снят только при победе коммунизма во всем мире. Доклад интересный и ставит ряд важных проблем.

Б. Б. Пиотровский. Ошибка лингвистов состоит в том, что они отрицают силу звука. Письменность является силой, объединяющей языки и организующей их. Древнейшая иероглифическая письменность имела совершенно иную функцию, развивая письменность. Фонетическое развитие имеет свои закономерности, которые нами еще не уловлены.

В. С. Сорокин (Заключительное слово).

Ничего общего между гипотезой С. П. Толстова и моей, как считает Н. А. Бунов, конечно нет. С. П. Толстов считает, что семьи языков возникают на основе «первобытной лингвистической непрерывности», примерно, с конца неолита. Я считаю, что основы семей языков складываются в процессе возникновения и развития способности говорить на ранних ступенях человеческой истории, в древнем палеолите складываются на базе локальных, географически обусловленных взаимопроникновений первобытных человеческих стад. Порочность гипотезы С. П. Толстова состоит в том, что она оторвана от истории первобытного общества. Н. А. Бутинов говорит, что С. П. Толстов старается держаться ближе к фактам. Фактов у С. П. Толстова нет, если они и есть, то не верные. М. И. Артамонов уже указал, что австралийцы могут дать примера «первобытной лингвистической непрерывности». Ссылка на Н. Н. Миклухо-Маклая говорит не в пользу, а против гипотезы С. П. Толстова. Пигмеи Берега Маклая жили племенами, и их «деревни» не были хозяйственно обособленными и самодовлеющими родовыми поселениями, так как они знали довольно широкий обмен. Неудачна ссылка и по вопросу об условиях возникновения сообществ племен на Моргана, так как последний говорит совершенно противоположное то, что ему приписывает С. П. Толстов. Н. А. Бутинов говорит, что я приписываю С. П. Толстову то, чего у него нет, например, множественность языков в дорожном периоде истории человечества. Если бы С. П. Толстов считал, что до возникновения родов была не множественность языков, а какая-то языковая общность, то тогда тогда более поздняя по своему происхождению «лингвистическая непрерывность» В своей гипотезе С. П. Толстов игнорирует факт размножения человечества, а это бесспорный факт объясняет известную общность языков или диалектов без какой-либо гипотезы о «лингвистической непрерывности». Н. А. Бутинов протестует против возможности эндогамности рода. Если мы признаем возможность существования замкнутых человеческих групп, то должны признать и эндогамный род, и не в этом тут дело. П. И. Борисковский назвал мой доклад умозрительным. В теоретическом докладе не обязательно приводить десятки фактов, и кроме того, очень много для древнейшей истории человечества мы реконструируем теоретически, т. е., П. И. Борисковскому, умозрительно. П. И. Борисковский рассматривает переход животного мира к человеческому обществу, как скачек. Это верно. Но если считать, что при этом сразу исчезает старое и появляется новое, например, что сразу исчезает «собираческое хозяйство обезьян» и сразу возникает человеческое охотничье хозяйство, то это будет не скачок, а взрыв. Скачек протекает во времени и в течение этого времени в данном явлении есть черты и старого, и нового. А. Н. Бернштам ставит вопрос о языках с вопросом об этносе. По его мнению, этнические различия, и языковые, появляются сравнительно поздно, в неолите. Но ведь умели же люди говорить и в палеолите! Значит, там и нужно искать возникновения словарного фонда и грамматических форм, которые лежат в основе семей языков. В. П. Якимович отвечает так: австралопитеки не были предками человека. Если даже другие неопределенные приматы и были, подобно австралопитекам, хищниками (что еще требуется доказать), то они не могли быть предками человека, так как самые ранние гоминиды были хищниками, что видно по их зубному аппарату. Всеядность — вот что можно признать для раннего человека. М. И. Артамонов считает, что я представляю жизнь первобытных человеческих стад, как какую-то идиллию. У меня и в мыслях это не было. Я говорил об отсутствии междоусобицы, а не об отсутствии звериного начала в человеке на ранних этапах его истории. Я настаиваю на возможности ассимиляции одного языка другим в первобытном обществе кроме его разложения. Когда при первобытно-общинном строе возникала борьба между родами или племенами, то она приводила или к вытеснению одного из племен, или к полному его истреблению. Когда нет условий для подчинения, порабощения, эксплуатации, тогда нет условий и для ассимиляции. В заключение я хочу сказать, что без гипотез и теоретических построений не может быть развития науки.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Н. ЯСЬКО

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДОНБАСС В НАРОДНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ СОВЕТСКОГО ЗАКАРПАТЬЯ

*(К проблеме изучения советского народного творчества
в Закарпатской области УССР)*

Перед исследователями народного поэтического творчества Закарпатской области стоит очень важная и актуальная задача: показать, как вековые мечты и стремления трудящихся масс закарпатских украинцев освободиться от порабощителей и воссоединиться с единокровными братьями — русскими и украинцами — отображены в устно-поэтическом творчестве. Вместе с этим надо показать, как после освобождения и воссоединения Закарпатья с Советской Украиной народ рассказывает об экономических, политических и культурных преобразованиях края, воспекает величие гения человечества товарища Сталина.

Во исполнение этой задачи члены кафедры истории украинской литературы Ужгородского государственного университета совместно со студентами приступили к собиранию, публикации и изучению советского фольклора Закарпатской области.

В этом отношении сделано уже много. Ежегодно, начиная с 1946 г., проводились фольклорные экспедиции по Закарпатья. Много собрано коломыек, баллад, песен, советских сказок. Записаны рассказы о Ленине, воспоминания участников партизанской борьбы и подполья времеч фашистской оккупации 1939—1944 гг., рассказы о радостном освобождении и воссоединении, о социалистическом строительстве и о великом вожде и учителе — товарище Сталине.

Через студентов-заочников во многих местах области удалось осуществить стационарное собирание фольклора; оно дает возможность проводить наблюдения над процессом развития творчества в данной местности. Участники фольклорных экспедиций выявили среди населения Закарпатской области много сказителей, создателей коломеек о радостном труде в колхозе, в лесу и на шахтах. За последнее время записано несколько новых народных мелодий (в селах Билки, Имстичево Иршавского округа, Репиное Воловского округа). Собранный фольклорный материал приведен в порядок, систематизирован по тематическим и жанровым признакам и подан к изданию.

В основе изучения советского народного творчества в самой молодой области Украинской ССР в плане его возникновения, развития и бытования лежит ленинское утверждение о том, что надо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

На наших глазах происходит процесс возникновения новой по содержанию и форме песни-коломыйки, такой популярной и любимой в Закарпатье. В наше советское время коломыйка приобретает все большее и большее общественно-политическое и производственно-трудовое содержание.

Коломыйка, разрабатывающая темы трудовой деятельности колхозников и рабочих, исполняется во время работы, отдыха; она помогает закарпатцам лучше пилить лес, добывать уголь, соль, собирать колхозный урожай. Закарпатская советская коломыйка не только фиксирует появление черт нового быта — она агитирует, направляет общественное мнение и организует его. В рабочей среде лесорубов, углекопов она является могучим орудием борьбы за выполнение и перевыполнение про-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 436.

избодственного плана, выражает энтузиазм и сознательность трудящихся в борьбе за осуществление сталинской послевоенной пятилетки.

Место песни-коломойки в жизни Советского Закарпатья можно определить словами Н. А. Добролюбова о песне: «Песня сопровождает поселянина во всех его общественных трудах; она же следует за ним и в семейную жизнь его»².

Анализ текстов, собранных фольклорной экспедицией Ужгородского государственного университета, показывает, что особое место в советском фольклоре Закарпатья занимает творчество рабочего класса. Народное творчество Закарпатья отражает бурное развитие заводов, фабрик, шахт, социалистическое соревнование на производстве, воспекает ударников, стахановцев как лучших людей народа, стахановское движение как революционное движение новаторов производства, подготовляющее «условия для перехода от социализма к коммунизму»³.

Особое место в рабочем фольклоре Закарпатья занимает совершенно новая тематика, возникающая буквально ежедневно, — о социалистическом Донбассе.

Донбасс для Советской страны является настоящей индустриальной жемчужиной. В. И. Ленин еще на XI съезде партии в 1922 г., говоря о строительстве социализма в Советской стране, о восстановлении крупной промышленности, назвал Донбасс основой нашей экономики⁴.

Трудящиеся Закарпатья еще задолго до освобождения, находясь под гнетом своих поработителей, зорко следили за развитием социалистической промышленности в СССР. Почти в каждом номере коммунистической газеты «Закарпатская Правда» помещались большие статьи о социалистической стройке, о сталинских пятилетках, колхозном строительстве, статьи-протесты против антисоветской клеветы буржуазных партий и органов их печати. Рабочие раховских, свлявских и других предприятий Закарпатья под руководством коммунистической партии проводили многолюдные демонстрации против поджигателей «крестового» похода на Советский Союз и единодушно провозглашали клятву защищать страну социализма до последней капли крови, выражая пламенную любовь к советскому народу и его вождю — великому Сталину⁵.

В связи с освобождением героической Красной Армией Донбасса от немецких захватчиков Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин в своем приказе назвал Донбасс «важнейшим угольным и промышленным районом страны».

Передовая статья центрального органа ВКП(б), отмечая двухлетие освобождения творческого труда донбасских горняков, писала: «Возрождение Донбасса будет основой для нового подъема всего народного хозяйства нашей Родины»⁶. Поэтому на призыв большевистской партии и Советского правительства много закарпатской молодежи выехало на работы по восстановлению разрушенной фашистами в дни Великой отечественной войны всесоюзной когечарки — Донбасса. Закарпатцы осознали роль и значение Донбасса в послевоенном восстановлении народного хозяйства:

Я щасливый легіник,
Що стану шахтарем.
За то можу дякувати
Радянський державі.

Молодой забойщик краснодонской шахты № 1-бис им. Сергея Тюленина Иван Берещ, родом из села Билки Иршавского округа, так передает эту любовь в простой и выразительной коломойке:

Кругом гори невеличкі
Всі повні шахтами,
Куди глянеш, всюди мило,
Красно жити з вами.

Еще год-два назад парень-закарпатец пас свец на высокой полонине а теперь, после окончания школы ФЗО, он стал шахтером Донбасса. Обращаясь к своим товарищам-пастухам, он поет:

Ой, ви, хлопці-вівчарики,
Хлопці молоденькі,

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах, т. I стр. 124.

³ И. В. Сталин, Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 267.

⁵ Такая демонстрация проходила по всему Закарпатья 1 августа 1929 г. по лозунгам: «Обороняймо Радянський Союз, батьківщину всіх працюючих від всіх ворогів!» «Радсоюз хоче миру, імперіалісти хочуть війну!» (см. газ. «Закарпатская Правда», орган коммунистической партии Чехословакии, за 1929 г., № 7, 9, 11 23. 25, за 1930—1932 гг. № 2 и др., Ужгородский областной архив).

⁶ «Правда» от 8 сентября 1945 г.

Та приходьте у Донбас ви,
На шахти новенькі.

(Записано в августе 1949 г. в г. Краснодар
Ворошиловградской области)

Слова товарища Сталина о том, что возрождение Донбасса должно стать большим всенародным делом, вызвали у закарпатцев желание ехать в Донбасс не только во время, но и навсегда:

Третий рочок п'ятирічки
Треба уконати.
Добровільно ми їдемо
Та угля копати.

(С. Керецьки Свалявского округа)

Ой піду я у Донбасі
Углічко копати.
Та я хочу з своїм волі
Плани виповняти.

(С. Осой Иршавского округа)

Виросли ми кучерики
На чотири центи.
Хочу жити у Донбасі
Аж до своїй смерті.

(С. Керецьки Свалявского округа)

Этот производственный подъем и энтузиазм особенно ярко выражены в письмах закарпатцев к своим родным и близким друзьям. Большой интерес по тематике и художественной значимости представляют эти письма из Донбасса, написанные стихами-коломыйками.

Та я піду додомочку,
Буду вам казати,
Та як добре у Донбасі
Нам всім працювати.
Напишіть ми, товарищі,
Як в нашій улиці,
Бо нам в шахті, у Донбасі,
Як у лісі птиці.

(С. Керецьки Свалявского округа)

Особенно изменились мотивы интимно-лирической коломыйки. Образцы «милого», «любки», «легінника» становятся социально-осмысленными. Милым может быть только тот, кто ударно работает в шахте. Герой коломыйки — это активный строитель социализма, преобразователь жизни.

Як прибуду в рідний Донбас
Письмо ті напишу.
Із першої своїй платні
На сукман ті лишу.

(С. Смологовица Иршавского округа)

Забойщиком по чотири
Норми виповняю,
Та як прийде до зарплати
Досить грошей маю.

(С. Заднее Иршавского округа)

Подобные мотивы мы находим в шахтерских частушках Донбасса, Урала и других районов угольной промышленности⁷.

Слава героя-стахановца, прославившегося своим полезным трудом, доходит до

⁷ «Уральский фольклор», под редакцией М. Г. Китайника, Свердловское областное гос. изд-во, 1949, стр. 117—118; «Литературный Донбасс», альманах № 7, Сталинское обл. книжно-газ. изд-во, 1949, стр. 170.

любимой девушки в Закарпатье. Она собирается ехать в Донбасс помогать в работе своему милому, стать тоже прославленной шахтеркой Донбасса.

Пішов любко у Донбаси
Тай я йду, тай я йду,
Зати буду возглядати,
Заки го не найду,
(С. Долгое Иршавского округа)

Моя мила стахановка
І я стахановець.
Дяку Сталінові подає
Юний комсомолец.
(С. Заднее Иршавского округа)

Материальное благосостояние молодого шахтера Донбасса позволяет пригласить к себе в гости родных и близких из Закарпатья посмотреть на гиганты-заводы и шахты, убедиться в том, что в Советской стране труд шахтера поднят на небывалую высоту, окружен вниманием и заботой большевистской партии, Советского правительства, всего советского народа.

Пишеш ти нам, цимборику,⁸
Письмо із Донбаса,
Просиш ти нас, цимборичко,
В гості приїжджати.
(С. Смологовица Иршавского округа)

Закарпатские лесорубы не отстают от своих братьев — донецких шахтеров в исполнении производственных планов. Они с честью перевыполняют свой долг перед Родиной, посылая своевременно лес на восстановление разрушенных войной и строительство новых шахт Донбасса.

Засвістила машиниця
Із гір на долину,
Та повезла ліс карпатський
В Донбас на Вкраїну.
В Лисичові⁹ ліс рубають,
А в Кушницю¹⁰ везать.
А на шахті у Донбасі,
Забій з буків роблять.
Ой, да-на, да-на, да-на,
Забій з буків роблять.
(С. Кушница Иршавского округа)

Отражая рост народного сознания, закарпатская рабочая коломыйка отображает анимистическую символику природы, столь характерную для старой коломыйки. Природа, как главный композиционный принцип параллелизма, в коломыйке чаще всего заменяется параллелизмом, равнодействующим по смыслу и содержанию.

Пішли хлопці та у шахти
Вугілля копати,
А дівчата у колгоспі
Будуть працювати.
Хлопці вугілля копають,
Дівки роблять в полі,
А найменші діточки
Навчаються в школі.
(С. Воловец Воловецкого округа)

В советской шахтерской коломыйке иногда сохраняется традиционная форма параллелизма — сопоставление явлений природы и новых чувств, стремлений со-

⁸ Парень, хлопец.

⁹ Село Иршавского округа.

¹⁰ Село Иршавского округа.

жих людей Закарпаття. В ряде случаев такие параллелизмы даются механистично, не принося в текст коломыйки противоречие между формой и содержанием. Примером может служить такой текст:

Закувала зозуленька,
Закувала сива.
В Краснодарі — місті славнім
Я дуже щаслива.

Кукующая кукушка — традиционный образ горюющей женщины, вдовы, разумеется, никак не вяжется с радостным мажорным звучанием слов о счастье, обретенном девушкой, работающей в Краснодаре.

Или:

Ой летіла зозулиця,
Летіла низенько,
Роблю собі у Донбасі
Радо, веселенько.

(С. Керещки Свалявского округа)

И в этой частушке традиционные образы противоречат словам о работе в Донбассе. Надо отметить, что противоречия формы и содержания закарпатской коломыйкой постепенно изживаются. Создаются песни, подлинно новые и по форме и по содержанию.

Шахтеры Донбасса, вышедшие из Закарпаття, благодарят большевистскую партию, правительство и особенно товарища Сталина за заботу о горняках. Труд в Донбассе раскрывается как счастье и радость свободного творчества советских людей:

Ідуть люди із роботи,
Пісеньки складають,
Та про батька Сталіна
Весело співають.

И. С. ГУРВИЧ

СОВРЕМЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ЯКУТСКИХ КОСТЕРЕЗОВ

Резьба по мамонтовой кости один из видов древнего якутского народного искусства.

Работы якутских мастеров — резчиков по кости — неоднократно демонстрировались на всероссийских и международных выставках, вызывая восхищение ценителей искусства. Во многих музеях нашей страны хранятся изделия из мамонтовой кости неизвестных якутских мастеров. Жителям города Якутска хорошо известна модель якутского острога из мамонтовой кости (150 × 150 см). Неизвестный мастер-якут в 1867 г. (дата установлена сотрудником Музея И. Д. Новгородовым) точно воспроизвел прекрасный памятник русского зодчества конца XVII в. — якутский восьмибашенный острог с пристенными постройками. Как известно, от этого острога до настоящего времени сохранилась лишь одна башня.

Изумительной тонкой работой поражают резные шкатулки из мамонтовой кости, вплетенными в канву узора картинами из якутского быта.

В Якутском краеведческом музее хранится шкатулка, датированная 1904 г., в форме напоминающая русский ларец, работы якута Западно-Кангаласского уезда Павлова. Размеры шкатулки 7 × 14 см, высота 17 см. На крышке шкатулки — рыбак в челноке, на боковых стенках — чум и езда на оленях, охота на лося с собакой, охотник с ручной нартой, охотник верхом на олене, охотник, стреляющий в белку из лука.

Шкатулки из мамонтовой кости сохранились и у многих старожилов Якутска. Сотрудник Якутского филиала АН СССР Николаев был так любезен, что разрешил ознакомиться с двумя шкатулками, перешедшими к нему по наследству. Одна из шкатулок, датированная 1858 г., оформлена в китайском стиле, в канву узоров вложены львы, фанзы. Другая шкатулка датирована 1906 г. На стенках этой шкатулки изображены сцены охоты на лося и на оленя, берестяная юрта, юрта-балаган. Ларец снабжен внутренним замком и ключом из мамонтовой кости.

Прекрасные работы дореволюционных костерезов Говорова, Неустроева, Никифорова, хранящиеся в Якутском музее изобразительных искусств и Якутском краеведческом музее, свидетельствуют о большом мастерстве этих художников-резчиков о реалистическом направлении их творчества.

Искусство резьбы по мамонтовой кости требует умения, художественного вкуса, понимания природы мамонтовой кости и тонкого чутья.

Обработка мамонтовой кости ведется вручную, резцы (штихели), напильники изготавливают для себя сами мастера. В прошлом единственным инструментом для обработки мамонтовой кости был нож.

Замечательное якутское народное искусство резьбы по мамонтовой кости в Великой Октябрьской социалистической революции не имело перспектив для развития. Выдающиеся мастера-резчики не могли отдаться излюбленному искусству, так как их изделия не находили сбыта. «Теперь же даже мамонтовая кость, — писал в своем «всподданнейшем» отчете в 1911 г. якутский губернатор, — вывозится за пределы области исключительно в сыром виде, в то время как обработка ее могла стать значительным источником в доходах народного хозяйства. При теперешней постановке дела местные изделия из мамонтовой кости не могут иметь спроса на европейском рынке»¹. Лишь иногда плоды долгих лет работы резчиков приобретались за бесценок местными купцами для украшения своих комодов. Резьба по кости рассматривалась большинством любителей этого искусства как развлечение для消磨 времени длинных зимних вечеров. Сколько талантливых якутских костерезов ушло безвестными для искусства? Как в центральных районах царской России, так и в далекой Якутии народное искусство третирувалось господствующими классами.

Положение изменилось лишь после Октябрьской революции. Народные художественные промыслы получили невиданные возможности для развития. Значительные успехи за годы советской власти достигли и якутские костерезы.

¹ Обзор Якутской области за 1911 г. Приложение к всеподданнейшему отчету якутского губернатора, Якутск, стр. 81.

Выдающимся мастером-костерезом является А. В. Федоров, уроженец 1-го Тылыньинского наслега Мегиньо-Кангаласского района.

Сын кустаря-медника, А. В. Федоров, еще в детстве научился искусству резьбы по серебру, пробовал свои силы, орнаментируя чороны — сосуды из дерева.

Резьбой по мамонтовой кости А. В. Федоров занялся уже в зрелом возрасте, но вначале смотрел на свои опыты в этой области, как на развлечение.

В 1935 г. Федоров поступил учеником в фотографию в Якутске и долгое время работал при ней ретушером. Именно эта работа, по словам самого костереза, дала ему возможность хорошо изучить пропорции человеческого лица. Работая в фотографии, А. В. Федоров поставил перед собой задачу научиться воспроизводить портреты на мамонтовой кости. Опыты удались. В 1938 г. Якутское отделение союза художников обратило внимание на изделия из мамонтовой кости, вырезанные Федоровым, и привлекло его к работе в костерезном цехе Якутской промартели. Работы А. В. Федорова заслуживают особого внимания, так как он первым из якутских костерезов смело и широко начал вводить в барельефы из мамонтовой кости портретные изображения.

Замечательное барельефное изображение Ленина — Сталина, выполненное мастером в 1943 г., один из первых его опытов в этой области, хранится в Музее художественной промышленности (Москва). Под портретом в центре широкой рамки А. В. Федоров изобразил советского бойца, закаляющего штыком змеообразное чудовище. Сцена поражает своей динамичностью, правильностью форм. По мысли автора, картина должна была символизировать грядущую победу советского народа над гитлеровской Германией. Реализм, четкость форм, уверенность рисунка, присущие манере резьбы А. В. Федорова, в особенности проявились в барельефе «Вожди народов — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин». В барельефных портретах на мамонтовой кости художник-костерез стремится к документальной точности и психологической выразительности образов исторических деятелей. Из серии барельефов работы А. В. Федорова, экспонированных в Якутском музее изобразительных искусств, обращает на себя внимание барельеф «Изгнание Наполеона». На площади 20×10 см костерез изобразил величественную батальную сцену, полную движения, жизни. Над панорамой в овальной рамке с изумительной точностью и в то же время простотой вырезал мастер портрет Кутузова.

Замечателен также пластически ясный и четкий портрет Суворова, выполненный А. В. Федоровым на еще незаконченном барельефе «Переход через Чертов мост». Особо заслуживает быть отмеченной работа А. В. Федорова «Манчары на коне» (рис. 1). Резчик создал волевой, полный душевного благородства образ якутского бунтаря, восставшего против тойонских притеснений. В трех медальонах, включенных в широкую ажурную раму, костерез изобразил сцену охоты Манчары на лося, Манчары, наказывающего богача, сцену единоборства Манчары с медведем.

Из работ А. В. Федорова, посвященных местной тематике, обращает на себя внимание портрет знатного коневода Якутии Героя Социалистического Труда Константинова. Во всех работах Федорова сказывается высокое профессиональное мастерство, умение творчески подойти к теме.

В настоящее время мастер упорно работает над барельефом «Политбюро ЦК ВКП(б)», стремясь воплотить в нем величественный образ вождя прогрессивного человечества и его ближайших соратников.

Широкой известностью пользуются в Якутии работы талантливого мастера, резчика по мамонтовой кости И. Ф. Мамаева.

Родился И. Ф. Мамаев во 2-м Одунином наслеге Горного района в 1895 г. Рано остался сиротой. Много странствовал. С костерезным мастерством познакомился в Булуе. Первые опыты Мамаева в резьбе по мамонтовой кости вызвали одобрение окружающих. Но до советской власти И. Ф. Мамаев резьбой по кости занимался только в часы досуга. Всецело отдался костерезному искусству И. Ф. Мамаев в 1919 г. — выполнял заказы, поступающие как от частных лиц, так и от учреждений. В 1924 г. И. Ф. Мамаев вступил в члены художественной артели «Муосчут» (костерез). Как члену артели ему было доверено создание двух бюстов В. И. Ленина из мамонтовой кости (высота скульптуры 25 см) и наружная инкрустация альбома о достижениях Якутии (хранится в Музее антропологии и этнографии Академии Наук). В 1925 г. артель распалась, но Мамаев продолжал работать по кости до 1928 г. За это время им было создано несколько крупных работ — якутская берестяная юрта с узорами, модель якутской юрты-балагана с хотоном, барельеф «Вид города Булуна», скульптура «Рыбак в челноке» и др.

В 1928 г. Мамаев перешел на производство и работал инструктором автотракторного дела до 1946 г., когда Якутским отделением союза художников был вновь привлечен к работе по мамонтовой кости.

Художественные изделия, вырезанные И. Ф. Мамаевым в период с 1946 по 1949 г., зарекомендовали его как замечательного мастера-костереза. Произведением высокого мастерства является чорон, вырезанный И. Ф. Мамаевым в честь 70-летия вождя народов И. В. Сталина. Чорон представляет собой сосуд 24 см высоты, диаметром 4,5 см (рис. 2). На стенках чорона в овалах мастер изобразил сцену празднования нового колхозного урожая, берег реки Лены с якутской городской пристанью и видом на центральную электростанцию, а также общий вид нового якут-

ского колхозного поселка, в котором низкие юрты заменены срубными домами в поселке — сельская электростанция, столбы для электропроводки, трактор работающий на поле, и табун упитанных лошадей. Чорон богато орнаментирован. Трогательная искренностью надпись на якутском языке: «Солнцу — Сталину за победу, за счастье от якутского народа». На выставке подарков товарищу Сталину демонстрируется также якутский нож с ручкой из мамонтовой кости работы И. Ф. Мамаева. На одной стороне ручки изображена охота с копыем на медведя, на другой — алегорическая картина из якутской сказки: орел на высокой скале охраняет 16 яиц и змей, выползающих из моря. Поражают изществом также ножи из корня березы инкрустированные серебром и обрамленные мамонтовой костью.

В Якутском музее изобразительных искусств демонстрируется шкатулка из мамонтовой кости (19×27 см), над ней И. Ф. Мамаев работал 12 месяцев. Боковые стенки шкатулки — жанровые барельефы: выступление В. И. Ленина на Финляндском вокзале в 1917 г., сцена боя советских войск с немецко-фашистскими захватчиками, охотники на фоне нового колхозного пейзажа, вид индустриального центра.

На крышке шкатулки возвышаются фигура И. В. Сталина и четыре башни Кремля. При оформлении шкатулки мастером широко применено художественное выжигание по кости — прием, сравнительно редко использовавшийся якутскими костерезами, и инкрустация кости камнями-самоцветами.

Хорошее впечатление производит мундштук с изображением орла, терзающего змею, — работы И. Ф. Мамаева.

Являясь инструктором костерезного отделения Якутского художественного училища, И. Ф. Мамаев настойчиво передает свое мастерство четырнадцати ученикам — якутам, русским, эвенкам, решившим посвятить себя костерезному искусству. Среди учеников И. Ф. Мамаева выделяется талантливый резчик Заболоцкий. Выставленный в Якутском музее изобразительных искусств барельеф работы Заболоцкого — «Великий преобразователь природы — И. В. Сталин» свидетельствует о неординарных художественных дарованиях молодого костереза. Миниатюрная скульптура Заболоцкого «Пастух верхом на олене» отправлена Якутским краеведческим музеем в подарок вождю венгерского народа Матнасу Ракоши.

Заслуживают внимания работы молодого резчика по мамонтовой кости Т. В. Амосова. Всего три года Т. В. Амосов работает как костерез, но работы его получили признание и за пределами Якутии. Еще в школе Амосов начал интересоваться изобразительным искусством: рисовал, лепил. Барельеф с портретами Ленина и Сталина, барельеф с портретом Горького, барельеф «Чапаев на коне» — первые работы молодого мастера, выполненные им в 1948 г., — привлекли внимание якутской общественности к его дарованию. Больших творческих успехов добился Т. В. Амосов, работая над оформлением шахматных фигур по мотивам олонхо (эскизы художника Е. М. Крылова). Король и королева представлены мастером в виде традиционной в олонхо патриархальной четы супругов в якутской национальной одежде (рис. 3а, б); слоны изображены в виде легендарных светлых богатырей олонхо, кольчугах и шлемах, с копьями в руках, в позе, вызывающей на поединок врага из царства зла; пешки представлены в виде воинов, преклонивших одно колено, обремененными батыями. Галерея образов олонхо прекрасно гармонирует с ладьями в форме старинных якутских берестяных юрт и конями, поднявшимися на дыбы. Шахматы, вырезанные Т. В. Амосовым, якутский народ преподнес вождю трудящихся всего мира И. В. Сталину ко дню его семидесятилетия.

В своих работах Т. В. Амосов умело применяет ажурную резьбу, инкрустацию кости рогом и отполированным корнем березы. Портсигар работы Амосова, экспонированный в Якутском музее изобразительных искусств, обращает на себя внимание тонкой ажурной резьбой. На крышке его вырезан чорон, на нем герб Якутской АССР, в боковые стенки портсигара врезаны пластинки из корня березы и черного рога «Пахота на быке» — миниатюрная скульптура из кости работы Амосова, хотя и вполне совершенна в композиционном отношении, — пахарь и поводырь изображены несколько статично, — тем не менее показывает, что мастер упорно работает над собой, исследуя все возможности наиболее полного использования костерезного искусства. В настоящее время костерез задумал выполнить серию барельефов портретов — «Большевики в якутской ссылке». Из этой серии уже закончен портрет Емельяна Ярославского. Барельеф заключен в ажурную рамку с якутским лирическим орнаментом.

Особое место среди работ современных якутских мастеров костерезов занимают работы В. П. Попова — миниатюрные скульптурные изображения на этнографических темах. В своеобразной традиционной манере, присущей работам якутских костерезов XIX в., выполнены В. П. Поповым композиционные группы: «У коновязи» — якут в старинной национальной одежде с конем, «Собачья упряжка», «Оленья упряжка», «Бой быков» и другие. Скульптурные группы несколько напоминают изображения якутов на гравюрах XVII в. При точной передаче деталей одежды, особенностей нарядов (рис. 4 и 5), фигуры людей и животных несколько стилизованы, угловаты. Такие же особенности присущи работе С. П. Попова² «Тюсюлгэ» (кумысолитя

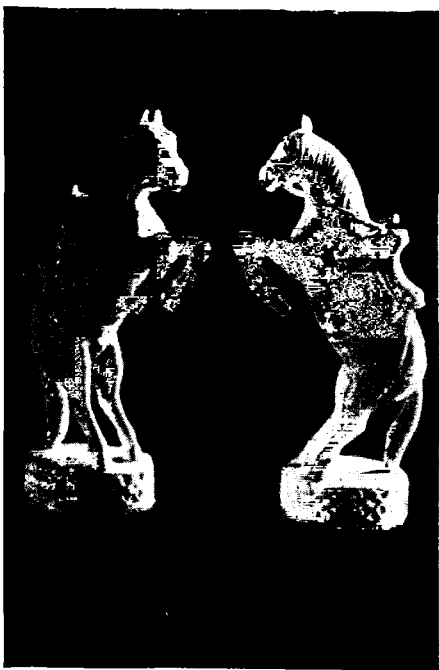
² Брат упомянутого выше костереза.

Рис. 1. Манчэры на коне. Работа А. Ф. Федорова. Музей изобразительных искусств.
Якутск

Рис. 2. Чорон. Работа И. Ф. Мамаева. Музей им. Пушкина, Москва

a

Рис. 3. Шахматы: *a* — слоны, *б* — пешки. Работа Т. В. Амосова,
Музей им. Пушкина, Москва

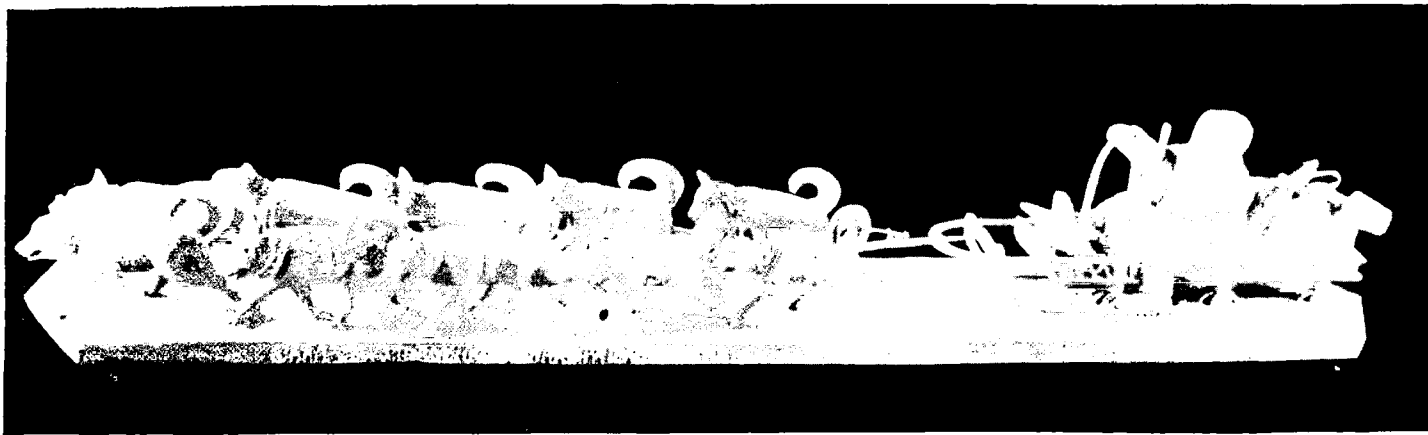
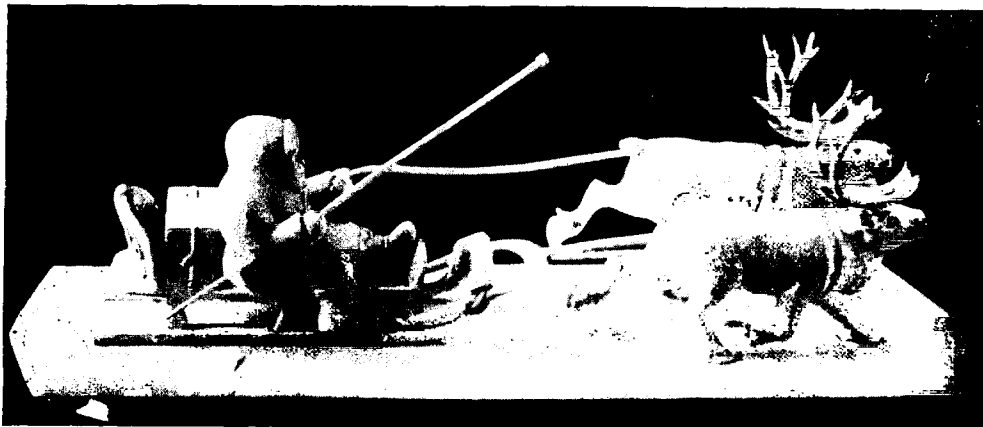

Рис. 4. Собачья упряжка. Работа В. П. Попова. Музей изобразительных искусств, Якутск

звое мужчин и одна женщина с чоронами в руках открывают колхозный ысыах — кумысный праздник.

Более реалистичны и динамичны скульптура И. Д. Ильина — «На праздник» — изображен якут, везущий прибор из мамонтовой кости. Фигуры якутки-охотницы с лисой, рыбака с рыбой, шахтера с отбойным молотком, вырезанные А. В. Федоровым, фигура якута с лисой работы Заболоцкого, изображение моржа на пресс-папье и рыбака на пепельнице Пестерова свидетельствуют о том, что костерезы успешно овладевают методами реализма и в жанре миниатюрной скульптуры.

Жизнерадостным, творческим восприятием действительности проникнуто современное якутское искусство резьбы по мамонтовой кости.

Мастеров-костерезов, как и весь якутский народ, волнуют героическое прошлое нашей Родины, величайшие стройки коммунизма, дружба народов нашей страны и в частности тема о И. В. Сталине — революционере, вдохновителе и организаторе побед советского народа. Для творчества современных выдающихся художников костерезов характерно сочетание идейности с высоким профессиональным мастерством, широкое использование якутских традиционных орнаментальных мотивов. Нужно отметить, что костерезы широко применяют перенесение разнообразных орнаментальных мотивов из якутских серебряных изделий на мамонтовую кость, вводят новые орнаментальные элементы — серп и молот, пятиконечную звезду и т. д. Вводятся в практику и новые приемы: инкрустация кости камнями-самоцветами, художественное выжигание.

Искусство резьбы по мамонтовой кости пользуется заслуженной любовью якутского народа. Записи в книге отзывов Якутского музея изобразительных искусств свидетельствуют о том, как внимательно и ревностно следят посетители Музея за успехами и ростом мастеров-костерезов.

Управление по делам искусств при Совете Министров Якутской АССР, Союз хвостских художников Якутии, работники Якутского музея изобразительных искусств Якутского краеведческого музея, сектора искусств Якутского филиала АН СССР должны выявлять талантливых мастеров-костерезов. Необходимо срочно создать условия для нормальной работы таким выдающимся мастерам, как Федоров, Мамаев, Амосов, и в первую очередь обеспечить их соответствующим помещением. Следует надеяться, что Управление по делам искусств в ближайшее время организует костерезную артель, учитывая большой спрос на художественные изделия из мамонтовой кости. Это мероприятие даст возможность привлечь к работе по мамонтовой кости большую группу способных мастеров, активизирует этот художественный промысел во многих районах Якутии.

Расцвет костерезного искусства, поднятие его на новую ступень, превращение народных мастеров-костерезов в профессиональных художников — говорят об успехах развития якутской культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме.

И. М. БАБАХАНОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГРУППЫ ЕВРЕЕВ-МУСУЛЬМАН В БУХАРЕ

В районах Бухарского эмирата и в городах бывшего Туркестана, где жили бухарские евреи, имелись еврей-мусульмане. За ними укрепилось прозвище «чаля», т. е. «полу(еврей)», «полу(мусульманин)», которое сделалось названием этой этнической группы. Это название употреблялось, однако, лишь посторонними. Сами еврей-мусульмане воспринимали и воспринимают это название как оскорбительное. Его оскорбительность ясно осознавалась и другими, почему оно употреблялось лишь за-глаз.

Еврей-мусульмане жили преимущественно в гор. Бухаре. В других городах Туркестана их было мало, и они, в основном, были выходцами из Бухары, которые бежали в русский Туркестан, желая вернуться к вере своих предков.

Численность евреев-мусульман в Бухаре может быть установлена лишь приблизительно. В Бухаре до революции точного учета населения не было. При переписях, производившихся за советское время, еврей-мусульмане особо не отмечались. По устным сообщениям, численность этой группы в Бухаре определялась от 200 до 250 семей.

С какого времени начала формироваться в Бухаре эта группа, пока остается неизвестным. Это не может быть выяснено по этнографическим данным, которые говорят лишь о пополнении ее за последние 100—150 лет новыми обращенными. Наиболее ранний из сообщенных информаторами случаев обращения еврея в ислам относится еще ко времени эмира Насруллахана (Батырхана), правившего в 1826—1860 гг.

После завоевания Средней Азии русским царизмом группа евреев-мусульман в Бухаре начала уменьшаться, так как некоторые семьи переселились в русский Туркестан и возвращались к еврейству. Новых же обращений, повидимому, не было.

Обращение евреев в ислам почти всегда носило принудительный характер. Обращению подвергались чаще всего те, кому предъявлялись какие-нибудь тяжелые, с точки зрения законов шариата, обвинения. Вследствие того что по шариату обращение в ислам считается богоугодным делом, обеспечивающим тому, кто его совершил, место в раю и уважение со стороны власть имущих, находилось немало желающих снискать себе и то, и другое. Поэтому, если еврей попадал как обвиняемый в лапы мусульманского «правосудия», ему предлагали спасти свою жизнь ценой отказа от своей веры и принятия ислама. Особенно рьяно обращением евреев в ислам занимались студенты медресе.

Угроза насильственного обращения в ислам всегда висела над евреями районов Бухарского эмирата. Опасаясь предъявления им какого-нибудь обвинения, они принимали все меры к тому, чтобы среди мусульман вести себя как можно осторожно. Однако и это спасало их далеко не всегда. Наиболее фанатичные из мусульман прибегали к хитростям и ухищрениям, чтобы получить возможность обратить еврея в ислам. Приемы были разные. Применялся, например, следующий: повстречав еврея на улице, ему задавали вопрос: «Неверный, откуда ты вернулся?» (кофир, аз кулди гашти). Пользуясь тем, что слово «гашти» имеет значение не только «вернулся», но и «отвернуться», «отречься», его ответ: «вернулся оттуда-то» — истолковывал как отказ от еврейской веры. Когда же тот, в отчаянии и возмущении, начинал это отрицать, его обвиняли в том, что он, сначала отказавшись от еврейской веры и тем самым став мусульманином, теперь отказывается и от ислама. Это было тяжким обвинением: за отступничество от ислама, по шариату, полагалась смертная казнь. Несчастного немедленно тащили к судье, и если находились люди, которые клятвенно свидетельствовали, что схваченный действительно принял ислам, ему не оставалось ничего другого, как подтвердить свое обращение или готовиться к смерти.

Принятие мусульманства оформлялось у казия, который в присутствии свидетелей должен был лично услышать ясный ответ о согласии принять ислам. Обычной формой ответа было: «Слава богу, я мусульманин» (Альхамду лилло, ман мусульмон). Новообращенному дарилась мусульманская одежда: халат и чалма. При принятии таким порядком мусульманства главой семьи и вся семья объявлялась также принявшей ислам.

Особые старания прилагались представителями эмирской власти к вовлечению в ислам людей, выдающихся по своему положению, богатству или талантам. Так был

обращены в ислам богатый мастер-ткач Довиди Ишра, калонтар еврейской общины Арони Кандин и прекрасный певец Борухи Калхок. Их обращение падает на время правления эмира Музаффархана.

Наряду с обычным насильственным обращением в ислам под угрозой тюремного заключения и казни бывали единичные случаи «добровольного» перехода в мусульманство под влиянием тяжелой нужды. Такие случаи имели место среди несобственных слоев еврейского населения. За вновь обращенными устанавливалось строгое наблюдение. Следили и фанатично настроенные люди из мусульман и специально назначенный человек, на обязанности которого лежало обучение новообращенных правилам новой веры и совершению молитвы — намаза.

Принужденные исполнять все предписания ислама, в то время, как за совершение еврейских обычаев и обрядов им грозили преследование и смерть, обращенные усваивали постепенно многие элементы мусульманства, которые в разных пропорциях и соотношениях сочетались в их быту и сознании с элементами еврейства.

Для некоторых мусульманство сделалось уже религиозий отцов и дедов. Они учились в мусульманских школах — мактабе и медресе и получали духовное образование. Некоторые из них превращались в ревностных и даже фанатичных мусульман. Можно думать, что эта группа состояла из потомков евреев, обращенных в ислам давно, несколько поколений тому назад.

Другие, исповедуя ислам как свою наследственную религию, втайне сохраняли также перешедшую к ним от старшего поколения и некоторую приверженность к еврейству. Элементы обеих религий сплетались в их быту и идеологии в одно целое: ясным, однако, преобладанием мусульманства.

Наконец, третьи, совершая некоторые мусульманские обряды, придерживались в основном еврейства. Таких среди евреев, обращенных в ислам, было немало. Жизнь в феодальной Бухаре была для них в особенности тяжела. Совершая тайно у себя за дому еврейские обряды и соблюдая многочисленные в еврействе религиозные запреты, они подвергали себя смертельной опасности. В особенности много хлопот доставляло соблюдение запретов в отношении пищи, так как деловые отношения иногда не позволяли уклоняться от общих с мусульманами трапез.

Некоторые еврей-мусульмане тайком обучали детей еврейской грамоте, наряду с обучением в мусульманской школе (мактаб), так как овладение арабской письменностью было полезно в жизни. В своих семейных обрядах еврей-мусульмане этой группы также придерживались еврейства: производили обрезание на восьмой день, выполняли все еврейские свадебные и похоронные обряды, которые совершались ими после выполнения обязательных для них мусульманских обрядов.

Выполнение обрядов еврейских и невыполнение некоторых мусульманских (например, совершение обрезания не по мусульманскому, а по еврейскому обряду) осуществлялись при помощи взятков. Это сделалось возможным лишь при последних эмирах, после организации русского Политического Агентства, когда еврей-мусульмане преследовались не так сурово, в то время как еще при Музаффархане, по сообщениям, все это было до крайности затруднено строгим наблюдением за всей жизнью евреев-мусульман.

Браки евреев-мусульман происходили в большинстве только в своей среде. Имелись лишь отдельные случаи браков с таджикским или узбекским населением Бухары. Мусульмане очень неохотно завязывали с ними брачные связи. Случаев брака между евреями-мусульманами и правоверными евреями не было.

Браки, заключавшиеся между евреями-мусульманами, обязательно оформлялись мусульманским брачным обрядом. Однако у представителей третьей из выделенных нами подгрупп они также обязательно скреплялись совершением еврейских свадебных обрядов, которые считались ими необходимыми, чтобы брак был законным. Не признавался законным и развод, который не был оформлен еврейским раввином, так как у евреев, в противоположность мусульманам, развод носил религиозный характер. Только после совершения развода по еврейскому обряду у евреев-мусульман, за исключением тех, кто полностью перешел к исламу, считалось возможным вступление в другой брак.

Похороны у всех отмеченных групп евреев-мусульман без исключения производились на кладбищах бухарцев-суннитов по мусульманскому обряду. В далеком прошлом это делалось для того, чтобы не вызывать разговоров и преследований, потом — по уже установившейся традиции. Однако, наряду с мусульманскими похоронными обрядами, некоторые еврей-мусульмане тайком совершали также и еврейские похоронные обряды.

Все это делало быт этой группы весьма своеобразным, отличным от быта всех остальных групп бухарского населения.

* * *

После Великой Октябрьской революции, когда был свергнут весь старый строй феодальной Бухары, причины, приведшие к сложению этой группы и придавшие ей специфические черты, были полностью ликвидированы. Уничтожение национального еврейства и гнета в условиях советского строя позволило евреям-мусульманам активно влиться в общее хозяйственное и культурное строительство советской Бухары, спешно преодолевая ту былую обособленность и отсталость, которые были порождены их мрачным и тяжелым прошлым.

А. П. КОЛПАКОВ

КУРДСКОЕ ПЛЕМЯ ДЖЕЛАЛАВАНД

Племя джелалаvand рассеяно по всему Ирану. Основная часть его обитает в Керманшахском округе в районе Динавара, где числится 300 хозяйств; значительная часть живет в Казвине, Туйсеркане, Шахи и в окрестностях Тегерана. Около 500 лет назад это племя переселилось из Шираза, где и теперь находится некоторая его часть. Вне Керманшахского округа жителей племени джелалаvand насчитывается 1000 семейств. Племя говорит на курдском наречии Керманшаха — «курдин керманшахи». По происхождению оно родственно племени зенгене. Часть племени, живущая в районе Динавара, исповедует культ Али илахи и частично ислам шиитского толка.

Динавар — старинный город на западе Ирана. Из него родом историк Ахм Абу Ханифа Динавари. В Динаваре имеются памятники древней культуры, развалины зданий, встречается много древней керамики. В данное время в Динаваре около 12 тыс. жителей, в том числе лаков, кулион и вармазиер. Динавар в средние века был одним из важных городов. Он находится на прямой линии между Кенгаваром на юго-востоке и Керманшахом на юго-западе, и расстояние до Динавара от Кенгавара и Керманшаха почти одинаково — около 50—52 км. Город расположен в самой северной оконечности плодородной равнины, на высоте 5000 футов над уровнем моря. Орошается рекой Аби Динавар, которая вливается в Джамас Аб, принадлежащую к бассейну р. Керхе.

Основание Динавара, о котором имеются сирийские источники (где он называется Динахвар), датируется домусульманским периодом. Во времена халифа Омар Динавар был самым населенным городом в районе Хамадана. После битвы при Нихавенде, около 642 г. н. э. Динавар был сдан арабам. В X в., по сообщению Ибн Хаукаля, Динавар по величине равнялся одной трети Хамадана. Мукаддаси говорит о хорошо устроенных базарах и богатых фруктовых садах вокруг Динавара. Мукадаси и Казвини сообщают, что здесь вырабатывался лучшего качества сыр. Как пишет Масуди, около города кочевало курдское племя шухаджан.

Один из курдских правителей Хасанвай, живший в этом районе, основал небольшое независимое курдское владение, столицей которого был в течение 50 лет Динавар. Владение это потеряло самостоятельность в 979 г. В XIV в. Динавар был еще населен и во время походов Тимура был разрушен. В настоящее время местоположение древнего Динавара обозначается только холмами земли, которые часто раскапываются местным населением в поисках кладов. Здесь находили монеты, золотые, серебряные и медные вещи, медные чаши, кувшины из серебра, а также медные и бронзовые изображения петухов, которые употребляются при исполнении обрядов культа Али илахи. Во многих местах около Динавара находятся следы древней дороги, пробитой через скалу. Вероятно, эта дорога соединяла Динавар с Багдадом.

Современное курдское племя джелалаvand, относимое некоторыми авторами к лакам, живет оседло около Динавара. Основная масса земель находится в руках мелких помещиков — хурдемаликов, сдающих землю в аренду крестьянской бедноте. Возделывают пшеницу, ячмень, мак для опиума, овощи, разводят сады. Тяжелая доля бедного крестьянства этого племени вдохновила писателя — курда Худод-Заде происходящего из этого племени, на написание книги «Рузи снѣхи коргар», переведенной на русский язык под заглавием «Крестьянская доля».

При посещениях племени джелалаvand в 1943 и 1944 гг. нам удалось зарегистрировать некоторые факты из его этнографии.

При рождении ребенка отец уходит из дома, и новорожденного принимает повитуха (момб). Через 8—10 дней после родов роженица идет в баню. Ночью при новорожденном зажигают светильник, горящий до утра, что продолжается в течение 40 дней для того, чтобы «отогнать злых духов». В течение первой недели огнем отпугивают от роженицы и новорожденного злого духа «ол», который, по представлению джелалаvand, похож на женщину с рыжими длинными косами и с желтым лицом. Верят, что он похищает печень роженицы, отчего она умирает. По прошествии недели отпугивают злого духа «аджина», который, по представлению курдов, появляется в виде маленького человекообразного существа с длинными волосами косыми на

нами; на ногах — копыта, а на руках — обычные пальцы. Из других злых духов джелалаvand знают «дивов». По их представлению, див имеет два рога, тело его покрыто грязной шерстью, на руках и ногах — острые когти. Дьявол, или «шайтан», представляется в виде старца, по другим воззрениям, — в виде молодого юноши. «Пери», по представлениям джелалаvand, красива, имеет крылья. Это существо не считается злым духом, и пери не боятся.

Новорожденного в течение 10 дней пеленают, одевают в рубашу (пирофан). Вместо люльки из дерева делается «лалю» — полотнище, качающееся в воздухе на четырех веревках. Излюбленные имена для мальчиков: Мухаммад, Ахмед, Али, Хасан, Фархад, а для девочек: Хадиджа, Рукия, Фотима, Шакар, Ширин. Наречение имени (исмгузори) происходит на седьмой день после рождения. Смотря по состоянию родителей, созываются родные и близкие знакомые. Устраивается угощение, которое иногда сопровождается музыкой и пением. Имя младенцу дается отцом совместно со всеми его родными.

Обрезание (хатана сурон) производится чаще всего в возрасте от шести месяцев до одного года, хотя бывают случаи выполнения этого обряда и в семилетнем возрасте. Обрезание производит приглашенный для этой цели парикмахер (сальмон). Обрезанное место засыпается порошком растения «гйён» и сверх этого смазывается маслом, затем накладывается бинт. Мать кормит ребенка: мальчика до 24 месяцев, девочку до 18 месяцев. Дети рано начинают работать. С семи или восьми лет им поручается пасти ягнят. Девочки тоже с этого возраста участвуют в работах по домашнему хозяйству. Из детских игр известна чехарда (сипар), игра в мяч (тулбон), в чижика (аладулык), в бараньи кости (коббози), в орехи (гирдубози).

Юноши женились в возрасте 15 лет, девочек выдавали замуж в 12-летнем возрасте. Приданое невесты «джиноз» жених осматривает в доме невесты, выдавая расписку в том, что в случае его смерти это имущество останется во владении невесты. Девочек обычно продают, цена им, смотря по состоятельности жениха, колеблется от 100 до 5000 туманов. Эта плата жениха за невесту называется «меприе».

Сватовство ведется через двух-трех свах, обычно родственниц жениха, выполняющих эту миссию безвозмездно. Если свахи приглашаются со стороны, то жених им плативает по 10—20 туманов. Свадьба празднуется от одного до семи дней. Во время свадьбы лицо невесты закрывается красным платком. Жених открывает этот платок при совершении брачного обряда и здесь же дарит невесте золотые или серебряные деньги, иногда драгоценную вещь. На свадьбе присутствуют мужчины и женщины, но женщины танцуют отдельно от мужчин. Однако женщины, состоящие в родстве с мужчинами, танцуют с мужчинами вместе. Танцы происходят под звуки музыкальных инструментов: соз, духуль, дузала и маленькой свирели — «най»; распространен танец с платками (чупи). Исполняются также во время свадьбы курдские песни.

Свадьба происходит обычно в доме жениха и очень редко в доме невесты. Невеста выезжает из дома отца верхом на жеребце, которого ведет под уздцы мужчина; ее сопровождают близкие и родные. Невеста покрыта от головы до колен одеждой красного цвета — «чоркадди». Седло коня разукрашено, грива и хвост украшаются хлопком. Люди жениха едут встречать невесту; при встрече и при вводе невесты в дом жениха часто раздаются выстрелы и крики радости. Жених в этот момент стоит у окна или у двери дома и бросает яблоки или что-нибудь сладкое приближающуюся кавалькаду, причем старается бросать сладости на голову невесты. Затем жених снимает невесту с коня, берет ее на руки и несет к месту, где начинается свадебное торжество. По окончании свадебных торжеств родные невесты приходят ее навестить; этот визит называется «арус дидан»; родные приносят в подарок молодой деньги, материю и пр.

Развод имеет право давать преимущественно муж. Жена может требовать развода, если муж отсутствует в течение года. После развода женщина может выйти замуж порочно по истечении 100 дней.

Женщина племени джелалаvand несет много обязанностей: печет хлеб, сама устраивает «танур» — печь для выпечки хлеба, тклет ковры, паласы и другие изделия из овечьей шерсти, доит животных, prepares различные молочные продукты, шьет одежду, занимается полкой овощей на огороде. Зерновые культуры в поле собирают только мужчины.

Мужчина может иметь самое большее четырех жен, но это только у состоятельных курдов. Обычно бедному курду трудно прокормить и одну жену. Если имеется несколько жен, то они живут в отдельных помещениях, но часто случается, что в одном помещении с мужем живут две жены.

Жилище у джелалаvand называется «хоне» или «маскан», дома богачей называют «калга». В большинстве случаев жилище строится из глины, затем из камня иногда из кирпича. Части жилища носят следующие названия: окно — дарица или арбача, дверь — дар, пол — замин, потолок — бон, крыша — пуштибон, труба — рикаш. Из хозяйственных пристроек при жилище курда имеются: тавяла — хлев из скота, кахдон — склад для соломы, лонамомер — курятник, медвах — кухня.

Среди джелалаvand распространены женские ткацкие ремесла. Женщины ткнут из овечьей шерсти тонкие шерстяные покрывала (джоджи), ковры — коли, паласы — ним и шерстяные мешки — хур.

Виды мужской одежды следующие: фараджи или капанак — белая зимняя одежда из овечьей шерсти с отверстиями под рукавами; рукава этой одежды закрыты шаволь — шаровары, карос — рубаша, кут — пиджак, калоу — шапка, джалиска — жилет. Женская одежда: кароси занона — длинная рубаша, джалиска — жилет, савин — головной убор, состоящий из нескольких платков, калош — туфли с тряпичной подошвой.

Хлеб выпекается различных форм. Соджи называется хлебная лепешка, испеченная на листе железа на костре, лаваш — тонкий и длинный хлеб, выпекаемый печке — тануре; имеется еще сорт хлеба, называемый «гирда». На зимний сезон заготавливается кушанье — тархина, состоящее из вареной пшеницы, соли и густого ду (отходы молока). Эту смесь сушат на солнце дней десять. Зимой отламывают от этой сухой массы кусок в 0,5 кг на 3 л воды и варят с коровьим маслом. Из других кушаний у джелалаванд встречается: шалкам — пшеница, сваренная с травяными шалками и с уксусом (употребляется с мясом); коурма — баранье вареное мясо с примесью муки, опущенное в сало (в зимнее время из этого мяса готовят различные кушанья); мосово или оши мост — вареный рис с вареной и растолченной пшеницей; ишкина — яйца и мелко нарезанная морковь, сваренные в воде; шириндж — рисовая каша с молоком и маслом; обгушт — мясной суп; употребляют также плов. Мясо употребляют преимущественно баранье и козлиное. Мясо овец и коз-самок почти не употребляют.

Названия домашних животных следующие: асп — лошадь от двух лет, курра — жеребенок до двух лет, модийен — кобыла, ахта — мерин (но мериньи встречаются очень редко); модагоу — корова, гоу — бык, монго — трехлетняя телка, поргур — бычок до двух лет, калагоу — бычок трех лет, гур — теленок однолетний, варк (и барра) — ягненок до шести месяцев, кошир — барашек до одного года, шак — двух лет, варан — барашек до трех лет. Овцу называют мишь или ми; бизын — козел, тюшк или гиск — козленок в возрасте одного года, совырин — козел-вол в четырехлетнем возрасте (водит стадо в течение 8—10 лет, мясо его в пищу употребляют), явйр — самец-козел до одного года; мург — курица (часто ее называют момер), джуджек — цыпленок, вылупившийся из яйца, и до четырех-пяти месяцев, фирьдж — цыпленок от пяти месяцев до года, калашир — петух.

Земля обрабатывается у джелалаванд первобытными орудиями, названия которых следующие: говосин — примитивная деревянная соха с железным наконечником — борона из досок или из веток дерева, һюя — ярмо, чон — орудие для молотбы, представляющее собой деревянный цилиндр со спицами в 0,5 м (чон тянут пар быков по току, где расстилаются снопы пшеницы или ячменя); тило или чуб — ручная молотилка. Молотыба зерновых на току при помощи быков или ослов называется һулә. Шан — вилы с 5—7 зубьями, дос — серп. Сев производят всегда только мужчины, женщины никогда такой работы не выполняют. Единицей измерения земельной площади является «бона» или «парча» — это полоса земли, рассчитанная на разную ширину сеятеля в 3 м ширины и в 10 м длины. Участок земли, вспаханный с утра до полдня паром быков, называется «говһон». Участок земли одного владельца называется «пешк» или «наса́к». Курды племени джелалаванд разводят также фруктовые деревья. Названия их следующие: сиф — яблоня, амрү — груша, ардоло — абрикос, алюбю — вишня, алюбзард — желтая слива, анор — гранат, анджир — инжир, гиркон — грецкий орех, аньгюр — виноград.

Х Р О Н И К А

ЗАСЕДАНИЯ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫЕ ГОДОВЩИНЕ ВЫХОДА В СВЕТ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

23 июня состоялось заседание Ученого совета Института этнографии, посвященное годовщине выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». С докладом «Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» выступил директор Института проф. С. П. Толстов. Он осветил то огромное значение, которое имеет этот труд для дальнейшего развития советской этнографической науки, и подвел итоги годовой работы советских ученых, проводившейся в свете положений И. В. Сталина, высказанных им в его новом произведении.

В своем докладе «Развитие антропологии в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» М. Г. Левин разобрал имевшие ранее место ошибки советских антропологов, связанные с некритическим восприятием ими некоторых порочных положений Н. Я. Марра по вопросам этногенеза, и обрисовал ту работу, которая была проведена по преодолению этих ошибок и разработке коренных проблем антропологической науки в свете учения И. В. Сталина¹.

В. И. Чичеров в докладе «Развитие советской фольклористики в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию» отвел большое место критике концепций Н. Я. Марра в области исследования народного творчества и выяснению связи марровских построений со взглядами А. Н. Веселовского и Леви-Брюля. Докладчик остановился далее на вопросе об использовании сравнительно-исторического метода, показав, что некоторые советские исследователи превратно понимают высказывание товарища Сталина по этому вопросу², толкуя его как реабилитацию компаративистской методики. Как уже отмечалось в печати, призыв «назад, к Веселовскому в исправленном и дополненном виде» в завуалированном, правда, виде прозвучал, например, в изданной в 1951 г. брошюре А. И. Белецкого «Значение труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для советского литературоведения». Автор брошюры опускает замечание И. В. Сталина о серьезных недостатках сравнительно-исторического метода и забывает, что этот метод в литературоведении получил особые черты, отличные от того, что имело место в языкознании, ибо был связан с порочной методологией компаративизма. Из высказывания товарища Сталина надлежит сделать вывод, что к сравнительно-историческому методу следует подходить с осторожностью и использовать его умело. В этом отношении можно оценить положительно работы Института этнографии, в которых привлекаемый сравнительный материал служит правильному освещению рассматриваемых вопросов. Марксистский подход к анализу сравнительного материала дал возможность завершить и углубить ряд выполнявшихся Институтом работ, в частности, по исследованию родства культуры и искусства славянских народов.

Важнейшее значение для дальнейшего развития фольклористики, сказал В. И. Чичеров, имеет указание товарища Сталина о необходимости изучать язык и законы его развития в неразрывной связи с историей народа. Конечно, подчеркнул докладчик, язык и народное творчество не могут быть отождествлены, однако исследования в области того и другого могут и должны осуществляться только в плане изучения их исторического развития. Внеисторический подход к явлениям народно-поэтического творчества, как и к явлениям языка, неизбежно приведет к метафизическим изысканиям, к формализму, следовательно, к идеализму. В этом отношении нашими фолькло-

¹ Переработанные стенограммы докладов С. П. Толстова и М. Г. Левина публикуются в настоящем номере журнала.

² См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 33.

ристами сделано еще очень мало. Первоочередной задачей является создание истории художественного творчества народов СССР, в особенности советского социалистического искусства, творимого повседневно в неразрывной связи с трудовой деятельностью советских людей. Работа эта должна быть выполнена безотлагательно.

И. И. Потехин доложил Ученому совету о том огромном влиянии, которое оказал новый труд И. В. Сталина на работу группы по изучению народов колониальных стран. Основной темой этой работы является исследование проблем формирования наций в условиях колониального режима. Руководящей нитью в этих исследованиях являются основополагающие работы товарища Сталина по национальному вопросу. Новая его работа «Марксизм и вопросы языкознания», развивающая дальше некоторые стороны его учения, помогла уточнить наше понимание нации, наций, представления о путях ее формирования на различных этапах общественного развития, помогла преодолеть порочное влияние лингвистических построений Марра, сказавшееся при разработке этих проблем. На примерах некоторых африканских языков И. И. Потехин показал, какую неоценимую помощь оказал новый труд И. В. Сталина для правильного понимания путей развития этих языков, для преодоления трудностей вставших перед советскими африканистами, которые в своих исследованиях были связаны господствовавшими в лингвистике порочными положениями Марра и его учеников, противоречащими фактам и вносящими путаницу в объяснение этих фактов.

П. И. Кушнер отметил плодотворное воздействие новых трудов И. В. Сталина на деятельность Института этнографии и то отражение, которое получили эти труды в тематике работы Института за последний год. Однако, сказал П. И. Кушнер, еще имеются значительные пробелы, часть которых связана с недостаточно глубоким усвоением работниками Института марксистско-ленинского учения. Предостерегая против догматизма и начетничества, до сих пор еще проявляющихся в понимании некоторыми советскими учеными важнейших проблем марксизма-ленинизма, П. И. Кушнер подчеркнул настоятельную необходимость дальнейшего глубокого изучения и усвоения марксистско-ленинской теории, самого ее существа, без чего невозможно не только довести до конца любое научное исследование, но даже и правильно поставить ту или иную проблему.

В заключительном слове С. П. Толстов отметил, что заслушанные на заседании доклады и выступления показали, какую значительную работу развернули советские этнографы и ученые смежных дисциплин, опираясь на гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию. Нет сомнения, что эти труды будут служить и в дальнейшем путеводной нитью для постановки и разрешения все новых и новых проблем. Выступление товарища Сталина не только произвело исключительное впечатление на советских людей — от лингвистов и ученых других специальностей до широких масс советского народа, но и за рубежом это выступление прозвучало с огромной силой и оказало большое влияние на настроения ученых самых различных направлений, еще раз воочию показав, что наша партия, ее вождь товарищ Сталин ведут советскую науку по пути ее невиданного расцвета, что только в Советском Союзе, под руководством нашего великого вождя наука получает условия развития, которых она не может иметь ни в одной капиталистической стране.

В связи с годовщиной со дня выступления И. В. Сталина в свободной дискуссии по вопросам языкознания, открытой газетой «Правда», теоретическая группа по изучению социалистической культуры и быта народов СССР и сектор Сибири ленинградской части Института этнографии АН СССР организовали 19—20 июня широкие заседания ленинградских этнографов.

На заседаниях была заслушана и обсуждена серия докладов, посвященных проблеме изучения национальной консолидации народов Сибири. В докладах было подчеркнуто исключительно ценное, основополагающее идейно-теоретическое значение гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для изучения указанной проблемы.

Открывший заседание проф. Л. П. Потапов в вступительном слове кратко охарактеризовал деятельность ленинградской части Института по перестройке научно-исследовательской работы в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Затем Л. П. Потапов выступил с докладом на тему «Теоретические основы и задачи изучения проблемы национальной консолидации народов Сибири». Докладчик подчеркнул, что в результате практического осуществления ленинско-сталинской национальной политики народности Сибири в невиданно короткий срок ликвидировали политическую, экономическую и культурную отсталость и перешли к социализму, минуя капиталистический путь развития. Советский государственный строй создал благоприятные условия для свободного национального развития сибирских народностей и их национальной консолидации. Изучение процесса национальной консолидации народов Сибири имеет большое теоретическое и практическое значение. Теоретическим фундаментом этого исследования должно явиться ленинско-сталинское учение по национальному вопросу и особенно труды И. В. Сталина. Идейно-теоретическое богатство, содержащееся в его новом труде, открывает новые, весьма широкие горизонты для исследования этой проблемы.

Докладчик указал также, что национальная консолидация народностей Сибири является глубоко прогрессивным историческим процессом, который характеризуется укрупнением и усилением отдельных сибирских народностей и социалистических наций. Процесс этот сопровождается обогащением культуры отдельных сибирских народностей и наций за счет включения в них и слияния некоторых мелких национальностей.

групп. В результате формируются новые национальные образования, более сложные по составу этнических элементов и более богатые по социалистической национальной культуре. Л. П. Потапов подчеркнул, что источниками для исследования данной проблемы должны послужить: а) этнографические полевые материалы, б) решения и резолюции центральных органов партии и местных партийных организаций, отражающие ленинско-сталинскую национальную политику, в) советское законодательство, г) материалы как центральных, так и местных архивов по советскому периоду.

Доклад А. Ф. Анисимова «И. В. Сталин о социалистических нациях и задачи изучения национальной консолидации народов Сибири» был посвящен изложению учения И. В. Сталина о социалистических нациях и выявлению значения для разработки этой проблемы нового труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В заключение докладчик обрисовал конкретные задачи исследования процесса формирования социалистических наций у народностей Сибири (якуты, буряты, монголы).

Доклады Е. Д. Прокофьевой «Ленин и Сталин о национальных меньшинствах» и Н. Ф. Прытковой «Советское законодательство как источник изучения проблемы национальной консолидации народов Сибири» развивали и дополняли первые два доклада и внесли много нового для определения конкретных задач исследований по указанным вопросам.

Доклады вызвали оживленные прения. Выступали сотрудники, занимающиеся изучением процесса консолидации народов Кавказа (Л. И. Лавров, Е. Н. Студенечкая), Средней Азии (С. М. Абрамзон), народов Сибири (П. И. Каралькин, проф. Н. Н. Степанов), народов зарубежных стран (проф. Д. А. Ольдерогге) и другие. Выступавшие отмечали значение для этнографической науки труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», а также правильность и четкость теоретической постановки многих важных вопросов, затронутых в докладах. С. М. Абрамзон отметил, что задачи, стоящие перед изучающими процессы консолидации народов Сибири, серьезные и важны. Доклады дали не только теоретические установки, но и указали практическое направление исследовательской работы. Значение разработки этих проблем далеко выходит за рамки Института этнографии, так как эти проблемы имеют большое политическое и международное значение, ибо народы стран, сбросивших иго империализма, следуют примеру советских народов.

О. Корбе, Е. Прокофьева

ЭКСПОЗИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

В 1950 г. в Музее были открыты две постоянные этнографические экспозиции — «Народы Северного Кавказа» и «Народы Поволжья». Показу предшествовала длительная экспедиционная работа в Кабардинской, Осетинской, Марийской и Чувашской автономных республиках, в тесной связи с местными научными организациями.

При построении экспозиций возник ряд проблем, связанных с наиболее правильным освещением быта и культуры народов.

Прежде всего встал вопрос об историчности показа в этнографической экспозиции. Лучшим разрешением этого вопроса оказалось разделение экспозиции на два принципиально отличных друг от друга отдела, а именно: данный народ, его быт и культура до Великой Октябрьской социалистической революции и после Октября, в условиях расцвета народной жизни под знаменем Сталинской Конституции. Благодаря такому делению удалось вскрыть те качественные изменения, которые произошли в жизни данного народа в советских условиях. Такое деление было применено в экспозиции «Кабардинцы» и «Народы Поволжья». Экспозиция «Осетины» была построена по принципу сопоставления прошлого и современного. В каждой данной теме — земледелие, животноводство, положение женщины, воспитание детей и т. д. — указывалось на те достижения, которые в этой области принесла народу Великая Октябрьская социалистическая революция. Но методом сопоставления все же не удалось достигнуть полноты исторического показа, и поэтому уже последующие экспозиции строились по принципу разделения на две эпохи.

Новым при построении этнографических экспозиций в настоящее время является больший историзм этнографического показа, выявление классовой дифференциации общества. Основное внимание направляется на заострение классовой характеристики бытовых экспонатов (жилища, пищи, одежды и т. д.), тщательный отбор того качественно особенного, что каждый народ, малый или большой, вносит в мировую сокровищницу культуры, показ связи данного народа с прогрессивной русской культурой еще в условиях царизма, выявление культурного наследия данного народа, показ того, что дала Великая Октябрьская социалистическая революция данному народу — государственное устройство, промышленное развитие, победа колхозного строя, появление своей интеллигенции, стахановцев полей и промышленности, расцвет культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Для показа кабардинского народа в Музее отведен специальный зал. В центре его помещен бюст великого вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина. На постаменте приведены следующие слова из письма кабардинского народа товарищу Сталину: «Кабардинский народ останется вечно Вам благодарным за освобождение

от ига царских колонизаторов и местных феодалов, за создание Вами автономной Кабарды.

Благодаря огромной помощи советского правительства и лично Вашей, дорогой Иосиф Виссарионович, Кабарда — бывшая царская колония — за короткий исторический срок достигла крупных успехов в хозяйственном и культурном строительстве.

Лучами Сталинской Конституции озарен путь борьбы и побед для всех угнетенных народов мира».

Экспозиция начинается с исторического введения и географической характеристики. Помещенная на щите историческая справка рассказывает о прошлом кабардинцев, об их давних связях с русским государством, о помощи, которую им оказывал русский народ в борьбе с угнетателями, о подлинно творческом расцвете культуры кабардинского народа в советскую эпоху.

На щите показаны фото, иллюстрирующие пейзажи Кабарды, и приведена рельефная географическая карта с указанием границ, где живут кабардинцы.

Раздел, характеризующий прошлое Кабарды, открывается темой «Классовое расслоение общества в дореволюционной Кабарде». Раскрыть эту сложную тему удалось показом представителей разных слоев кабардинского общества. Здесь мы видим князя, одетого в кольчугу, со всеми ратными доспехами, княжну в одежде из бархата, расшитого золотом, в высоком головном уборе, стоящей на специальной подставке для увеличения своего роста, чтобы выделить себя из окружающей среды и подчеркнуть этим свое «высокое» происхождение. Здесь же показаны те, кто был угнетаем, кто создавал те ценности, которые давали кабардинским феодалам возможность богато жить: между фигурами князя и княжны находится манекен крепостной женщины за работой, а дальше в шкафу выставлены манекены пастуха и земледельца в одежде и с орудиями производства.

В качестве специального экспоната дана схема общественного устройства, отражающая двойной гнет, который испытывал кабардинский народ со стороны царизма и местных феодалов.

Далее показаны основные занятия населения в дореволюционное время. Широко представлены различные занятия ремесленников-кабардинцев и довольно полно показаны различные ремесленные инструменты. Широко и полно представлена национальная одежда кабардинцев и замечательный национальный орнамент.

Советский раздел экспозиции начинается характеристикой государственного устройства Кабардинской АССР. Приведенные материалы показывают, что великий Сталин лично уделял огромное внимание государственному устройству кабардинского народа. Щит открывается приветствием И. В. Сталина участникам съезда народов Кабарды 12 июня 1921 г.

Под знаменем Сталинской Конституции расцвела Кабарда. Высоко поднято социалистическое земледелие, коренным образом улучшился быт кабардинских рабочих, колхозников, интеллигенции. На примере колхоза имени Кирова показаны достижения в области сельского хозяйства: экспонирован макет, характеризующий быт колхозника, даны фото благоустроенных кабардинских селений.

Ряд щитов посвящен искусству и культуре кабардинского народа. Литература на кабардинском языке, переводы на кабардинский язык произведений великих учителей и вождей советского народа В. И. Ленина и И. В. Сталина характеризуют огромный подъем культуры народа и рост его интеллигенции. На этом щите приведены замечательные слова великого пролетарского писателя А. М. Горького: «Конечно, народ был исторически отсталым, в этом не его вина, а его беда. Сейчас надо только радоваться кабардинскому народу, быстро овладевшему культурой. Вы будете счастливы жить в братской семье народов, в которой глава семьи — отец ее мудрый Сталин».

Широко развито народное творчество кабардинского народа. Это иллюстрируют фото национальных ансамблей, макеты театральных постановок, национальные вышивки, одежда и др.

Заканчивается экспозиция здравницей кабардинского народа в честь великого Сталина:

Жить тебе долгие годы!
Слышишь, тебе отовсюду
Шлют пожеланья народы,
Слово твое долетело
К самым далеким аулам,
Через границы наречий
К сердцу народов прильнуло.
Мы бережем твое слово,
Мы его в памяти носим.
Жить тебе долгие годы!

Экспозиция «Народы Поволжья» посвящена марийцам и чувашам. Эта экспозиция построена по тому же принципу, т. е. разделена на досоветский (преимущественно со второй половины XIX в.) и советский периоды.

Начинается экспозиция с показа марийцев. На вводном щите дана историческая справка, рассказывающая о том, что до Великой Октябрьской социалистической революции марийцы были одним из отсталых народов, что в условиях царизма они были обречены на вымирание. Приведенные в справке цифры говорят о почти сплошной неграмотности населения, экономической отсталости края, огромнейшем проценте смертности среди детей (70%), массовой заболеваемости трахомой (65%).

На щитах и рундуках выставлены экспонаты, характеризующие основные занятия марийцев до революции. Примитивные орудия (соха, ручная молотилка, стрелы для охоты, ловушки для зверей, колодный улей и др.) сами наглядно рассказывают посетителю об отсталости хозяйства и тяжелой жизни марийцев в дооктябрьский период.

Жилище марийца XIX в. Из экспозиции «Народы Поволжья». Государственный музей этнографии народов СССР, Ленинград

Экспозиционной удачей в этом разделе является показ жилища марийца XIX в. На открытой сцене показана в натуральную величину «кудо» — курная изба (в разрезе) со всей ее неприглядной домашней утварью. В избе две женщины, одна у котла за варкой пищи, другая сидит на полу с ручным жерновом, здесь же ребенок. На завалинке манекен старика, плетущего корзину.

Эта сцена, насыщенная подлинными этнографическими экспонатами, надолго останавливает внимание посетителей Музея, которые внимательно вглядываются в каждую деталь. Такого рода комплексные сцены, которые формируют у зрителя яркое представление о жизни народа, имеют большое значение в музейной экспозиции. Значительное место в экспозиции уделено марийской национальной одежде, отличающейся большим разнообразием. Показаны половозрастные различия в одежде, дана классовая характеристика ее. В одежде не могли не сказаться также взаимовлияния соседних народов — чувашей, башкир, татар и в особенности русских.

Советский раздел экспозиции начинается с показа карты Марийской АССР. Здесь же приведен исторический текст постановления ВЦИК и СНК об образовании автономной области марийского народа от 4 ноября 1920 г. за подписью М. И. Калинина и В. И. Ленина.

За годы советской власти коренным образом изменился облик Марийской АССР, выросла социалистическая промышленность (лесная, бумажная, пищевая и другие отрасли промышленности). Некогда заброшенный маленький провинциальный городок Царевококшайск превратился в цветущий город Йошкар-Ола (Красный город) — центр Марийской АССР. Успешно развиваются колхозы, выделились многие передовики сельского хозяйства, которые стали известны всей республике. На колхозных полях Марийской АССР работают мощные советские машины — тракторы, комбайны и др.

Развивается ряд новых отраслей социалистического сельского хозяйства (шелководство, садоводство). В экспозиции показан макет колхоза «Передовик» Волжского района Марийской АССР. При основании колхоз объединял только 10 индивидуальных хозяйств, а в 1949 г. в колхозе состояло 240 хозяйств. В настоящее время этот колхоз входит в состав укрупненного колхоза «За коммунизм», который объединяет 648 хозяйств. При укрупнении колхоза создались еще более благоприятные условия для повышения продуктивности коллективного хозяйства и улучшения быта колхозников.

В республике ликвидирована неграмотность. С каждым годом растет число школ и высших учебных заведений. Увеличивается население, проявляется огромная забота о детях. Коренным образом изменились и сами марийцы. Из среды марийского народа выросли новые люди, которыми гордится вся Советская страна.

Расцветает национальная по форме и социалистическая по содержанию культура марийского народа. На марийском языке изданы работы великого корифея науки И. В. Сталина, переведены также произведения классиков русской литературы — Пушкина, Горького и др. Если за сто лет, с 1821 по 1921 г., вышло всего 112 книг на марийском языке, то только за последние 30 лет издано более 5000 названий.

Все достижения марийского народа связаны с именем великого друга всех народов И. В. Сталина. Марийские вышивальщицы, объединенные в артель «Труженица», с большой любовью вышили для экспозиции Музея ковер — портрет И. В. Сталина. Этот ковер помещается на высоком щите, внизу которого приведены слова М. И. Калинина: «Политика товарища Сталина развивает, поднимает и культивирует все остальные народности, выравнивая их с передовыми народами Советского Союза».

Экспозиция, посвященная чувашскому народу, расположена в том же зале. Эта экспозиция, как и предыдущая, разделена на два отдела: досоветский и советский.

Экспозиция начинается с исторического введения. Судьба чуваш в царской России была такой же тяжелой, как и марийцев. Царская колониальная политика тяжелым гнетом ложилась и на чувашский народ. Очень распространенная в прошлом социальная болезнь — трахома — была бичом чувашских селений. Экспонаты, характеризующие основное занятие чуваш — земледелие (мотыга, коса-горбуша, соха и др.), показывают его отсталую технику. Ряд щитов посвящен скотоводству, пивоварению и подсобным промыслам.

Интересным экспозиционным узлом является открытая сцена, иллюстрирующая тканье рогож. На рундуке поставлена бревенчатая стена чувашской избы. Окно закрыто ставнями. К стене прикреплен рогожный стан. У стана манекены мужчины и женщины за тканьем рогож. Вынужденные заниматься этим промыслом в очень тяжелых условиях, за низкую оплату, чувашаи получали тяжелые профессиональные заболевания (болезнь глаз, легких).

Представленные в экспозиции бытовые предметы чуваш (ковши, тарелки, ложка и т. д.) делались из дерева самими крестьянами.

Наряду с бедными жилищами в чувашской деревне были большие кулацкие дома, крытые железом и украшенные резьбой. На фотоснимках показаны изба бедняка и дом кулака.

Широко представлена национальная одежда чуваш. Замечательная многоцветная вышивка свидетельствует о большом трудолюбии и талантливости чувашской женщины.

Чувашская автономная область была создана в июне 1920 г. по инициативе В. И. Ленина и И. В. Сталина. Об этом чувашский народ говорит в своем письме к И. В. Сталину.

Самый близкий друг наш, Сталин.

Солнце яркого восхода!

Ты стоял у колыбели

Счастья нашего народа.

Вместе с Лениным любимым,

Озарив страну лесную,

Автономию ты дал нам,

Дал республику родную.

Письмо И. В. Сталину от чувашского народа в рамке с национальным орнаментом помещено на первом щите, открывающем советский раздел. На этом же щите представлены карта республики, текст конституции Чувашской АССР, фотоснимки промышленных предприятий.

Щиты, посвященные социалистическому сельскому хозяйству, говорят о коренном изменении хозяйства, культуры и быта чувашского народа после Великой Октябрьской социалистической революции. Огромную помощь чувашам в организации колхозов оказали русские рабочие Горьковского края. Этот факт отмечен в письме чувашского народа великому Сталину: «Благодарную память хранит чувашский народ об этих посланцах русского рабочего класса. В честь их до сих пор носим».

многие наши колхозы названия, напоминающие о славных русских рабочих — двадцатипятилетиях.

Ряд щитов посвящен показу жилища и быта чувашского колхозника и рабочего. Здесь и фотографии, и подлинные бытовые вещи. Замечательные школы, санатории, дачи — все это теперь имеет чувашский народ. Чувашия — республика сплошной грамотности. Здесь созданы высшие учебные заведения, которые готовят специалистов различных областей знания. Широко развито издание литературы на чувашском языке. В витрине показаны произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина, переведенные на чувашский язык. Переведено много произведений классиков русской литературы. Изданы также произведения поэтов и писателей Чувашии.

Чувашский народ прекрасно знает, кто дал им эту счастливую жизнь. Поэты Чувашии посвящают свои произведения отцу и учителю, другу чувашского народа И. В. Сталину:

В солнечные радостные дали
Ты ведешь неумоимо нас.
И на твой призыв, великий Сталин,
Сердце откликается тотчас.

Заканчивается экспозиция большой панорамой «Чебоксары — столица Чувашской АССР», работы чувашского художника Н. В. Овчинникова.

Увенчивает всю экспозицию, посвященную двум народам, барельеф И. В. Сталина и текст из его труда «Национальный вопрос и ленинизм»: «... уничтожение национальной гнета привело к национальному возрождению ранее угнетенных наций нашей страны, к росту их национальной культуры, к укреплению дружеских интернациональных связей между народами нашей страны и налажению сотрудничества между ними в деле социалистического строительства».

В этнографических экспозициях Музея показаны только четыре народа (кабардинцы, осетины, марийцы, чуваша), но их достижения в советскую эпоху, их расцвет, являются общими для всех народов СССР. Ленинско-сталинская национальная политика обеспечивает быстрый подъем экономики и культуры всех народов многонационального Советского Союза.

Среди посетителей Музея было много приехавших из республик. Записи в книге отзывов говорят о высокой оценке посетителями экспозиций. Председатель Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР пишет: «Выставка правдиво отражает жизнь осетинского и кабардинского народов. Только в Советской стране такие малые народности, как осетины, кабардинцы и другие, вышли на широкую дорогу хозяйственного и культурного развития по пути коммунизма, с помощью великого русского народа, под руководством партии Ленина — Сталина».

Посетившие Музей военнослужащие из Чувашии записали: «Мы с большим интересом ознакомились с выставкой «Народы Поволжья. — Чуваша и марийцы». Мы гордимся, что наш чувашский народ благодаря советской власти добился высокого уровня, о котором народ мечтал веками».

Для обслуживания экскурсий было разработано несколько тем по материалам экспозиций: «Ленинско-сталинская национальная политика», «Конституция страны социализма», «Быт и культура народов Северного Кавказа» и др. Научные сотрудники Музея выступали на учительских конференциях с докладами о значении экспозиций Музея в закреплении знаний учащихся. Для школьников были разработаны темы по курсам географии и Конституции СССР применительно к разным классам.

В Музее оборудован специальный кинозал на 150 мест, где после экскурсии демонстрируется по соответствующей теме научно-популярный фильм, дающий дополнительный материал о жизни народов СССР.

Для популяризации экспозиций Музея были организованы радиопередачи по местным радиоузлам, радиорепортаж «По залам Государственного музея этнографии народов СССР», выступления научных сотрудников Музея на предприятиях и в Домах культуры.

В 1951 г. намечена этнографическая экспозиция «Туркмения». В экспозиции предполагается показать великую стройку коммунизма — Главный Туркменский канал и его преобразующее значение для всей жизни туркменского народа. Для сбора материала в Туркменскую ССР выехала специальная экспедиция Музея.

Кроме того, в 1951 г. предполагается показать экспозицию «Эвенки и ненцы». К этим народностям также направлена экспедиция.

Центральной задачей Государственного музея этнографии народов СССР на ближайшие годы является работа по подготовке экспозиции, посвященной русскому народу. В 1951 г. намечены поездки научных сотрудников в ряд областей РСФСР с целью изучения и собирания экспонатов. В этом большом деле Музей надеется на непосредственную помощь краеведческих музеев.

Е. А. Мильштейн

ДРУЖБА РУССКОГО И ЭСТОНСКОГО НАРОДОВ ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ

(Выставка в Музее народного быта Эстонской ССР)

К 10-летию Эстонской ССР в Эстонском народном музее (г. Тарту) открыта новая выставка, посвященная теме дружбы русского и эстонского народов. Выставка размещена в двух залах Музея. Археологические, этнографические и исторические материалы, представленные на выставке, ярко свидетельствуют о взаимодействии культур эстонского и русского народов, возникшем в результате хозяйственных и культурных связей, существовавших между этими народами на протяжении многих веков.

Выставка начинается с раздела, устанавливающего общие черты в хозяйстве и общественной жизни эстов и славян в VI—XIII вв. В витрине помещены предметы из раскопок могильников древнеэстонских племен, напоминающие по своему типу славянские. Таковы топоры, датируемые VIII, IX и XI вв., серпы, фрагменты византийских серебряных сосудов (VI в.), бронзовые фибулы славянского типа (VI в.), серебряные гривны, бусы (XI в.), привески в виде крестиков (XI—XIII вв.), височные кольца, монеты и др. Наличие этих предметов в эстонских могильниках и городищах того времени указывает на существование тесных хозяйственных и торговых связей между эстами и славянами задолго до вторжения на территорию Эстонии немецких агрессоров.

Следующий раздел посвящен показу многовековой совместной борьбы эстов и славян за освобождение от иноземных захватчиков. Выписка из хроники Генриха Латвийского свидетельствует о том, что славянские племена являлись крепкими союзниками эстов в борьбе с немецкими псами-рыцарями. Места совместных боевых действий эстов и славян в начале XIII в. обозначены на карте.

Боевое содружество обоих народов символизирует замечательная скульптура молодого эстонского ваятеля Мянни «На защите Тарту». Скульптура изображает русского князя Вячко, указывающего военному вождю эстов на расположение врага. По своей выразительности и высокой художественности она оставляет неизгладимое впечатление. Оба воина полны отваги и решимости, взор их суров и гневен. Они готовы разить в совместном бою ненавистных поработителей¹.

Вековая дружба эстов и славян не прерывалась и далее в условиях политической разобщенности. Ярким примером этого служит восстание 1343 г., так называемая «Юрьева ночь». На экспонированной карте пылающими факелами обозначены центры восстания эстов, нанесен путь псковского войска, спешащего на помощь восставшим, обозначен путь отступления эстов под натиском превосходящих сил врага. Характерно, что эсты, вынужденные покинуть родные края, ищут спасения в псковских землях.

О продолжавшейся тяге к русским свидетельствует также отрывок из хроник о донесении из немецкого лагеря в Курумпяа в Таллине магистру ордена по поводу взятия Иваном IV Нарвы в 1536 г.; в донесении сообщается, что эстонские крестьяне очень рады освобождению их из-под власти немцев.

Присоединение Эстонии к России привело к оживлению и расширению эстонско-русских отношений. Богатый и разнообразный этнографический материал, представленный на выставке, указывает на многочисленные общие черты в материальной культуре русского и эстонского народов, появившиеся в результате их тесного общения в XVIII—XX вв.

Раздел начинается с показа русских типов сельскохозяйственных орудий, получивших широкое распространение в Эстонии в XVIII—XIX вв. К их числу относятся: коса с прямым черенком и тонким лезвием, соха двух типов — более раннего и более позднего, щетка для очистки льна от головок и др. На карте показаны районы распространения обоих типов сохи. Далее демонстрируются различные орудия рыбной ловли — мутник, мережа, вентерь и др. Из-за невозможности экспонировать подлинные рыболовные снасти (вследствие их громоздкости) показаны их модели. Орудия эти заносили в Эстонию русские рыбаки, приезжавшие на сезон лова как на озера Эстонии, так и на побережье Финского залива. По окончании сезона они обычно продавали местному населению привезенные с собой снасти и сети. Особенно интенсивно снабжали сетями всю северо-западную Россию, в том числе побережья Финского и Рижского заливов, а также берега Псковского и Чудского озер — ковские рыбаки, изготовлявшие сети специально для продажи. На карте нанесены маршруты русских рыбаков из Псковской, Новгородской, Тверской (преимущественно Осташковский уезд) и Петербургской губерний.

Не меньшей известностью среди эстонских крестьян пользовались мастера русского народного зодчества. Русские плотники, приходившие на сезонную строительную работу в Эстонию, принесли сюда строительную технику, как например, рубку, бревен «в угол», «в лагу». Это оставило свои следы и в эстонском языке, о чем свидетельствует лингвистическая карта с обозначением мест, где зарегистрированы

¹ Скульптура Мянни получила высокую оценку и будет в ближайшее время установлена в Тарту неподалеку от древнего городища.

в народном эстонском языке русские слова «плотник», «русский угол», «венец» и др. Русское влияние отмечается также в области средств передвижения — на щите представлены фотоснимки саней и барж русского типа, экспонированы расписные дуги.

Из изделий русских кустарей выставлены деревянные раскрашенные чашки и ложки, находившие широкий сбыт среди эстонского крестьянства, а также изделия из бересты, близкие по типу у. эстов и русских. Прослеживается проникновение на территорию Эстонии русского набоечного ремесла. Даны образцы набивных тканей и набивные доски. На карте, составленной на основании имеющихся в Музее коллекций, отмечены места распространения набойки и набивных досок, указаны также населенные пункты, где существовали мастерские набойщиков. Набойка получила в Эстонии наибольшее распространение во второй половине XIX в. Набивные льняные ткани употреблялись главным образом для передников, платков, скатертей. Интересно отметить, что в мастерских русских набойщиков часто обучались ученики-эстонцы.

Эстонская народная одежда из района Сетумаа почти ничем не отличается от русской старинной народной одежды северных губерний. В шкафу на манекенах выставлены женская и мужская одежда, для сравнения дана русская женская одежда Новгородской губернии (манекен девушки). В витрине показаны русские и эстонские сорочки и рубашки, полотенца и другие предметы, украшенные вышитыми или затканными узорами из кумачной пряжи. Алая кумачная пряжа распространялась в Эстонии русскими коробейниками, которых здесь называли «щетинники». Эстонские крестьяне по примеру русских стали использовать кумач для украшения льняной одежды, заменив кумачной пряжей применявшуюся ими ранее для этих целей белую льняную или цветную шерстяную нитку. Вышивка и мережка из кумача встречаются почти по всей территории Эстонии, в то время как ткань с кумачной пряжей ограничено почти исключительно юго-восточной частью Эстонии, а также северным побережьем Чудского озера.

Раздел заканчивается демонстрацией мелочных товаров, которые крестьянское население покупало у странствовавших по деревням русских коробейников или купцов на ярмарках. Мы видим здесь шелковые платки, ленты, парчевую тесьму, бусы, перстни, фаянсовую посуду и другие фабричные изделия, находившие широкий спрос как у русских, так и у эстонских крестьян. Русская культура оказывала прогрессивное влияние на культуру слагавшейся эстонской нации. На щите помещены портреты ряда эстонских прогрессивных общественных деятелей, возглавлявших национальное движение в Эстонии. При этом подчеркивается их связь с общественностью Петербурга. Материал знакомит с деятельностью эстонских ученых в России и русских ученых в Эстонии, преимущественно в стенах Тартусского (Юрьевского) университета, так, например, эстонского ученого М. Веске, занимавшего кафедру в Казанском университете; в витрине экспонирована его работа «Славяно-финские культурные отношения по данным языка» (Казань, 1890). Здесь же помещен портрет художника Келлера, окончившего Петербургскую академию художеств. Рядом с ними представлены труды знаменитого русского ученого Пирогова, защищавшего докторскую диссертацию в Юрьевском университете. В пояснительном тексте подчеркивается, что только благодаря известности русских ученых Тартуский университет приобрел общероссийское значение.

Отношение передовой эстонской интеллигенции к сокровищам русской культуры нашло яркое выражение в словах эстонского проф. Веске, адресованных художнику Келзеру в письме по поводу смерти И. А. Тургенева (на эстонском языке): «Русская слава — эстонская слава, русская радость и боль — это также эстонская радость и боль» (отрывок из письма экспонирован на щите).

Следующие разделы выставки знакомят с борьбой эстонского рабочего класса и крестьянства против царского самодержавия, помещиков и капиталистов, являющейся частью общей борьбы пролетариата и крестьянства России в целом. Революционной борьбе пролетариата предшествуют в первой половине XIX в. стихийные разрозненные выступления крестьян, подымавшихся против невыносимого гнета немецких баронов. На экспонированных картах нанесены места крестьянских волнений в 1819 г. и очаги массового крестьянского движения 1840—1850 гг. Характерно, что наибольшее число выступлений крестьян против немецких баронов зафиксировано в юго-восточных районах Эстонии, соприкасающихся с русскими. Особое внимание привлекает фотография двух крестьян — участников восстания 1856 г. в имении Махтра Таллинского уезда, а также копия обвинительного акта по делу одного из руководителей этого восстания Петра Оландера². Чрезвычайно выразительна резьба по дереву «Пюрка на помещичьей конюшне» и «Отправление на барщину», исполненная 74-летним эстонским резчиком-самоучкой Я. Йыги.

Пассивный протест против гнета феодальной эксплуатации, принимавшей в Прибалтике особо вычурные формы, проявлялся в переселении эстонских крестьян во

² О восстании в имении Махтра повествует в своем романе «Война в Махтра» крупнейший классик эстонской литературы Эдуард Вилде. В романе рассказывается подлинных событиях восстания. Автором использованы архивные документы, рассказы очевидцев и мемуары двух крестьян — участников восстания (фотографии которых представлены на выставке).

внутренние губернии России. На карте указаны направления потоков переселенцев, даны фотографии эстонских деревень, выросших на Кавказе и в Сибири. Подобраны архивные материалы, свидетельствующие о противодействии прибалтийских помещиков переселению крестьян.

С развитием капитализма в России возникает и крепнет революционное рабочее движение, в него активно включается и эстонский пролетариат. Одной из первых крупных стачек является стачка 1872 г. на Кренгольмской мануфактуре в Нарве, оказавшая известное влияние на развитие стачечного движения во всей России. В официальном акте по делу рабочих — руководителей стачки (копия акта дана на шите) упоминается фамилия русского рабочего Н. Богданова, приговоренного за активное участие в Кренгольмских событиях к восьми годам каторжных работ на рудниках.

Большое влияние на развитие революционного движения в Эстонии имел протарский Петербург. Идеи Ленина, распространявшиеся «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», находили живой отклик среди пролетариата Эстонии. На карте Эстонии отмечены места, где были созданы марксистские кружки. Больше фотокопия работы эстонского художника Э. Окаса знакомит с деятельностью Михаила Ивановича Калинина в Таллине в 1901—1904 гг. Будучи участником «Союза борьбы», М. И. Калинин первый занес марксистские идеи в Таллин. Под его руководством были созданы в Таллине первые марксистские кружки. Гравюра изображает М. И. Калинина в кругу таллинских рабочих, он проводит беседу в одном из таких кружков.

В Петербурге получил революционную закалку первый выдающийся руководитель эстонских большевиков Виктор Кингисепп. В числе материалов этого раздела выставки помещена копия донесения ректору Петербургского университета о принадлежности В. Кингисеппа к Ревельской (Таллинской) организации РСДРП и агитации его среди рабочих.

Специальный щит посвящен событиям революции 1905 г. Мы видим здесь большой портрет В. Кингисеппа и различные архивные материалы, отражающие его роль в руководстве революционным движением рабочего класса Эстонии.

Карта-диаграмма числа забастовщиков, забастовок и поджогов барских мыз вызывает на большой размах революции 1905—1907 гг. в Эстонии. Приведен текст народной песни:

Мызы в огне,
Бары в петле,
Барские земли — крестьянам.

Представлен материал о восстании на крейсере «Память Азова», экспонированы революционные листовки. Приведены также данные о действиях царских карательных отрядов, зверствовавших в Эстонии после поражения революции 1905 г.

Революционные события 1917 г., развернувшиеся в Петрограде, нашли сразу же отклик и в Эстонии. Материал знакомит с возникновением первых Советов в Тарту, Нарве и других городах Эстонии. Таллин (Ревель) как город, находившийся в непосредственной близости к революционной столице, играл, наряду с Кронштадтом, видную роль. События развивались здесь во взаимодействии с Петроградом, как центром восстания. Вслед за победой восстания в Петрограде 26 октября (8 ноября) власть в тот же день перешла к Советам и в Таллине.

В числе экспонированных материалов имеется подлинник акта от 27 октября 1917 г. о передаче управления Эстляндской губернией В. Кингисеппу. Приводим его текст.

А к т

1917 года октября 27 дня. В виду состоявшегося государственного переворота я, Эстляндский губернский комиссар Временного правительства Иван Иванович Поска, сдал, а я, Уполномоченный Военно-Революционного комитета Советов Эстонского края Виктор Эдуардович Кингисепп, принял все дела Управления Эстляндской губернией.

Подпись

Раздел этот заканчивается материалами, знакомящими с героической борьбой трудящихся Эстонии, сражавшихся совместно с моряками Балтийского флота за свою страну и советскую власть в годы гражданской войны (1918—1920). В небольшом разделе, характеризующем период власти буржуазии в Эстонии, диаграммы

³ И. Поска являлся ставленником буржуазии, махровым монархистом, которому меньшевики и эсеры, пробравшиеся в Таллинский Совет, добровольно передали в марте 1917 г. власть, превратив Совет в придаток при губернском комиссаре Временного правительства.

и цифры показывают, к чему привело хозяйничанье буржуазии. Эксплуатация и ограбление страны иностранными капиталистами, осуществлявшиеся с помощью эстонской буржуазной власти, в корне разорили экономику страны; крупная промышленность была почти полностью ликвидирована, число промышленных рабочих из года в год сокращалось, вместе с тем росла безработица, превращаясь в хроническую; тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся непосильные налоги, резко сократилось число учащихся в школах; буржуазный земельный закон, проведенный в интересах кулачества, принес деревенской бедноте еще большее разорение и усилил эксплуатацию.

Эстонский народ был полностью изолирован от русского народа, с которым его связывала многовековая дружба. Всякие сношения с Советским Союзом были прерваны. Стремясь подорвать симпатии трудящихся Эстонии к Советскому Союзу, буржуазия пыталась разжечь среди эстонцев вражду против русского народа, против советской власти. Клевета на Советский Союз, на русский народ, на коммунистическую партию пронизывала всю националистическую пропаганду. Однако ничто не могло поколебать воли трудящихся; несмотря на жесточайший террор, борьба за советскую власть не прекращалась. Этой борьбой руководила из подполья коммунистическая партия во главе с ее руководителем Виктором Кингисепом. С каждым годом, как видно из диаграмм, росло число забастовок, увеличивалось число забастовщиков.

Дело, за которое беззаветно боролись трудящиеся Эстонии под руководством коммунистической партии, восторжествовало. 21 июля 1940 г. стало днем рождения Эстонской ССР. Эстонский народ с радостью был принят в братскую семью народов Советского Союза.

Следующий раздел выставки «Эстония после 21 июля 1940 г.» знакомит с начавшимся в республике социалистическим переустройством хозяйства и культуры. Представленные материалы (диаграммы, фотографии) говорят о восстановлении промышленности, быстром росте числа промышленных рабочих и ликвидации безработицы, о проведении советской земельной реформы, предоставившей землю бывшим батракам и малоземельным крестьянам, о росте культуры.

Вероломное нападение фашистской Германии прервало успешный ход хозяйственного и культурного развития Эстонской ССР. Фашистские оккупанты нанесли огромный ущерб народному хозяйству республики. На щите даны фотоснимки разрушенных городов, промышленных и гражданских зданий. Трудящиеся Эстонии вместе с народами старших братских республик поднялись на защиту своей социалистической Родины. В тылу врага на оккупированной территории действовали партизанские отряды. Доблестно сражались на фронтах Великой Отечественной войны эстонский национальный корпус. На выставке в этом разделе даны фотографии партизан, карта боевого пути эстонского корпуса и другие материалы. Большое внимание привлекает копия письма Михаила Ивановича Калинина, посланного им бойцам эстонского корпуса. «Мне бы очень хотелось,— писал М. И. Калинин,— чтобы земляки по моим молодым годам с честью запечатались на полях сражения своим именем, доблесть и храбрость в борьбе за освобождение эстонского народа от фашистского рабства. Пусть оружие бойцов эстонского соединения займет почетное место в боях Красной Армии с немецкими поработителями».

Заключительный раздел выставки знакомит с той большой созидательной работой, которой трудящиеся Эстонской ССР, руководимые коммунистической партией, приступили после изгнания Советской Армией из Эстонии немецко-фашистских оккупантов. Основная мысль, пронизывающая весь этот раздел,— расцвет дружбы между эстонским народом и народами братских союзных республик. Показателем дружбы является та всесторонняя помощь, которую трудящиеся молодых советских республик, том числе и Эстонии, систематически получают от братских народов старших республик. В чем заключается эта помощь, наглядно показано на экспонированной на щите карте СССР. Мы видим идущие с севера, востока и юга поезда, они везут в Эстонию станки, сельскохозяйственные машины, хлопок и различное сырье и оборудование. Показателем дружбы является передача опыта, накопленного рабочими, колхозниками и советской интеллигенцией старших республик за годы победоносного построения социализма в СССР. На photographиях — известные по всему Советскому Союзу передовики промышленности и сельского хозяйства; они знакомят эстонских рабочих и колхозников с социалистическими методами труда, помогают внедрять их на предприятиях и в молодых колхозах республики. Среди них стахановка-москвичка Л. Корабельникова, уже в течение двух лет соревнующаяся со стахановцем-тальлинцем.

Показателем дружбы является самоотверженная работа трудящихся Эстонии на сооружении газопровода Кохтла-Ярви, давшего в ноябре 1948 г. газ городу-герою Ленинграду.

Животворная сила советского социалистического строя проявляется особенно ярко в расцвете народного творчества. Этому посвящена концовка выставки. Внимание зрителей предлагаются произведения эстонской художественной литературы, заслужившие высокую оценку советской общественности. В числе экспонатов мы видим фотографии участников лучших хоровых и танцевальных коллективов, принимавших участие в праздниках песни Эстонской ССР, образцы художественных изделий (вязаные изделия из шерсти с богатым народным орнаментом — рукавицы, шапки, шарфы, сумки) и др.

Выставка заканчивается стендом, на котором помещен текст письма трудящихся Эстонии товарищу Сталину в связи с 10-летием республики.

* *

Наиболее удачными, по нашему мнению, являются разделы выставки, устанавливающие общие черты в материальной культуре эстонского и русского народов. Эти разделы построены на основе предшествовавшей большой научно-исследовательской и длительной собирательской работы научного коллектива музея⁴. В разделах, отражающих революционное рабочее движение и социалистическое строительство в Эстонской ССР, в значительной степени использован материал, дублирующий экспозицию Исторического музея Академии Наук Эстонской ССР (Таллин).

Научный коллектив Музея намерен и в дальнейшем продолжать работу над темой о дружбе эстонского и русского народов, выявляя новые связи между обоими народами, возникающие в условиях советского социалистического строя.

Интересно отметить участие в подготовке выставки Государственного музея этнографии (Ленинград), обладающего богатейшими коллекциями по народам Прибалтики и смежным с Прибалтийскими республиками русским районам. Музей выделил для выставки из своих фондов ряд ценных экспонатов и отправил их в Тарту. В числе их русский народный женский костюм из б. Новгородской губернии, рубахи, пончо, вышитые или затканые кумачной пряжей, изделия русских кустарей и др. Благодаря этому Эстонский народный музей смог полнее отразить на выставке общие черты в материальной культуре эстонского и русского народов.

Л. Терентьев

СОБИРАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ДОМА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА АБХАЗСКОЙ АССР

Дом народного творчества Абхазской АССР в течение ряда лет проводит большую работу по сбору произведений устного народного творчества абхазов. Хранившиеся там фольклорные произведения, с которыми нам удалось ознакомиться в 1948—1949 гг., можно разделить на два основных больших раздела. Один из них включает в себя произведения, относящиеся к прошлому абхазов, другой — произведения, созданные после Великой Октябрьской социалистической революции. В каждом отделе материалы группируются по тематике и по районам, где они были записаны. Собранные материалы относятся к различным видам фольклора. Здесь мы находим легенды, предания, сказания о национальных героях Абхазии (Данакае, Кягуа, Алмас Куджа и т. д.), сказки, рассказы, стихотворения, песни. Большая часть их записана и переведена на русский язык директором Дома народного творчества И. Е. Кортуа.

Рукописные фонды Дома народного творчества особенно обогатились в 1948 г., когда по инициативе работников Дома в Сухуми был созван съезд сказителей, продолжавшийся несколько дней. Выступления участников съезда были тщательно записаны. Многие предания, рассказы, сказания, песни были переведены на русский язык.

Таким образом, в рукописных фондах Дома народного творчества хранится немало материалов, интересных не только для фольклористов, но и для этнографов, встречающимися в них деталями материальной и духовной культуры абхазов.

В рукописных фондах по советскому периоду хранятся песни о Ленине, Сталине, Берия, о Великой отечественной войне, о Советской Армии, о стахановцах, о соревновании, о новом быте.

Интересна «Песнь старого колхозника». Герой песни, несмотря на старость, пер выполняет норму, и поэтому у него в «кармане деньги и амбаров нет пустых». Старик восхваляет счастливую жизнь молодежи и вспоминает о том, как в прошлый нищий-батрак

...землю рыл на живодеров,

А князей, да на попов.

А теперь нет благородных,

Кулаки изгнаны,

Стали старшими в народе

Наши кровные сыны.

⁴ Руководителем темы эстонско-русских отношений в XVIII—XX вв. является старший научный сотрудник Музея А. Х. Моора. В марте 1950 г. ею был прочитан на эту тему доклад в Москве на этнографическом совещании в Институте этнографии АН СССР. Автореферат доклада помещен в XII выпуске «Кратких сообщений» Института этнографии (М., 1950).

Новые песни поются на праздниках, на свадьбах. В одной из них «Гриша и я», записанной на свадьбе 1949 г., поется о необходимости образования и повышения своих знаний, о колхозе-миллионере, о новых радостных песнях народа, о том, что свадьбы теперь устраиваются всем колхозом:

Колхозники устроили свадьбу:
Радость веселия и пир,

— поется в песне. В ней мы находим отражение нового, советского быта. Теперь свадьба не только дело родственников, но и дело всей дружной семьи колхозников.

В каждом селении молодежь поет частушки о новом, колхозном быте. Песни о Советской Армии рассказывают о ее победоносном шествии и исторических победах в Великой отечественной войне.

Ряд песен посвящен товарищу Сталину. В них приносится благодарность вождю за новую, счастливую жизнь и воспевается эта жизнь. Такова «Песнь о Сталине». В ней радостный труд в колхозах, богатство и достатки в хозяйстве колхозников противопоставляются нищете и изнурительному труду крестьян в прошлом. Сравнивается старая и новая жизнь:

Где раньше волки и лиса приют нашли,
Сегодня взглянем — не узнаем!
Отец наш, великий Сталин!
Ты указал нам путь,
Богатый чаем, тунгом, табаком,
Пошли мы все по нему.
Красуются колхозы изобилием фруктов.
Друзья, давайте громче споем
Песню про солнце наше Сталина,
Пусть луч его всегда нас озаряет!

Широкой известностью пользуется также песня «Наш отец великий Сталин». В ней рассказывается о победе советского народа в Великой отечественной войне под руководством товарища Сталина, о дружбе народов:

...Великая отчизна! Тебя, идущую с победой,
Приветствую с победой доблестной всегда.
У нас есть дружба советского народа,
Есть сила монолитная!...

воскликает автор.

Богат рукописный фонд, хранящий произведения, посвященные прошлому абхазов.

В материалах Дома народного творчества мы находим описание набегов абхазов и соседние народы (предание «Аибга и мрамбовцы»), указания на существовавшую когда-то сословную рознь, на возникавшую часто в связи с ней кровную месть. Как известно, обычай кровной мести в прошлом занимал большое место в жизни населения Абхазии. Причины кровной мести, поводы для нее были многочисленны. Например, герой сказания «Маршан Лаша» долго сносил насмешки и издевательства и, в конце концов, вынужден был взяться за оружие только из-за того, что девушка, считавшаяся его невестой, вышла замуж за полюбившегося ей черкеса Беданокве. Интересно предание «Кровная месть». Оно говорит о том, что абхазский народ в глубокую тарину не знал этого обычая.

Однажды во время спора группы молодых людей был убит один из присутствовавших там двух братьев. Спустя некоторое время оставшийся в живых брат женился и отпраздновал пышную свадьбу. Невеста встретила его упреками и в конце воскнула: «Ты не расходуюсь газыри ни когда нужно, ни когда не нужно... только я вида висят они... Понятно?» Мужчина не выдержал упреков, разыскал убийцу отца и убил его. Легенда заключает: «С тех пор появилась кровная месть».

Большой интерес представляют предания о национальных героях Абхазии. В них только даются описания героических поступков абхазов, связанных с набегами на соседей, с кровной местью, с похищением девушек, но часто звучат мотивы классовой борьбы. Герои этих преданий нередко встают против укоренившихся веками обычаев. Таково, например, предание о «Куджбе Алмас Бзегусовне», записанное со слов знаменитой сказительницы Х. Б. Куджба, родственницы героини. Алмас восстает против насильственной выдачи замуж девушек. Не желая выйти замуж по выбору отца, она скрывается в лесу и находит многочисленных сторонников среди крестьян. Отец девушки сообщает правителю Абхазии о том, что она восстанавливает «бедный народ против дворянства», что это угрожает жизни самого правителя Абхазии. На поиски Алмас посылаются целые отряды войск. Народ укрывает ее. Между тем гонения на

крестьян все усиливались. Алмас отправилась к правителю, решив указать ему на несправедливое отношение к беднякам:

Выйди навстречу притесненному народу,
Помоги труженикам, работающим на земле,
Чтобы им было легче жить.
Довольно с нас того, что они испытали!

— говорит она. Алмас отказывается от богатых женихов, от богатств, предлагаемых ей правителем. В ее ответе звучит вера в светлое будущее своего народа. Алмас воюет:

Я другого хочу: это свободы народа.
Я люблю простой народ и за него борюсь.
Пусть они будут свободны!

Следует отметить, что в песнях, в сказаниях встречается ряд деталей, характерных для народного быта абхазов. Часто встречается описание обычаев и обрядов, связанных со вступлением в брак. Так, например, в рассказе «Дал осечку» мы находим описание обычая обмена залогами (платком, кольцами) между молодыми людьми, собирающимися вступить в брак. В легенде «Две просьбы» рассказывается о самом свадебном празднике, об обычае, предписывающем невесте закрывать лицо платком, об отдельном доме-амхаре для молодых, о существовании у абхазов пояса девственности. О послесвадебном обязательном визите зятя в дом тестя говорится в небольшом рассказе «Тесть и зять». Нашли свое отражение в устном творчестве абхазов и широко распространенные некогда в Абхазии обычаи аталычества, усыновления и роднения. В рассказе «Ардашил» повествуется об убийстве князя Ардашила Маана, воспитанника «сильного и многочисленного племени Таркил» (здесь переводчик неверно употребляет термин племя: фамилия Таркил, повидимому, составляла самостоятельный род и принадлежала к племени бзыбских абхазов). Отец убитого прощает убийцу и усыновляет его. Рассказ «Маршан Лашы» и упоминавшаяся уже легенда «Две просьбы» кончаются описанием того, как породнились действующие лица в знак предотвращения возможности возникновения вражды в дальнейшем.

Собирательская работа, проводимая сотрудниками Дома народного творчества, интересна и плодотворна. Удачной нужно признать инициативу созыва съезда сказителей. Следует сказать, что Дом народного творчества продолжает работу по сбору не только памятников устного творчества, но и других образцов народного искусства (музыкальных произведений, вышивок, ковровых изделий, образцов ткацкого ремесла). Особое внимание следует обратить на возрождение искусства резьбы самшитовых изделий, которыми славились абхазские мастера.

Я. С. Смирнов

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ ПО ЭТНОГРАФИИ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Грузинские этнографы за период Великой отечественной войны и послевоенные годы вели и ведут усиленную работу по изучению самобытных черт грузинской народной культуры. Усиленно изучается при этом новый быт строителей социалистического общества — рабочих, крестьян и интеллигенции. Ставятся этнографические и культурно-исторические вопросы. Новыми успехами работа этнографов Грузии отмечена в период с конца 1949 г.

В результате многолетней работы шесть молодых этнографов, руководимых членом-корр. АН Груз. ССР проф. Г. С. Читая, защитили кандидатские диссертации на актуальные темы грузинской этнографии.

13 декабря 1949 г. мл. научный сотрудник отдела этнографии Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа АН Груз. ССР М. К. Гегешидзе защитил диссертацию на тему «Грузинские народные колесные средства перевозки». Диссертант ставил себе целью выявить самобытные черты в развитии грузинских народных средств передвижения и перевозки, дать их научную классификацию, описать их конструкцию и функции и представить народные знания и опыт в этой области народной техники. Характеризуя три главные зоны Грузии по их основным признакам хозяйства и природных условий (высокогорная, низменная, переходная зона по-

ножья гор), автор считает, что те же признаки обусловили конструктивные особенности народных средств перевозки. Так, транспортные средства, в которые впрягаются тягловый скот, делятся на три основные группы: 1) бесколесные (высокогорная зона), 2) колесные (низменная зона) и 3) смешанного типа (переходная зона). К последней группе диссертант относит такие виды средств перевозки, конструкция которых основывается на комбинированном применении принципа скольжения (сани) и катания (арба).

Рассматривая вопросы конструктивно-технологического и функционального развития пружинских народных средств перевозки под углом зрения культурных связей со странами Древнего Востока, автор останавливается на вопросе о путях развития древнейших колесных средств перевозки (шумерские, хеттские, урартские колесницы и грузовые повозки) и устанавливает характерные аналогии из этнографии Грузии. В заключительной части диссертации автор касается вопроса о происхождении колеса и его древнейших видах. Данные из этнографии Грузии наглядно показывают развитие колеса из примитивного катка.

Официальные оппоненты — доктор исторических наук Я. З. Цинцадзе и кандидат исторических наук Л. И. Бочоришвили — отметили, что разбираемый труд является первой монографией, посвященной одной из важных отраслей грузинской материальной культуры, и подчеркнули, что диссертация построена на большом этнографическом материале, добытом самим автором. Особо было подчеркнуто значение иллюстративного материала, которым богато снабжена диссертация (художник Н. П. Браилашвили).

Как заявили оба оппонента, сделанные ими частные замечания не снижают значения представленной работы, дающей полное основание присвоить автору искомую степень. Ученый совет Института присвоил диссертанту степень кандидата исторических наук.

27 декабря 1949 г. защитил диссертацию мл. научный сотрудник отдела этнографии Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа Г. А. Чачашвили. Диссертация озаглавлена: «Шатильское «сапехно». В этом труде освещен один из интересных вопросов прошлого социальных отношений хевсуров, до сих пор не освещенный в литературе. Собранным диссертантом этнографическим материалом устанавливается, что в «сапехно» (помещение для собрания) сошлись сельский сход совершеннолетних мужчин села («пехони») для обсуждения и решения вопросов обороны и хозяйственной жизни села. В соответствии с административным делением старого Хевсурети (село, община, ущелье) его народные собрания были трех видов: сельский сход, общинный сход, всехевсурский или племенной сход. Из этих трех видов народного собрания пехони обозначал только сельский сход.

Официальными оппонентами были вице-президент АН Груз. ССР проф. А. Г. Шанидзе и кандидат исторических наук Р. Л. Харадзе.

Проф. А. Г. Шанидзе отметил актуальность данной темы. Как указал оппонент, в труде Г. Чачашвили хорошо описаны здание сапехно и протекающие в нем процессы: выделка сыромятной кожи, изготовление лаптей, сучение веревок из лыка, изготовление пороха; хорошо охарактеризованы также общественные функции сапехно и пехони. Подвергнув критике языковую сторону разбираемой работы, проф. А. Г. Шанидзе поставил в упрек диссертанту недостаточное знакомство с хевсурским говором грузинского языка, вследствие чего хевсурские тексты записаны или поняты диссертантом не всегда правильно.

Р. Л. Харадзе видит основную ценность обсуждаемой работы в том, что проведенное диссертантом исследование позволяет проследить важную сторону жизни села, входящего в состав территориальной общины. Давая положительную оценку представленной работе в целом, Р. Л. Харадзе указала на имеющиеся в ней спорные вопросы. Так, например, для выявления природы сапехно, наряду с указанными автором функциями, следует учитывать особенности территориальной общины в Хевсурети. В Хевсурети сельская община состояла из нескольких селений, объединенных по принципу территориальной близости, причем общинный сход разрешал все основные вопросы общины. В условиях Хевсурети, как и других районов горной Грузии и Кавказа, где зачастую селение состояло только из нескольких «дымов», оно представляло собой ту входящую в состав общины ячейку, которая при решении особо важных вопросов зависела от общинного схода. Поэтому говорить о таком сходе или сельском управлении, которое самостоятельно, отдельно от всей общины, решало вопросы военных действий или других взаимоотношений с соседними племенами, — значит игнорировать структуру территориальной общины хевсур, вернее, горцев Грузии, а также той части Кавказа, где отдельное село является частью всей общины.

В ответном слове диссертант привел дополнительный исторический материал, который, по его мнению, подтверждает, что хевсурское село во второй половине XIX в. самостоятельно от общинного схода не только регулировало хозяйственные и оборонные вопросы, но без спроса, а иногда и в противовес интересам входящих в одну и ту же общину других, соседних, селений, заключало дружеский договор с населением племени, вражески настроенного против входящих в ту же общину других селений. Что касается Шатила, на примере которого изучен данный вопрос, то оно представляло собой село типа сельской общины и было совершенно самостоятельным в регулировании вопросов хозяйственной жизни и обороны села, что осу-

ществовалось им посредством собственного органа самоуправления — сельского схода. В прениях выступила канд. наук, доцент В. В. Бардавелидзе.

Диссертанту присуждена степень кандидата исторических наук.

3 января 1950 г. состоялась защита диссертации мл. научным сотрудником отдела этнографии Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашии И. Д. Нанобашвили на тему «Материалы к изучению древней культуры виноградной лозы в Кизики (по этнографическим данным)».

Виноградная лоза и ее культура вызывали всегда большой интерес со стороны ученых самых различных специальностей, но никто еще не изучал эту область хозяйства с этнографической точки зрения. Работа И. Нанобашвили представляет собой первую попытку на основании этнографического материала показать развитие виноградарства и виноделия. Диссертант ставил себе целью охарактеризовать народные способы производства, которые выработались и привились в области виноградарства и виноделия в результате многовековой практики. Некоторые из приемов разведения виноградной лозы и ухода за ней, заявил диссертант, выработанные народом, не утратили своего значения и в современном народном хозяйстве, почему изучение виноградарства Кизики имеет не только культурно-историческое значение, но актуально и с современной народнохозяйственной точки зрения.

Официальные оппоненты доктор исторических наук проф. Г. Гозалишвили и кандидат исторических наук А. И. Робакидзе подчеркнули ценность разбираемой работы, содержащей большой интересный материал, собранный диссертантом. Как указал А. И. Робакидзе, диссертационная работа, хотя и носит в большой своей части описательный характер, представляет собой определенный вклад в изучение развития грузинского виноградарства. К недостаткам работы оппонент относит то, что для ряда виноградных сортов не указана площадь их распространения в Кизики, не выяснено во многих случаях назначение отдельных сортов винограда и пр.

Большинство замечаний оппонентов диссертантом было принято. Ученый совет Института присвоил И. Нанобашвили степень кандидата исторических наук.

11 апреля 1950 г. защитил диссертацию мл. научный сотрудник отдела этнографии Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР Т. А. Очиаури. Тема диссертации: «Из истории древнейших верований грузин (кадагоба в Хевсурети)».

При изучении вопроса о хевсурских «кадаги» — прорицателях Т. А. Очиаури воспользовалась теми данными, которые имеются в литературе относительно хевсурских кадаги, и материалами, собранными ею на месте. Диссертантка показала, что в Хевсурети «кадаги» называлось то лицо, которое специально «избиралось» божеством из среды своего «сакмо» (социально-религиозное объединение вокруг святилища того или иного божества) и становилось «вестником» его велений. Главной обязанностью кадаги являлось посредничество между сакмо и божеством, пророчество о будущем (о болезнях, смерти, урожае, погоде), выбор священнослужителей, ведение дел, связанных со святилищем, забота о приобретении для «хати» (божество, святилище) имущества, упорядочение общественных и бытовых дел (военные походы, падеж скота и т. д.). В диссертации описаны процесс избрания кадаги и формы прорицательства. Диссертантка особо подчеркивает тот факт, что Великая Октябрьская социалистическая революция, в корне изменившая социально-экономическую и культурную жизнь грузин, освободила и хевсур от религиозных пережитков, под игом которых они находились на протяжении веков.

Официальные оппоненты — доктор исторических наук проф. С. Г. Каухчишвили и кандидат исторических наук доцент В. В. Бардавелидзе дали диссертации хорошую оценку, подчеркнув при этом ее теоретическое значение. По мнению проф. С. Г. Каухчишвили, выводы Т. А. Очиаури заслуживают внимания для уяснения вопросов истории древнейших верований. Соглашаясь с основными положениями автора, оппонент указал на отдельные недочеты диссертации. Оппонент возражает против квалификации причин кадагоба, данной диссертанткой. По мнению оппонента, автор справедливо указывает на социальные истоки института кадагоба, однако придает преувеличенное значение явлениям полового порядка и психопатологическим факторам.

В. В. Бардавелидзе указала, что избранная диссертанткой тема значительна и весьма актуальна. Нас прежде всего интересует сущность кадаги и его роль и значение в жизни феодального грузинского общества. Диссертантка смогла дать обильный новый материал, осветить ряд интересных вопросов и таким путем восполнила существующие в специальной литературе пробелы. В. В. Бардавелидзе подчеркнула исключительную научную ценность приведенного в последнем разделе труда материала о так называемом «джварт-ена» («языке» божеств), состоящего из 120 отдельных слов и нескольких предложений. В джварт-ена дан древнейший лексический материал специфического характера, слова и предложения этого слоя обнаруживают разное мышление; вместе с этим из содержания данных текстов становится ясным, что прорицательства происходили по небесным светилам (солнце, луна, звезды). Оппонент полагает, что джварт-ена и вообще тексты прорицаний «меене» представляют собой один из прямых источников для исследования древней грузинской астрологии. Оппонент указал также на имеющиеся в диссертации недочеты и неправильные положения. Диссертантка в большинстве случаев свои заключения относительно принадлежности тех или иных пережитков к периоду матриархата основывала

вает не на анализе фактического материала, а на соображениях о вероятности того или иного своего положения. Например, одно только то обстоятельство, что большинство кадагн, прорицавших у себя на дому, принадлежали к женскому полу, явилось для диссертантки достаточным основанием для признания прорицания на дому пережитком эпохи матриархата.

В ответном слове диссертантка, соглашаясь с некоторыми замечаниями оппонентов, отстаивала свою точку зрения о древности прорицательства на дому, ссылаясь на этнографический материал, анализ которого привел ее к такому выводу.

Т. А. Очаури присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

20 июня 1950 г. состоялась защита диссертации мл. научным сотрудником отдела этнографии Института истории им. И. А. Джавахишвили И. В. Чкония на тему «Брачный институт в Мтиулетии (по данным этнографии)».

Представленный труд является первой частью монографии, посвященной изучению брака у мтиулов. В этнографической литературе, заявил во вступительном слове диссертант, не имеется более или менее подробного описания досвадебных обрядов. Большая часть исследователей, интересовавшихся вопросами брака, занималась наиболее бросающимися в глаза сторонами заключения брака. В результате этого в большинстве случаев основными моментами в свадебных обрядах принято считать самую свадьбу и сопутствующие ей некоторые моменты, в то время как в процессе заключения брака такими же основными моментами являются взаимоотношения брачующихся сторон в добрачный период. В этих взаимоотношениях, подчеркивает диссертант, более ярко проявляется общественная жизнь того или иного времени, свадьба же по существу является оформлением этих взаимоотношений, в силу чего она более других моментов насыщена ритуальными элементами. В диссертации исследованы вопросы: о патронимической природе фамилии в Мтиулетии, обязательных условиях заключения брака (экзогамия, пережитки практики брака между представителями двух экзогамных фамилий, упорядочение брачных взаимоотношений внутри соседской общины, брачный возраст), о выборе невесты и закреплении прав на нее (обручение малолетних, поиски и окончательный выбор невесты, выяснение происхождения и личных качеств невесты, наречение, белга и малое обручение), о большом обручении и приготовлениях к свадьбе.

Официальными оппонентами по диссертации были доктор исторических наук Я. З. Цинцадзе и кандидат исторических наук Р. Л. Харадзе. Проф. Цинцадзе отметил, что труд И. Чкония содержит много интересных этнографических фактов, необходимых для изучения истории брака в Грузии. Оппонент подчеркнул, что диссертант хорошо знаком с первоисточниками и литературой по данному вопросу и успешно использует труды классиков марксизма при анализе этих вопросов. Оппонент возражал против отдельных положений автора, требуя их уточнения или дополнительного разъяснения. Так, оппонент не согласен с мнением диссертанта о том, что в первобытном обществе беспорядочным (неупорядоченным) половым отношениям постоянно сопутствовали конфликты. Я. З. Цинцадзе отметил, что диссертант, придерживаясь мнения проф. С. П. Толстова, согласно которому половые запреты, т. е. табу, определяются преимущественно хозяйственной и общественной активностью коллектива, в этом своем специальном исследовании должен был подробно разъяснить, в чем заключались эти конфликты и на какой почве они возникали, а также разъяснить характер ограничения зоологических инстинктов. Ссылаясь на практику муженного брака у народов Западной Европы, оппонент не соглашается с мнением автора о том, что брачные отношения между родственниками якобы приводили всегда к деградированному потомству.

Присоединяясь к общей оценке диссертационного труда И. Чкония, данной проф. Я. З. Цинцадзе, Р. Л. Харадзе подчеркнула, что это исследование содержит много новых фактов, ценных для этнографического изучения Мтиулетии и дающих возможность представить в новом аспекте то или иное явление из этнографии Грузии. «Брачный институт Мтиулетии» является оригинальным трудом, отличающимся с точки зрения постановки вопроса от других, тематически сходных, работ. Оппонент отметил, что установленная диссертантом практика обязательных брачных взаимоотношений в Гудамакари между двумя экзогамными фамилиями — Бекаури и Циклаури — является вновь выявленным важным фактом в изучении пережитков древнейших социальных отношений грузинских племен. В данном случае, говорит оппонент, установлен реликт архаического вида экзогамии, известного в научной литературе под названием дуальной экзогамии. Интересно поставлен также вопрос об институте посредничества и его постепенном развитии от первоначального участия в заключении брака близких родственников до появления сватовства, превратившегося в классовом обществе в ремесло. Оппонент вместе с тем выдвинул ряд возражений и замечаний. Недостатком труда оппонент считает в первую очередь то, что автор не дает в своем труде обзора существующих исследований о брачных обрядах других грузинских племен, мотивируя это тем, что они не касаются непосредственно Мтиулетии.

В прениях выступили канд. наук А. И. Робакидзе и канд. наук А. Айакидзе.

Ученый совет Института присвоил И. В. Чкония степень кандидата исторических наук.

4 июля 1950 г. защитил диссертацию мл. научный сотрудник отдела этнографии

Института истории им. И. А. Джавахишвили С. Я. Бедукадзе на тему «Поточные мельницы Арагвского ущелья».

Диссертация представляет собой результат многолетнего собирательского и исследовательского труда и освещает один из сложных вопросов развития машинного производства — «самой элементарной формы машины — водяной мельницы» (К. Маркс). На основании этнографических сведений и данных письменных источников С. Я. Бедукадзе приходит к выводу, что в истории развития водяной мельницы устанавливаются две ее разновидности: а) мельница с горизонтальным колесом, приводимым в движение силой искусственно созданного потока воды (поточная мельница), передаточным механизмом движения которой является подпятник; б) мельница с вертикальным колесом, приводимым в движение естественным течением воды, передаточным механизмом движения которой является зубчатка. Основную характерную черту мельницы первого вида диссертантка видит в движении, образуемом силой «перекачивающихся» по лопастям колеса вод. Мельница такого вида, по ее мнению, прошла две ступени своего развития: на первой ступени ее движущей силой была энергия воды, однако механического приспособления для регулирования процесса размалывания зерна у нее не было, а на второй ступени развития водяная мельница снабжается механическим приспособлением для подачи зерна и регулирования процесса размалывания. К данной ступени диссертантка относит все повсеместно распространенные и сохранившиеся в современной этнографической действительности водяные мельницы. С. Я. Бедукадзе подвергает резкой критике буржуазную теорию о римском происхождении водяной мельницы (Монтандон, Чайльд и др.). В исследовании вопроса о происхождении водяной мельницы она руководствуется известным положением К. Маркса, выдвинутым им в письме Фр. Энгельсу в 1863 г., где сказано, что «водяная мельница была занесена из Малой Азии в Рим во время Юлия Цезаря». Это высказывание К. Маркса находится в полном согласии со свидетельством Страбона, совершенно отчетливо указывающего в своей «Географии» на существование водяных мельниц в районе Париадрских гор, в Кабейре. Положение К. Маркса получило дальнейшее развитие в исследованиях советских ученых (Б. Пиотровский, Г. Церетели, Г. Читая, В. Авдиев), допускающих возможность существования водяной мельницы в урартскую эпоху. На основании этнографических и историко-археологических материалов, с одной стороны, и наличия водяных мельниц в Урартском царстве и Малой Азии, с другой, диссертантка приходит к выводу, что этот элемент культуры должен был существовать очень рано в странах колхов и иберов, прославивших себя более высоким развитием древней металлургии. Именно в стране, богатой металлом и металлическими изделиями, возможны мельницы и изготовление ее отдельных частей.

Официальными оппонентами по диссертации выступили доктор исторических наук Я. З. Цинцадзе и кандидат исторических наук А. И. Робакидзе. В их выступлениях единодушно был отмечен значительный интерес, который представляет диссертационная работа. В своих замечаниях проф. Я. З. Цинцадзе отметил, что в поисках связей урартской и прузинской мельницы недостаточно ограничиваться одним только Арагвским ущельем, а необходимо шире привлечь сравнительный этнографический материал по всей Грузии и Кавказу. А. И. Робакидзе дал весьма высокую оценку диссертации С. Бедукадзе, подчеркнув значение точного, образцового описания водяной мельницы, распространенной в Арагвском ущельи, чему во многом способствует альбом иллюстраций (художник Н. П. Браилашвили). Оппонент отметил, что в труде выявлены отдельные технологические элементы, указывающие на древние традиции мельничного дела в Грузии и подчеркивающие тем самым древность происхождения одного из элементов развитого земледелия. На основании правильного осмысления грузинского этнографического и историко-археологического материала, отметил оппонент, положение К. Маркса о внесении в Рим водяной мельницы получило новое подтверждение. На основании этого материала становится возможным проследить вклад грузинского народа в дело прогресса этого элемента культуры. Оппонент выразил сожаление о том, что диссертантка не пользуется грузинским сравнительным материалом, на основании которого можно было показать, что мельницы Арагвского ущелья не представляют собой изолированного явления и что они по существу являются одним из видов грузинской мельницы. Оппонент указал также на отсутствие кавказского сравнительного материала, что лишает возможности установить еще одну группу грузинско-кавказских параллелей.

Выступивший в прениях кандидат наук И. А. Гзелишвили подверг критике отдельные технические термины, встречающиеся в диссертационной работе и автореферате. По мнению И. Гзелишвили, диссертантка должна была постараться максимально приблизить народную терминологию к существующей научно-технической терминологии и тем самым сделать более понятной суть исследуемого вопроса. Она должна была также изложить как технологические, так и функциональные стороны водяной мельницы не преимущественно народным языком, а научно-техническим, сделав опять-таки суждение более доходчивым и понятным. В ответном выступлении С. Бедукадзе категорически возразила на замечания И. Гзелишвили, доказав конкретными примерами неправильность таких положений вообще. Она подчеркнула, что научно-техническая терминология пополняется не сухим, кабинетным языком, а чер-

ляет словесные запасы из богатого народного языка, где каждый термин и название шлифуются на протяжении веков. Следовательно, научно-техническая терминология, заключила диссертантка, может получить ценные дополнения через посредство этнографических исследований.

Ученый совет присудил С. Бедукадзе степень кандидата исторических наук.

В результате успешной защиты всех представленных диссертационных работ грузинская этнография пополнилась молодыми способными научными кадрами, которые продолжают плодотворную работу для дальнейшего углубленного изучения богатой народной культуры и процессов становления нового, социалистического быта.

М. К. Гегешидзе

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ В 1945—1950 ГОДАХ

Польская этнографическая наука в годы немецкой оккупации и второй мировой войны понесла значительные потери. Оккупанты, проводя последовательную политику уничтожения польской передовой науки, ее кадров и материальной базы, подвергли хищническому истреблению ценнейшие памятники искусства, научные и культурные центры страны.

Еще до начала второй мировой войны в панскую Польшу нередко под предлогом «товарищеских визитов специалистов» засылались немецкие этнографы, проводившие подготовительную разведывательную работу, проникавшие в музеи, хранилища национальных сокровищ науки и искусства.

Когда же эти «специалисты» в качестве эмиссаров Гитлера снова появились в начале войны в научных и культурно-просветительных учреждениях, уцелевших от бомб и пожаров, то все, что не было уничтожено, было разграблено и вывезено в Германию.

Преследуя цель уничтожения польской национальной культуры, немецкие оккупанты проводили последовательную политику германизации польского населения.

Созданный во время оккупации при немецком университете в Познани «*Volkspolitische Institut*» со специальным этнографическим отделением («*Deutsche Volkskunde*») основной своей целью ставил осуществление полного онемечивания центральных областей Польши.

Немецкие историки и этнографы на страницах реакционной немецкой прессы, нередко прибегая к фальсификации этнографического материала, старательно доказывали, что поляки в «области Варты» (включала Великопольские земли и Лодзинский район) — лишь эпизодическое явление, которое должно быть устранено. На свободной от поляков территории предполагалось создание базы немецкой областной национальной культуры.

В своем выступлении от 31.X.1939 г. немецкий губернатор в Польше Франк, вскрывая истинные планы оккупантов на занятых областях, говорил: «Полякам можно предоставить только такие возможности образования, которые показали бы им всю безнадежность их национального существования»¹.

Эти директивы полностью проводились оккупантами. Все высшие учебные заведения на территории Польши были закрыты; научные учреждения, библиотеки, музеи находились под полным контролем гитлеровских властей. Прогрессивная польская наука ушла в подполье, где и продолжалась научная работа передовой польской интеллигенции.

После освобождения Советской армией территории Польши и установления в стране народно-демократического строя народное правительство наряду с восстановлением сильно пострадавшего за годы войны и оккупации народного хозяйства приступило к всемерному развитию научной и культурной жизни страны.

В одном из своих выступлений Болеслав Берут сказал: «Чтобы идти быстро вперед, чтобы освободиться от мрачного наследия разрушений и отсталости, чтобы проложить народу широкую дорогу для полного расцвета его творческих сил, необходимо развитие не только промышленности и сельского хозяйства, необходимо столь же быстрое развитие просвещения, науки, культуры и искусства».

Трудная задача встала перед молодой народно-демократической республикой в области науки. Наряду с восстановлением деятельности научных учреждений, оснащением их необходимой материальной базой проводилась огромная работа по очистке польских научных кадров от представителей реакционной науки и пополнение их рядов за счет новой польской интеллигенции. Обновленная польская наука ближайшей

¹ Pięc lat Polski Ludowej. Warszawa, 1949, 221.

своей целью поставила борьбу со всякого рода рецидивами реакционной идеологии и лженаучными теориями.

Перед польской этнографией, как и всей исторической наукой в целом, встала достойная задача разоблачения прислужнической роли буржуазной науки, очищение этнографии от националистической и фасистской шелухи, в которую она нередко облекалась в панской Польше.

В первые два года по окончании войны были восстановлены этнографические кафедры во всех университетах страны². 24.III 1946 г. на общем собрании в Люблине была возобновлена деятельность основанного в 1895 г., Польского народоведческого общества (Polskie Towarzystwo Ludoznawcze), ставшего теперь объединяющим этнографическим центром страны. С 1946 г. возобновляется его издательская деятельность выходом из печати ежегодника «Lud»³ и неперIODических изданий «Prace i materialy etnograficzne», «Prace etnologiczne».

До войны в Польше было два в собственном смысле слова этнографических музея: Центральный этнографический музей в Варшаве и Этнографический музей в Кракове.

Довоенная Польша располагала также довольно большой сетью региональных музеев, большинство из которых в своем составе имело и этнографические коллекции. Однако преобладающая часть этнографических собраний носила характер случайного скопления материалов, судьба которых всецело зависела от воли отдельных меценатов.

Нередко подбор коллекций носил тенденциозный характер, игнорировалось классово заостренное народное искусство, умышленно подчеркивалась «традиционность» ряда форм народного творчества. Так, иногда преобладающее место в коллекциях резьбы по дереву занимала религиозная тематика, используемая католическим духовенством как одно из доказательств «религиозности» польского народа.

При подборе музейных коллекций основное внимание обращалось на внешнюю эффектность экспонируемых материалов. В силу этого вне поля зрения оставались культура и быт основной массы трудящегося населения, влившего нищенское существование.

В музейной работе находило свое отражение реакционное направление буржуазного искусства, лозунгом которого было «искусство для искусства». Нередко музейные коллекции оставались законсервированными в течение многих лет в музейных помещениях и были доступны в лучшем случае только узкому кругу специалистов.

Вторая мировая война разрушила музеи в Польше. В 1939 г. был превращен в руины Центральный этнографический музей в Варшаве, располагавший несколькими тысячами экспонатов, обширной общей этнографической и специальной музееведческой библиотекой. Оккупанты вывезли в Германию коллекции Этнографического музея в Кракове и городского музея в Лодзи; были сожжены и разграблены коллекции Курпевского музея в Новгороде на Нарве, Кашубского музея в Вдзидзах, коллекции этнографического отдела Великопольского музея в Познани.

По окончании войны Народное правительство предприняло энергичные меры к восстановлению и расширению сети культурно-просветительных учреждений, в том числе и музеев, которые были превращены в хранилища сокровищ народного искусства, ставшего теперь достоянием широких масс трудящегося населения.

Согласно решениям, принятым на 17-м съезде делегатов Союза музеев в Польше, созванном 20.IX 1946 г. в Неборове, предполагалось создание в Варшаве Музея культур славянских народов и всемерное расширение этнографических, археологических и исторических отделов краеведческих музеев на Возвращенных землях.

В июне 1947 г. был созван 18-й съезд Союза, принявший ряд существенных решений, направленных на централизацию в стране музейной этнографической работы. Было решено провести единообразную по форме инвентаризацию экспонатов во всех публичных этнографических музеях, памятников народного искусства в общественных хранилищах, установить опеку государства над частными этнографическими коллекциями.

В течение 1948 г. указанные решения были проведены в жизнь. Распоряжением Министерства по делам культуры и искусства от 6.X 1949 г. было положено начало деятельности Главной дирекции музеев и охраны памятников старины с кварталным печатным органом «Охрана памятников старины»⁴.

9.XII 49 г. названным выше Министерством был издан указ о передаче в ведение государства и принятии на государственное обеспечение всех краеведческих и этнографических музеев, находившихся ранее в ведении органов территориального самоуправления.

По данным 1949 г. в Польше находится 64 музея, располагающих этнографическими коллекциями⁵.

² Подробно об организационном периоде польской этнографии см. статью проф. Дыновского «Научные работы по этнографии и фольклору в Польше» — «Советская этнография», 1948, № 3.

³ «Lud», 1946, т. 36; 1947, т. 37, 1948, т. 38.

⁴ «Ochrona zabytków», R. I, 1948, № 1—4; R. II, 1949, № 1—4; R. III, 1950, № 1—3.

⁵ Подробный перечень музеев см. указ. статью Дыновского.

В послевоенной работе польских этнографов большое внимание уделялось изучению Возвращенных земель. Первым необходимым этапом в их изучении явилась точная инвентаризация этнографических экспонатов в музеях, отдельных обществах, у частных лиц и создание во Вроцлаве центральной картотеки. Эта работа в основном была закончена в 1948 г. Институтом этнологии Вроцлавского университета и Силезским институтом. В 38 городах Западных земель было установлено наличие этнографических музеев, коллекции которых, однако, очень малочисленные, с ограниченной тематикой, вместе взятые, далеко не отражали всей народной культуры Нижней Силезии. Немецкие власти, проводя методически ассимиляцию славянского населения, основное внимание сосредоточивали на коллекционировании наиболее эффектных предметов материальной культуры (мебель, одежда, прикладное искусство). Экспонировались, как правило, предметы недавнего производства, которые могли, хотя бы частично, служить доказательством близости культуры местного населения с коренными немецкими землями.

В 1945 г. на территории Ольштынского воеводства находилось 20 краеведческих музеев. Экспонируемые в музеях материалы служили орудием пропаганды в руках немецких «деятелей культуры» и носили ярко выраженный тенденциозный характер. Так, в музеях обширно был представлен отдел периода первой мировой войны и плебисцита 1920 г. в Мазурии и Вармии. Этнографические экспонаты, которые могли бы служить иллюстрацией богатства и разнообразия народной культуры местного славянского населения и являться доказательством его родства с населением центральных польских областей, занимали в музеях очень скромное место.

В 1946 г. в Мазурском музее в Ольштыне на базе этнографических материалов местных краеведческих музеев было открыто этнографическое отделение. Здесь с 17.II по 15.III 1946 г. функционировала выставка народного искусства населения Мазурии и Вармии.

В 1948 г. в составе морского музея в Щецине был образован этнографический отдел с целью комплексного изучения северной части Щецинского и Гданского воеводств. Особое внимание в работе музея обращается на изучение народной культуры кашубов.

Согласно решению Польского народоведческого общества в ближайшее время предполагается создание этнографического отдела в составе исторического музея в Равперсвице, коллекции которого будут представлять материальную и духовную культуру населения Малополя, Великополя, Поморья.

В 1946 г. был организован в составе городского музея в Торуни этнографический отдел, явившийся первым этапом в осуществлении проекта создания Поморского этнографического музея.

За 1946—1948 гг. сотрудниками отдела проведен ряд поездок по районам Поморского, Гданского, Ольштынского и Щецинского воеводств. Собранные материалы позволили 7.IX 1948 г. открыть коллекции музея для публичного обозрения.

В 1947 г. была возобновлена деятельность этнографического отдела Силезского музея в Катовицах. Силезский музей, основанный в 1927 г., располагавший систематически пополнявшимися коллекциями, регулярно организуемыми выставками, проводивший большую научно-исследовательскую работу, занимал одно из первых мест среди музеев довоенной Польши. Этнографический отдел Музея, наиболее богатый, насчитывал перед войной около 10 000 экспонатов, всесторонне представлявших культуру и быт населения Силезии, частично — населения Малой и Великой Польши, Поморья, соседних славянских групп Прикарпатья. Немецкие оккупанты варварски разграбили ценные коллекции музея. Лучшая часть музейных экспонатов была вывезена в Германию, не малая доля их была использована немцами в качестве пожертвований на так называемую «Winterhilf».

После преодоления ряда организационных трудностей в ноябре 1947 г. Силезский музей возобновил свою деятельность открытием первой послевоенной выставки народного жилища Силезии.

В 1946 г. по распоряжению Министерства культуры и искусства в Млоцинах под Варшавой возник Государственный музей народных культур (Państwowy Muzeum Kultury Narodowej) в масштабах, значительно превышающих разрушенный немцами Государственный этнографический музей в Варшаве.

Энергичная работа сотрудников музея и активная материальная помощь государства дали возможность уже в 1946 г. открыть первый отдел Музея, посвященный материальной культуре и народному искусству поляков. С 21 мая 1949 г. здесь экспонируется постоянная выставка народных костюмов основных региональных групп славянского населения Польши.

К сожалению, богатый и красочный материал выставки размещен по географическому и функционально-типологическому признакам, в отрыве от окружающей его социально-экономической среды и основного его производителя — трудящегося населения, что является существенным недостатком выставки. Указанные недостатки своевременно отмечались специалистами и вызывали обоснованную критику на страницах периодической печати⁶.

⁶ Sawicki L., Brak perspektywy historycznej, «Kuźnica», 1949, № 26.

17.VII 1950 г. в помещении Музея была открыта выставка народного искусства населения Африки и Океании.

В ближайшее время в музее предполагается развернуть экспозиции по культуре и быту ряда других зарубежных народов.

В настоящее время экспонаты Музея размещаются в 6 залах.

Первый отдел содержит народные костюмы средней Польши (округа Ловицкий, Равский, Опочинский), головные уборы из Великопольских областей и керамику Западного Поморья. Во втором и третьем залах — головные уборы Мазовешских земель, резьба по дереву, предметы домашнего обихода. В 3-м зале наибольшее внимание посетителей привлекают красочные вышивки Подлесья и Люблинского воеводства. 4-й зал содержит народную одежду Жегловского и Келецкого округов. 5-й — Краковские и Садецкие народные костюмы. Здесь же размещены многочисленные фотографии народного жилища указанных районов. В 6-м зале находятся силезский и подгалацкий народные костюмы, народная живопись на стекле и бумаге, музыкальные инструменты.

Наряду с восстановлением деятельности основных довоенных этнографических центров, в стране создается ряд новых учреждений, имеющих специальной целью всестороннее изучение народного искусства. Так, на состоявшейся в мае 1947 г. в Закопане конференции этнографов и работников музеев было положено начало деятельности Центрального института культуры, поставившего перед собой задачу всестороннего изучения польского народного искусства, всемерной его поддержки, фиксации всех уходящих в прошлое форм народного быта.

В 1946 г. по инициативе Министерства культуры и искусства был создан в Варшаве Государственный институт изучения народного искусства (Państwowy Instytut Badania Sztuki Ludowej).

В задачу института входит всестороннее изучение всех форм народного искусства, охрана и поддержка народных промыслов, памятников народного искусства, популяризация народного искусства в печати, путем выставок, лекций, разработка путей внедрения предметов народного искусства в массовое производство.

В настоящее время в Институте работают пять следующих секций: 1) фольклора и народных обрядов, 2) народной музыки, 3) прикладного искусства, 4) хореографической, 5) народной живописи и резьбы.

Институт имеет собственный печатный орган — ежемесячный журнал «Польское народное искусство»⁷, на страницах которого сотрудники Института помещают свои работы, посвященные отдельным проблемам народного искусства; журнал располагает большим информационным отделом, дающим регулярные сообщения об этнографических полевых исследованиях.

Изучение народного искусства до образования Института не носило систематического характера. Институт с момента организации приступил к планомерному изучению польского народного творчества. Первым предметом исследования в 1943 г. была материальная культура Краковской области и горцев Нижней Силезии. Сотрудники Института при участии студентов кафедры этнологии Краковского университета и Академии художественных наук обследовали в указанных областях свыше 150 пунктов. В результате собрано значительное число экспонатов (орнаментированные скрини, вазы), переданных в музеи Нижней Силезии. Обследование установило большую живучесть традиционных форм народного прикладного искусства.

В течение 1947 г. Государственный Институт изучения народного искусства совместно с Институтом польской архитектуры проводил исследование народного жилища на территории Нижней Силезии, Люблинского воеводства, Мазурии и Вармин. Участники экспедиции ставили перед собой две основные задачи: 1) районирование отдельных типов сельского жилища и выяснение причин бытования определенного типа жилища на данной территории, 2) выяснение общих характерных черт конструкции и формы польского народного жилища. За экспедиционный сезон 1947 г. обследовано свыше 700 объектов, сняты планы 21 деревни. Летом 1948 г. Институт возобновил полевые исследования на Курпях в Белой Пуще. Несмотря на огромный урон, нанесенный селам Белой Пущи во время войны (некоторые села перенесли двукратные пожары 1939 и 1944 гг.), участникам экспедиции удалось собрать интересные виды резьбы на жилых строениях, вышивки женского народного костюма.

Центральным институтом культуры, Государственным институтом изучения народного искусства, центральными и региональными музеями за прошедшее пятилетие проделана большая работа по изучению возрожденного народного искусства демократической Польши.

Прошедшее пятилетие, как показали собранные материалы, характеризуется небывалым расцветом всех творческих сил народа. Выставки послевоенного периода показали правдивый, глубоко классовый облик народного искусства, связанный своими корнями с социально-экономической и общественной жизнью польского народа. Грандиозные экономические и культурные изменения в жизни современного польского деревни нашли свое отражение и в народном творчестве, в первую очередь наметилось определенное стремление к изменению тематики. Центральной тематикой

⁷ «Polska sztuka ludowa». R. I, 1947, № 1—2; R. II, 1948; № 1—12; R. III, 1949, № 1—12.

творчества народных мастеров становится труд возрожденной польской деревни, изменения, происшедшие за годы народно-демократической власти в хозяйстве и быту польского крестьянства.

Многочисленные композиции, созданные в 1949—1950 гг. народными мастерами фигурной вышивки из окрестностей Ловича, темой своей имеют борьбу за ликвидацию неграмотности в польской деревне (работы мастеров З. Вехно, М. Колачинской, Е. Зачека и др.), механизированную обработку земли, электрификацию сельской школы и кооперации.

Вплоть до настоящего времени в окрестностях Кракова и Жешева сохраняются центры производства детских игрушек. Этот вид народного искусства в прошлом отражал тяжелую жизнь крестьянства панской Польши, иногда носил характер острой сатиры на существовавший социально-экономический строй, под влиянием костела и духовенства немалое место занимали религиозные сюжеты. Изменения быта польской деревни находят свое отражение и в производстве народной игрушки. Отходит на задний план костел и его влияние. Единицами сохраняются мастера резьбы религиозных сюжетов. В центре творчества современных мастеров фигурирует человек и его трудовая жизнь. На конкурс 1949/50 г. были представлены такие экспонаты как «Тракторы» и «Голубь мира» (мастер Пеп) «Женщина с граблями» (мастер Драк из Жешева), «Парень с секирой» (мастер Калемба из Жешева), «Доярка» (мастер Чарнецкий из Кельца). Народно-демократическое правительство оказывает всемерную поддержку народным мастерам, пропагандируя их искусство, творческий и жизненный путь в печати, на выставках. В настоящее время творчество отдельных мастеров является достоянием всего народа.

Государство, оказывая всемерную поддержку, осуществляет свою опеку и контроль над народным творчеством через Центральную кооперацию народных и художественных промыслов, сельские районные промысловые кооперации, обеспечивая плановое развитие тех видов народного искусства, которые отвечают задачам сегодняшнего дня. Создаются новые центры художественных промыслов.

Решения экономического комитета при Совете Министров Польской республики от 21.VI 1949 г. и государственной плановой комиссии от 17.IX 1949 г. внесли коренные изменения в деятельность Центральной кооперации народных и художественных промыслов (Centrala Przemyslu Ludowego i Artystycznego). Центральная кооперация, согласно указанным решениям, должна направить свою деятельность на активизацию работы уже имеющихся традиционных центров народного искусства, дальнейшее развитие которых должно протекать на базе объединения отдельных сельских ремесленников в промысловые артели.

Уже в первой половине 1950 г. возникают артели промысловой кооперации в 40 уездах страны, объединившие собою местные центры народного искусства. Работы артелей протекают в тесном контакте с Министерством культуры и искусства и Институтом народного искусства. Промысловые артели дают большой простор личной инициативе, повышают уровень выпускаемой продукции путем пропаганды лучших произведений народных мастеров на выставках, передачи их опыта на конференциях. Характерны в этом отношении получившие широкое распространение за истекшее пятилетие конкурсы мастеров народного искусства, выявляющие его конкретные возможности, стимулирующие его дальнейшее развитие.

С 28.II по 28.III 1949 г. в Лодзинском воеводстве по инициативе Министерства культуры и искусства проводился конкурс на лучшие произведения регионального прикладного искусства. На конкурс поступило 2815 работ 150 авторов из 56 населенных пунктов Опочинского, Равско-Мазовецкого, Бжезинского районов. Работы 18 мастеров были отмечены премиями. По закрытии конкурса большая часть экспонатов была закуплена этнографическим музеем в Лодзи.

В мае 1949 г. в деревнях Остролецкого и Пултского районов был проведен конкурс на лучшее убранство курпловской хаты. Конкурс нашел живой отклик у местного населения и обнаружил широкое бытование оригинальных форм народного прикладного искусства.

Население Мазурии и Вармии издавна славилось производством красочных тканей. В 1945—1948 гг. сотрудники Государственного института изучения народного искусства и этнографического музея в Ольштыне предприняли ряд поездок по областям Мазурского и Варминского округов с целью приобретения народных тканей, готовых костюмов.

В результате кропотливых розысканий по деревням и на ярмарках было собрано значительное число образцов народного ткачества указанных областей, переданных в этнографические отделения Ольштынских музеев.

Работа экспедиций показала, что в мазурских и варминских деревнях вплоть до наших дней сохранилось достаточное число ручных ткацких станков, сравнительно широко бытуют домотканые материалы с традиционным рисунком и раскраской. Артель народных и художественных промыслов в Ольштыне оказала всемерную поддержку местным мастерам народного ткачества. В Войнове, Пецах, Ольштыне и ряде других пунктов были организованы курсы, где желающие под руководством опытных инструкторов приобретали систематические знания, усовершенствовались в ткацком мастерстве. Курсы привлекли много слушателей из сельских местностей. Окончившие курсы вступают большей частью в промысловые сельские артели, где из материала, получаемого от артели, создают идущие на продажу предметы народного ткачества.

Артели народных промыслов на основе народной техники тканя, применения традиционных орнаментов и красок создают прекрасные образцы декоративных тканей, заимствуют рисунки народных вышивок в производстве современного готового платья, столового белья. Широким спросом пользуются выпускаемые кооперацией керамические изделия, игрушки.

Большое место в послевоенной этнографической работе занимает организация выставок произведений народного творчества.

В январе 1948 года в помещении Краковского общества изящных искусств была открыта выставка «Народное искусство Польши». Представленные на выставке экспонаты отражали живопись, резьбу, гравюру на дереве народных мастеров различных областей Польши, включая Возвращенные земли.

С 10.X по 8.XI 1948 г. в помещении Государственного музея в Ланцуне была открыта выставка керамики и народного рукоделия, явившаяся демонстрацией результатов проведенного незадолго до этого конкурса народных мастеров.

Среди многочисленных региональных выставок истекшего пятилетия останавливает на себя внимание выставка народного искусства населения Мазурии и Вармии 1948 г. Открытие этой выставки имело большое политическое значение.

В течение многих десятилетий реакционная немецкая лженаука, фальсифицируя данные о народном искусстве, материальной культуре коренных славянских народностей Мазурии и Вармии, стремилась доказать «законную» принадлежность заселенной ими территории Германии.

Указанная выставка, только частично отражая все богатство народной культуры населения Мазурии и Вармии, явилась убедительным доказательством славянского характера народного искусства указанных народностей.

Первое место среди экспонатов выставки заняли образцы красочной мазурской ткани («плахта»). Второй отдел выставки был посвящен народной керамике, среди которой значительное место занимают образцы изразцов, производство которых ведет свое начало с конца XVIII в. В третьем отделе экспонировалась резьба по дереву. В четвертом — прикладное искусство.

Ярким свидетельством подъема музыкального народного творчества новой Польши является организованный Министерством культуры и искусства и польским радио 8—28.V 1949 г. Всепольский фестиваль народной музыки. В программу фестиваля была включена народная музыка в исполнении сельских и городских любительских ансамблей, народные песни и инструментальные мелодии в обработке композиторов, концертные произведения композиторов, основанные на тематике народного творчества.

Перед зрителями в крупнейших концертных залах, на фабриках, заводах, улицах, площадях выступали ансамбли песни и пляски из Великопольской, Мазовецкой, Люблинской, Курпеской, Силезской, Ловичской, Куявской, Подгаланской, Келецкой областей в общем количестве 300 тыс. человек.

Открывая фестиваль в Варшаве, министр культуры и искусства Стефан Дыбзский сказал: «Горячо желаю, чтобы фестиваль стал ежегодным и, с одной стороны, показывая всему народу сокровища наших народных мелодий, был бы стимулом культивирования польской народной музыки, а, с другой стороны, обращал бы внимание наших композиторов на ценности, тающиеся в народной музыке»⁸.

Фестиваль продемонстрировал все богатство польской музыкальной культуры от оригинальных примитивных мелодий, исполняемых любительскими коллективами, до сложных музыкальных произведений, в основе которых лежит фольклорная тематика. Фестиваль, явившийся мощной демонстрацией расцвета всех творческих сил народа, дал богатый материал для исследователей народного искусства. Последние имели возможность впервые воочию познакомиться в таких грандиозных масштабах с произведениями самобытного народного творчества в исполнении лучших мастеров, с сохраняющимися еще и донные самобытными народными инструментами, национальными костюмами.

28.V 1949 г. в национальном музее Варшавы состоялась конференция, посвященная итогам фестиваля, на которой был заслушан доклад заместителя министра культуры и искусства Владимира Сокорского. В своем выступлении Сокорский указал, что первоочередной задачей в области народного искусства является отказ от ложного взгляда на народное искусство, как на что-то консервативное, застывшее в своем развитии, и диаметрально изменить методы его изучения. При изучении народного искусства необходимо, как указал В. Сокорский, исходить из двух основных положений: классового характера создателя и потребителя народного творчества и правдивого отражения в искусстве современной ему эпохи.

Конференция в своих решениях обращает внимание научных работников на необходимость уделять основное внимание новым формам народного творчества, возникающим в современных условиях грандиозных экономических и культурных изменений в жизни трудящихся современной Польши. Она наметила также ряд организационных мероприятий, имеющих целью обеспечить плановое развитие народного искусства, обогатить репертуар самодеятельных коллективов творчеством нового, идущего к социализму искусства народно-демократической республики.

⁸ «Ruch Muzyczny», 1949, № 10, стр. 4.

Одной из важнейших практических задач послевоенной польской этнографии явилось комплексное изучение Возвращенных земель. С этой целью в составе Силезского института в Катовицах, с 1948 г. вошедшего в состав Силезско-Домбровского общества друзей наук (Śląsko-Dąbrowskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk), была создана в ноябре 1945 года специальная этнографическая комиссия.

До второй мировой войны этнографическая работа в Силезии наряду с Силезским институтом, возникшим в 1934 г., проводилась Польской Академией наук и Силезским музеем в Катовицах. Уже в предвоенные годы встал вопрос о необходимости создания на территории Силезии специального этнографического центра; начало этому было положено созданием фонографического архива народной силезской песни, большая часть которого погибла во время войны.

Несмотря на огромные материальные потери во время войны, Силезский институт уже в 1945 г., по возвращении в Катовице, сумел частично восстановить свою работу. Возвращение Силезии в полных ее границах Польше поставило перед институтом ряд важных политических задач, открыло новые широкие перспективы для научно-исследовательской работы. Перед сотрудниками Института встала задача путем всестороннего изучения культуры и быта населения Возвращенных земель, его этнического состава выявить древнюю славянскую культуру, показать на этнографическом материале историческую закономерность присоединения Силезии к Польше.

14. XII 1945 г. состоялось первое организационное заседание этнографической комиссии Института.

Этнографические исследования начались в июне 1946 г. на территории Опольской Силезии. Группой этнографов, состоявшей из 10 человек, были проведены рекогносцировочные поездки по отдельным местностям Верхней Силезии (районы Олеский, Ключборский, Намысловский, Опольский, Прудницкий, Рациборский). Собранный материал дал возможность приступить к работе над запроецированным сборником, посвященным исследованию народной культуры Силезии («Lud Śląski»). Предварительные результаты своих исследований сотрудники Института помещали на страницах журналов «Zagranie Śląskie»⁹.

В последующие годы полевые исследования охватили полностью территорию Силезско-Домбровского воеводства и пограничных с ним земель Малой и Великой Польши, Нижней Силезии. В 1948 г. в серии «Памятников Силезского института» была опубликована коллективная работа под ред. К. Попёльска, посвященная монографическому описанию Силезии¹⁰.

Большая работа по комплексному изучению Возвращенных земель, в частности территории Нижней Силезии и Западного Поморья, за послевоенные годы проводится Западным институтом в Познани. За истекшее пятилетие им опубликован ряд фундаментальных работ, освещающих историческое прошлое указанных территорий, их политическую, экономическую и культурную историю¹¹.

Второй круг интересов польских этнографов за истекшее пятилетие сосредоточивается вокруг работы над изданием Польского этнографического атласа¹².

В результате проделанной большой работы по сбору литературного, музейного и полевого материала в 1949—1950 г. были подготовлены и вышли из печати 2 книги из серии монографий атласа польской народной одежды, посвященные описанию народного костюма населения Нижней Силезии и горцев Шчавницкого района Краковского воеводства¹³.

За истекшее пятилетие польской этнографической наукой проделана большая работа. Успешное экономическое и культурное развитие народно-демократической Польши в ее движении к социализму ставит перед польской этнографией ряд серьезных задач. Наступило время с позиций передовой марксистско-ленинской методологии пересмотреть основные положения польской этнографической науки.

В центре исследований польской этнографии должно стать широкое освещение современного быта возрожденных трудящихся масс Польши.

И. Калоева:

⁹ «Zagranie Śląskie», R. 16, 1945, № 1; R. 17, 1946, № 1—4; R. 18, 1947, № 1—4; R. — 19, 1948, № 1—2.

¹⁰ Śląsk. Ziemia i ludzie, Katowice, 1948, 283 s.

¹¹ Dolny Śląsk. Praca zbiorowa, cz. 1—2, Poznań, 1948.

Pomorze Zachodnie, Wydawnictwo zbiorowe, cz. 1—2, Poznań, 1949. Ziemia, Lubuska, Praca zbiorowa, Poznań, 1950.

¹² Подробно о задачах и характере Польского этнографического атласа см. указанную выше статью проф. Дыновского.

¹³ T. Seweryn. Stroj Dolno-Slaski Pogorze, Lublin, 1950. (Atlas polskich strojów ludowych, cz. III. zes. 9); Reinfuss R. Stroje gorali szczawnickich, Lublin, 1949 (Atlas polskich strojów ludowych, cz. V. zes. 18).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЭТНОГРАФИЯ В I—III ТОМАХ ВТОРОГО ИЗДАНИЯ БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Четверть века, прошедшая со времени выхода в свет первых томов первого издания Большой Советской энциклопедии,— большая историческая эпоха. За это время в нашей стране произошли величайшие преобразования во всех областях экономической, политической и культурной жизни, советский народ успешно завершил строительство социализма и вступил на путь постепенного перехода к коммунизму.

За это время произошла значительная перегруппировка сил в пользу социализма. В результате второй мировой войны и всемирно-исторической победы Советского Союза от системы империализма отпал ряд стран, установивших режим народной демократии и вставших на путь строительства социализма. Победила великая народная революция в Китае. Силы антиимпериалистического демократического лагеря выросли и продолжают расти, силы империалистического, реакционного лагеря ослабли и продолжают ослабевать.

За истекшую четверть века произошли большие изменения в развитии всех отраслей научного знания и в том числе этнографической науки. Буржуазная этнография окончательно выродилась в реакционную лженауку, откровенно поставившую себя на службу империалистической политике, колониальному разбою, расизму и мракобесию. Советская этнография, основанная на принципах марксизма-ленинизма, выросла в подлинно прогрессивную общественную науку, служащую великим целям социалистического строительства, борьбы с пережитками досоциалистического сознания, борьбы с реакционной буржуазной идеологией. Особенно больших успехов достигла советская этнография в период послевоенной сталинской пятилетки, когда в центре внимания советских этнографов встали наиболее актуальные проблемы изучения современного быта народов СССР и народов зарубежных стран.

Вполне понятно, что в этих условиях первое издание БСЭ в основном устарело. Этнографические статьи в первом издании БСЭ не отражают и не могут отражать грандиозных преобразований, происшедших в общественно-экономической жизни, культуре и науке нашей страны, и изменений, происшедших за рубежом. Многие статьи в первом издании БСЭ содержат грубые идейно-политические и теоретические ошибки. Достаточно указать, что в статье «Азия», написанной буржуазным этнографом Максимовым, народы распределяются по нескольким «культурным провинциям», границы которых «совпадают с границами распространения тех или других религиозных систем». В этой же статье фигурируют «универсальная мусульманская культура», «арабская или семитическая раса» и тому подобные понятия, заимствованные из арсенала буржуазной науки. В то же время во всем этнографическом очерке «Азия» нет буквально ни слова о положении азиатских народов в условиях империалистической колонизации, о колониальном гнете и национально-освободительном антиимпериалистическом движении. Статья «Азия» — не исключение. Глубоко «аполитичны» по своему направлению и грубо ошибочны в ряде основных научно-теоретических положений и такие статьи в первом издании БСЭ, как «Абхазы», «Австралийцы», этнографический очерк «Африка» и многие другие.

Отмечая принципиальные недостатки первого издания Энциклопедии, Совет Министров Союза ССР указал, что новое издание призвано «широко осветить всемирно-исторические победы социализма в нашей стране, достижения СССР в области экономики, науки, культуры, искусства. С исчерпывающей полнотой следует показать превосходство социалистической культуры над культурой капиталистического мира. Опираясь на марксистско-ленинскую теорию, Энциклопедия должна дать партийную критику современных реакционных буржуазных течений в различных областях науки и техники».

Этнографические статьи в новом издании Энциклопедии в целом полностью отвечают этим высоким требованиям, предъявляемым к советской науке. Основным качеством их прежде всего является большевистская партийность и идейно-теоретическая направленность. Важнейший раздел статей, посвященных тому или иному народу, составляет краткая характеристика его исторических судеб и современного положения. В статьях о народах СССР характеризуется их положение в царской России и нынешнее положение в СССР, сообщаются основные данные, свидетельствующие о расцвете экономики и культуры в условиях социализма. Равным образом характеризуется прежнее и современное положение народов стран народной демократии. В статьях, посвященных народам колониальных и зависимых стран, особенное внимание уделяется формам колониального гнета и народно-освободительной борьбе против колонизаторов-империалистов. Отражая историзм, свойственный советской этнографической науке, статьи, как правило, содержат необходимые данные о происхождении народа, основные моменты его истории и сведения о формировании нации. В разделе, посвященном истории этнографического исследования данного народа, статьи знакомят читателя с заслугами отечественных, в особенности советских, исследователей.

Этнографические статьи в новом издании БСЭ несравненно более содержательны, нежели аналогичные статьи в старом издании. Написанные по общему единому плану, они содержат все важнейшие сведения о существующих названиях данного народа, его языковой принадлежности, расселении, численности общей и по странам, распространенной религии, занятиях и культурном облике. Статьи о населении страны характеризуют национальный и этнический состав, численность, национальные взаимоотношения, сообщают основные демографические данные. Справочная ценность Энциклопедии в значительной мере возросла также и благодаря расширению этнографического словника, количественному росту этнографических статей. В первые три тома вошли такие отсутствовавшие ранее статьи, как «Абазги», «Авункулат», «Азербайджанцы», «Алтайцы», «Аменгерство», «Амхара», «Аргентинцы», «Аталычество», «Ахвахцы», «Аэта» и многие другие. Некоторые статьи, как, например, «Аварцы», сводившиеся раньше к самым кратким и недостаточным характеристикам, стали теперь серьезными и содержательными.

В целом отражая высокий уровень советской этнографической науки, этнографические статьи во втором издании БСЭ не свободны еще, однако, от ряда недочетов и недостатков. Некоторые отдельные статьи содержат и небрежные формулировки, ведущие к серьезным ошибкам.

В статье «Авункулат» ошибочно указывается, что этот институт «ведет происхождение от эпохи материнского права». Приведенная старинная трактовка авункулата ныне совершенно оставлена советской наукой, рассматривающей авункулат как порядок, восходящий к эпохе перехода от матриархата к патриархату, и придающей этому истолкованию большое принципиальное значение. Даваемая в статье трактовка авункулата тем более непонятна, что в библиографии к статье указывается работа М. О. Косвена, специально посвященная методологически правильному объяснению этого института. Неверное положение содержит и статья «Аталычество», где сообщается, что в феодальный период аталычество бытовало только в замкнутой дворянско-княжеской среде, во взаимоотношениях князей и дворян. В действительности, в феодальный период широчайшим образом практиковалась отдача детей феодалов на воспитание в крестьянские семьи, что являлось одной из традиционных форм феодальной эксплуатации. Следовало, кроме того, отметить, что отдача детей на воспитание — обычай, распространенный не только на Кавказе, имеющий аналогии у кельтов, скандинавов, южных славян. Статьи «Авункулат» и «Аталычество» свидетельствуют, что вопросам общей этнографии в вышедших трех томах БСЭ уделено недостаточно внимания. Неточная и частью неверная характеристика авункулата и аталычества усугубляется здесь отсутствием развернутой критики реакционных буржуазных концепций, касающихся обоих институтов, а в особенности авункулата.

В статье «Африка» (этнографический очерк) весьма неудачно выражение «мусульманская культура», отражающее идею унификации культур всех исповедующих ислам народов. Точнее и правильнее было бы говорить о влиянии на области Судана не «мусульманской культуры», а культуры определенных стран и народов, в данном случае — арабских. В этой же статье вызывает недоумение характеристика общественного строя африканских народов накануне европейской колонизации. Здесь говорится: «Во времени проникновения европейцев во внутреннюю А. и ее раздела большинство народов А. находилось на стадии первобытно-общинного строя. В зап. А. был распространен материнский род, пережитки которого сохраняются до сих пор в некоторых районах Конго и Анголы. В вост. и южн. А. господствовавшей формой общественных отношений был отцовский род. Однако, наряду с этим, многие народы Судана и центр. А. уже переходили к классовому обществу (см. ниже — исторический очерк)». В историческом очерке, на который ссылается автор этнографического очерка, перечислен длинный ряд уже возникших до прихода европейцев государств (в Судане, Конго и др.) Таким образом, остается непонятным, как могли возникнуть государства, если народы только переходили к классовому обществу. А между тем в этнографическом очерке было важно показать, что государства в Афри-

ке до прихода европейцев уже были, что многие народы Африки до начала европейской колонизации уже достигли высокого уровня развития.

Небрежные формулировки и существенные пробы имеются в статье «Азия» (этнографический очерк). В числе коренных народов Средней Азии, сложившихся на ее территории, в пределах СССР, здесь называются узбеки, казахи, киргизы и каракалпаки и по непонятной причине не указываются таджики и туркмены. Не отмечается, что малые народности Горного Таджикистана ныне сливаются с таджиками в единую социалистическую нацию. Арабы характеризуются в статье как «кочевники-бедуины-верблюдоводы, племена овцеводов, полуседлое и оседлое земледельческое население оазисов, торгово-ремесленное население городов». Между тем крупнейшую группу населения арабских стран составляют вполне оседлые крестьяне, которые повсюду, за исключением внутренней Аравии, населяют отнюдь не одни оазисы. Население арабских городов Сирии и Ирака составляют не только торговцы и ремесленники, но и молодой арабский пролетариат. В статье обойден молчанием важный вопрос о формировании наций в зарубежной Азии (исключение составляют только индонезийцы). Второстепенным, но все же досадным недостатком статьи является полное отсутствие этнографических иллюстраций.

Серьезная ошибка допущена в статье «Арабы», где деление арабов на оседлых и кочевых рассматривается как пережиток первобытно-общинного строя. Известно, что трактовка кочевого скотоводства как формы, присущей только первобытному обществу, является ошибочным положением, в свое время проповедывавшимся К. Каутским и осужденным советской наукой.

Ряд отдельных недостатков, неточностей и пробелов содержится и в других статьях. Так, в статье «Америка» ничего не говорится о религиозной принадлежности современного населения, нет характеристики условий жизни индейцев в резервациях. В статье «Албанцы» настоятельно подчеркивается культурное различие между гегами и тосками, но не отмечается, что в настоящее время обе группы консолидируются в единую албанскую нацию. В статье «Аэты» говорится об оттеснении аэтов в лесные теснобы, о вымирании их в условиях колониального режима, но не указано, кто именно загнал аэтов в леса, чей колониальный режим приводит их к вымиранию. Аналогичным образом в статье «Андаманцы» не говорится, какими именно колонизаторами почти полностью истреблено это племя. В статье «Аварцы» читателю немного дает сообщение о том, что аварцы «по физическому типу сходны с другими народностями Дагестана». В этой же статье указывается, что аварцы консолидируются в одну крупную народность с андо-цезскими народностями Дагестана, а в статьях «Ангийцы» и «Андо-цезские народы» говорится, что последние слились с аварцами. В результате читателю непонятно: еще консолидируются или уже слились? Справочная содержательность ряда статей («Абхазы», «Абазинцы», «Азербайджанцы», «Ахвахцы») понижена отсутствием указаний, к какой языковой группе относится язык данного народа.

Отдельные недостатки и пробы, имеющиеся в этнографических статьях нового издания БСЭ, не обесценивают, конечно, этого первоклассного свода этнографических знаний, но требуют от советских этнографов еще более серьезного и внимательного отношения к работе над последующими томами Энциклопедии.

А. Першиц

«AFRICAN STUDIES»

(Обзор за 1950 год)

Начиная с 1922 г., университет Витватерсранда издает кварталный журнал, посвященный истории, этнографии и лингвистике африканских народов. До 1942 г. он выходил под названием «Bantu Studies», с 1942 г. превращен в «African Studies». Перемена названия должна была означать, что журнал включает в круг своих интересов не только народы банту, но все народы Африки. Фактически, однако, журнал и сейчас публикует материалы, главным образом, по народам банту. Так из 16 статей, опубликованных в 1950 г., 14 статей посвящены народам банту.

Вместе с переменной названия был изменен и состав редакционной коллегии. Из редколлегии был выведен проф. Шапера, борющийся против крайностей реакционной функциональной школы и ее основателя Б. Малиновского, проф. Брукс и др. Вместо них в составе редколлегии появились опытные колониальные чиновники, как, например, Джеффри, долгое время служивший в колониальном аппарате британской Западной Африки. Журнал и раньше страдал всеми пороками буржуазной этнографии и лингвистики, сейчас он стал несравненно хуже.

В журнале появляются иногда статьи, содержащие полезный фактический материал. В № 1 за 1950 г. опубликована интересная статья о составе коренного насе-

ления Ньясаленда. Все коренное население этой английской колонии делится по языковому признаку на 3 группы: первая — язык ньянджа является материнским языком, вторая — язык ньянджа является вторым языком, третья — население, не говорящее на языке ньянджа. Первая группа составляет 52% всего населения, вторая — 29% и третья — 19%. Население, не говорящее на языке ньянджа, живет главным образом в Северной провинции, примыкающей к Танганьике. В районах соседней колонии Северной Родезии, прилегающих к Ньясаленду, к первой группе относится 48% населения и ко второй — 25%.

Автор статьи Г. Аткинс ограничивается группировкой цифр и не делает никаких выводов. А между тем они позволяют сделать очень интересные выводы. Вывод первый — колониальные границы, как и во многих других областях Африки, проведены без учета этнического состава населения и разрезают народы по частям. Вывод второй — в Ньясаленде идет процесс образования единого языка. Манганджа, ньянджа, сева, ангони и др. уступают место общему языку — ньянджа. Одной из составных частей населения Ньясаленда являются нгони или ангони. Они переселились сюда в XIX в. из Южной Африки и принадлежат по языку к юго-восточной группе банту. Автор статьи отмечает, что нгони утратили свой язык, за исключением некоторых отдельных слов, и говорят на языке ньянджа. Однако нгони, живущие в Северной провинции, где на языке ньянджа говорят лишь 8% населения, сохраняют свой язык. Вывод третий — в Ньясаленде идет процесс формирования нации, задерживаемый колониальным режимом.

Во втором номере публикуются фотокопии и перевод двух арабских документов, купленных в 1944 г. у фульбе Британского Камеруна и имеющих большое значение для изучения истории народов Западного Судана.

Оба документа принадлежат перу Абдуллахи, младшего брата Османа дан Фоднио, основателя эмирата Сокото.

Первый документ представляет собой наставление ламидо (в английском переводе chief) — вождю племени. В наставлении перечисляются должностные лица, которых должен назначать ламидо, и их обязанности, указания на случай военного нападения и т. п. Второй документ — история фульбе. Автор документа пишет: «Я Абдуллахи... Я пишу эту книгу как историю, чтоб народ знал все, что случилось и чего нет в других книгах. ...Я пишу это как руководство для народа, чтоб он знал, как вести себя в будущем». Оба документа заслуживают специального исследования.

Некоторый интерес представляют исследования о происхождении названия народности машона (№ 3) и история племени марави (№ 1).

Но современную жизнь, культуру и быт африканских народов по этому журналу изучать нельзя. Журнал упорно, последовательно, из номера в номер, проводит линию на принижение уровня развития народов, уводит читателя в сторону от тех интересов, которыми сейчас живут народы. Перелистав комплекты журналов за несколько лет, не узнаешь, чем живут народы, как добывают средства к жизни, как питаются, одеваются, не найдешь ни одной статьи об устном народном творчестве и нарождающейся литературе.

Журнал концентрирует внимание на пережитках, на уходящем в прошлое: инициации, возрастные классы, системы родства и т. п. В 1950 г. опубликованы большие статьи: Система родства племени сева Ньясаленда и Родезии (№ 1), Традиционная система обучения юношей у педи (№№ 2, 3, 4), и ни одной статьи о занятиях и материальной культуре этих или других племен.

На обложке журнала печатается список книг, имеющихся на складе университетского издательства. В этом списке встречаются художественные произведения писателей банту, сборники стихотворений, рассказов и пьес на языках зулу, коса, суахили, чвана. Это свидетельствует о зарождении, росте художественной литературы банту. Ни один из африканских журналов не освещает этот вопрос, не дает обзоров. Не делает этого и «African Studies». За все послевоенные годы нет ни одной статьи по этому вопросу. Зато в № 4 за 1950 г. опубликован перевод катехизиса на язык свази, сделанный миссионерами в 1846 г.

Просматривая комплекты журнала за предыдущие годы, бросается в глаза статья о Мадагаскаре. В послевоенные годы на Мадагаскаре произошли крупные политические события, связанные с борьбой мальгашей за независимость от французского империализма. В 1947 г. французскими империалистами была «организована провокация... для того чтобы потопить в крови мальгашский народ, выступивший со справедливыми требованиями»¹.

В это время «African Studies» публикует в № 2 статью некоего д-ра Лейба. «Мистическое значение цветов у туземцев Мадагаскара».

Автор пытается доказать, что у мальгашей иное восприятие, отличное от восприятия европейцев. «Мы согласны с Леви-Брюлем, — пишет он, — который указывает, что примитив видит то же, что и мы, но воспринимает иначе. Его умонастроение является в основе своей мистическим, и это является причиной его коллективных представлений». Доказательство очень простое: мальгаша различают много цветов, но знают мало названий цветов.

¹ М. Торез. Сын народа (перевод с французского), 1950, стр. 172.

Здесь нет надобности разбирать реакционную пошлятину Леви-Брюля и его ученика Лейба². Нас интересует позиция журнала «African Studies». В то время как мальгаша, обливаясь кровью, вели священную, вооруженную борьбу за свободу и человеческие права, журнал выступил с такой позорной, клеветнической статьей. Сказать, что это верх бесстыдства, что редакция журнала утратила представление о приличии, — мало. Империалисты и их идеологические оруженосцы действуют единым фронтом: французские колонизаторы расстреливают мальгашей, а «ученый» английский журнал «теоретически» доказывает, что иначе с мальгашами и нельзя поступать, что у мальгашей мистическое мышление и на обычном человеческом языке с ними нельзя договориться.

История журнала «African Studies», как и многих других журналов, отражает тот бесславный путь, по которому идет сейчас буржуазная этнография и буржуазная наука в целом. Клевета на народы, борющиеся против империалистического угнетения, за мир, и демократию, помощь реакционным силам в осуществлении их преступных замыслов — вот тот лейтмотив, которым руководствуется редакция журнала «African Studies».

И. Потехин

НАРОДЫ СССР

М. Китайник, *Библиография уральского фольклора*, Свердловск, 1949.

Брошюра М. Китайника призвана заполнить один из весьма существенных пробелов русской науки о фольклоре. Уже неоднократно отмечалась недостаточность библиографических изысканий в области русской фольклористики. Мы не только не располагаем какими-либо капитальными библиографическими работами, посвященными русскому народному творчеству, но до сих пор нет исчерпывающе полного учета материала в пределах отдельных жанров или, в другом плане, — отдельных районов. Обследования последнего типа особенно важны, и М. Китайник своим библиографическим очерком делает после долгого перерыва очень ценный почин; можно надеяться, его примеру последуют и работники других областей и районов.

Брошюра М. Китайника имеет еще и специфический интерес вследствие особого исторического и этнографического значения Урала. В. И. Ленин отчетливо раскрыл историко-экономические особенности Урала как главного центра русской горной промышленности в «исходный период пореформенного развития России»¹. Главнейшей особенностью его было сочетание промышленности и крепостного права. Уральские горнопромышленники «были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»². Эта «самобытная» (по выражению одного цитируемого В. И. Лениным автора) история Урала определила и техническую отсталость прошлого Урала, и исключительно кабальное положение уральского рабочего³. Все эти особенности ярко отразились и в истории народного творчества на Урале, что, к сожалению, еще недостаточно учтено исследователями. Для фольклориста Урал представляет исключительно интерес как один из наиболее старинных центров русской заводпромышленности, как один из ранних очагов рабочего движения, как один из центров Пугачевского движения и, наконец, в советское время как один из важнейших участков гражданской войны. Для фольклориста и этнографа Урал еще особо интересен и тем, что на его территории обитали и обитают различные народности. Общеисторическому значению Урала вполне соответствует и большое количество отдельных фольклористических записей и целостных сборников, выполненных на Урале. В Ученом архиве Русского географического общества б. Пермская губерния занимает одно из первых мест по количеству рукописей, из которых некоторые имеют первоклассный научный интерес. С Уралом связан и знаменитейший сборник — гордость русской науки о фольклоре — сборник Кириши Данилова; на Урале составлен один из лучших сборников русских сказок («Великорусские сказки Пермской губернии» Д. К. Зеленина); на Урале записаны лучшие сказки Афанасьевского сборника (тексты Зырянова); с Уралом связана деятельность Татищева, Даля, в наши дни — творчество Бажова.

Все это определяет и значение брошюры, изданной Свердловским областным государственным издательством. Автор выполнил не малую работу по просмотру различных изданий; его обзор включает свыше 400 названий; в большом количестве привлечен газетный материал и т. д. Большой заслугой автора является включение в фольклорно-этнографический обиход некоторых старых исторических трудов (на-

² Расистская концепция праологического мышления основательно разоблачена в статье Ф. Н. Шемякина. «Теория Леви-Брюля на службе империалистической реакции». «Философские записки», вып. V, 1950 г.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 424.

² Там же, стр. 425.

³ См. там же, стр. 426: «В естественной и неразрывной связи с низкой заработной платой и с кабальным положением уральского рабочего стоит техническая отсталость Урала».

пример: Д. Петухов, Горный город Дедюхин и его окрестности, СПб., 1864, и некоторые другие). Однако далеко не все в работе М. Китайника удовлетворяет; более того, методы его работы, его позиции, с которых он подходит к решению стоящих перед ним задач, во многих случаях вызывают сомнения, а порой и прямые возражения. В той форме, как она выполнена, работа М. Китайника полностью не может удовлетворить ни библиографа, ни фольклориста-этнографа.

Библиографическая работа не есть простое и чисто механическое соединение разнообразных материалов: она требует, прежде всего, строгого метода и системы. Приходится с сожалением констатировать, что эти основные библиографические требования автором совершенно не учтены. Казалось бы, первой задачей автора должно было явиться ясное определение и уточнение объекта своего изучения. Что значит «Уральский фольклор»? В каком смысле автор берет самое понятие «Урал»: в историческом, в современном административном, в этнографическом? Никаких указаний и разъяснений по данному вопросу автор нам не дает. Ключом, в некоторой степени, может явиться первая глава «Библиографии» Китайника, озаглавленная: «Описания рукописного материала». Под № 1 мы находим: «Описание рукописей ученого Архива Русского Географического Общества» Д. К. Зеленина, вып. 3. В этот выпуск включена б. Пермская губерния; том второй «Описания» Д. К. Зеленина, в котором помещены материалы по б. Оренбургской губернии, в «Указателе» М. Китайника не включен. Тем самым автор как будто ясно обозначает границы своего обзора, но стоит лишь хотя бы бегло полистать «Библиографию» М. Китайника, и тотчас же обнаружится большое количество номеров, относящихся к фольклору б. Оренбургской губернии. Но в таком случае, почему отсутствует названный второй том «Описания» Зеленина?

В работе, озаглавленной «Библиография уральского фольклора», читатель вправе искать материалы и по богатейшему фольклору уральского казачества и вообще б. Уральской области. Однако их нет; они отсутствуют. Почему? И не было ли более правильным озаглавить работу: «Библиография фольклора б. Пермской и Оренбургской губерний»? Впрочем, и в таком виде это заглавие было бы неточным, ибо в «Указателе» включено и несколько статей, относящихся к б. Тобольской губернии (например, № 138, 299 и др.).

Отсутствию географической четкости соответствует и нечеткость этнографическая. Объем понятия «Уральский фольклор» никак не может быть ограничен только материалами по русскому народному творчеству. И действительно, в «Указателе» встречаем несколько номеров, относящихся к фольклору бывших пермяков (ныне коми). Но, во-первых, эти материалы очень далеки от полноты; во-вторых, кроме коми, на территории Урала живут и другие народности (сам же автор во вступительной статье упоминает о башкирском фольклоре); однако в «Указателе» материалы по фольклору других уральских народностей отсутствуют. Спросим еще раз: почему?

Второе основное требование, предъявляемое к каждой библиографической работе: точное определение использованных источников. В «Библиографии» М. Китайника мы находим в большом количестве материалы, извлеченные из старых «Пермских Губернских Ведомостей», из «Оренбургских Губернских Ведомостей» и других местных изданий. Эти источники ввиду их малодоступности и редкости представляются особенно ценными. Но было бы чрезвычайно важно знать, достаточно ли полно обследованы эти издания, т. е. другими словами, просмотрены ли автором все эти издания целиком или использованы только те материалы, которые стали известны ему по ссылкам на них в других работах. На стр. 13 автор отмечает помощь гг. В. Лапотышкиной и В. Кукшанова, которыми «были просмотрены отдельные издания местной периодической печати». Указание — исключительно глухое. Какие же издания были просмотрены этими товарищами: целиком или выборочно, за какие оды, — остается невыясненным. А между тем все это необходимо знать хотя бы в целях дальнейшего библиографического учета: нужно ли последующему исследователю-библиографу обращаться к непосредственному просмотру комплектов старой периодики или он сможет уже опереться на работу, выполненную т. Китайником и его сотрудниками? К сожалению, имеются основания полагать, что целостного просмотра старой периодики не было. По крайней мере из нескольких фольклорно-этнографических статей местного краеведа священника Ш-ва (в «Оренбургских Губернских Ведомостях») мы нашли в указателе только одну, не нашли мы и статей Юматова о «первобытном населении» Оренбургской губернии, статей Уржумцева и т. д.

Наконец, не всегда точно и правильно приведены и самые заглавия работ: например, под № 312 указано: «Семенов-Тянь-Шаньский. Россия. Полное географическое описание. Т. V. Урал и Приуралье. СПб. 1914». Кто же является автором этой книги: знаменитый путешественник и ученый П. П. Семенов-Тянь-Шаньский или его сын, известный географ, В. П. Семенов-Тянь-Шаньский? Да и держал ли когда-нибудь автор в руках это ценнейшее и основное для изучения Урала издание? Во всяком случае, книги под таким заглавием, какое дает М. Китайник, не существует; точное же заглавие следующее: «Россия. Полное географическое описание нашего государства. Настольная и дорожная книга. Под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шаньского и под общим руководством П. П. Семенова-Тянь-Шаньского и ак. В. И. Ламанского. Т. V. Урал и Приуралье. Составили Г. Н. Кирилин, Н. А. Коростелев,

Б. Б. Гриневецкий, Г. А. Ключге, Н. И. Дрягин, П. Н. Луппов, И. В. Родионов, А. Н. Григорьев, И. И. Сырнев. Спб. 1914».

Совершенно неправильно с библиографической точки зрения описаны книги, имеющие по несколько изданий. Фольклорист должен отчетливо знать, что второе издание сборника Рыбникова отнюдь не является простой перепечаткой первого, но представляет собой новую и отличную редакцию: поэтому никак нельзя ограничиваться только указанием на издание 1910 г., совершенно замалчивая издание 1861 г. «Народные легенды» Афанасьева указаны только в 3-м издании (1914 г. под ред. С. Шамбинаго), первые же издания, вышедшие при жизни самого Афанасьева (в том числе и лондонское, не указаны; пропущено также и казанское издание 1914 г. под ред. П. Кочергина, отличающееся от издания Шамбинаго большим научным аппаратом. Единственное исключение автор делает для «Сборника Кириши Данилова», но делает это так, что данное описание представляется (да простит мне автор эту резкость) своеобразным библиографическим курьезом. Вот оно: «№ 131. Древние российские стихотворения, собранные Киришей Даниловым. Спб. 1818; дешевое издание Суворина. Спб. 1893; научное издание под ред. Шеффера. Спб. 1901; новейшее издание под ред. С. К. Шамбинаго. М. 1938» (разрядка наша.— М. А.). Это и неполно и неточно: во-первых, пропущено издание 1804 г.; во-вторых, не упомянуто имя редактора 1818 г.; в-третьих, издание 1901 г. имело другое заглавие; в-четвертых, подчеркнутые нами аннотации не имеют смысла.

В каждой библиографической работе возможны и даже неизбежны пропуски. Было бы непростительным и ненужным педантством ставить, как говорится, «каждое лыко — в строку». Но нельзя не выразить удивления, когда среди пропусков встречаются очень известные и важные работы или когда оказываются пропущенными местные издания. Пропуски такого рода заставляют настороженно относиться уже ко всей работе в целом. Так, например, автору остался неизвестным вышедший в 1916 г. Сборник Пермского (!) земства: «Иллюстрированный Сборник. Ежегодник Пермского Земства», вып. 2 (Пермь, 1916); в этом издании был ряд фольклорно-этнографических статей: Н. Белдыцкий. Из природы и быта Пермского Края (материалы по русскому, башкирскому и вогульскому фольклору); Вал. Серебренников. Гармошка как народный музыкальный инструмент по песням крестьянской молодежи: Оханского уезда Пермской губернии; в тексте — ряд частушек в записи автора очерка. Пропущен «Уральский сборник» (Спб., 1909); в последнем был опубликован очерк Е. Гадмер «Невьянская башня», беллетризованный пересказ уральской легенды. Едва ли можно признать законными пропуски статей о Кирише Данилове: А. Маркова («Энци. словарь Граната», т. XVII) и Вс. Миллера («Новый энци. словарь», т. XV); рецензию на Шефферовское издание «Сборника Кириши Данилова», принадлежащую Е. Ф. Будде («Журн. Мин-ва нар. просв.» 1902, IV); пропущены статьи Гр. Верещагина по фольклору и этнографии Прикамского края, помещенные в «Известиях Саратовского Земского музея» за 1913 г.; пропущена статья П. С. Ефименко «О малороссийцах в Оренбургской Губернии» («Основа», 1861, IX); указан ряд работ И. Ульянова, но пропущена наиболее обширная из его публикаций: «Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний». Пропуск этот тем неожиданный, что данная статья помещена не в каком-нибудь провинциальном издании, а в одном из главнейших органов русской этнографической науки, в журнале «Живая Старина» (1914, вып. III—IV). Совершенно неполно и неточно учтена литература о пугачевском фольклоре в художественном творчестве и научных интересах Пушкина. Замечание на стр. 37, что «свод всех (!) материалов по данному вопросу» следует смотреть в статье Н. О. Лернера («Песенный элемент в «Истории Пугачевского бунта», Л., 1934), обнаруживает лишь слабую осведомленность «по данному вопросу» составителя «Указателя», что и позволило ему оставить «за бортом» ряд очень важных и существенных работ, относящихся к этой теме. Поражает еще одно обстоятельство: несоответствие между вступительной статьей и самим «Указателем». В статье автор упоминает ряд различных произведений и сборников, в той или иной степени связанных с темой уральского фольклора, между тем в тексте «Указателя» этих упомянутых автором произведений не находится. Например, автор упоминает о материалах по уральскому фольклору в песеннике Новикова, в сборниках Сахарова, упоминает о песнях, записанных Н. Брюсовой, о сборнике Мирера и Боровика, об исследовании Е. А. Боголюбова о фольклоре в творчестве Мамина-Сибиряка, но ни одно из этих произведений (как и ряд других) не включено в состав самой «Библиографии».

Еще менее продуманной представляется работа М. Китайника с фольклористической точки зрения. В работах такого типа библиографический материал должен быть включен и расположен с учетом специфических задач исследования. Для целей фольклориста совершенно недостаточна глухая ссылка на «описание архива РГО» Д. Зеленина; необходимо было дать или подробнейшую аннотацию с указанием всех фольклорно-этнографических материалов или — это было бы еще правильнее — привести каждую описанную Д. К. Зелениным рукопись фольклористического содержания как отдельную библиографическую единицу.

Отсутствие учета задач фольклористического исследования еще более отчетливо проявляется в «Указателе» к «Библиографии» («Указатель основных жанров уральского фольклора»). Он составлен совершенно формально — даже без различия материалов старого и нового фольклора. Если читатель заинтересуется песнями или сказками о Ленине и Сталине, он должен будет для этой цели пересмотреть все

брошюру целиком, ибо «Указатель» не может оказать ему в этом отношении никакой помощи.

«Библиография» М. Китайника открывается вступительным очерком, озаглавленным: «Из истории собирания и изучения уральского фольклора» (стр. 3—13). Этим заглавием («Из истории...») автор сам как бы подчеркивает эскизность и неполноту своего очерка. Но это бы еще полбеды. Хуже то, что этот очерк изобилует многочисленными ошибками. Только при отсутствии ясного представления о хронологии основных явлений русской литературы можно утверждать, что Пушкин «противопоставил» свой взгляд на фольклор «славянофильскому пониманию устного творчества» (стр. 4); Сахарова и Терещенко автор безапелляционно причисляет к славянофилам; утверждает, что собирательский метод Даля сложился под воздействием пушкинского фольклоризма (стр. 5); утверждает, что «социально-историческое обоснование» фольклор получил лишь в результате «напряженной полемики» между западниками и славянофилами, причем эту полемику он относит к 30-м гг. XIX в. (стр. 4); наконец, объявляет Мамина-Сибиряка «наследником фольклористических идеалов Добролюбова и Чернышевского» (стр. 7). Подобные формулировки и утверждения представляются совершенно безответственными и извращают подлинный и сложный процесс развития русской общественной мысли и науки.

Из всего сказанного, думается, совершенно ясно вытекает, что поставленная автором и издательством задача подведения итогов фольклористического изучения Урала осталась неразрешенной и ждет дальнейшей разработки и исследования.

М. К. Азадовский

Рыбацкие песни и сказы. Запись текстов, статьи, примечания, словарь и указатель Р. Липец. Государственный литературный музей, Гос. изд-во культурно-просветит. литературы, М., 1950.

Исследователи народного устно-поэтического творчества неоднократно ставили вопрос о зависимости устного репертуара от профессии его творцов и носителей.

Этой, очень важной для изучения путей развития народного творчества, проблеме посвящена вышедшая недавно книга Р. Липец «Рыбацкие песни и сказы».

Книга эта заключает в себе ценный, до сих пор мало известный и недостаточно изученный материал.

Нет надобности говорить о том, насколько важно для изучения истории и этнографии того или другого района собирание фольклора населения, занимающегося профилирующим в данной местности промыслом. Изучение «профессионального» фольклора проливает свет на вопросы генезиса устно-поэтического творчества, его специфики, закономерностей его развития. Теснейшим образом изучение фольклора отдельных профессиональных групп связано с освещением фольклора как отражения действительности.

Рецензируемая книга содержит в себе фольклорные материалы, собранные Р. С. Липец на протяжении ряда лет (с 1930 по 1938 г.) в русских рыболовецких районах: на Мурмане, на побережье Белого моря, на озере Ильмене, на Северной Двине, на побережье Каспийского моря и Керченского пролива. Книга эта — результат семи экспедиций и многолетнего изучения творчества рыбаков и морских зверобоев. В сборнике «Рыбацкие песни и сказы» представлены следующие жанры: устные рассказы, песни, частушки, загадки, пословицы, поговорки, сказки, былички и предания. Естественно, что в сравнительно небольшой по своему объему книге дана лишь небольшая часть богатейшего и исключительно интересного материала, собранного составителем книги. Приходится пожалеть о том, что опущены многие тексты, которые особенно ярко характеризуют специфику рыбацкого фольклора в прошлом и имеют большую ценность для исторического изучения рыболовецких и зверобойных промыслов: рыбацкие поверья, приметы, описания староартельных обычаев, материалы по народной медицине.

Это тем более досадно, что в книге приводятся немало песен, частушек и сказок, в которых мы не только не находим отражения рыбацкого быта, но и той «маринистической тематики», которую Р. С. Липец по праву считает преобладающей в рыбацком фольклоре. Таковы, например, многие, правда, прекрасные по сохранности текста и глубоко поэтические старинные песни (№ 13, 18, 26, 28, 32, 33, 34 и 38), ряд частушек, которые могли бытовать и, очевидно, бытуют в любом колхозе или на любой советской фабрике или заводе (№ 111, 112, 113, 118, 119, 141 и др.). Такова например, частушка, записанная к тому же от работницы канатной фабрики в Архангельске:

Ты, тальяночка, тальяночка,
Зеленые меха;
Мой миленочек — стахановец,
Стахановка и я.

Если бы Р. С. Липец ставила перед собой задачу осветить в целом устный репертуар рыбаков, независимо от его тематики, это надо было бы сделать полнее и

показать во всем многообразии наличествующие в этом репертуаре жанры как традиционного, так и советского фольклора, в частности, советскую массовую песню. Очевидно, составитель такой широкой задачи перед собой не ставил, а просто недостаточно последовательно отобран тексты для сборника из своего огромного архива.

Очень досадно, что при том строгом отборе, который приходилось делать составителю, в книгу попали некоторые мало выразительные и бледные в художественном отношении тексты, как часть рассказов, некоторые плохие варианты общеизвестных сказок (например, № 4 и 14), мало художественные частушки.

При строгом отборе материала необходима последовательная и правильная классификация. Приводимые в книге частушки делятся составителем на «старинные частушки» и «советские частушки». Однако совершенно непонятно, почему, например, частушка

Я сижу на бережку,
Дожидаюсь любушку.
Пароходик зашумит,
Да ко мне милый прикатит,

относится к старинным, частушка же:

Запустела наша Койда,
И на сердце не легко:
Ягодиночка в ботике
Уехал далеко.

Или

Погодите, не летите,
Белые снежиночки,
Дайте море перейти
Желанной ягодиночке —

относятся к советским частушкам.

Это тем более удивительно, что записаны эти тексты в одно и то же время и от тех же людей, как и «старинные частушки».

Цель книги — показать устное творчество рыбаков и зверобоев, «которое, — по словам автора, — не только отличается большой художественностью и своеобразием, но представляет значительный интерес еще и потому, что в нем ярко отображены трудовая жизнь, культура и быт русского населения, живущего на побережьях морей, озер и больших рек нашей родины». Эта цель обязывала автора особенно внимательно изучить и показать отражение действительности в рыбацких песнях и сказках и вместе с тем показать воздействие этого фольклора на действительность, его роль в жизни и быту рыбаков, особенности его бытования. Задача эта частично разрешается «Введением» и небольшими статьями, открывающими каждый из разделов сборника.

В целом интересные и содержательные статьи сборника несвободны от некоторых недостатков.

В большой вводной статье даны достаточно подробные сведения об истории края, о путях его заселения, о его природе и экономике, интересно и подробно описан быт населения в прошлом и в те годы, когда проводилась запись материала, характеристике же устного поэтического творчества отведено лишь несколько строк. Не раскрывают роли фольклора в быту населения, отношения к нему его творцов и носителей, коллектива, жизнь которого он отражает, и статьи отдельных разделов. А между тем именно к автору данной книги, являющемуся не только фольклористом, но и этнографом, мы вправе предъявить такие требования.

Не показаны в книге и творческие процессы, характерные для рыбацкого фольклора, не показано лицо многочисленных авторов и носителей его. В рецензируемой книге мы встречаемся вновь с именами, уже знакомыми нам по книге «Рыбный Мурман»¹, в которой рыбаки и зверобой выступают как авторы литературных очерков и рассказов. Тем интереснее было бы показать взаимоотношение двух начал — устного и письменного в их творчестве, показать связь их творчества с творчеством коллектива, особенно, например, такого интересного рассказчика и талантливого очеркиста, каким является В. Г. Евтюков; однако о нем мы узнаем только, что ему 28 лет, что он уроженец Унежмы и матрос рыболовного траулера.

По приведенным в книге нескольким текстам, записанным от М. Д. Коптякова, можно заключить, что последний — прекрасный рассказчик, песенник и сказочник, однако составитель сборника ограничивается тем, что характеризует его как «вы-

¹ «Рыбный Мурман». Сборник рассказов и очерков мурманских моряков. Под редакцией Р. Липец. Снабтехиздат, 1933.

дающегося сказочника и песельника» и указывает лишь некоторые формальные особенности его произведений (стр. 22).

В сборнике даны тексты, записанные от таких известных мастеров фольклора, как знаменитая беломорская сказительница — орденоси́нец М. С. Крюкова и песенница Астраханской области Васюнкина, интереснейшая автобиография которой была опубликована в записи Р. С. Липец в 1931 г.² Однако и эти имена тонут в общем указателе, ничем не выделенные для читателя, не знакомого с их творчеством. Конечно, ценно то, что сборник знакомит нас с текстами, раскрывающими какие-то новые, малоизвестные стороны их дарования, — особенно интересны колыбельные песни и приговорки, записанные от М. С. Крюковой. Но этого мало: можно было шире использовать записи, сделанные от них, в частности, привести несколько ярких эпизодов «маринистской» тематики из их автобиографий и сказов и дать их творческий портрет.

Нельзя согласиться с некоторыми теоретическими положениями Р. С. Липец. Так, например, относительно устных сказов автор пишет: «Далеко не все рассказы следует считать устно-поэтическими произведениями, а лишь те из них, которые при многократном повторении приобрели устойчивую форму новеллы» (стр. 32). Здесь, пожалуй, все неверно: во-первых, не обязательно художественный устный рассказ должен иметь форму новеллы, он может быть и устной повестью или своеобразными устными мемуарами; во-вторых, многократное повторение не обязательно для создания новеллы и не обуславливает ее создания. Для того чтобы рассказ был поэтическим произведением, в нем должен быть художественный образ, однако поэтическая образность не является исключительным жанровым признаком новеллы. Кстати, если принять определение Р. С. Липец, то из десяти рассказов, приведенных в сборнике, только один (№ 8) удовлетворяет указанным ею признакам устной поэзии. Например, очень интересный рассказ Коштыкова, построенный на противопоставлении «раньше» и «теперь», никакого отношения к новелле не имеет. То же можно сказать и о многих других рассказах.

Нельзя согласиться с тем, что северные частушки при всей их близости к протяжной песне «отличаются величавостью»: это неверно по существу и не подтверждается текстами сборника.

Можно примириться с тем, что (хотя это и не в пользу сборника) не указаны основные варианты песен и сказок, но никак нельзя согласиться с тем, что не указаны авторские тексты, «маринистические» переделки которых приводятся в книге, и не указаны хотя бы мотивы, на которые поются такие песни, как «Мы рождены, чтобы бороздить стихию», «Хорошо вам жить на воле, слушать песни моряка» и многие другие.

Удивляет нивелированность и бледность языка опубликованных Р. Липец текстов, несомненно, обедненных в этом отношении редакторской правкой при издании.

Книга богато иллюстрирована — дано 45 фото. Жаль только, что эти фото недостаточно паспортизованы. 27 из них совершенно не определены, даны вне времени и пространства, как например, «Моторный бот у причала», «Подготовка яруса к лову», «Зверобой Койды высматривают зверя на льду» и т. д.

Указанные недостатки портят ценную книгу, к которой, несомненно, будут обращаться и историки, и этнографы, и литературоведы.

Собранный Р. С. Липец и хранящийся в архиве материал настолько велик и интересен, что рецензируемая книга лишь в слабой степени дает представление о его исторической и художественной значимости. Следует пожелать, чтобы как можно скорее этот материал был опубликован во всем его объеме и чтобы собиратель, в течение многих лет его изучавший, не ограничился вводными статьями, а исследовал бы этот материал во всем его многообразии и глубине.

Э. Померанцева

Б. Ащепков. *Русское народное зодчество в Западной Сибири*. М., 1950.

«Мы, большевики, не отказываемся от культурного наследства... Наоборот, мы критически осваиваем культурное наследство всех народов, всех эпох для того, чтобы отобрать из него все то, что может вдохновлять трудящихся советского общества на великие дела в труде, науке и культуре», — указывал А. А. Жданов (Выступление на совещании деятелей советской музыки, М., 1948, стр. 147).

Слова товарища Жданова являются программой также и для изучения памятников народного творчества. Книга Е. Ащепкова, выпущенная Государственным издательством архитектуры и градостроительства, посвящена вопросу деревянного зодчества Западной Сибири. Тема книги имеет серьезное значение, особенно в наши дни, когда вопросам городского и сельского строительства со стороны партии и правительства уделяется такое большое внимание. Несомненно, что интерес к вопросам строительства и архитектуры все возрастает и, следовательно, встает задача тщательного изучения памятников русской архитектуры.

Рецензируемая книга представляет большой интерес не только для этнографов, архитекторов и искусствоведов, на которых, собственно, она и рассчитана, но и для широких читательских масс. В книге Е. Ащепкова подробно описывается западно-

² «Жизнь колхозницы Васюнкиной». Запись Р. С. Липец, 1931.

сибирское деревянное зодчество (Омской, Томской, Новосибирской областей и Алтайского края), отмечаются интереснейшие конструктивные и декоративные особенности построек. Книга богато иллюстрирована. Как показывают сами иллюстрации, в Сибири сохранились некоторые черты национальных традиций русского деревянного зодчества, которые в значительной мере изменились (а в ряде случаев и исчезли) в центральных областях РСФСР.

Оригинальные полевые материалы автора, собранные «путем исследований, проводившихся им по собственной инициативе в течение нескольких лет в отдаленных труднодоступных районах Сибири» (стр. 3), положенные в основу книги, составляют ее большую научную ценность. Многие из представленных данных публикуются впервые. Из имеющихся в книге 4-х карт экспедиционных маршрутов видно, что обследована значительная территория, охватывающая районы 5 областей Сибири. К сожалению, нет указаний на даты осуществления этих экспедиций.

Деревянное зодчество Сибири, которому посвящена книга Ащепкова, мало изучено и слабо освещено, как в этнографической, так и в искусствоведческой литературе. Нельзя однако согласиться со словами автора о том, что «ни одна область русской культуры не изучена так мало, как народное зодчество» (стр. 11). Это будет справедливо лишь по отношению к русским постройкам Сибири, так как действительно «Сибирь до последнего времени была белым пятном в области изучения народного зодчества» (стр. 11). Изучению русских народных построек в целом уделялось не мало внимания, в частности, советскими исследователями-этнографами. Недостаточное знакомство автора с этнографической литературой по народному жилищу нашло отражение и в библиографии, помещенной в конце книги (стр. 139). В ней перечислены многие мелкие и сравнительно незначительные работы, но отсутствуют серьезные монографии по русским постройкам. Не указаны, например: «Верхне-Волжская экспедиция» (Постройки Ярославско-Тверского края), Л., 1926; К. А. Соловьев, «Крестьянское жилище Дмитровского края», (Дмитров, 1930), а также статья Е. Э. Бломквист «Постройки бухтарминских старообрядцев» («Бухтарминские старообрядцы», Академия Наук СССР, Материалы комиссии экспедиционных исследований, вып. 17, серия Казахстанская, Л., 1930, стр. 193—312), освещающая жилище и постройки южного Алтая, т. е. одного из районов, обследованных Е. Ащепковым.

Книга Е. Ащепкова, содержащая большой фактический материал по мало изученным областям, дает основание для специальных исследований по народному творчеству Сибири. На сибирском материале можно проследить развитие некоторых строительных традиций, которые были принесены из северной и центральной России и сохранились в Сибири.

Историческая часть изложена автором недостаточно тщательно и без надлежащей глубины. В книге не подчеркнута политико-экономическая причина проникновения русских на восток. О прогрессивной роли русской культуры в историческом развитии народов Сибири в книге говорится, но вопрос о порабощении русским царизмом народов Сибири Е. Ащепков не осветил. Односторонность подхода, при котором колониальная политика русского царизма игнорируется, обуславливает неточности и нечеткости в рассуждениях и специальном материале. Так, например, касаясь крепостей, автор подчеркивает только сторожевое их значение, не отмечая их роли как форпостов царизма для проникновения дальше в Сибирь. Крепости и остроги Ащепков считает только «средством для борьбы с кочевниками». В том, что часто вокруг острогов и сторожевых башен вырастали города (об этом автор упоминает на стр. 14), Ащепков не видит никакого политического значения.

В первой главе рецензируемой работы — «Планировка и застройка деревень» — выделены основные типы старых сибирских деревень: 1) деревни-«гнезда» со свободной застройкой, 2) деревни у больших дорог с двухсторонней застройкой и 3) деревни у больших рек и озер с односторонней и двусторонней застройкой. Однако существенной разницы в планировке деревни с двухсторонней застройкой вдоль больших дорог и с двусторонней застройкой у больших рек — нет. Это один и тот же общерусский тип «уличной» планировки селения. Но односторонняя застройка вдоль речной системы (так называемая «рядовая») представляет своеобразную разновидность планировки селения (значительно распространенной на севере РСФСР) и должна быть выделена особо. Об интересной застройке «гнездами» сказано слишком мало и не дано даже схематического чертежа этого типа планировки. Так же мало сказано о типе самих селений. Лишь по отдельным беглым замечаниям можно догадываться, например, о наличии «погостов», расположенных отдельно от деревень.

Природные и экономические условия, несомненно, в сильной степени влияли на характер планировки крестьянского двора, схема которого проста и отвечает практическим требованиям и хозяйственным нуждам застройщика. Материалы выявляют особенное распространение в Сибири закрытого типа двора. Правильно отмечая распространение этого типа. Е. Ащепков, однако, не дает указанному факту удовлетворительного объяснения. Приведем соображения Ащепкова по данному вопросу. Причину распространения крытого двора автор находит в том, что «крестьянин старой деревни, проводящий большую часть своего времени в поле или лесу, естественно стремится создать хотя бы в домашней обстановке пространства, отграниченные от безбрежных полей и лесов, защищенные от произвола и посягательства властей, — замкнутый двор хорошо решает эту задачу» (стр. 26). Причину крытых дворов автор

усматривает в том, что крестьянин-собственник желал «лучше организовать свой двор, защитить свое хозяйство от жестоких морозов и ветров и отгородиться от соседа... что привело его к мысли о создании крытых, замкнутых дворов, оправдавших себя в суровых зимних условиях и широко распространенных в деревнях...» (стр. 25). Несколько ниже причину создания крытых дворов автор видит в необходимости защищаться от «лихих людей».

Что же в конечном счете хочет сказать автор? От кого же хочет защищать себя крестьянин; от «безбрежных ли полей», от «произвола и посягательств» властей, от соседа или от «лихого» человека?

Как видно из цитации работы Е. Ащепкова, его попытка объяснить строительство закрытых дворов историческими причинами потерпели явную неудачу. Утверждение автора, что изменение планировки усадьбы, избы происходило под влиянием социально-экономических условий, ничем не подтверждается. И это происходит потому, что Е. Ащепков в сущности совершенно игнорирует конкретно-исторический метод исследования и фактический материал рассматривает, руководствуясь субъективными домыслами.

Характеризуя планировку старой крестьянской усадьбы, автор не дает четкой типологии двора и типов связи дома с двором. Кроме наличия сплошь крытых дворов (последние характерны для всего русского севера и не являются особенностью только Сибири; несомненно, имеющиеся значительные отличия сибирского крытого двора от северной однорядной связи выявлены недостаточны), характерным типом является, как указывает автор, и замкнутый двор (напоминающий средневеликорусскую покоеобразную застройку, см. рис. 36). Из материалов, приведенных в книге, можно заключить о наличии построек с отдельно стоящим крытым двором и другими хозяйственными помещениями, расположенными на огороженной усадьбе, а также о наличии двурядной и даже трехрядной связи дома с двором (последние рассмотрены автором в главе «Типы избы»). Большое своеобразие старой сибирской усадьбы — помещение дома в глубине ее или же жилая постройка, стоящая в части усадьбы, выходящей на улицу, и окнами обращенная во двор. Такое расположение дома отмечено еще в южных областях РСФСР (Орловской, Воронежской, Рязанской) в усадьбах б. крестьян-однодворцев, являвшихся потомками служилого населения на южных окраинах Московского государства в XVII в. Этот тип усадьбы, напоминающий дом-крепость, Е. Э. Бломквист (указ. соч., стр. 199) назван «окраинным», возникшим в силу определенных исторических условий на границах Московского государства.

Одна из наиболее обширных глав (2-я) посвящена типологии сибирской избы. Старый тип избы-клети, характерный, по словам автора, для всех районов Сибири, мало сохранился в европейской части РСФСР, где преобладала трехраздельная постройка. Это изба-клеть (без пристроек горницы, ~~иногда~~ нет и сеней), на подклети, иногда двухэтажная, с двускатной тесовой крышей. Автор указывает на развитие избы-клети в избу со связью (т. е. избу, сенями связанную с горницей), отмечает наличие пятистенка и развитие его в крестовую избу (соединение двух пятистенков). В качестве своеобразной черты сибирского зодчества автором отмечаются двойные и тройные избы. Однако двойная изба, состоящая из двух срубов-изб, расположенных рядом, а особенно изба со стоящим рядом двором (так называемая «двурядная связь») типичны для центральных областей РСФСР, Верхнего и Среднего Поволжья. Тройная изба, правильнее, трехрядная связь дома с двором, представляющая дальнейшее развитие, как справедливо отмечает автор, двойной избы (т. е. двурядной связи), не отмечена на европейской территории РСФСР. Однако когда-то она, видимо, здесь бытовала. Упомянутые в исторических документах избы-«тройники», возможно, представляли собой форму, близкую к сибирской тройной избе.

Особенностями сибирских изб, отличающими их от изб центральных областей, являются асимметрия расположения и различное число оконных проемов, а также ряд других черт.

В главе 3-й — «Конструктивные приемы в народном зодчестве» — рассматриваются материал, орудия и строительная техника, но недостаточно полно, а порой даже бегло. Так, например, из приемов рубки углов указаны лишь два («в обло» и «в лапу»). А между тем способы рубки углов в Сибири более многообразны. Применяется, например, рубка «в привал», соответствующая северновеликорусскому способу «в крюк» (см. Е. Э. Бломквист, Указ. соч., стр. 209). Больше внимания уделено конструкции крыши и ее деталям (гл 4-я); здесь указывается на распространение односкатной крыши на хозяйственных постройках и типичность двускатной тесовой крыши в качестве старой формы, частично замененной в дальнейшем четырехскатной стропильной крышей (процесс этот можно наблюдать также в северновеликорусской деревне). Распространенный в центральных областях обычай устройства мезонина (или «светелки») в Сибири не получил развития.

Значительная часть разделов книги посвящена вопросу декоративной обработки построек. Подробно рассматриваются оформление наличников окон, крыши, кровельные-поялы, крыльца (открытое крыльцо-лестница, крыльцо-прируб и т. д.), балконы и терраски, особенно распространенные в южных районах Алтая. Приведено много интересных форм, отражающих богатство народного творчества русского населения Сибири.

Автором неоднократно подчеркивается строгость и лаконичность сибирской архи-

тектуры, — в ней нет излишнего обилия украшений. В выемчатой резьбе наличников с узором в виде «солнышка» или пиленой накладной резьбе (отмеченной преимущественно в городах) с витиеватым ажурным, иногда растительным, узором не мало общерусских черт. Общерусскими являются узоры росписи, украшающей наличники, ставни, двери, потолок и печи в избе. Круг-розетка или мотив цветка, вазона — основные узоры многоцветной росписи жилища.

Автор указывает на влияние искусства татар, хантов, бурят, якутов на орнаментику узора русских построек, однако не подкрепляет это положение достаточным фактическим материалом. Ссылки на рисунки 161—162 с изображением наличников с простейшими геометрическими узорами еще не дают возможности для широких обобщений. Следует также указать, что автор пользуется старой терминологией — остяки, тунгусы вместо современных названий народов — ханты, эвенки.

Книга Ащепкова, обобщающая данные по зодчеству Западной Сибири, позволяет видеть преобладание в нем северновеликорусских традиций: в типе дома, его планировке, форме и конструкции крыши и т. п. Однако некоторые из черт сибирского зодчества восходят, видимо, к комплексу южновеликорусского жилища, как, например, покоеобразная застройка, низкие избы с земляным полом, без подполья, о которых упомянуто на стр. 64. При наличии своеобразных черт зодчества Сибири (по словам автора, являющегося «своеобразной ветвью русской архитектуры», стр. 137), в нем ярко выражена общность с зодчеством центральных и северных областей РСФСР.

Эту органичность связи зодчества Сибири с русским национальным зодчеством следовало подчеркнуть гораздо глубже. Автор склонен выделять в качестве специфических особенностей сибирских построек ряд черт, имеющих широкое распространение в европейской части РСФСР (например, двурядную связь, покоеобразную застройку и ряд других). На обширном материале, приводимом автором, можно установить преемственность построек русского населения Сибири от строений европейской части. Совершенно бесспорно, что «конструктивное единство в устройстве сибирских крыш (на самцах, потоках и курицах) с крышами в европейской части СССР указывает на принесенную с родины переселенцев конструкцию, принявшую в некоторых деталях свои местные особенности» (стр. 70). Но, кроме того, преемственная связь прослеживается во всех сторонах сибирского зодчества: в типе и планировке самих поселков, в типах двора и избы, резьбе и росписи и т. п. Существенным недостатком книги является отсутствие указаний, к какому времени относятся исследования автора. Автор не остановился на современных колхозных постройках, в которых используются лучшие строительные и художественные традиции. Он только предполагает, что «эти традиции волеются как один из элементов в архитектуру новой советской деревни, в архитектуру социалистического реализма» (стр. 138).

Ценность книги значительно бы возросла, если бы автор внес в свое исследование больше историзма, дал более точную хронологическую и географическую датировку изученным памятникам и отчетливее раскрыл их связи с социальной и хозяйственной жизнью края.

Особо следует отметить прекрасное внешнее оформление книги; она богато иллюстрирована 269 фотографиями и рисунками (из них 21 цветных), выполненными самим автором — хорошим рисовальщиком. Приходится сожалеть, что чертежи планов и разрезов построек иногда слишком мелки и схематичны.

Несмотря на указанные недостатки, книга Ащепкова, обобщающая фактический материал, имеет познавательное значение, дает нужный и ценный материал для ряда специалистов и благодаря этому может расцениваться как полезный вклад в изучение истории русской материальной культуры.

Г. Маслова, К. Филонов

В. Базанов, Павел Иванович Якушкин. Изд-во «Орловская правда», Орел, 1950.

Биография известного русского этнографа П. И. Якушкина в трудах буржуазных литературоведов обычно излагалась так, что он оказывался неразрывно связанным с славянофилами и прежде всего с П. В. Киреевским. Вместо научного анализа мировоззрения Якушкина сочинялись различные легенды о его «мужицком демократизме», который, по мнению либеральных критиков, заключался в пристрастии к кабакам, красной рубашке и плисовым шароварам. Приводились многочисленные рассказы об оригинальности поведения Якушкина, и все это искажало подлинную сущность деятельности прогрессивного этнографа. Отсутствие достаточных документальных материалов (писем, дневников и пр.) мешало советским фольклористам во время восстановить истинное лицо П. И. Якушкина. Недавно опубликованная В. Базановым монография о П. И. Якушкине, написанная на основе архивных материалов (частично не опубликованных) и на ранее изданных трудах, является первой попыткой «восстановить подлинный облик Якушкина, искаженный буржуазными литературоведами» (стр. 4).

Книга Базанова открывается главой, в которой автор подвергает критике так называемые «товарищеские воспоминания» о Якушкине реакционных писателей и литературоведов, опубликованные в 1884 г. в собрании сочинений Якушкина.

(П. И. Якушкин, Собрание сочинений, СПб., 1884). Здесь опубликованы мемуары Максимова, Боборыкина, Португалова, Лескова, которые и разбирает в своей работе Базанов. Убедительно показав, что эти воспоминания не направлены на извращение облика Якушкина, Базанов переходит к характеристике деятельности Якушкина и определению его места в истории науки.

Как справедливо указывает В. Базанов, Якушкин в первый период своей собирательской деятельности находился под влиянием славянофильских идей. Доказательством является хотя бы тот факт, что он большое внимание в то время уделял собиранию духовных стихов, особенно привлекавших внимание П. В. Киреевского. Однако наблюдения над жизнью народа, которую он изучал не из окна ученого кабинета, а в развалившихся крестьянских избах, в трактирах, на проселочных дорогах, заставили Якушкина пойти новыми путями. В его творчестве происходит перелом, результатом которого и явился переход Якушкина на позиции революционного демократизма. «К новым принципам фольклорно-сборительской работы Якушкин пришел под влиянием «Современника». «Якушкин стал фольклористом-демократом не только по платью, но и по душе, по горящей любви к народу» (стр. 25). Переход Якушкина на позиции революционной фольклористики Базанов доказывает анализом очерков из народного быта, которые Якушкин печатает в «Современнике» в 60-е гг. Эта глава монографии Базанова (III глава «Народные рассказы») является наиболее целой и законченной. В ней автор сумел дать подробный анализ рассказов Якушкина, подчеркнув их глубоко народный характер: «Якушкин умел писать о народе по-народному: его творчество наполовину вышло из фольклора» (стр. 28).

Большой интерес представляют опубликованные Базановым новые архивные материалы, которые доказывают близость Якушкина во второй период его деятельности к взглядам революционных демократов. Об этом свидетельствует, например, письмо Крейца в III отделение, в котором сообщалось следующее: «На днях князь Евгений Черкасский встретился на одной станции между Москвой и Тулою с Якушкиным (известным по полемике с исковским полицмейстером) и одним студентом, которые предлагали ему печатные воззвания, присовокупляя, что таковых у них много» (стр. 66). На основании этого письма можно предполагать, что Якушкин вел какую-то революционную пропагандистскую работу среди крестьян. В этом нас убеждает и ряд документов, опубликованных Базановым, в которых различные деятели полиции высказываются о причинах ссылки Якушкина.

Большой заслугой Базанова является напечатание найденной им рукописи народной драмы Якушкина под названием «Жалостливая комедия». Исследование этого произведения может привести к ряду важных выводов о мировоззрении Якушкина, тем более, что эта рукопись была предназначена для «Современника».

Материалы, подобранные Базановым, и проведенная им работа по восстановлению облика Якушкина, искаженного буржуазными литературоведами, делают его книгу интересной, важной и актуальной.

Однако следует согласиться с Базановым в том отношении, что его работа — не более как первый этюд и «Якушкин еще ждет своего исследователя» (стр. 4). Несмотря на правильность общего направления книги и несомненную ценность поднятых материалов, в работе Базанова имеются существенные недостатки. Прежде всего, большим упущением автора является то, что он совершенно не останавливается на характеристике эпохи, в которой жил и творил Якушкин. Метод диалектического материализма одним из главных условий правильного научного исследования считает изучение каждого общественного явления в его исторической конкретности. Как же можно разрешить проблему «восстановления подлинного облика Якушкина», не характеризовав исторической обстановки и того окружения, в котором протекала его деятельность. Плодом такого упущения Базанова и явился тот поспешный и неточный вывод, к которому он приходит, определяя историческое место Якушкина следующими словами:

«Волна общественного движения шестидесятых годов выдвинула не только «штурманов будущей бури» Чернышевского и Добролюбова, а также их ближайших соратников — Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Михайлова и Шелгунова, но и других менее заметных «шестидесятников». Эти вторые шестидесятники не стали властителями дум молодого поколения, но они все же сыграли свою роль, выступая в качестве рядовых участников в общей борьбе за прогресс и народность в литературе. Таким рядовым «шестидесятником» и был Якушкин» (стр. 8).

Классификация по рангам вряд ли правомерна в данном случае. В отношении Якушкина должен быть в первую очередь решен вопрос не о том, насколько он «был заметен», а о том, сколь близко он подошел к идеям революционных демократов и как они повлияли на его деятельность. Решение этой проблемы и должно было стать одной из главных в книге Базанова, тем более, что опубликованные им материалы дают на это основание. И решать эту проблему надо было, исследуя конкретные исторические условия, конкретную расстановку сил в русской науке 60-х гг. Если бы автор пошел по этому пути, ему не пришлось бы тратить силы на целый ряд второстепенных параллелей в своей работе. Так, разбирая «Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний» Якушкина, которые были напечатаны в 1859 г., Базанов почему-то считает уместным и важным сравнивать их с трудами декабристов о Новгороде и Пскове.

«Попади этот фольклорный материал в свое время в руки декабристов, — пишет

Базанов, — из него был бы сделан соответствующий вывод: в народных преданиях декабристы непременно нашли бы отзвуки древне-русской свободы, осуждение новгородцами тирании и т. п.... Якушкин, хотя и был родственником известного декабриста И. Д. Якушкина¹, в своих ранних путешествиях не руководствовался идейным наследием декабристов» (стр. 12).

Не лучше ли было бы, вместо рассуждений о том, как бы декабристы оценили народные предания, рассмотреть взгляды на этот материал, сложившиеся у революционных демократов, возглавлявших тогда всю борьбу за крестьянскую революцию? Ведь именно это имеет первостепенное значение для понимания фольклоризма П. И. Якушкина. Тем более, что как раз на эти «Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний» (которые, кстати сказать, В. Г. Базанов характеризует как произведения, «не дающие оснований судить о демократизме Якушкина» (стр. 12). в 1860 г. в «Современнике» была напечатана весьма положительная рецензия («Современник», 1860, № 7). Автор рецензии «Современника» обращает внимание читателя на демократизм «Путевых писем» Якушкина, на интерес к современным социально-историческим мотивам, на его стремление представить народные взгляды на Аракчеева и на некоторых известных помещиков.

Конечно, следует признать, что в «Путевых письмах из Новгородской и Псковской губерний» Якушкин еще находился под влиянием славянофильских идей. Но редакция «Современника» поняла, что демократизм Якушкина определяет его деятельность. Рецензия «Современника» как бы направляет Якушкина, подчеркивает, что в нем ценно, борется за него. И несомненно, что и эта рецензия и общая расположенность редакции «Современника» к Якушкину помогли ему сблизиться с лагерем революционных демократов и отойти от славянофилов. Не случайно, что уже свой следующий цикл «Путевых писем из Орловской губернии» Якушкин печатает в «Современнике» (1861) и в дальнейшем становится его постоянным сотрудником.

Базанов же только упоминает о личных симпатиях Некрасова к Якушкину и даже не пытается разрешить такую проблему, какой является борьба «Современника» за Якушкина. В общей связи с этим вопросом было бы уместно остановиться и на полемике Якушкина с Бессоновым о методах собирания и исследования фольклора, связав ее с общей борьбой Чернышевского и Добролюбова против реакционной и идеалистической науки о народном творчестве. В своей книге Базанов только упоминает об этой полемике, а анализа ее сущности не дает.

Отсутствие в книге Базанова установки на анализ эпохи привело и к ряду неточных положений в трактовке деятельности Якушкина. Анализируя очерк Якушкина «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь», Базанов пишет: «Якушкин обратил внимание на солдатские песни и рекрутские причитания потому, что считал их особенно важными для характеристики недавнего прошлого русского народа» (стр. 22). Нам представляется, что Якушкин ставил перед собой совсем иные задачи. Очерк был написан им в 1864 г., т. е. в эпоху подготовки военной реформы (1874). Якушкин, который в это время был уже близок к взглядам революционных демократов на народное творчество, и обращается в своей статье к солдатским песням, чтобы в них найти ответ на вопрос о жизни и нуждах народа, об его оценке военной царской службы. Следовательно, не для характеристики прошлого русского народа Якушкин ставит тему рекрутчины, а для решения на материале фольклора конкретной социально-политической современной задачи. Это говорит о зрелости его мировоззрения.

Помимо сказанного, недостатком книги является также то, что Базанов, подняв интересный и ценный материал, полностью его не раскрыл и не использовал.

Так, приводя различные документы о ссылке Якушкина, Базанов посвящает им специальную главу «Под полицейским надзором», в которой материалы об аресте Якушкина очень слабо связываются с его творчеством. Получается какое-то искусственное разделение анализа творчества Якушкина и анализа его политического лица. А в результате этого, поставив интересный вопрос о причинах полицейского надзора над Якушкиным, Базанов по сути дела его не разрешает. «Причина высылки недостаточно ясна, — пишет он, — полагаем, что к «предосудительному поступку» на Нижегородской ярмарке следует прибавить поведение в Петербурге: слух, что именно Якушкин спас девушку, бросившую букет Чернышевскому во время гражданской казни, случай в театре, посещение кабаков, дружба с простлюдинами и т. д.» (стр. 71—72). Нетрудно заметить, что все перечисленные автором «проступки» Якушкина могли служить лишь внешним поводом к его аресту; самые же причины были, несомненно, более глубокие. Иначе не стали бы егосылать под «бессрочный секретный надзор полиции». Между тем В. Г. Базанов располагал документами, свидетельствующими об этих причинах. Напомним Базанову, что в сводном отчете полиции за 1867 г. прямо говорится, что сосланный под надзор полиции П. И. Якушкин был замечен «на Нижегородской ярмарке в предосудительных поступках и вредном направлении» (стр. 71). Суть «вредного направления» становится ясной в свете уже упомянутого выше письма Крейца в III отделение; в нем говорится о пропагандистской деятельности Якушкина; ха-

¹ Хочется возразить автору в том, что наличие родственных связей Якушкина с декабристами отнюдь не могло еще быть решающим фактором в формировании его мировоззрения. Думать так — это впадать в вульгарный социологизм.

ракет «вредного направления» раскрывается всей деятельностью, всем творчеством Якушкина.

Сближившись с редакцией «Современника», Якушкин живо откликается и на те задачи, которые ставили Чернышевский и Добролюбов перед писателями и этнографами в 60-х гг. Теоретически возглавив школу беллетристов, писавших очерки из народного быта, Чернышевский главным условием для них выдвигал непосредственное знакомство с жизнью народа. Представители этой школы, писатели-демократы Слепцов, Решетников, Г. Успенский, Левитов, создавали свои народные рассказы на материалах личных этнографических наблюдений и записей фольклора из уст народа. Продолжая традиции Чернышевского, «Современник» в 1864 г. обратился не только к писателям, но и к этнографам с призывом создавать очерки из народного быта на материалах широкого знакомства с жизнью народа. «Этнография нисколько не уронила бы своего ученого достоинства,—писал автор статьи,—если бы расширила рамки своих задач... Мы уже говорили, какой смысл имеет в этом отношении то стремление к изображению народного быта, которое овладело в последнее время нашей беллетристической. В этом безусловно сказывается общественная потребность. Нельзя сказать, чтобы специальная этнография удовлетворяла бы этой потребности; вместо живой стороны дела она чаще описывала архаические обряды, записывала свадебные песни и т. д.» («Современник», 1864, № 10).

Творчество Якушкина во второй период и является прямым откликом на этот призыв «Современника». Очерки Якушкина из народного быта, построенные на фольклорном материале, поднимали актуальнейшие проблемы эпохи. В очерках «Бунты на Руси» и «Великий Бог земли русской» Якушкин сатирически высмеивает пресловутую «эмансипацию» крестьян—реформу 1861 г. и показывает, что эта «царская милость» не только не удовлетворила интересов крестьянства, но и вызвала новую волну крестьянских бунтов. Этой же теме были посвящены, как известно, крупнейшие произведения 60-х гг. Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Чернышевского.

В очерке «Чисти зубы, а не то мужиком назовут» Якушкин устами крестьян разоблачает предательскую тактику и политику либералов. В своей публицистической статье 1870 г. «Почему в «Обрыве» обруган нигилист, а не нигилистка», напечатанной в «Искре», Якушкин остро критикует Гончарова за создание им карикатурного образа «нигилиста» в романе «Обрыв». Все это еще раз говорит о том, что для ареста Якушкина полиция имела достаточные основания—перед ней был сильный писатель, выразитель и защитник интересов крестьянства. Именно за это «вредное направление», а не за «проступки» на ярмарке и в театре Якушкин и был сослан под бессрочный, секретный надзор полиции. Именно вследствие этого «вредного направления» так тщательно проверялась личная переписка и так «щедро» вычеркивала цензура «подозрительные» места из последних работ Якушкина (см. письма Якушкина к Некрасову, напечатанные во втором томе Литературного наследства «Н. А. Некрасов», изд. АН СССР, М., 1949, стр. 566—568).

Лишний нам кажется в книге четвертая глава «К истории одного товарищеского воспоминания», в которой автор подробно освещает вопрос об отношении Лескова к Якушкину и о том, сколь сильно извратил в своих мемуарах Лесков образ Якушкина. Достаточно было убедительной критики автором всех этих «товарищеских воспоминаний» в начале книги.

Указанные недостатки все же не мешают оценить выход книги В. Г. Базанова о П. И. Якушкине как положительное явление. Опубликованные в книге материалы, проблемы, поднятые Базановым, имеют актуальное значение. Изучение наследия Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, которое является одной из важнейших задач советской фольклористики, предполагает исследование не только творчества самих революционных демократов, но и исследование того огромного влияния, которое они оказали на русскую прогрессивную науку о народном творчестве. В этой связи книга Базанова о Якушкине представляет значительный интерес для советской фольклористики. Хочется пожелать автору, чтобы его «первый этюд по восстановлению подлинного облика Якушкина» не остался первым, чтобы он углубил изучение поднятых им проблем и материалов о прогрессивном русском ученом, этнографе, писателе.

Л. Землянова

В. В. Комаров, *Художественные промыслы велико-устюгских мастеров*, «Красный Север», Вологда, 1949.

Брошюра В. В. Комарова «Художественные промыслы велико-устюгских мастеров» не может не остановить внимания потому, что имеющиеся в печати сведения о великоустюгских художественных промыслах, как справедливо указывает автор, отрывочны и неполны, а интерес к ним большой.

Рецензируемая работа содержит исторические сведения о развитии великоустюгских художественных промыслов и данные по технологии изготовления отдельных видов художественных изделий. К сожалению, приходится сказать сразу же, что в брошюре В. В. Комарова есть и неточности и неверные суждения, значительно снижающие ценность работы. Ниже мы отмечаем главные спорные, а иногда и прямо ошибочные положения В. В. Комарова.

Истоки сольвычегодского, а затем и великоустюжского финифтяного, филигранного и черневого искусства В. В. Комаров видит в Новгороде, откуда, по его словам, оно было завезено в Сольвычегодск «именитыми людьми» Строгановыми (стр. 3).

Это утверждение вызывает некоторые сомнения. Историк Соскин, на которого ссылается Комаров, в свое время не мог найти письменных документов, указывающих на то, «откуда же сии два мастерства, серебряное-сканое и финифтяное, в здешний город принесены, и кто первейшие из граждан приобретатели были»¹.

Кроме того, известно, что Новгород еще в 1478 г. (задолго до появления художественных промыслов в Сольвычегодске) потерял свою политическую самостоятельность и свое значение как торговый и культурный центр. Все его колонии, в том числе и «Заволожье» — Заволжье и «Югра» — западная часть Сибири и Урал, с падением Новгорода, перешли во владение Московского великого княжества. Вся новгородская правящая верхушка — единственный заказчик и потребитель дорогих серебряных и золотых изделий — подверглась гонениям и опале.

И наконец, все данные о Строгановых — как исторические, так и устные предания — сводятся к тому, что члены этого рода, начиная с XV в., пользовались особой благосклонностью московских князей и царей, как опытные промышленники и покровители новых земель и городов, отдаваемых ими затем «под высокую руку государеву».

Как собиратели и ценители изделий художественных промыслов, Строгановы выступают лишь во второй половине XVI в., т. е. как раз в ту эпоху, когда декоративное, изобразительное и прикладное искусство Москвы, в том числе и ювелирное, широко применявшее чернь, филигрань и эмали, соперничавшее с драгоценными камнями, уже вступило в пору своего пышного расцвета. Примером могут служить прекрасные памятники ювелирно-эмалевому и черневого искусства из Троице-Сергиевской Лавры, относящиеся ко второй половине XVI в.

Вернее всего, творчество сольвычегодских, а затем и великоустюжских мастеров развивалось именно под влиянием искусства Москвы, с ее «Оружничьей палатой», учрежденной еще в 1511 г. и достигшей наибольшего расцвета своей деятельности к середине XVII в.

«Оружничья», в дальнейшем «оружейная», палата была своего рода академией художеств, которая не только концентрировала в своих стенах лучших мастеров Московского царства и зарубежных стран и их произведения, но и рассылала своих специалистов в те вотчины, города и монастыри, которые «в том били ей челом».

Строгановы, будучи одними из богатейших людей своего времени на Руси и являясь фактически полновластными царьками в своей вотчине, очевидно, считали для себя естественным иметь свои собственные мастерские наподобие придворных мастерских оружейной палаты, благо народ, населявший их вотчины, был талантлив, а основное сырье, потребное для изготовления драгоценных изделий, — золото, серебро и медь — добывались в землях, завоеванных для Строгановых их же крепостными на Урале и в Сибири.

Кроме того, Строгановы приобретали, где только было возможно, и коллекционировали лучшие современные им произведения искусств как иконописного, живописного, так и прикладного и декоративного, которыми было богато Московское царство. Не исключена также возможность приобретения и зарубежных шедевров изобразительного и прикладного искусства.

Повидимому, все эти произведения и явились вдохновителями первых строгановских мастеров.

Причину развития художественных промыслов в Сольвычегодске и высокого расцвета их в XVI—XVII вв. автор совершенно основательно видит в том, что Сольвычегодск стоял на большом водном пути, связывавшем его, с одной стороны, с Архангельском, а с другой — с Сибирью. Однако считать эту причину единственной не следует. По убеждению В. В. Комарова, утеря Архангельском в начале XVIII в. значения единственного порта, связывавшего Русь с Европой, послужила причиной того, что Сольвычегодск к концу XVIII в. пришел в упадок (стр. 4). Однако историк Соскин считает, что упадок торговой деятельности Сольвычегодска наступил еще задолго до утери Архангельском своего значения. Он пишет: «...когда ж выплемянная ярмонга (Сольвычегодская. — Е. К.) прекратилась, неизвестно, однако думать можно, что оно упразднение последовало по взятии Сибирской земли под российскую державу и по начати в ней новой коммерции, а особливо, напоследок, по открытии Ирбитской ярмонги». И дальше: «а колми паче во время взятия здешнего города (Сольвычегодска — Е. К.) поляками и побития многих и в смертеносные язвы и от глада немалого числа людей умерших... яко рассыпанная хранина в бессилие и упадок пришедшее не богатством одним, но паче сего уменьшением народа»².

По словам В. В. Комарова, лишь с восстановлением торговли через Архангельский порт, в 1752 г., оживилась жизнь и художественное творчество великоустюжских мастеров, пришедших сюда из Сольвычегодска после утраты им своего первоначального значения.

Это не совсем точно отражает действительное положение вещей. Из поля зрения В. В. Комарова выпадает торговля художественными товарами с Москвой.

¹ А. Соскин, История города Соли-Вычегодской древних и нынешних времен, «Вологодские епархиальные ведомости», 1881, № 18, стр. 365.

² Там же, № 18, стр. 366, № 19, стр. 356.

Оживление художественно-творческой жизни Великого Устюга в 1750 г., куда по настоянию Великоустюжской провинциальной канцелярии были переданы «финифтяного, серебряного и прочего мастерства мастера для его зашпиенения и содержания, и размещения, и приведения того художества в наилучшее совершенство, употребления для того пристойные способы», не следует относить только за счет восстановления в 1752 г. торгового пути через Архангельск. Это оживление объясняется также и теми мерами, которые еще задолго до этого времени стали применяться российским правительством для поднятия художественных ремесел, дававших императорскому двору и окружающей его знати — главным их потребителям — драгоценные украшения³. Отсюда забота о «защиплении и содержании и размещении и приведении того художества в наилучшее совершенство».

Что касается части работы В. В. Комарова, где он пытается говорить о технологии изготовления финифти и финифтяных изделий с металлическими накладками и «просечного железа», как и попытки искусствоведческого анализа этих вещей, то следует сказать, что здесь автор вызывает недостаточное знакомство с предметом; это приводит к целому ряду ошибок в описании технологии этого производства и к неправильным заключениям о художественных качествах этих произведений. Так, неточные и неправильные формулировки, допущенные автором в описании эмалевых работ, влекут за собой грубые ошибки в освещении технологического процесса и самих вещей с финифтью. Автор, например, пишет: «Финифть накладывали на предмет в виде отдельных бесформенных цветных пятен, либо предмет ею покрывали сплошь с изображением гладких цветных рисунков, или серебряных и золотых накладок тоже с рисунками» (стр. 5). Формулировка настолько нечеткая и неправильная, что вовсе не дает представления о действительной технике этого дела. Тут же автор берет под сомнение датировку финифтяных изделий с металлическими накладками, применяемую Государственным историческим музеем, не видя на то, что эти памятники датированы самими мастерами, их выполнявшими.

Незнание технологии чернения и недостаточное знакомство с памятниками этого искусства приводят автора к ошибочному выводу, что «северная чернь» отличается якобы большей прочностью, чем московская или кавказская чернь. Памятники Загорского и Тбилисского музеев говорят о полной несостоятельности этого утверждения. А излишнее увлечение «тайной» способов «северного чернения» мешает автору видеть истинные художественные достоинства, присущие одним только великоустюжским художникам-граверам.

Автор также впадает в заблуждение, относя тонкое ажурное оловянное литье к просечному металлу. Спутать эти две техники художественной обработки металлов чрезвычайно трудно, так как они имеют разительные отличия, которые бросаются в глаза даже при беглом сравнении этих двух видов художественной техники. Они заключаются в следующем.

Просечное железо, как правило, имеющее простой, несложный орнаментальный узор с закругленными кромками металла, без всякого рельефа, всегда бывает наложено на предмет цельными монолитными пластинами, края которых для большей прочности окованного им предмета — сундука, ларя-подголовника и т. п. — либо заправлены под угловые накладки, либо, составляя с ними единое целое, прикрепляются к вещи прочными заклепками, иногда играющими декоративную роль. Отдельные детали орнамента, поскольку вся просечка изготавливается вручную, никогда не повторяются.

Накладки из литого олова являются рапортным повторением отдельных отливок, сделанных в одной и той же форме, с тонким, четким рельефом, с острыми кромками ажюра; соединяясь между собой, они создают впечатление непрерывного, цельного орнамента, обрамляющего предмет (алтарные, так называемые «царские» врата в храмах, образа). Оловянное ажурное литье, играя исключительно декоративную роль, прикрепляется к фону мелкими незаметными штифтиками. Крепление очень легкое, слабое. Непрочность его часто приводит к тому, что в стыках между отдельными отливками на углах, при выпадении штифтиков, накладки отходят от фона, отдельные детали ажюра отгибаются, заламываются, чему способствует чрезвычайная мягкость и непрочность олова. Такие изломы и заусеницы имеются и на том памятнике, на который ссылается Комаров, как на выполненный из просечного металла. В вещах, обитых просечным железом, такие дефекты почти исключены. Ограниченные размеры данной рецензии, к сожалению, не позволяют остановиться более подробно на анализе этих двух видов художественной обработки металлов.

Приходится пожалеть, что автор лишь вскользь говорит о работе шемогодских резчиков по бересте, в то время как этот вид прикладного искусства заслуживает более пристального внимания и по своим декоративным возможностям и главное по тому, что оно нигде в мире больше не существует, кроме как в Вологодской области.

Что касается техники, называемой «мороз по жести», то мы позволим себе выразить сомнение в действительной художественной ценности такого рода украшения изделий из металла. При такой протравке металла декоративный эффект построен на принципе случайно возникающих сочетаний геометрических форм. Творческое

³ См. М. Т. Гольдберг, Очерки по истории серебряного дела в России в первой половине XVIII в., Труды Гос. истор. музея, вып. XVIII, М., 1947, стр. 55.

начало, участие художника в создании орнаментальных форм полностью отсутствуют. Оформление изделия предоставлено слепому случаю.

В заключение следует сказать, что, несмотря на ряд недостатков — небрежность языка и формулировок («устюгские» вместо «устюжские», «филигран» вместо «филигрань» и др.), слабое освещение технологических и искусствоведческих вопросов, работа В. В. Комарова все же ценна тем, что она убедительно показывает важность народного искусства в культурной жизни нашей страны. Надо пожелать, чтобы В. В. Комаров продолжил свои работы над замечательными художественными промыслами великоустюжских мастеров. Вместе с тем можно рассчитывать, что в этих новых работах ошибки, подобные отмеченным выше, уже не найдут места.

Е. Клебанова-Попович

Казахские и уйгурские сказки. Переводы и литературные варианты Леонида Макеева. Оформление художника Х. Рахимова. Алма-Ата, 1949, стр. 198.

Сборник содержит 20 казахских и 10 уйгурских сказок. На русском языке сказки этих народов, в особенности уйгуров, издавались мало, поэтому каждая публикация их вызывает интерес. Однако в рецензируемом сборнике этот интерес значительно понижается вследствие неполноценности текстов.

Перевод сказок, как об этом предупреждает предисловие «от издательства», авторизирован; сказки значительно переработаны переводчиком-составителем, причем семь из них сочли нужным даже выделить в особые разделы: «По мотивам казахских (в другом разделе уйгурских) сказок», — в них автором добавлены пространные и бледные описания природы и переживаний героев, в стиле, не свойственном народному творчеству. Язык перевода не лишен существенных недостатков: много прозаизмов, русизмов, без словарных пояснений осталось свыше полутора десятков непереведенных местных терминов; примечания пестры и дефектны. Все это дезориентирует читателя и заставляет насторожиться специалиста-этнографа и фольклориста. В предисловии, правда, утверждается, что «каждый сборник образцов устного народного творчества, подготовленный хотя бы и не специалистом-фольклористом, будет представлять несомненный интерес для широких читательских масс и заострить (опечатка?) внимание научных работников-фольклористов на необходимости более успешно работать в этой области» (стр. 6). Но, конечно, издание трех десятков сказок (тем более в значительной части ранее опубликованных) не может произвести переворот в отношении фольклористов к богатейшему устному творчеству народов Казахстана. Данное издание должно бы «заострить внимание» научных работников на другом: возможно ли давать для публикации материалы научного архива (большинство текстов взято из архива Казахской Академии Наук) и не контролировать затем ни качества перевода и «литературных вариантов», сочиненных на их основе составителем «не специалистом-фольклористом», ни их датировки, ни методологических установок предисловия?

Предисловие «от издательства» пытается вскользь коснуться сложных научных проблем, что, кстати сказать, было не обязательно в популярном издании «для детей и юношества». Образцов методологической беспомощности можно привести много: так, «преданность брата сестре» (на которую она, кстати, отвечает тем же) объясняется «пережитком матриархата» (!). Признаком хороших сказочников «стариков» считается умение «сохранить ее (сказку) в неприкосновенности при передаче»; «молодые» же сказочники порицаются за то, что они вводят «чуждые сказочному стилю детали, персонажи и даже события» (стр. 10), т. е. отрицается значение творческой переработки традиционного фольклора мастерами устного слова, а также закономерность введения понятий и образов современности в сказку. Высказав это явно ошибочное утверждение, на той же странице без всяких оговорок авторы предисловия пишут о шлифовке и обработке сказок рядом поколений.

Предисловие предупреждает, что сходство сказок различных народов «не должно удивлять читателей; однако объяснение этого сходства («единством положения трудящихся масс») дается слишком обще. Между тем, если в основу сравнительного изучения сказок класть не формалистическое сличение «мотивов и сюжетов» (стр. 10), а брать сказки в их конкретном живом содержании и во всем объеме бытующего репертуара, то рассмотрение только сказок казахов и уйгуров, близких территориально и исторически связанным между собой, показало бы сложное культурное взаимодействие соседних народов. Нельзя а priori зачеркивать значение фольклора как одного из источников, способствующих решению сложной проблемы этногенеза.

Многочисленные погрешности издания особенно досадны, так как подбор сказок в рецензируемом сборнике очень интересен. В них ярко выступает демократическая сущность сказок, социальная заостренность сюжетов, направленная против эксплуататорской верхушки казахского и уйгурского народов в прошлом. Это отмечено и в предисловии: «Не в силах в действительности избавиться от своих поработителей — ханов, беков, султанов, баев, народ в мечтах своих выдвигает против них сверхъестественные персонажи, необычайные случаи, которые приводят к победе над ними. В сказке, каковой бы народа эта сказка ни была, в борьбе со злом победителем всегда оказывается рядовой труженик. В сказке только труд и люди труда являются достойными и удачливыми противниками всего злого, что исходит от угнетателей

народа. В казахских сказках, как в уйгурских сказках, все злое воплощено в лице ханов, мулл, беков, баев, торгашей и т. д. Как правило, они все жадны, трусливы, коварны... Они творят злое, которое всегда противопоставляется тому доброму, что исходит от народа» (стр. 6—7). Дальше, правда, следует неверный тезис об «идеализации» ханов и баев, встречающейся иногда в сказках, как о «результате наслоения на народную сказку идеологии господствующего класса», из-за бытования ее «в различных, в том числе и в господствующем социальном слое общества» (стр. 8). Дело заключается в действительности в неразвитости классового сознания самих трудящихся, испытывавших, конечно, «идеологическое давление» со стороны своих угнетателей, — отсюда и сказка о раскаявшемся деспоте, о счастливой жизни при «хорошем» хане.

В конце предисловия говорится о том, что, знакомясь с традиционными сказками, «мы еще больше понимаем тяжелое прошлое народа» (стр. 11). Однако в рецензируемом сборнике (как и в большинстве фольклорных изданий) само предисловие очень мало помогает этому пониманию. Конкретная историческая действительность, быт данного народа, отраженный в сказках, совершенно не освещены в предисловии; обусловленность особенностей сказок средой их бытования не прослежена.

Обмолвившись о значении обычного при примитивном кочевом скотоводстве бедствия — «джута» (падежа скота от зимней бескормицы) и о «байге» — скачках на празднестве, авторы предисловия больше не возвращаются к этнографической стороне сказок. Между тем, как ни подвергались сказки сборника «переработке», в них сохранилось в значительной мере отражение реальной жизни казахского и уйгурского народов. Об этом свидетельствует сличение опубликованных в рецензируемом сборнике текстов со сказками из других сборников (публикации казахских сказок А. А. Диваева в «Этнографическом обозрении», за 1903—1909 гг., уйгурские записи В. В. Радлова и т. д.).

На материале сказок сборника Л. Макеева можно было бы показать как общность фольклора казахов и уйгуров, так и различия его.

Скотоводство кочевого типа, бытовавшее у казахов, отразилось в их сказках наиболее полно. Например: завязкой сюжета служат поиски отбившихся косяков лошадей; в сказках изображается, как герой пригоняет одичавших лошадей в ханскую ставку, чтобы вызвать смятение среди своих врагов; герой становится нищим, потому что скот его гибнет от джута; рассказывается об уgone скота при военных столкновениях, о нападении на скот волков, о байге и жокпаре (конных состязаниях и играх). Героями сказок являются пастухи, пасущие стада лошадей, рогатого скота, овец, верблюдов или получающие их в награду за свои подвиги. Как воспоминание об историческом прошлом скотоводческие мотивы сохранились и у уйгуров, но эти мотивы сочетаются у них с упоминанием о стойловом содержании домашнего скота. Образцом поглощающего интереса к коню, желанния сохранить его жизнь в пустыне может служить прекрасное песенное включение в одну из уйгурских сказок. Конь ушел со стадом куланов, и хозяин зовет его обратно:

Если по каменистым дорогам пустыни
Выщербились твои светлые копыта,
Я их смажу целебным салом
И серебряными подковами подкую!
Если солью горьких пустынных вод
Обожгло твое зычное горло,
Я выколю свой правый глаз,
И станет он прозрачным ручьем!
Если ненавистная злая полынь
Днем и ночью режет твой желудок,
Я остригу свои черные волосы
И станут они ковыль-травой! (стр. 156).

К скотоводческому быту относятся такие детали, как варка бараньего мяса в казане над костром или очагом, собирание кизяка на топливо. Пословицы, приведенные в этих сказках, черпают многие образы из того же быта: «Сколько ни мой черную кошку, разве она станет белой?» (стр. 179), «У сытого коня — восемь ног» (стр. 16) и т. п.

Охота также находит свое отражение в сказках сборника. Герой сказки — охотник — преследует сайгу, соболя, лис, участвует в облавной охоте на волков, истребляющих конские табуны. С соколом и собакой, луком и стрелами (реже с ружьем) он охотится в степи и горных ущельях (см., например, уйгурскую сказку «Чин Томур батор и Махтум сула» (стр. 141—162).

В предисловии следовало также подчеркнуть, что основное занятие современных уйгуров — земледелие — отражено и в их сказках. Садоводство уйгуров дало образы яблони, целебных яблок Алма-Аты, возвращающих зрение; поэтическое инокавание в вопросе о красавице: «На ветвях какой яблони созрело это румяное яблоко?» (стр. 187). Надо было бы отметить, что у оседлых уйгуров место действия в сказ-

ках — город, с торговыми рядами и ремесленными кварталами. Обслуживание караванной транзитной торговли через Казахстан проводниками и поставщиками верблюдов отразилось в сказках обоих народов — это сказывается в эпизодах о необычайной наблюдательности героев в отношении всего, что касается таких караванов. Так, например, в сказке «Мудрый царь» говорится, что, не видя верблюда, прошедшего по дороге, три брата узнают о нем всё: верблюд слеп на правый глаз (головки трав с правой стороны дороги не опщипаны), он грузен с правого бока сладостями, а с левого вкусом (мухи, любящие сладкое, летают с правой стороны дороги), на верблюде сидела женщина в воловьих ичигах, а за ним шла хромая собака (следы на стоянке) (стр. 163—165). Много говорится в сказках и об опасностях в бездорожной пустыне от «разбойников», что было бедствием караванов в прежнее время, о «зако-не пустыни» — делиться с путником, терпящим нужду в воде и пище, своими запасами: «с встречным путником не делись золотом, а делись хлебом и водой» (стр. 177).

В казахских сказках сборника жилище казахов — кочевая юрта («белая» у богатей, «черная» у бедняков), а в уйгурских — оседлая землянка из камня и глины. Взамен раскрытия того, как действительность отразилась в сказках, предисловие дает единственную, притом формальную, попытку сопоставления казахского и уйгурского фольклора: «Уйгурские сказки имеют свои отличительные черты от казахской сказки. У них несколько иные сюжеты, другие персонажи, место действия и т. д. Несколько иные и мифические персонажи: тут и дивы, и пери, и джинны, и семиглавые людоеды, которые реже встречаются в сказках бывших кочевых народов» (стр. 9). Кстати, не говоря о бездоказательности всего цитированного абзаца, и сами уйгуры могут считаться в далеком прошлом «бывшим кочевым народом».

Отбор текстов в сборнике, как уже отмечалось, в основном удачен. Вызывает возражение публикация в фольклорном сборнике очерка журнального типа (автор Сабит Муканов) о проделке рыбаков на Каспии в старое время с целью припугнуть суеверного купца-рыболовца (стр. 163—165).

Сборник предназначен для детей и юношества. В связи с этим со всей четкостью следует поставить вопрос о характере переработки и о сохранении фольклорной специфики в языке и композиции произведения.

В предисловии к рецензируемому сборнику прямо указывается, что «в отдельных случаях переводчик сгладил их (сказок) специфику, отдалил от оригинала, устранив те архаизмы и мало понятные русскому читателю выражения, которые свойственны устному народному творчеству» (стр. 6). Эти трудности, очевидно, следовало устранить просто тщательностью и продуманностью перевода. Между тем, какое эстетическое воздействие на читателя может оказать волшебная сказка, события которой излагаются таким сугубо канцелярским языком: «Пострадавший подробно изложил» (стр. 164); «Когда почти все испробованные средства не дали никаких желаемых результатов» (стр. 71); верблюжонку говорят: «Ты сам бежишь в неизвестном направлении» (стр. 24); жена, узнав о смерти мужа, не может пережить его, «Огорченная этим обстоятельством» (стр. 179), и т. п. Искажают стиль сказки и механические перенесения из русской народной речи: «молодухи» (стр. 59), «гол, как сокол», «ясны оченьки потускнели, длинные косыньки посекелись» (стр. 147). Не оправдано определение словом «джунгли» зарослей камыша «у ледового моря» (стр. 28). К дефектам перевода следует отнести употребление неправильных оборотов речи, например: герои в борьбе «преодолеть один другого никак не могли», предмет разрывают «по частям». Совершенно непонятна фраза о герое, решившемся хранить тайну, так как раскрытие ее должно принести ему смерть: «Помня... свою посмертную (?) клятву, муж ничего не сказал жене» (стр. 137).

Яркий и красочный язык сказок народов Казахстана меньше пострадал бы от сохранения его «специфики», чем от такого непринужденного обращения с ним переводчика. Разве молодое поколение Советского Союза не умеет ценить творчество прославленного акына того же казахского народа Джамбула Джабаева, хотя его песни публикуются в подлинном виде?

Словаря к сборнику не приложено; пояснения с большими пропусками и неточностями даются в сносках. Например, на стр. 61 слово «таксыр» (господин) не объяснено, а сноска дана лишь при вторичном его упоминании в следующей сказке на стр. 87. Ничего не дает такое пояснение: «Кокпар — скачки с козлом, козлодранье» (стр. 21); речь идет о скачках, во время которых всадники вырывают друг у друга тушу козла, пока кому-нибудь из них не удастся завладеть ею окончательно и ускакать с ней в свой аул. Непростительная небрежностью является изложение в настоящем времени болезни «таз», обычной в нищенских, антисанитарных условиях жизни казахов в прошлом, но, конечно, давно изжитой в советском Казахстане: «Таз — парша на голове. Появляется она только у детей бедных, в результате недостаточного ухода за ними» (стр. 85). Словарные пояснения даны так, как будто переводчик рассчитывал только на местных читателей, хотя бы и русских, которым не надо объяснять, что такое «камча» (плетка), какие растения «куруй», «карагач», и т. п. Между тем без понятия о том, например, что «саба» — большой кожаный сосуд для сбивания кумыса, с узким отверстием, нельзя представить себе картину, как герой избавился от знахарки-колдуньи, сунув ее головой в это отверстие, и она, не сумев освободиться, захлебнулась кумысом.

Излишне помещенные после названия каждой сказки подзаголовки «казахская сказка» или «уйгурская сказка», так как книга разделена шмуцтитлами на эти две

части, причем под своими «литературными вариантами» Л. Макеев этих подзаголовков не решился поставить вовсе. Некоторые сказки разбиты произвольно на главы, к которым даны отдельные названия,— явление, не свойственное вообще сказочному жанру.

Отсутствие сквозной нумерации текстов затрудняет пользование примечаниями. Эти примечания, придающие сборнику квази-научный вид, не удовлетворяют, однако, элементарным требованиям паспортизации текстов: указанию на то, где, когда, кем и от кого произведена запись. Все казахские сказки «из собранных КФАН» (Казахстанский филиал Академии Наук) не имеют этих данных, кроме одной, для которой указан только сказочник (составителем не оговорено, лишены ли датировок записи, имеющиеся в архиве КФАН, или сам он решил их снять). В трех сказках, собранных писателем Абдрахманом Бегишевым в 1919—1920 гг., имеется смутная ссылка на «аулы центральных областей Казахстана — Карагандинской и Акмолинской», а сказочники не указаны. Уйгурским сказкам, записанным С. Шакиряновым, повезло больше: в них (кроме двух) указаны год записи, селение и сказочники, правда, без возраста и с краткими сведениями: «дед Турган», «дед Иляхун». Среди всей этой пестроты и разнобоя, как «яркая заплатка», выделяется только примечание к одной сказке, взятой из «Собрания сочинений» Джембула, с тщательной и полной паспортизацией и указанием даже дня записи.

Отсутствие в сборнике необходимой паспортизации текстов не дает достаточной возможности проверить переводчика, определить областные отличия сказок и временные их особенности.

Если бы при издании сборника была проведена консультация научных учреждений, не появились бы в текстах «бриллиантовая диадема» на голове уйгурской девушки, «стадо леопардов» в пустыне, которые в ходе действия все «исчезли», кроме одного «матерого» и т. п.

В заключение хочется отметить, что хорошее впечатление оставляют иллюстрации Х. Рахимова — выразительные, динамичные, хотя этнографически также не вполне точные.

Р. Липец

КНИГА О ДРЕВНЕЙ НАСКАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ В УЗБЕКИСТАНЕ¹

В Государственном издательстве детской литературы вышла небольшая, но хорошо оформленная книга художницы А. Рогинской «Зараут-сай», посвященная древним наскальным изображениям, открытым Г. В. Парфеновым в Южном Узбекистане.

Это замечательное открытие до сих пор не было освещено в печати (если не считать газетных заметок), и книга А. Рогинской, где впервые издан ряд изображений Зараут-сай, должна рассматриваться как первая публикация этих важных для изучения идеологии и искусства первобытного человека материалов. Поэтому необходимо остановиться на трактовке этих изображений, принадлежащей, как указывает автор (стр. 29), Г. В. Парфенову, хотя она и дана на страницах книги для юношества.

Но прежде всего надо сказать о самой книге. Наша литература еще очень бедна популярными книгами о работе и открытиях археологов. Из старой литературы можно назвать только книгу И. Абрамова «О чем говорят забытые могилы», вышедшую еще до революции, и книгу Н. Арзютова «О чем говорят курганы», посвященную раскопкам лишь в Нижнем Поволжье. Что касается советской научно-популярной литературы об археологических открытиях, то здесь следует в первую очередь назвать блестящую книгу С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации». Тот же вопрос освещается в брошюре Р. Бершадского «На раскопках древнего Хорезма». Этим, пожалуй, исчерпывается список имеющейся популярной литературы по этой тематике. Между тем читатель ждет книг об увлекательной работе археологов, изучающих древнейшее прошлое нашей страны. Поэтому книгу А. Рогинской, посвященную открытиям советских археологов, в которых она приняла участие, надо приветствовать.

А. Рогинской удалось передать читателю, как увлекает и захватывает работа археолога, как заставляет она забыть обо всех встречающихся трудностях. Ей удалось показать огромные перспективы археологических исследований в нашей стране. Все это бесспорно должно увлечь читателя, вызвать его интерес к археологии. Но автор не сумел показать научной работы археологов. В чем, кроме снятия копий с изображений, проявилось исследование интереснейшего района Зараут-сай, читатель так и не узнает. Так, непонятно, какие наблюдения приводят Г. В. Парфенова к выводу о одновременности изображений, как постепенно выявлялись ли новые группы рисунков, как обследовались пещеры в Зараут-сае и т. д. Мы не сомневаемся, что все наблюдения проводились Г. В. Парфеновым на высоком научном уровне. Но в книге А. Рогинской творческая работа археолога не отражена. Представляется, что все идет самотеком, открытия делаются случайно (например, упав со скалы. Парфенов, лежа под скалой, увидел на ней рисунки, которых не видел стоя). Между тем едва ли не самая важная задача книги об археологах показать, как они рабо-

¹ А. Рогинская, Зараут-сай, Детгиз, М.—Л., 1950.

тают, в чем специфика этой работы, какая нужна тонкая наблюдательность, чтобы полнее восстановить быт наших далеких предков и т. д. Этого в книге А. Рогинской нет. Вместо этого в ней множество личных переживаний.

Вопрос о происхождении искусства в книге изложен сбивчиво, но в общем автор примыкает к теории его магического происхождения. Хотя магический характер ряда палеолитических изображений бесспорен, все же выводить искусство из магии нельзя. Есть в книге Рогинской и ряд неточностей. Так, на стр. 37 находим слова: «следующая стадия искусства мезолитическая. Некоторые исследователи считают, что она существовала в позднем палеолите одновременно с мадленской». Термин «мезолит» может быть применен лишь к послемадленскому времени и только противопоставлен палеолиту. Автор, очевидно, имеет в виду, что так называемые капсийские памятники Средиземноморья, в том числе наскальные изображения Испании, относятся частью к позднему палеолиту, частью к мезолиту, но выражает эту мысль так, что запутывает читателя. Говоря на стр. 37—38 о процессе схематизации изображений в первобытном искусстве, А. Рогинская иллюстрирует это схематизацией фигуры человека на испанских мезолитических изображениях и на примере ряда рисунков Зараут-сая. Но при этом дата испанских изображений не указана, а о зараут-сайских сказано, что они относятся к бронзовому веку, когда земледельцы и скотоводы перестали реалистически изображать животных. Здесь спутаны разные вещи, ибо процесс схематизации и геометризации шел в искусстве послепалеолитического времени при господстве охоты, задолго до земледельческо-скотоводческих культур эпохи бронзы, для которых также характерна геометризация. Наконец, странно упоминание (на стр. 42) о шупе — «металлической палке, с которой работает археолог». Советские археологи с шупом давно не работают.

Обратимся к зараут-сайским изображениям. Первое, что надо выяснить, — это вопрос об их дате. Г. В. Парфенов в газетной статье, цитированной автором (стр. 8), относит древнейшие изображения к началу верхнего палеолита (к ориньяку — см. стр. 33), а позднейшие — к эпохе бронзы. Кроме того, многочисленны изображения «не самые древние», сопоставляемые с наскальными изображениями Испании и относящиеся к позднему палеолиту (стр. 37—39). Неясно, каким временем датируется упомянутое Рогинской изображение «двух фигурок верхом на шаке» (стр. 49). Технические все изображения выполнены одинаково красной охрой.

Наибольшее число рисунков книги А. Рогинской воспроизводит изображения «позднего палеолита» из центрального навеса Зараут-сая. Перед нами сцены охоты на животных, которых автор огульно называет быками, хотя здесь явно есть и изображения других зверей. Так, на табл. III наряду с быками нарисованы, несомненно, джайраны, которых можно узнать не только по экстерьеру, но и по поднятым вверх коротким хвостам. Поднятый хвост испуганно бегающего джайрана прежде всего бросается в глаза охотнику, и недаром по-казахски джайран называется кара-куйрук (черный хвост). Джайран изображен и на рис. 20. Кроме того, мы видим среди животных винторогих козлов (рис. 13), сайгу с ее горбатым носом (рис. 34) и кабана с острым рылом и коротким хвостом (рис. 19). Таким образом, первобытный человек охотился не только на быков. Состав фауны, отраженный в зараут-сайской живописи, близок к современному и не содержит ископаемых форм. Дикий бык, как известно, был объектом охоты еще в эпоху энеолита — в культуре Анау I. Таким образом, изображения животных не говорят о ранней дате живописи. Здесь нет изображений ни мамонта, бесспорно жившего в Средней Азии в эпоху палеолита², ни диких лошадей, на которых охотились обитатели Самаркандской верхнепалеолитической стоянки.

С составом фауны согласуется и тип охотничьего снаряжения, который мы видим в Зараут-сая. Охотники изображены с луками и стрелами. Время изобретения лука точно датируется мезолитом, в палеолите же лука нет. В Зараут-сая изображена и охота с собакой (рис. 18). Хотя и есть предположение о приручении собаки в конце верхнего палеолита³, все же бесспорно домашнюю собаку раньше неолита мы не знаем. Да и вряд ли при начале приручения собаки в палеолите охота с ней могла быть изображена в наскальной живописи, ибо надстроечные явления отражают, как правило, более древний этап развития общества. К тому же стоянки Афонтова гора II и Верхолеская гора в Сибири, откуда происходят остатки предполагаемого одомашненного волка, в абсолютных датах близки к мезолиту. Таким образом, характер охоты, отраженный в зараут-сайской наскальной живописи, говорит о том, что ранее мезолита она датирована быть не может.

С другой стороны, трактовка человеческих фигур в виде треугольников в зараут-сайской живописи показывает, что первобытное искусство дошло здесь до большей степени схематизации, характерной для мезолитического, неолитического и более позднего времени. При этом трактовка человеческой фигуры очень близка к трактовке фигур людей на наскальных изображениях Кара-тубе в Хорезме, датированных С. П. Толстовым эпохой бронзы⁴ (ср. рис. человека в правом нижнем углу

² Е. И. Беляева, О находке остатков мамонта в Ферганской долине, «Бюллетень Комиссии изучения четвертичного периода», № 8, 1946.

³ Г. П. Сосновский, Древнейшие остатки собаки в Северной Азии. «Проблемы истории материальной культуры», № 5—6, 1933.

⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, рис. 13.

табл. II у Рогинской с рис. 13 у Толстова). Сближает Зараут-сай с Кара-тубе и наскальными изображениями бронзового века Урала и Казахстана⁵ и наличие знака в виде решетки (рис. 23). Другой знак Зараут-сай — круг с точечным заполнением (рис. 27) — очень напоминает знаки писаниц Бурятия эпохи бронзы⁶. Таким образом, характер изображений говорит о близости Зараут-сай к наскальной живописи эпохи бронзы, а не палеолита. Реалистичность же изображений животных в Зараут-сая не говорит об их палеолитическом возрасте, потому что такие изображения характерны и для неолита и бронзы Сибири⁷. Но так как в эпоху бронзы район Зараут-сай был уже земледельческим и скотоводческим, наскальные изображения, отражающие целиком представления общества охотников, нельзя относить к этому времени. Таким образом, дата основной группы зараут-сайских изображений — мезолит — энеолит. Нам кажется, что неолитическая или энеолитическая дата более вероятна. Об этом говорят рисунки стрел на третьей группе изображений центрального навеса Зараут-сай. Треугольные наконечники с широким основанием в мезолите неизвестны. Наличие ряда элементов, известных затем в наскальных изображениях эпохи бронзы, также говорит о неолитической дате как более вероятной.

Обращаясь к группе «древнейших ориньякских», изображений Зараут-сай, мы не видим в них отличий от вышеописанных. Здесь также «есть и маленькие фигурки стрелков и бычков, такие же, как и в верхнем навесе» (стр. 49). Более того, изображения говорят о предложенной нами дате. Так, в «древнейшей группе» изображено непонятное животное с тяжелой задней частью крупы, как у быка, но с тонкой шеей, с клювом вместо морды и с широкими мохнатыми ушами вместо рогов (рис. 29). Зоологи, которым мы показывали этот рисунок, высказывались за то, что это фантастический зверь. Странен и зверь на рис. 39, по пропорциям тела и отсутствию хвоста похожий на медведя, но с рогами винторогого козла. В палеолите нет изображений фантастических животных с признаками разных зверей. Они появляются лишь в энеолите и характерны для бронзовой и скифской эпохи. Древность этой группы изображений Г. В. Парфенов обосновывает тем, что здесь мы видим «исток живописи». Форма навеса, якобы напоминающая лежащего быка, вызвала обмазывание кровью стен этого навеса, что натолкнуло на мысль изображать быков охрой. Но это не более как гипотеза. Здесь якобы имеется изображение быка, образованное рельефом скалы, к которому лишь «пририсованы рога» (стр. 49). Но оказывается, что остальная часть изображения просто сбита, а частью имеет следы краски, кроме того, четко видно изображение ног (стр. 50). Несомненно, что эти рассуждения навесны описаниями Альтамиры, где, как известно, изображая бизонов, палеолитический человек использовал рельеф скалы, но то, что рельеф скалы использовался в Зараут-сая, не может его датировать.

Итак, палеолитический возраст зараут-сайских изображений сомнителен. Неолит — энеолит самая вероятная датировка. Мы не можем утверждать, что фертообразные изображения людей, отнесенные Г. В. Парфеновым к бронзовому веку, синхронны всем другим изображениям, но это возможно: изображения людей даже в «древнейшей» группе не менее схематичны. Г. В. Парфенов правильно указал на поздний характер этих изображений, аналогии им известны на Урале в писаницах II тысячелетия до н. э.⁸ Нельзя только писать, что бронзовый век был «за пять — семь тысяч лет до н. э.» (стр. 28). Даже дата четыре тысячи лет до н. э., пожалуй, слишком глубока. Есть в Зараут-сая и более поздние рисунки — всадники и т. д.

Это, однако, несколько не снижает ценности открытия Г. В. Парфенова. Перед нами бесспорно первоклассный исторический источник для изучения быта и идеологии древнейшего населения Средней Азии. Ведь даже изучение более поздних изображений Онежского озера и Белого моря дало бесценный материал по истории древней Карелии. Зараут-сай дал нам, например, такое изображение охоты первобытного человека, какого мы до сих пор не имели. Кстати о трактовке Г. В. Парфеновым изображения охоты в центральном навесе. По его мнению, «люди одеты в нечто вроде плащей из шкур, маскирующих их под птиц дроф. Эти птицы водились здесь во множестве, и быки их не боялись» (стр. 27). Это сказано, конечно, под влиянием живописи бушменов в Гершеле (Капланд), изображающей охотника, подкрадывающегося к страусам и замаскированного под страуса⁹. Но если охотник и маскируется под страуса, то маскироваться под дрофу бессмысленно — ведь она в два-три раза ниже человека, и «огромной дрофы» бык испугается. В центральном навесе мы видим просто своеобразную трактовку человеческих фигур в одежде типа плаща.

На семантике живописи Зараут-сай останавливаться до ее полного издания не стоит. Смысл ее в целом ясен — это изображения удачной охоты, поражения животного, которые должны обеспечить успех в реальной охоте. Стоит указать лишь на хвостатые антропоморфные фигуры, изображенные в сцене охоты. Это, по нашему

⁵ А. А. Формозов, Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика, «Советская этнография», 1950, № 3.

⁶ А. П. Окладников, Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г., «Вестник древней истории», 1948, № 3, рис. 7.

⁷ А. П. Окладников, История Якутии, т. I, Якутск, 1949.

⁸ А. А. Формозов, Указ. работа.

⁹ Г. Обермайер, Донисторический человек, М., 1913, рис. 169.

мнению, не простые люди, так как все охотники изображены здесь в плащах — треугольниками, а скорее всего предки-родоначальники, помогающие родоначальникам в охоте. Поэтому они и идут впереди охотников. Изображения таких полулюдей-полуживотных тотемических предков известны в палеолите, в неолите и в эпоху бронзы. Бесспорно, что при полной публикации Зараут-сая мы увидим ряд изображений, не менее интересных для археологов и этнографов.

Надеемся, что вслед за книгой А. Рогинской выйдет основательная публикация всех наскальных изображений Зараут-сая, которую готовит Г. В. Парфенов, а также новые популярные книги о работе советских археологов, верно отражающие их благородный труд по изучению прошлого нашей Родины.

А. А. Формозов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Жозуэ де Кастро. *География голода. Голод в Бразилии*. Перевод с португальского Т. П. Комова. Под редакцией и с предисловием Л. Е. Родина. Издательство иностранной литературы, Москва, 1950.

Josué de Castro. *Geografia da fome. A fome no Brasil*. Rio de Janeiro, 1946.

«Тема этой книги несколько шекотлива и опасна. Она представляет собой как бы один из «табу» современной цивилизации». Этими словами начинает Жозуэ де Кастро свою книгу. Автор книги, профессор одного из бразильских университетов, в течение ряда лет занимается изучением проблемы питания населения земного шара и, в частности, Бразилии. На основании собранного им материала и опубликованных данных он приступил к изданию пятитомного труда, посвященного географии голода. Кастро отмечает, что он не касается проблемы «индивидуального голода, ни в его физиологическом проявлении..., ни как объективно-психологического переживания». «Нашей целью, — пишет он в предисловии к своей работе, — является анализ массового голода, поражающего эндемически или эпидемически огромные массы людей. Нас интересуют не столько молный голод и истощение, — явление, как правило, ограничивающееся территориями, пораженными крайней нищетой, и вызываемое исключительными обстоятельствами, — сколько гораздо более частое и более распространенное, так называемое частичное или скрытое голодание. Постоянное отсутствие в обычном пищевом рационе отдельных питательных веществ обрекает большие группы населения на медленную голодную смерть, хотя они и едят ежедневно. Основная цель нашей работы и заключается в изучении этих массовых частичных специфических голоданий в их бесконечном разнообразии» (стр. 29—30).

Рецензируемая книга представляет первый том задуманной автором серии. Выделение темы о голоде в Бразилии в отдельный том, в то время как последующие тома должны осветить эту проблему на всем континенте Америки, в Азии и на некоторых островах Океании, а также в Европе во время второй мировой войны и в послевоенные годы, автор объясняет рядом причин. Главная из них та, что Бразилия в большей мере, чем любая страна или материк, дает широкие возможности для изучения проблемы питания в условиях различных типов тропического климата. В то же время он подчеркивает, что условия жизни населения в других странах Латинской Америки не отличаются от бразильских, а в некоторых из них даже более тяжелые. В дальнейшем это утверждение иллюстрируется рядом фактов.

В кратком введении (стр. 37—42) Кастро указывает на то, что голод, как социальное явление имеет широкое распространение на всех континентах земного шара. Америка в этом отношении, разумеется, не составляет исключения. «Следует откровенно признать, — пишет он, — что «обетованная земля», куда в прошлом столетии прибыли сотни тысяч переселенцев из Европы, питавшихся вырваться из когтей нищеты, также является страной, по которой бродит голод, где жизнь протекает в постоянной борьбе с ним и где миллионы людей умирают от истощения» (стр. 38).

В Бразилии автор устанавливает пять различных областей питания. Амазония, «сахарная» область северо-востока страны и северо-восточные сертан¹ характеризуются как области постоянного или преходящего плохого питания (эндемического и эпидемического голода), где голодают почти все население. Центральные-западные области и крайний юг Бразилии определяются как области пониженного питания, где голодают «ограниченные группы определенных классов». Описание режимов питания населения в этих областях и составляет основную часть книги Жозуэ де Кастро.

Специфические особенности скудного и однообразного питания немногочисленного населения огромной тропической лесной области Амазонии характеризуются не только количественными показателями. Давая детальное описание продовольственных продуктов и изготавливаемых из них блюд, автор указывает на то, как губительно отражается недостаточное и неполноценное питание на здоровье жителей Амазонии, вынужденных питаться преимущественно маниокой, фасолью, рисом и в очень ограниченном количестве мясом и рыбой. Отсутствие или незначительное наличие животных белков (мясо, молоко, яйца и пр.), минеральных солей, недостаточность

¹ Сертан (sertao) — засушливая область.

витаминов — приводят к массовым желудочно-кишечным, кожным, глазным, нервным и другим заболеваниям, результатом которых является значительная смертность населения. Следствием такого питания являются также задержка физического развития детей и понижение работоспособности у взрослых.

Главными причинами недостаточности питания в этой области автор считает не только то, что редкое население ограничивается преимущественно сбором растительных продуктов, охотой и рыболовством. С XVII в. и до наших дней экономика Амазонии основывалась на расхищении ее растительных богатств. Автор правильно отмечает, что «зеленое» богатство Амазонии составляет несчастье ее жителей «подобно тому, как сахарный тростник является бичом Северо-востока, а золотые россыпи — бичом центральной части страны». Катастрофических размеров это бедствие достигло в годы так называемого «каучукового цикла» (1870—1910), когда большая часть добывателей каучука погибла от бери-бери. «Каучуковый бум» надолго подорвал также развитие местной экономики.

Голод в «сахарной» области северо-востока Бразилии, исключительно благоприятной по своим почвенным и климатическим условиям, является следствием монокультурной экономики и преобладания крупного помещичьего хозяйства полуфеодалного типа. Разведение сахарного тростника, начавшееся с XVI в., и в особенности рост крупного плантационного хозяйства с конца XIX в. привели к уничтожению лесов, истощению почвы и исчезновению животных и съедобных растений. Население лишилось основных источников питания. Хозяева поместий, опираясь на соответствующие законы, ограничивали возможности местного населения заниматься земледелием и скотоводством. Основным возделываемым растением стала маниока. Грудящимся «сахарных» районов запрещено сажать фруктовые деревья. Фруктовые сады имеются только в поместьях. Этими мерами не ограничились хозяева огромных латифундий. В течение многих десятилетий они запрещали неграм-рабам, а затем и арендаторам употреблять в пищу сахар, многие плоды и овощи. Эти табу, имевшие целью ограничить потребление сахара, предназначенного на вывоз и отвлечь население от занятия земледелием, сохранились до наших дней среди беднейших слоев населения.

На основании большого фактического материала об условиях труда и быта сельскохозяйственных рабочих и анализа их питания автор устанавливает, что в области «сахарного» Северо-востока систематически голодает основная масса городского и сельского населения, плотность которого в некоторых районах достигает 137 человек на 1 км². Низкая заработная плата и периодическая безработица, обусловленная сезонным характером работы на плантациях, лишают рабочих возможности покупать даже самые необходимые продукты. Многочисленные болезни и высокая смертность — таковы результаты постоянного голодания. 50% смертей падает на людей в возрасте до 30 лет. Смертность среди детей на первом году жизни в некоторых городах составляет около 50% рождающихся.

Аналогичны условия жизни населения в районах какаоовых плантаций, где трудящиеся также голодают, получая нищенскую зарплату (преимущественно натурой по очень высоким ценам). «Ареал какао представляет собой в конечном счете то же, что и ареал сахарного тростника. Это ареал, где горстка людей, охваченных необузданной жадной наживой, обогащается за счет крайней степени физической и моральной нищеты населения, ареал голода, порожденного богатством» (стр. 130).

Северо-восточные сертаны занимают территорию площадью около 7000 км², на которой живет около 6 млн. человек. Это область катастрофического голода, поражающего население в периоды засухи. Несмотря на ползасушливый климат, песчаные почвы и различия физико-географических особенностей в отдельных районах, область сертан оказалась вполне пригодной для освоения ее человеком, даже в условиях технически отсталого сельского хозяйства Бразилии.

Еще в XVII в. из Португалии и с островов Зеленого мыса сюда был завезен скот. С течением времени богатые естественными пастбищами северо-восточные сертаны превратились в один из основных скотоводческих районов Бразилии. Крупный и мелкий рогатый скот, лошади и мулы разводятся главным образом для снабжения «сахарных» и горнопромышленных районов Юга страны. Жители сертан занимаются также земледелием. Маниока, фасоль, сладкий батат, тыквы и др. используются для местного потребления. Казалось бы, что скотоводство и земледелие должны были бы обеспечить нормальное существование жителей сертан. Данные о тяжелом изнурительном труде, о нищенских условиях жизни и о культурной отсталости жителей сертан, биологический анализ их пищевого рациона показывают, какой тяжелой ценой удается этим людям поддерживать свое существование в периоды нормального выпадения осадков. Это весьма относительное благополучие прекращается с наступлением засухи. Частичные засухи, распространяющиеся на сравнительно небольших территориях, повторяются приблизительно через каждые 4—5 лет. Общие засухи, поражающие значительные территории, случаются приблизительно через 10—11 лет, катастрофические — через 50 лет. Длительность их колеблется в среднем от одного года до трех лет. С наступлением засухи резко сокращается питание населения. Затем, по мере исчезновения обычных источников питания, они заменяются дикими, трудноусвояемыми, а подчас и ядовитыми растениями. Наконец, когда кончаются и эти «заменители», истощенные, больные люди, гонимые голодом, покидают сертаны. Их ослабевший организм легко подвергается

инфекционным заболеваниями, быстро распространяющимся в антисанитарных условиях.

Не имея возможности изложить данные о безвыходном положении, в котором оказываются жители сертан в периоды засух — на своей родине, во время переходов и в новых районах их поселения, о многочисленных болезнях, психозах, вызываемых голодом, о борьбе с хищниками и гремучими змеями, о десятках тысяч смертей, — мы ограничимся одним из многих примеров, приводимых автором. В годы второй мировой войны, когда США лишились возможности получать каучук из Юго-восточной Азии, в Амазонии снова возродилась добыча каучука. Когда бразильский каучук перестал интересовать США, десятки тысяч рабочих были оставлены на произвол судьбы в джунглях амазонского леса. В числе рабочих было 30 000 человек с северо-востока. Большая часть их погибла в «зеленом аду» Амазонии.

Центральной и южной частям Бразилии, характеризуемым как области пониженного питания и частичного голодания, в книге Кастро уделено очень немного места. Автор указывает на то, что в связи с резким ухудшением продовольственного положения Бразилии и в этих областях населению угрожает настоящий голод.

Определяя Бразилию как «одну из голодающих стран земного шара», Кастро указывает на то, что «тревожное продовольственное положение в Бразилии... скорее вызвано непрерывным действием экономических и социальных факторов, чем природными условиями», что голод является следствием исторического прошлого страны в ее «экономической и социальной неслаженности» в настоящем. Это, изложенное в весьма туманных выражениях, в общем правильное утверждение автор раскрывает в заключительных выводах. В них Бразилия характеризуется как экономически отсталая полупфеодалная сельскохозяйственная страна, страна монокультуры.

В предисловии к рецензируемой книге редактор Л. Е. Родин, характеризуя работу Кастро как «полотно потрясающей силы», обращает внимание и на ее недостатки. Наиболее серьезный из них — буржуазный либерализм и объективизм автора, которые не позволяют ему сделать надлежащие выводы из огромного фактического материала, анализировать голод как социальное явление, не ограничиваясь только правильными, но все же частными выводами и подробным анализом биологических последствий голода. По меньшей мере наивными кажутся предложения Кастро о желательных мерах по улучшению условий жизни населения Бразилии. Этими недостатками и была вызвана необходимость дополнить книгу кратким анализом современного политического и экономического положения Бразилии, ее зависимости от империализма США. Л. Е. Родин справедливо указывает на интерес, который представляет книга Кастро для широких кругов советских читателей и для специалистов — врачей, биологов, географов, этнографов, историков и экономистов. Однако читатель-этнограф, получив большой, очень ценный материал о специфических особенностях питания населения в различных районах Бразилии, а также о португальском, индейском и негрском влиянии на режим питания, о том, как правящие классы используют в своих интересах культурную отсталость сельского населения, и другие факты, хотел бы узнать и другие, не менее важные данные, неразрывно связанные с темой исследования Кастро. Так, население Бразилии выступает как обезличенная масса собирателей лекарственных растений и каучука, рабочих на плантациях и в скотоводческих имениях. О национальном составе этих групп населения читатель может только догадываться на основании кратких исторических справок и косвенных упоминаний.

«Современная антропология, — пишет Кастро, — доказала, что не существует ни расового превосходства, ни расовой неполноценности» (стр. 67). Симпатии автора, несомненно, находятся на стороне эксплуатируемых и, в частности, индейцев и негров. Однако он даже не упоминает о расовой дискриминации, так тяжело сказывающейся на уровне их материального благосостояния. Упомянув об односторонней индустриализации страны, о пищевой зарплате, о низкой производительности труда латино-американских рабочих, он очень мало говорит о режиме питания индустриального пролетариата. Еще меньше материалов приводит Кастро о питании различных социальных групп городского населения, ограничиваясь лишь отдельными примерами.

Свою книгу Кастро заканчивает следующими словами: «Экономический строй Бразилии оставляет человека безоружным перед лицом голода и болезней, постоянных спутников бразильца в его вынужденном одиночестве. Человек затерян в амазонских лесах, на безбрежных равнинах «сахарного» Северо-востока, на байских плантациях какао, на болотистых землях штата Рио-де-Жанейро, в горах штата Минас Жеранс, в болотах Мато Гроссо. Человек в Бразилии затерян на огромных ее пространствах» (стр. 220). Это утверждение о вынужденном одиночестве бразильца неверно было бы обобщать, перенося его на все население страны. Достаточно вспомнить о борьбе бразильского народа против агрессии США, против превращения Бразилии в военно-стратегический плацдарм, о борьбе за мир во всем мире, осуществляемой в условиях полуфашистского режима, возглавляемого ставленником США президентом Варгасом.

«Борьба против отправки войск в Корею, против предоставления военных баз и против расхищения сырья иностранными державами, за политику в ООН, соответствующую интересам каждой латино-американской страны, — эта борьба является основным моментом борьбы за мир и национальную независимость. Народы Латин-

ской Америки все больше и больше понимают единство, существующее между этими двумя неотделимыми вопросами»².

Первое издание книги Кастро вышло в свет в 1946 г. С того времени очень обострилось внутреннее политическое и экономическое положение в Бразилии, еще более возросла нищета масс, еще более активизировалась борьба народа против своих и иностранных поработителей, борьба за мир, осуществляемая под руководством компартии.

«Чтоб расширить борьбу за мир в Бразилии и дать ей новый толчок, необходимо уметь связывать эту борьбу с повседневными требованиями широких масс с борьбой против всех форм фашистской реакции, в защиту завоеваний и прав трудящихся, в защиту демократических свобод... против нарастающего империалистического гнета, против всяких уступок правительства империализму и в особенности против конференции министров иностранных дел американских стран — конференции войны и колонизации»³.

Несмотря на ряд недостатков, огромный фактический материал, как верно отмечает редактор, «превращает книгу в обличительный документ против былых португальских колонизаторов и современных империалистических стран «западных цивилизаций» — США и Англии, — обративших Бразилию в колонию и подвергающих ее беспощадной колониальной эксплуатации» (стр. 8).

Обличительным материалом не меньшей силы служат также карты (областей питания, распространения туберкулеза и др.) и иллюстрации. Вот почему книга Кастро представляет интерес для советских читателей и, в частности, для этнографов, в распоряжении которых имеется очень мало материалов о положении трудящихся Бразилии.

Н. Шпринцин

Rafael Karsten, *Das Altperuanische Inkareich und seine Kultur*. Vom Verfasser bearbeitete deutsche Ausgabe seines schwedischen Originalwerkes. Mit 41 Zeichnungen von H. Langenberg, 9 alten Zeichnungen von Huaman Poma Ayala und einer Karte. F. A. Brockhaus. Leipzig, 1949.

За последние годы сведения об истории и культуре народов Перу, Боливии и Эквадора до испанского завоевания существенно увеличились. Целый ряд новых данных, добытых главным образом благодаря археологическим раскопкам, заставил пересмотреть, а иногда и коренным образом перестроить наши представления о древней истории обитателей Анд. Однако эти изменения не нашли себе достаточного отражения в западной буржуазной научной и популярной литературе, так как за последние годы не было выпущено ни одной общей работы по этому вопросу. Написанная более двадцати лет назад книга Ф. Э. Минза «Древние культуры Анд»¹ в значительной степени устарела; выпускаемый в настоящее время Смитсоновским институтом многотомный «Справочник по индейцам Южной Америки», второй том которого посвящен народам Анд, не говоря уже о неудовлетворительном способе подачи материала, совершенно беспомощен и во многих отношениях порочен методологически.

Книга этнографа и историка, шведа Р. Карстена «Древнеперуанское государство инков и его культура», вышедшая в Лейпциге в 1949 г., призвана восполнить этот пробел. Правда, как это видно уже из самого заглавия, она охватывает только сравнительно небольшой отрезок древней истории Перу, а именно инкский период, но зато освещает его с большей полнотой и критической оценкой фактов, чем упомянутые выше работы.

Будучи по своим интересам этнографом и историком, Карстен, по собственному признанию, основное внимание уделяет «политическим и социальным отношениям, а также духовной жизни, в особенности религии инкского государства». Этим проблемам, по правильному замечанию автора, его предшественники не уделяли достаточного внимания. В то же время он интересуется и археологическими изысканиями, хотя об искусстве и ремесле в книге говорится, к сожалению, очень кратко, от случая к случаю. Зато общественной организации, административному аппарату, а также праву уделено несколько глав, чего не делают другие исследователи древнего Перу, оставляющие в стороне или только попутно останавливающиеся на этих основных, представляющих наибольший интерес проблемах.

В противоположность некоторым другим представителям западной науки, преимущественно археологам, Карстен основывает свое исследование главным образом на письменных памятниках: работах старых испанских хронистов, наиболее надежных, по его мнению, источниках. Особо следует отметить широкое использование им сравнительно недавно (1936) ставшей доступной рукописи перуанского хрониста Уамана Пума Айала, пользоваться которой прежние исследователи могли только

² Из выступления представителя Бразилии на первой сессии Всемирного Совета Мира. Приложение к журналу «Новое Время», № 11, от 14.III.1951 г., стр. 10.

³ Из резолюции Национального Комитета компартии Бразилии, «Правда» от 23.III.1951 г., № 82.

¹ Ph. A. Means, *Ancient Civilizations of the Andes*, New York, 1931.

по несовершенной работе Г. Монтелья. Большое внимание автор уделяет и данным из мало привлекавшегося до него источника — «истории тивого мира» иезуита Бернабе Кобо, написанной в начале XVII в., но увидевшей свет лишь в конце прошлого века. Другим видом источников, также широко используемых автором, являются этнографические данные, собранные им в течение почти тридцатилетнего пребывания в Южной Америке. Карстен годами жил в глухих индейских деревнях, изучая сохранившиеся там древние обычаи, обряды и верования. Таким образом, он достаточно добросовестно подготовился к написанию своей работы. Действительно, в ней освещаются почти все стороны жизни древнего населения Перу, как это можно заключить даже из краткого обзора содержания 18 глав, из которых состоит настоящая работа.

В 1-й, вводной главе, говорится о «Географических и этнографических предпосылках культуры инков». 2-я глава дает, к сожалению, слишком краткое описание древнейших археологических культур Перу, предшествовавших инкам, в частности культур Чиму и Тиуанаку. Для историка особый интерес представляют три следующие главы — 3, 4 и 5: «Источники наших знаний о культуре инков», «Происхождение царства инков» и «Падение царства инков». В них автор после обзора основных письменных источников — хроник испанцев и перуанцев (археологические памятники оставляются им в стороне), указаний на основные противоречия и исправления существующих в этих документах ошибок — вкратце излагает события, предшествующие вторжению в Перу Писарро и его банды. Карстен стремится при этом извлечь рациональное зерно из многочисленных мифов о происхождении инков. Он вполне правильно подчеркивает, что культура этой страны возникла не только в результате творческой деятельности одних инков, как это пытались доказать раньше некоторые исследователи, опираясь на преувеличенные сообщения Гарсиласо, а является достижением всех местных индейских племен. Автор ставит вопрос о характере общества древнего Перу и определяет его как классовое. Проблема эта чрезвычайно трудна и до сих пор окончательно не решена. Данные хроник часто противоречат друг другу в этом вопросе, а документов хозяйственной отчетности, подобных дошедшим до нас от государств Месопотамии, Египта и Крита, в Перу не имеется. Однако все же по имеющимся в нашем распоряжении данным можно считать, что общество Перу было несколько более продвинуто в своем развитии, чем, например, общество ацтеков или толтеков в Мексике. Во всяком случае можно поставить в заслугу Карстену, что он решительно возражает против ходкой одно время в буржуазной науке теории о «социалистическом характере» правления инков.

Для правильного решения вопроса о социально-экономическом строе Перу первостепенное значение имеет мысль Маркса о том, что «коллективное производство и коллективная собственность, как они встречаются, например, в Перу, являются, очевидно, производной формой, введенной и занесенной племенами-завоевателями, знавшими у себя на родине коллективную собственность и коллективное производство в их древней неосложненной форме, в какой она встречается в Индии и у славян»².

Завоевание страны испанцами, по мнению Карстена, явилось следствием не только превосходства их оружия, но и результатом раздоров и отсутствия достаточной сплоченности, а также непривычных для местных жителей вероломства и предательства. Резко отрицательно характеризует автор политику Ф. Писарро, его преемников и их сподвижников, разрушивших с тупой жестокостью яркую и самобытную культуру Перу. Их действия он сравнивает с политикой современных колонизаторов и отмечает, что «с завоевания испанцами Перу для индейцев началась история страданий, не закончившаяся еще на сегодняшний день» (стр. 70).

В 6-й главе описываются основные архитектурные памятники столицы инков — Куско и ее окрестностей, причем автор довольно удачно и образно восстанавливает картины жизни этого города до разорения его испанцами. Жизни остальной части страны посвящена 7-я глава, где рассказывается о средствах сообщения, дорогах, мостах, организации почты, а также о сельском хозяйстве. Карстен подчеркивает, что труд считался почетным и вменялся в обязанность каждому работоспособному человеку. Отсюда, как кажется, можно сделать вывод, что рабство еще не имело сильного распространения. Земледелие было мотыжным, т. е. в достаточной степени примитивным.

Как уже отмечалось выше, главы 8—10 характеризуют организацию царства инков, социальные и правовые отношения, систему управления. В этих главах можно найти немало ценных и важных замечаний, хотя в некоторых случаях приведенные данные не исчерпывают всего имеющегося материала. Так, говоря об институте «янакона», автор не привлекает свидетельства о них Фернандо де-Сантьяна, заставляющего значительно изменить предлагаемую в книге концепцию.

Довольно подробно Карстен останавливается на положении покоренных инками племен, сравнивая их с плебейми раннего Рима. В данном случае перед нами типичная картина эксплуатации племенем-победителем покоренных им других племен.

² К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 164; ср. стр. 152.

О письме инков, до сих пор полностью не расшифрованных кипу, рассказывается в главе II — «Знали ли инки письмо?» К сожалению, автор ни одним словом не упоминает здесь о других видах письма, существовавших в древнем Перу (идеографические системы мочика, обитателей Паракас, Наска и Тиуанаку), так же как и о нескольких загадочных иероглифических (?) текстах из Паукартамбо, относящихся уже к периоду после испанского завоевания, опубликованных в свое время Винером. Не приводятся Карстеном и свидетельства хронистов о том, что, по крайней мере в некоторых случаях, кипу служили и для передачи поэтических произведений.

Последние семь глав (12—18) посвящены быту, религиозным и магическим представлениям, культу предков и сопряженным с ним обрядам, а также мифологии. Заглавия глав раскрывают их содержание: «Брак и дети», «Религия», «Бог — создатель Уиракоча-Пачакамак», «Почитание природы, культ Солнца, жрецы и прорицатели», «Низшие формы культа», «Жертвы», «Очищение и исповедь», «Культ мертвых и предков». Здесь автор неоднократно указывает на многочисленные пережитки древних верований у современных индейцев Перу, Боливии и Эквадора.

Признавая известную прогрессивность и ценность исследования Карстена в целом, в отличие от ряда других западноевропейских работ, не следует все же замалчивать его весьма существенные в некоторых случаях недостатки. Так, особенности развития каждого народа автор считает следствием его «характера» и воздействия окружающей среды. Правление инков он несколько идеализирует, закрывая порой глаза на тяжелую эксплуатацию, которой подвергалась основная масса населения. Также идеализируются им и некоторые нормы обычного права и религиозные представления. Иногда чрезмерно большое значение придается обстоятельствам второстепенным. Например, поразительная невозмутимость Атауальпы, по мнению Карстена, явилась якобы одной из причин победы испанцев. Можно указать и на антиисторические модернизаторские сопоставления — излюбленный прием современной буржуазной историографии (сравнение царства инков с Францией до 1789 г. или их религиозных церемоний с христианскими процессиями средних веков и т. п.). Инкам приписывается порой такая политическая дальновидность, в частности, в вопросах религии, какой в действительности они не обладали и не могли обладать.

В заключающих книгу «Кратких выводах» еще раз отмечается, что уже обитатели Тиуанаку и океанского побережья Перу имели достаточно развитое земледелие: их поля орошались при помощи каналов и располагались на искусственных террасах. Им были знакомы и высокая техника прядения шерсти и искусство керамики. Таким образом, все эти изобретения нельзя поставить в заслугу одним инкам. Инки же, по мнению автора, только разрушили некоторые старые родовые связи и образовали «подлинное государство, которое возбуждает наше удивление и доказывает гениальность создавших его людей» (стр. 250).

Карстен заканчивает свою книгу следующими словами: «Наконец, не только во время испанской колонизации узнали индейцы Перу, что означает социальный и политический гнет. Еще и сегодня наследники культуры древнего царства инков живут в почти невыносимых социальных условиях, которые раньше или позже приведут к кризису» (стр. 252).

Написанная живым и интересным языком на основании большого фактического материала книга Карстена, несмотря на некоторые ее недостатки, вполне заслуживает ознакомления с ней широкого круга советских читателей, в особенности этнографов, историков и археологов.

Р. Кинжалов

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. П. Толстов (Москва). Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»	3
М. Г. Левин (Москва). Развитие советской антропологии в свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»	15
Вопросы общей этнографии и антропологии	
И. И. Потехин (Москва). Некоторые проблемы этнографического изучения народов колониальных стран	26
В. В. Бунак (Ленинград). Начальные этапы развития мышления и речи по данным антропологии	41
Вопросы этногенеза и исторической этнографии	
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах	54
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
В. Ю. Крупянская (Москва). Народное песенное творчество послевоенного периода	64
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
✓ Б. А. Александров (Москва). Тибет и тибетцы	86
А. Д. Новичев (Ленинград). Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции	108
Из истории этнографии и антропологии	
В. Е. Гусев (Челябинск). Герцен и народная поэзия	130
Дискуссии и обсуждения	
В. С. Сорокин (Ленинград). Некоторые вопросы истории первобытного общества	147
Заметки. Сообщения. Рефераты	
Н. Ясько (Ужгород). Социалистический Донбасс * в народном поэтическом творчестве советского Закарпатья	153
И. С. Гурвич (Якутск). Современное творчество якутских костерезов	158
И. М. Бабаханов (Ташкент). К вопросу о происхождении группы евреев-мусульман в Бухаре	162
А. П. Колпаков (Сталинабад). Курдское племя джелалаvand	164
Хроника	
О. Корбе (Москва), Е. Прокофьева (Ленинград). Заседания в Институте этнографии АН СССР, посвященные годовщине выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания	167
Е. А. Мильштейн (Ленинград). Экспозиции Государственного музея этнографии народов СССР	169

Л. Н. Терентьева (Москва). Дружба русского и эстонского народов по данным этнографии и истории (Выставка в Музее народного быта Эстонской ССР)	174
Я. С. Смирнова (Москва). СобираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА Дома народного творчества Абхазской АССР	178
М. К. Гегешидзе (Тбилиси). Защита диссертаций по этнографии в Институте истории им. И. А. Джавахишвили Академии Наук Грузинской ССР	180
И. А. Калоева (Москва). Этнографическая работа в народно-демократической Польше в 1945—1950 годах	185

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

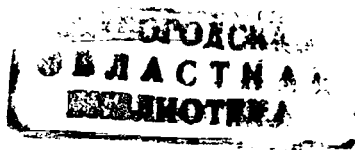
А. Першиц (Бийск). Этнография в I—III томах второго издания Большой советской энциклопедии	192
И. Потехин (Москва). „African Studies“ (Обзор за 1950 год)	194

Народы СССР

М. К. Азадовский (Ленинград). М. Китайник. Библиография уральского фольклора	196
Э. Померанцева (Москва). «Рыбацкие песни и сказы»	199
Г. Маслова и К. Филонов (Москва). Б. Ащепков. Русское народное зодчество в Западной Сибири	201
Л. Землянова (Москва). В. Базанов. Павел Иванович Якушкин	204
Е. Клебанова-Попович (Москва). В. В. Комаров. Художественные промыслы велико-устюгских мастеров	207
Р. Липец (Москва). Казахские и уйгурские сказки	210
А. А. Формозов (Москва). Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане	213

Народы Америки

Н. Шпринцин (Ленинград). Жозуэ де Кастро. География голода	216
Р. Кинжалов (Ленинград). Rafael Karsten. Das Altperuanische Inkareich und seine Kultur	219

О КОНКУРСЕ НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ в 1952 году

Отделение истории и философии Академии Наук СССР сообщает, что в 1952 году состоится присуждение премии Академии Наук СССР имени **Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ** в размере 10.000 рублей за работы в области общей этнографии, этнографии Океании и юго-восточной Азии, этнической антропологии и географии тихоокеанских стран.

Срок представления работ на соискание премии до 17 января 1952 г.

Работы на соискание названной премии направлять в Отделение истории и философии Академии Наук СССР (Москва 19, Волхонка 14, комн. 210).

Премия присуждается Президиумом Академии Наук СССР по конкурсу советским гражданам, их авторским коллективам и советским научным учреждениям.

Работы на соискание премии представляются на русском языке в трех экземплярах, напечатанных на пишущей машинке или типографским способом, с надписью «На соискание премии имени **Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ**».

При работах, представляемых на соискание премии, должны быть приложены авторефераты и краткие биографические данные об авторе с перечнем его основных научных работ и изобретений.

*Отделение истории и философии
Академии Наук СССР*
